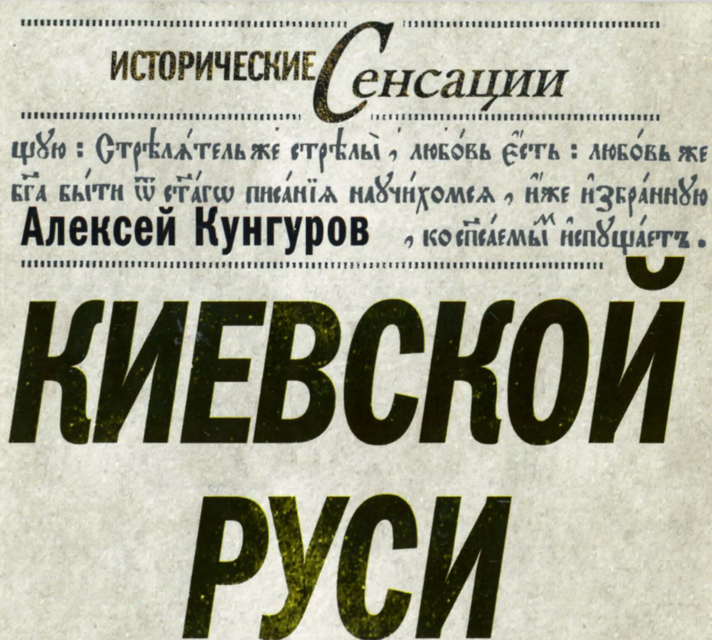

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Алексей Кунгуров

КИЕВСКОЙ РУСИ НЕ БЫЛО

ИЛИ

ЧТО СКРЫВАЮТ ИСТОРИКИ

Алексей Кунгуров

КИЕВСКОЙ РУСИ НЕ БЫЛО

ИЛИ

ЧТО СКРЫВАЮТ ИСТОРИКИ

эксмо
алгоритм
Москва
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3
К 91

Кунгуров А. А.

К 91 Киевской Руси не было, или Что скрывают историки / Алексей Кунгуров. — М. : Эксмо : Алгоритм, 2010. — 416 с. — (Исторические сенсации).

ISBN 978-5-699-41662-2

Насколько то, что вы, уважаемый читатель, учили в школе на уроках истории, соответствует истине? А что, если история переписывалась, и не раз, а при смене царствующих династий и во время революций. Что, если врут летописи и учебники и прошлое было совсем иным? Автор задался этими вопросами. И сделал сногсшибательный вывод: Киевской Руси не было! А что же было вместо нее? Ответ на этот вопрос вы узнаете, прочтя эту книгу.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-699-41662-2

Люди ни во что не верят столь твердо,
как в то, о чем они меньше всего знают.

Мишель Монтень

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ

История — понятие тройственное. Историей мы называем цепь взаимосвязанных событий во времени и пространстве; историей зовется наука, изучающая прошлое человечества; но куда большее значение имеет история как комплекс представлений о прошлом, присутствующий в массовом сознании. В итоге произошедшие в реальности события получают как бы два фантомных отображения — научно-документальное и мифологическое, укорененное в умах людей, причем обе версии зачастую сильно искажают реальность и даже существуют вне связи друг с другом.

Если же речь идет о древней истории, то дело еще более осложняется, поскольку документы (письменные источники) либо не сохранились, либо в них отражены мифологические представления о прошлом, зафиксированные несколькими веками позднее авторами, знавшими о них лишь понаслышке. Достоверны ли события, описываемые в «Повести временных лет» или мы имеем дело с древнерусскими мифами? Мифы Древней Греции всем известны, так почему бы не быть литературным мифам Древней Руси? Разве гомеровская «Одиссея» может служить документальным источником по истории троянской войны (если таковая война вообще была)? Почему же тогда «Слово о полку Игореве» историки считают литературным изложением реальных событий?

Кстати, «Слово о полку Игореве» документ в высшей степени сомнительный. Найден список был в 1795 г. известным собирателем старины графом Мусиным-Пушкиным в ярославском Спасо-Преображенском монастыре. Нам текст известен

в трех списках, весьма отличных друг от друга. Оригинальная находка якобы погибла во время московского пожара 1812 г. Следует особо подчеркнуть, что сохранившиеся варианты текста являются художественными переводами, а не буквальным воспроизведением документа. Некоторые исследователи, опираясь на словесные (!) описания видевших исходный список, склоняются к мысли, что рукопись была сделана в XVI столетии. Об авторе произведения ничего не известно. Какие основания считать это сочинение памятником русской литературы XII века?

Практически сразу после первой публикации «Слова» в 1800 г. пошли разговоры о том, что сочинение является мистификацией XVIII в. Критики приписывали авторство самому первооткрывателю Мусину-Пушкину, архимандриту Иоилю Быковскому, историку Николаю Бантыш-Каменскому и еще ряду персон. Несколько лет назад американский славист Эдвард Кинан выдвинул гипотезу, согласно которой «Слово» сочинено чешским филологом и просветителем Йозефом Добровским.

Главным доказательством подлинности «Слова» стала публикация в 1852 г. литературоведом Вуколом Ундольским «Задонщины» — повествования XV в. о Куликовской битве. «Задонщина» связана со «Словом о полку Игореве» вплоть до заимствования целых пассажей. Отдельные ее выражения, образы, целые фразы повторяли и переделывали соответствующие обороты «Слова», применяя их к рассказу о победе князя Дмитрия на Куликовом поле. По-моему, если этот факт на что-то и указывает, так именно на мистификацию «Слова».

Дело в том, что древние рукописи доходят до нас не в оригинале, а в списках, иногда очень многочисленных и всегда имеющих большие или меньшие отличия от исходного текста. Каждый список начинает жить своей собственной жизнью, являясь как образцом для подражания, так и материалом для компиляций. На сегодняшний день известны шесть списков «Задонщины», датированные XV—XVII вв. Подлог в данном случае маловероятен. А «Слово о полку Игореве» существовало в одном-единственном списке, о котором мы сегодня знаем лишь понаслышке, ибо никому не пришло почему-то в голову снять с него копию. Нигде кроме как в «Задонщине» про-

изведение не цитируется. Ни единого аналога во всей древней литературе мы не находим. По единодушному мнению исследователей «Слово» является уникальным во всех отношениях памятником словесности, не имеющим аналогов.

Странная получается картина, если верить официальной точке зрения. Безвестный и безусловно гениальный автор составил яркое сказание в XII столетии, которое в последующие три столетия не оставило после себя никаких следов. Потом оно попалось на глаза автору «Заднщины» и тот, почитая его за канонический образец, позаимствовал целые куски в своем сочинении «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича». При этом мы наблюдаем довольно удивительную вещь: стиль «Задонщины», несмотря на сложившиеся к тому времени традиции письменной речи, куда более архаический, эклектичный, менее изящный, нежели у сочинения трехвековой давности. После «Слово» опять уходит в небытие, пока счастливо не отыскивается Мусиным-Пушкиным. Тот переложил сказание на понятный современникам язык, после чего единственный (!) памятник светской литературы XII в. утрачивается навсегда при невыясненных обстоятельствах. Никаких списков «Слова» до сих пор не найдено.

Куда вероятнее иная версия. Хороший знаток словесности в конце XVIII столетия находит один или несколько списков «Задонщины» (они весьма отличны друг от друга) и, взяв за образец, создает стилизацию под средневековый поэтический эпос, красочно описав поход князя Игоря на половцев, который был известен сочинителю по «Российской истории» Татищева. XVIII—XIX вв. — это время, когда вследствие широкого распространения грамотности и возросшего интереса к старине возникает целая индустрия создания подделок под древность. В основном подделывали то, что можно было с выгодой продать, прежде всего произведения изобразительного искусства, но, несмотря на сложность фальсификации древних письменных источников, фабриковали и их. Но чаще всего не с целью наживы, а по мотивам политическим или идеологическим.

Предположение о поддельности «Слова» исчерпывающе объясняет и то, что оно не оставило в русской словесности

за 600 лет никаких следов, и то, что оригинал рукописи таинственно исчез, и то, что нам не известен язык оригинала (существуют, напомню, лишь предположения, что найденная Мусиным-Пушкиным рукопись составлена писцом XVI столетия). В таком случае понятно, почему данное сочинение являет собой уникальный письменный памятник, не имеющий аналогов. Противники версии о фальсификации иногда приводят очень смешной аргумент: мол, ни Мусин-Пушкин, ни кто-то иной из его современников просто не мог владеть литературным русским языком XI в. Конечно, не мог. Только поэтому «оригинал» до нас и не дошел, мы знаем «Слово» лишь в переложении на современный язык.

На чем же базируется официальная версия? Исключительно на авторитете «ученых». Поскольку профессора и академики пришли к мнению, что именно «Слово» взято за образец сочинителем «Задонщины», а не наоборот, то все остальные мнения следует считать в корне неверными и антинаучными. Я, конечно, всей душой за то, чтобы верить «ученым»-историкам, но не могу, поскольку знаю, насколько это брехливое и нетерпимое к малейшей критике племя. Что любят «ученые»-историки? Награды, звания, проявления почтения к своей персоне, многие очень любят деньги, некоторые очень тщеславны, иных хлебом не корми — дай только поучить других. Историки очень разные, и меж собой они грызутся порой, словно свора собак (если издать все доносы в органы, что эти деятели настрочили друг на друга в 20—30-е годы, получится том толще Марксова «Капитала»). Но абсолютно точно могу сказать, что не любят все без исключения историки. Больше всего на свете они не любят неудобных вопросов. Не любят и ОЧЕНЬ БОЯТСЯ.

Попробуйте задать доктору исторических наук вопрос о том, почему он считает, будто Куликовская битва имела место быть возле впадения реки Калки в Дон. В лучшем случае он, помявшись, сошлется на сочинение своего предшественника, где написано именно так, а не иначе. Тогда задайте ему совершенно убийственный вопрос: какие существуют доказательства истинности этой версии? В ответ вы услышите множество слов, в которых не будет никакого смысла, но удовлетворить свое любопытство не сможете. Зато вы поймете, что означает

образное выражение «вертеться ужом». Но как виртуозно ни изворачиваются историки, уходя от неудобных вопросов, убедительности их концепциям это не добавляет.

Уже не одно десятилетие археологи перекапывают Куликово поле. Но ни малейших следов большого сражения так и не нашли. Им бы признать свою ошибку, да поискать следы побоища в другом месте. Но нет, НИКОГДА историки не признают ошибочность даже самых бредовых своих доктрин. Когда же эта ошибочность станет совершенно очевидна, они просто перестанут упоминать то, о чем с таким апломбом вещали ранее. Беда в том, что желающих уличить историков в профанации науки немного. А если таковые и находятся, то их долго и безжалостно клюет, топчет и оплевывает все «научное сообщество». История — это не наука, история — это религия, а историки — жрецы культа. Всякое сомнение в истинности их догмата есть опаснейшая ересь, каковую надо искоренять со всей решительностью. И искореняют, причем иногда не саму ересь, а еретика. В «просвещенной» Европе сегодня на кострах никого не сжигают, но угодить в тюрьму можно всего лишь усомнившись вслух о том, что в Освенциме злобные нацисты уничтожили миллион добрых евреев.

Обсуждать вопрос о том, сколько в лагерях перемерло с голоду пленных красноармейцев, можно, а касаться еврейской темы не моги! «Ученые» уже точно подсчитали, что Гитлер извел почем зря в газовых камерах шесть миллионов еврейских душ, тела сжег в печах, пепел развеял по ветру, кости перемолол в муку и использовал в качестве удобрения на полях рейха, из еврейской кожи понаделал дамских ридикюлей, а из вытопленного (в печах?) еврейского жира сварил мыло. За каждого невинно убиенного представителя богоизбранной нации Германия поныне платит Израилю ежегодную дань. И будет платить до тех пор, пока оболваненный немецкий обыватель верит в миф о Холокосте.

Миф этот весьма полезен израильтянам не только финансово, но политически. Стоит только их упрекнуть в том, что они угнетают в Палестине арабских аборигенов, так тут же поднимется вой о том, что иудеи есть самый угнетаемый народ на планете Земля в течение столетий, и что за право обладания

маленьким клочком земли на Ближнем Востоке они заплатили шесть миллионов жизней. Все культурные люди должны это понимать и испытывать комплекс неизбывной вины перед сынами Авраамовыми, а ежели дикие арабы этого не понимают и швыряют камни в полицейских, то надо их проучить по всей строгости с помощью ракет класса «воздух — земля». Короче, за все свои грехи евреи уже заплатили великим жертвоприношением в мифических газовых камерах Освенцима, и теперь могут творить у себя дома и у соседей любой беспредел. Вот такая история с географией.

Что касается Куликовской битвы, то сомневаться в официальной ее версии вроде бы можно без боязни оказаться на тюремной шконке, но всякое сомнение нежелательно и даже вредно. А скоро оно будет восприниматься как антигосударственные происки. Потому что великий и мудрый президент всея Руси подписал указ о том, чтобы праздновать день 8 сентября и преисполняться имперской гордостью. Под это дело выделен кое-какой бюджетец. Ну, там, снять очередной тупой ура-патриотический фильм, поставить помпезный монумент на том самом Куликовом поле, издать десяток апологетических книжонок или устроить какое-нибудь массовое гулянье с салютом и выпивкой в честь 630-летнего юбилея битвы, который уже на носу. «Ученые»-историки в нетерпении потирают потные ручонки, предвкушая денежки на археологические экспедиции и написание книжек, они жаждут получить премии, гонорары и научные звания. Как они отнесутся к поганым ревизионистам, которые попытаются обломать им кайф своими неудобными вопросами? Догадаться несложно.

Итак, даже самый беглый взгляд на «общеизвестные» исторические факты заставляет усомниться в том, что мы имеем дело именно с фактами, а не мифами. И если доказательств подлинности того же «Слова о полку Игореве» не существует, то мы должны рассматривать две основные вероятности — то что перед нами гениальное сочинение древнего летописца в переводе Мусина-Пушкина, и то, что это ловкая стилизация под старину, выполненная в XVIII столетии. Вторая вероятность более правдоподобна, нежели первая. По поводу локализации Куликовской битвы существует как минимум две версии — официальная, основанная на вере в исторический

догмат, и альтернативная, изложенная группой академика Фоменко в рамках его концепции Новой хронологии. Причем фоменковская гипотеза о том, что битва состоялась на Кучиковом поле на территории нынешней Москвы имеет десятки подтверждений следующего характера:

— текстологических (согласуется с содержанием «Задонщины»);

— топографических (местность удобна для сражения в отличие от курского Куликова поля, на котором большое войско просто не поместится);

— топонимических (названия улиц, монастырей, сел, холмов и т.д. несут в себе отражение минувшей баталии);

— археологических (обнаружены массовые воинские захоронения).

Выходит, что древняя история является ВАРИАТИВНОЙ. Да, да, какой бы чудовищной крамолой сия мысль не выглядела с точки зрения академической науки, утверждающей, будто единственно верная концепция прошлого человечества уже выстроена и уточнению подлежат лишь мелкие детали. Например, историки спорят о том, когда было написано «Слово о полку Игореве» — через два года после похода на половцев или через десять лет.

Но официальная историческая наука не является наукой. Наука — это, прежде всего, метод. Если метод заменяется шулерскими приемчиками, то историческая наука превращается в словоблудие, манипуляцию, орудие оболванивания масс. Что лежит в основе любого научного метода? Логика! Любую историческую гипотезу следует проверять с помощью логики. В реальной жизни любой человек старается действовать рационально. В исторической же реальности мы находим образцы чудовищной иррациональности. Вот элементарный пример.

Мамай идет на Москву. Зачем Дмитрию Донскому идти навстречу супостату аж на Дон? Любой переход изматывает войско, коней, истощает запас провианта, фуража, происходят неизбежные потери (болезни, дезертирство). Дальний поход требует собирать обоз, потеря которого чревата полным поражением даже без сражения. Любой грамотный полководец, если цель противника ему известна, должен был выслать вперед разведчиков и летучие диверсионные отряды, которые

станут отравлять колодцы перед войском неприятеля и сжигать посевы. Сам же князь Дмитрий, по идее, должен сделать Москву своей главной базой и стягивать туда резервы, заниматься формированием и обучением войск, рекогносцировкой местности. Следовало выбрать место для битвы и ждать на нем врага, который подойдет к месту сечи измотанный и морально подавленный, вынужденный действовать в отрыве от своих баз на незнакомой территории, без возможности пополнения припасов, не имея резерва.

Совершенно безумный с точки зрения азов стратегии поход князя Дмитрия за Дон историки объясняют тем, что он, таким образом, срывал объединение Мамая с его союзником литовским великим князем Ягайло. Но чем тогда можно объяснить то, что, согласно общепринятой версии, Мамай три недели стоял лагерем в верховьях Дона, не пытаясь идти навстречу Ягайло, хотя за это время он мог дойти до самой Литвы? Неужели Мамай был еще более безумен, чем князь Дмитрий, который, идя навстречу одному врагу, поворачивался спиной к другому и оставлял беззащитной свою столицу? И почему ничего не известно о каких-либо действиях литовцев? На каком вообще основании Ягайло объявлен врагом Дмитрия, если известно, что два его родных брата пришли со своими полками биться с Мамаем под началом московского князя?

С точки зрения официальной исторической доктрины иррационализм поступков Мамая и Дмитрия не может быть объяснен, следовательно, версия о битве на Куликовом поле в Курской области не только не имеет никаких вещественных доказательств, но и совершенно абсурдна сама по себе. Если же проанализировать версию Фоменко, то отказать ей в рациональности мы не сможем. Князь Дмитрий не идет к черту на кулички для схватки, а поджидает супостата у себя дома, где, как известно, и стены помогают. Непосредственно перед битвой русское войско переходит реку и выстраивается на Куликовом поле (исторический район Москвы — Кулички). Откуда пошло само название «Задонщина»? Согласно гипотезе академика Фоменко, оно буквально означает «поход за реку», поскольку «доном» по старорусски именовали вообще всякую реку. После битвы на месте победители хоронят в братских могилах павших. По традиции, в память о битве возле воин-

ских могил основываются монастыри и церкви, многие из которых сохранились до наших дней и в самих своих названиях донесли отзвуки той громкой победы.

В рамках концепции вариативной истории мы не будем начисто отметать общепринятую концепцию Куликовской битвы и не станем абсолютизировать гипотезу сторонников Новой хронологии, объявлять ее единственно верной и непогрешимой. Но беспристрастно оценив обе версии, вынуждены будем признать, что одна из них выглядит совершенно надуманной, нелогичной, иррациональной и маловероятной, в то время как другая правдоподобна и очень вероятна. ВЕРОЯТНОСТЬ — вот главный критерий вариативной истории. Установленные факты, письменные источники, археологические находки (равно как и их отсутствие) в данном случае будут не доказательствами истинности той или иной концепции, а аргументами в пользу вероятности или невероятности рассматриваемого события. Вариантов (гипотез) может быть много, но наиболее вероятной следует считать ту реконструкцию событий, которая обладает наибольшей логичностью, непротиворечивостью, рациональностью.

Можно ли путем перебора вариантов исторической реальности, отбрасывая варианты невероятные и маловероятные, установить истину? Теоретически да. Наиболее непротиворечивая версия, с которой наиболее полно будут согласовываться все известные факты, является наиболее близкой к истине. Если же все факты идеально укладываются в логическую цепочку и в процессе их анализа не возникает никаких противоречий, то это указывает на то, что нам удалось попасть в точку. Но когда дело касается древней истории, то это, повторюсь, возможно лишь теоретически, ибо по причине слишком слабой фактологической базы нам так или иначе придется домысливать события, что неизбежно привносит в рассуждения определенную погрешность.

ПОБЕДИТЬ РУССКИХ НЕЛЬЗЯ. ПОЭТОМУ НАДО УНИЧТОЖИТЬ

Есть ли какой-то практический смысл в умении умозрительно реконструировать события прошлого? Есть, и переоценить его значение очень сложно. История — это не только научная дисциплина, но и оружие.

Воевать тяжело. Солдату на поле боя нужен очень мощный стимул, чтобы подвергать свою жизнь опасности. Способность выдерживать потери, готовность переносить напряжение боя, сохраняя волю к борьбе в самой неблагоприятной обстановке, называют моральной упругостью войск. Можно вооружить армию самым современным и дорогостоящим оружием, снабдить всеми необходимыми припасами, платить солдатам большое жалованье, а офицеров осыпать наградами. Но это воинство потерпит поражение от босоногих партизан, вооруженных дедовскими винтовками и крестьянскими вилами, если в сознании солдат не будет уверенности в необходимости сражаться, если они не понимают целей войны, в которой участвуют. Нежелание воевать приводит к тому, что солдат в любой ситуации старается уклониться от боя, ведет себя пассивно. И наоборот, их противник, вооруженный мощной идеей, мобилизующий все его сознание на борьбу, активно ищет возможности сразиться, компенсируя слабость своего оружия продуманной тактикой, смелостью или даже фанатичностью.

Практика войн показывает, что одним из мощнейших мобилизующих факторов является массовое историческое сознание. Например, у поляков ни в 1830 г., ни в 1863 г. не было никаких видимых причин для восстания против России, ибо они не только не подвергались какой-либо дискриминации,

но даже имели большие преимущества перед прочими жителями Российской империи. Разгадку этого феномена следует искать в специфике польского самосознания, одной из особенностей которого было сознание мессианской исторической роли польского народа, носителя истинных ценностей западной цивилизации. Поляки воспринимали себя как рыцарей Запада, противостоящих вечной варварской угрозе с Востока. Конечно, участники шляхетских восстаний не были поголовно глупыми идеалистами, их в первую очередь интересовали земли и рабы, но ни одно восстание не возможно без мощной идеологической базы. Польская историография, польская система образования, сохранившаяся и даже развившаяся в эпоху российского владычества, сформировала эту самую идеологическую базу. Благодаря ей же в XX в. Польша смогла возродиться, собрав вокруг своего ядра — губерний Царства Польского в составе России — сильно онемеченные земли Малопольши, Силезии и Померании, а также Галицию, Волынь, Подолию, Полесье.

Не зная истории государства, против которого воюешь, невозможно выработать эффективную стратегию. Хорошо помню, какие пессимистические прогнозы давали наши военные «эксперты» относительно американской интервенции в Ирак в 2003 г. Общий тон их заявлений сводился к тому, что янки вляпаются во второй Вьетнам — затяжную, кровавую и непопулярную в обществе кампанию. Я же был уверен, что мы станем свидетелями блицкрига, а потери у американцев будут чисто символическими. Дело в том, что военные «эксперты» оценивали военный потенциал Ирака, пересчитывая количество пушек и боевых самолетов по обе стороны фронта. Если иракская армия гипотетически способна нанести интервентам чувствительные потери в живой силе, то это, по их мнению, сделало бы для США, чья армия традиционно очень чувствительна к потерям, невозможным быстро завершить разгром Саддама. Затягивание кампании привело бы к еще большему падению боевого духа войск, к еще большим потерям, к массовым антивоенным демонстрациям в Америке, росту исламской солидарности с арабами и т.д.

Все это усугубится ростом мировых цен на нефть — подпевали военным «экспертам» «эксперты» экономические — и потому война для США потеряет всякий рациональный смысл. Волна антиамериканизма прокатится по всему миру, Вашингтон потерпит политическое фиаско — голосили «эксперты»-политологи. Все эти глашатаи конфузливо замолчали через считанные дни после начала операции «Иракская свобода». Америка одержала одну из своих самых эффектных побед. Что удивительно, даже нефтяные цены во время горячей фазы операции не подскочили.

Почему я не верил многочисленным «экспертам»? Потому что видел, насколько хорошо американцы подготовились к этой войне. Не только технически, но морально и идеологически. К войне была подготовлена не только армия, но и весь народ Америки. 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке было совершено самое зрелищное массовое убийство за всю историю человечества. Если вы думаете, что башни ВТЦ обрушили террористы-смертники, угнавшие два пассажирских самолета, то советую обратиться к учебнику физики за 6—7-й класс средней школы и постараться ответить хотя бы на эти два вопроса:

— могло ли горящее авиационное топливо расплавить стальные ванты, скрепляющие конструкцию башен, если сталь плавится при 1500°С, а температура горения керосина около 800°С?

— могли ли гигантские башни-близнецы разрушиться под собственным весом за 10—15 секунд, то есть со скоростью свободного падения?

Подобных вопросов существуют десятки, и в совокупности они не оставляют камня на камне от официальной версии американского правительства о злодейском теракте, совершенном анонимными арабскими камикадзе без всякой цели и мотива. На деле мы имеем дело с операцией спецслужб, совершенной по схеме, давно уже ставшей классической. Американцы вообще почти все свои войны начинали с нападения на самих себя. Зачем же они убили 11 сентября три тысячи добропорядочных американцев? Как ни парадоксальным это покажется, из соображений гуманности. Американская элита пришла к твердому убеждению, что в интересах США (или в

ее собственных интересах, что в данном случае одно и то же) начать серию локальных войн в Третьем мире. Если же воевать, то всерьез. Плохо подготовленная война действительно обернется вторым Вьетнамом. Нужно сделать так, чтобы общество поддержало войну за океаном, с энтузиазмом посылало на нее солдат, а те, в свою очередь, должны быть свято убеждены, что в иракских пустынях или афганских горах они охраняют мирный сон своих сограждан.

Исключительно ради этого и был организован небольшой кровавый спектакль на Манхэттене. Чтоб, как говорится, «ярость благородная вскипала, как волна...» и чтоб «строчил пулеметчик за синий платочек...». А гуманность здесь вот в чем. Начни Америка по воле своего правительства войну 10 сентября 2001 г., общественной поддержки ее добиться было бы очень сложно. Желающих воевать нашлось бы мало, в армию молодежь пришлось бы на аркане затаскивать. Солдаты, конечно, отправились бы воевать по приказу, но без всякого энтузиазма. В итоге, действительно, получился бы еще один Вьетнам — 57 тысяч трупов, десятки тысяч калек, сотни тысяч психически травмированных ветеранов, так и не понявших, ради чего они выжигали напалмом вьетнамские деревни. А так убийство трех тысяч человек позволило спасти жизни десятков тысяч. Правда, высокий моральный дух американских вояк обернулся тем, что они без всяких сомнений своими высокоточными бомбами разорвали в клочья примерно миллион мирных иракцев. Но это уже оборотная сторона гуманности американского правительства по отношению к собственным гражданам. Американцы научились воевать практически без потерь со своей стороны, а потери противника их совершенно не беспокоят.

То, что последовало за 11 сентября 2001 г., было массированной обработкой сознания американского обывателя. Радио, телевидение, газеты, Интернет, кино, комиксы — все средства воздействия на разум были использованы для того, чтобы внушить жителям самой «свободной» страны в мире, что отныне всем и каждому угрожает страшнейший враг за всю историю США — международный терроризм. Во имя победы над ним никакие жертвы не будут большими. Через пол-

тора года тотальной промывки мозгов всякий американский морпех был свято убежден, что, убивая афганских и иракских детишек, он делает благое дело, спасая своих собственных детей. Ведь это не просто афганские дети, а будущие террористы, которые рождаются и живут с одной лишь целью — убить как можно больше свободолюбивых американцев.

Великая мистификация 11 сентября 2001 г. стала в каком-то роде новым словом в проведении военно-пропагандистских операций. Впервые пропаганда строилась не на тенденциозной трактовке реального исторического события, а на фабрикации самого исторического события. Зыбкость прошлого перешла в новое качество, зыбким сделалось настоящее. Это стало возможным потому, что среднестатистический американец вообще не имеет исторического сознания, оно в значительной степени стерилизовано за последние десятилетия. Это делает психику человека незащищенной перед манипулятивным воздействием. Американского обывателя с помощью медиа можно убедить в чем угодно, внушить что угодно.

Но идейно и психологически подготовить к войне собственных солдат и обеспечить благожелательное отношение к войне мирового общественного мнения — это лишь полдела. Надо еще деморализовать солдат противника. Янки в Ираке справились и с этой задачей. Правда, американцы не имели возможности воздействовать на всю иракскую армию, а ограничились тем, что склонили к предательству верхушку саддамовской армии. После того, как иракцы успешно отбили первую атаку интервентов на Багдад, их армия просто исчезла, буквально растворилась — поэтому не было официальной капитуляции, лагерей военнопленных и т.д. Американцы без всякого сопротивления заняли Багдад и поставили у власти марионеточный режим. А их предыдущая неудача видимо объяснялась тем, что не все иракские части получили приказ о прекращении сопротивления, либо отдельные командиры отказались выполнять его. Как именно удалось американцам склонить к предательству иракский генералитет, неизвестно, но факт предательства налицо.

Армия Ирака перестала существовать, но остался иракский народ. Почему же он не поднялся на борьбу с оккупан-

тами? Так в том-то и дело, что никакого иракского народа в природе никогда не существовало! Это ясно всякому, кто знаком с историей Ирака. Во Вьетнаме американцы сломали зубы потому, что им пришлось иметь дело с вьетнамским народом, сообществом, сплоченным культурно и политически. А в Ираке единой этнической, культурной, религиозной и политической общности никогда не было. Ирак с самого начала являлся искусственным государственным образованием. При разделе Османской империи, прекратившей свое существование в результате Первой мировой войны, англичане провели границы по своему усмотрению, создав никогда ранее не существовавшее государственное образование, в которое были включены племена арабов-шиитов, арабов-суннитов и курдов.

Курдам вообще не повезло — они оказались разделенными сразу несколькими государственными границами, проживая в Турции, Ираке и Иране. Почему же Лондон, проповедовавший на словах принцип самоопределения народов, не создал отдельное курдское государство? Стоит вспомнить известный принцип — divide et impera — разделяй и властвуй. Чем более нежизнеспособными будут новые ближневосточные государства, тем более эффективно их можно грабить. Ирак из османской провинции превратился в английскую колонию, а после формального обретения независимости в 1932 г. оставался... все той же колонией. Иногда народ создает государство, а иногда государство рождает народ. В ССР, например, за несколько десятилетий сложилась уникальная культурно-политическая общность — советский народ. Политический проект Саддама Хусейна был направлен на то, чтобы создать из разномастных арабских и тюркских племен иракский народ, политически сплоченную нацию. Но для этого не хватило ни времени, ни умения.

Так или иначе, но американские военные отлично понимали, что нейтрализовав иракскую армию, они уничтожат государство, а без государственного каркаса 26-миллионный народ Ирака рассыплется на враждующие друг с другом племена. Поэтому второй Вьетнам им не грозит. Так и случилось. Сегодня Ирак фактически развалился на три части — суннитскую и шиитскую области и Курдистан. Курдистан же распался

на два автономных региона — Демократическая партия Курдистана контролирует большую часть провинций Эрбиль и Дахук; Патриотический союз Курдистана держит под своей властью Сулейманию.

Кто-то может возразить, что, мол, до сих пор с оккупантами борются смелые иракские повстанцы. Меньше телевизор смотреть надо! Эти повстанцы действуют в интересах США. Им необходим повод для своего военного присутствия в регионе, и он есть. Повод универсальный — он называется «нестабильность». Кто объяснит, почему эти патриоты-федаины вместо того, чтобы нападать на американские патрули, взрывают рынки и мечети? Сначала взорвали шиитскую мечеть — виновными объявили суннитов. Потом, разумеется, бомба рванула в суннитском молельном доме. И вот уже представители двух религиозных общин с увлечением мстят друг другу, а государственные мужи в Вашингтоне озабоченно морщат лбы и говорят, что стабильность в регионе под угрозой.

Для того, чтобы Европа осознала, что не стоит возражать дядюшке Сэму, происходит пара терактов на нефтепромыслах, в результате чего цены на нефть подскакивают. Иногда натовские «миротворцы» сами вынуждены делать за террористов грязную работу. Недавно мировые СМИ сдавленно поведали о скандале, имевшим место в Ираке. Местные полицейские схватили двух террористов, которые разъезжали по улице на автомобиле и стреляли в прохожих. На поверку эти муджахеддины оказались переодетыми британскими спецназовцами. Скандал замяли, террористов-спецназовцев из тюрьмы выпустили, СМИ мгновенно заткнулись и принялись с привычным пафосом обличать коварный мировой терроризм, который угрожает всему свободному миру и демократии. В общем, все идет по отработанной схеме — военные, политики и масс-медиа делают общее дело. И поэтому мир на Ближнем Востоке не наступит никогда. По крайней мере, пока там не кончится нефть.

Готовится ли Запад к войне с Россией? Странный вопрос. Он ее ведет. Только это не та война, какую мы иногда видим в телерепортажах из Палестины или Афганистана. Война ведется не на физическое, а на духовное и интеллектуальное унич-

тожение русских. Западу не нужен русский народ как носитель политической воли или того хуже — цивилизационной идеи. На месте Российской империи — Советского Союза — РФ должны появиться враждующие друг с другом племена дикарей — как в Ираке или Афганистане. Русской армии быть не должно. Русская культура должна стать музейным достоянием. Пока у наших противников все идет успешно. Советский Союз раздроблен на 15 враждующих бантустанов. В самой РФ у власти поставлен лояльный Западу режим, полностью зависящий от мировых цен на нефть и металлы.

Еще лет двадцать — и армия в стране перестанет существовать. Ее даже не надо будет громить, как это делал Гитлер в 41-м. Просто к тому времени советское оружие полностью устареет. Создать образцы вооружения нового поколения военно-промышленный комплекс РФ уже не в состоянии (телепропаганду воспринимать всерьез не стоит). Более того, даже выпускать серийно разработанные советскими конструкторами боевые комплексы он не может — производственные мощности и квалифицированные кадры утрачены.

20 лет — это секунда по историческим меркам. России осталось жить одну секунду. Что же случится через пару десятилетий? Интервенция НАТО? Слишком много чести! Никто не придет завоевывать нас. Деградировавшие русские будут сами уничтожать друг друга. Нас ждет такой же конец, что и Югославию, мучительно издыхающую в бесконечной череде этнических конфликтов и политических кризисов. Советский народ перестал существовать. Осталось раздавить оставшийся кусок — аморфное образование под названием «россияне» — и дело сделано. Но на всякий случай нынешние хозяева мира готовят и силовой вариант для «окончательного решения русского вопроса».

Кто думает, что мы отвлеклись от темы? Ведь речь-то шла об истории. Да о ней мы и говорим. История — это оружие. Русское государство может гипотетически возродиться даже в самых неблагоприятных условиях, если сохранится народ — носитель национальной идеи и политической воли. Но национальная идеология и политическая воля базируются на историческом сознании. Народ — это общность прежде всего ис-

торическая, и лишь во вторую очередь языковая, культурная, социальная и т.д. Поэтому сейчас идет война на уничтожение русского народа, как единой ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ. «Переформатирование» исторической памяти народа приводит к его деградации. Кто же ведет боевые действия против России? Давайте разберемся.

Фальсификация истории происходит только по политическому заказу и может быть осуществлена только стороной, обладающей большими ресурсами. В подавляющем большинстве случаев лишь государство имело и ресурсы и политическую необходимость в переписывании прошлого. Представьте себе, что в королевстве идет гражданская война за престол между двумя кланами. И вот правящая династия свергнута, королю сделали секир-башка, а на трон воссел его более удачливый соперник. Может ли он и его потомки чувствовать себя на нем уверенно? Нет, добиться власти можно с помощью меча, но удержать ее одною лишь силой невозможно. Политических противников можно перебить или запугать. Сторонникам раздать землю вырезанных врагов и тем самым заручиться их лояльностью. Но...

Власть государя освящена церковью. Церковь в древности играла ту же роль, что сегодня система образования, СМИ, литература и кино вместе взятые. И если церкви (точнее, церковной верхушке) новый король по какой-то причине не понравится, проживет он недолго. Церковь может обратить гнев подданных против монарха и свергнуть короля, а вот король церковь упразднить не в состоянии. Только церковь делает власть короля легитимной, и если монарх делится с церковью властью и богатством, то может рассчитывать на ее поддержку. Церковь в Средние века обладала, если так можно выразиться, монополией на историю. Уничтожить сотню летописей, заменить их новоделами — и через несколько десятков лет о свергнутой династии не останется никакой памяти, она превратится в миф, предмет устного народного творчества о пришлых варварах, которые захватили власть в стране, пока храбрый король (родоначальник правящей династии) не изгнал их и не спас народ от разорения и погибели. Изгладить всякую память о побежденных, оклеветать их, дискредитиро-

вать, дабы исключить всякую опасность с их стороны — это совершенно очевидное стремление всякого узурпатора.

Одно дело, когда за власть дерутся два сына почившего короля. Народу, по большому счету никакой разницы, будет собирать налоги Генрих или Фридрих, главное, чтоб барщина и подати не выросли. Но если твою землю завоевывает чужой народ и начинает насаждать свои обычаи, законы, религию — это уже совсем иное. Завоевателю следует готовиться к длительной, зачастую многовековой кровавой борьбе. Для всякого завоевателя первейшей задачей было установить свою церковную гегемонию над побежденными, а уж потом можно постараться вытравить всякую память о том, что завоеванный народ когда-то имел собственную государственность, своих королей и славных воинов. Завоевание следует представить не как акт порабощения, а как принесение цивилизации и истинной веры в край рабов, дикарей и безбожников. Уничтожение у завоеванного народа исторической памяти было залогом его смиренности. Иногда эти манипуляции удавались, иногда нет.

Откуда взялись на Балканах хорваты? Окатоличили немцы часть завоеванных сербов и сделали их своими слугами. Турки обратили часть сербов в ислам и тоже получили покорных холопов. Отбери у народа память о прошлом, и он потеряет волю к сопротивлению тирану или завоевателю. Но поскольку не все сербы подчинились духовному диктату завоевателей, сохранили память о своем прошлом и исконную религию, то даже через столетия сербское государство смогло возродиться. А сколько государств и народов кануло в Лету? Когда испанцы прибыли в Южную Америку, они обнаружили там хоть и примитивные с их точки зрения, но все же государства. И тут же принялись фанатично уничтожать местную культуру, архитектуру, ремесла, науку, письменность и религию — все то, что служило источником знаний людей об их прошлом. Только после этого им удалось превратить выживших аборигенов в рабов.

Сейчас принципы воздействия историков на сознание людей принципиально не изменились. Иными стали лишь технологии. Дело в том, что полностью стереть из памяти людей события прошлого сегодня не удастся, потому что невозможно уничтожить все книги, фильмы, газеты, музеи, памятники ар-

хитектуры, произведения искусства и заблокировать все неугодные страницы в Интернете. Поэтому применяется три основных приема манипуляции:

— стерилизация исторической памяти;

— спекулятивная трактовка фактов, искажающая суть явления;

— сочинение виртуальных событий, вписанных в контекст реальных фактов.

Стерилизация памяти — процесс длительный, но в стратегическом смысле очень эффективный. Заключается он в выведении такой породы людей, которым история вообще не нужна. Западное потребительское общество — это стадо медленно, но неуклонно тупеющих приматов. Наиболее ярко деградация рассудка проявляется в США. Средний американский обыватель вряд ли сможет сказать вам, сколько континентов на земном шаре, и книжку он видит только, если ее показывают по телевизору. Собственно, и читать многие американцы не умеют. Буквы знают, в слова их сложить могут (в школе же учились все-таки), но навыка чтения не имеют вообще или он атрофируется за ненадобностью. Это явление называется вторичной или функциональной неграмотностью.

Но то, что американцы перестают читать и потому их умственные способности деградируют — это лишь полбеды. Для неразвитого интеллекта совершенно губительно пристрастие к телевизору. Процесс мышления — это генерация разумом образов и понятий. При чтении человек рисует в своем воображении картину того, о чем повествует текст и воспринимает не буквенный код, а именно образ. Телевизор загружает в сознание человека уже готовые аудиовизуальные образы, и потому мозг телезависимого человека необратимо разрушается, причем уже органически. Следом за функциональной неграмотностью наступает функциональное расстройство речи — утрата навыка вербального общения. Особенно ярко функциональное расстройство речи проявляется у детей, и зачастую приводит к психическим расстройствам.

Процесс умственной деградации совершенно естественный — у неподвижно лежащего человека атрофируется опорно-двигательная система, у попавшего в кромешную темноту

утрачивается зрение, а у тех, кто не использует мозг, деградирует центральная нервная система. Зато такой примат становится сверхвнушаемым. Любое, самое чудовищное заблуждение можно внушить ему через телевизор, и восприниматься это будет некритически, как абсолютно непогрешимая истина, не как навязанное, а собственное мнение.

Такое человекообразное животное обладает совершенно иным, нежели у нормального человека восприятием времени. Для него время циклично — работа, ланч, работа, развлечение, сон. И так изо дня в день до момента прекращения физического существования организма. У нечитающего телезависимого обывателя нет исторического сознания как такового, то есть восприятия прошлого и будущего, как реальности. Он не воспринимает себя как часть народа, который когда-то появился и который будет, развиваясь, существовать после его смерти. Будущее, как и прошлое — для него полнейшая абстракция, не имеющая ни малейшего значения для его текущего существования, которое он одно воспринимает как реальность. Разве способно такое существо проявить то, что называется исторической или политической волей? Нет, его биологическое существование подчинено самым элементарным инстинктам, из которых преобладающим является инстинкт потребления. Духовная же составляющая бытия ему не принадлежит, потому что является продуктом, загружаемым по необходимости в его сознание извне помимо его воли.

Конечно, получить общество, состоящее из касты посвященных шаманов-манипуляторов, и массы зомби с абсолютно стерильным сознанием пока еще не удалось, для этого, вероятно, потребуется несколько десятилетий или даже веков господства телевизионной культуры. Даже в Америке доля функционально неграмотных граждан пока составляет, по разным оценкам, от 15 до 30% населения. Но зато динамика впечатляет. Советский Союз по праву считался самой читающей страной в мире. Сегодня же «Новые известия» констатируют: *«Согласно результатам свежего социологического исследования, проведенного Центром Юрия Левады, в России совсем не читают книг 47% взрослого населения (всего три года назад этот показатель был на 10 процентов ниже)... По оценкам ученых и*

библиотекарей, к хронически нечитающим сегодня можно смело отнести до 90 процентов взрослых россиян»[1].

Поскольку хоть и кастрированное, но представление об истории присутствует у большей части членов потребительского общества, историкам порой бывает необходимо быстро их изменить в нужном направлении, для чего часто применяется второй из нашего списка манипулятивный прием — спекулятивная трактовка известных фактов. Вот яркий тому пример. Недавно министр обороны Японии Фумио Кюма заявил, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки помешала ССР захватить остров Хоккайдо. Особую пикантность ситуации придает то, что сам Кюма является уроженцем Нагасаки. Тем не менее, министр утверждает, что атомная бомбардировка была «неизбежным окончанием Второй мировой войны», а потому он не держит зла на американцев.

Заставить японцев забыть об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки невозможно. Но их при некотором старании можно убедить, что это массовое убийство мирных жителей было осуществлено для их же блага. Вот военный министр Кюма и выдал перл о том, что если бы американцы не убили несколько сот тысяч японцев, то русские бы оккупировали Хоккайдо. Уж ясное дело, эти кровожадные варвары вырезали бы все население острова подчистую.

Можно конечно, считать, что Кюма брякнул это, не подумав. Возможно. Но за него подумали другие, а он лишь исполнил чью-то волю. Чью, догадаться несложно. Остров Хоккайдо, как и прочие японские острова, оккупировали не русские, а американцы. До сих пор в Японии находятся гарнизоны оккупационных сил США. И армия Японии — это не национальные вооруженные силы, а что-то вроде легионов ваффен-СС, формируемых Германией во время Второй мировой войны из представителей завоеванных народов. Форму они носили национальную, говорили на родном языке, попы, пасторы и муллы у них были доморощенные, но присягу украинские, эстонские, фламандские и прочие эсэсовцы приносили лично фюреру германского народа Адольфу Гитлеру и воевали они не

[1] http://www.newizv.ru/news/2009-03-12/106510

за Украину, Эстонию и Фландрию, а за великую Германию там, куда фюрер их пошлет.

Зачем нацистам понадобились эстонские и украинские эсэсовцы, известно — чтобы те помогли им одолеть русских. Зачем в таком случае американцы создают аналог ваффен-СС из японцев? Да с той же самой целью! Может быть, Вашингтон готовит японцев в качестве пушечного мяса для войны, например, с Китаем, который последнее время фантастически усилился? Нет, японцев готовят к войне именно с русскими. Ведь немцы воевали с англичанами, американцами, французами и даже под конец войны немного с итальянцами. Но эсэсовцев-добровольцев из числа неграждан Германии использовали исключительно на Восточном фронте. Идеологическая обработка проводилась в соответствующем духе. Мол, просвещенная Европа должна встать под знамена великой Германии и положить конец вечной угрозе со стороны Востока, которая ранее исходила от монгольских орд, а в настоящий момент от орд еврейско-большевистских. И вставали сотни тысяч европейцев под знамена. И шли в крестовый поход. И кресты достались каждому, кому — железный от фюрера, кому, уж простите, — деревянный от русского солдата.

Поскольку Япония — страна оккупированная, то и японские историки работают в интересах оккупантов, готовя нацию к войне именно с русскими. С самого раннего возраста японским малышам вдалбливают, что проклятые русские оккупировали «северные территории» — четыре острова Курильской гряды. И без этих маленьких островов японская нация прожить просто не сможет. Возвращение «северных территорий» — это не просто популистский политический лозунг, это японская национальная идея, причем их ЕДИНСТВЕННАЯ национальная идея. Жители Страны восходящего солнца не очень-то религиозны, да и исповедуют различные культы. Поэтому религия не может служить фактором, объединяющим нацию, как например, это имеет место в разноплеменном и разноязыком Пакистане. Политической тоталитарной идеи, способной сплотить весь народ, тоже нет и не предвидится. Формально Япония остается монархией, но император давно уже превратился в декоративный аксессуар и не может стать

общенациональным лидером. Социально японское общество остается традиционно разнородным, хотя открытого социального антагонизма мы в нем не наблюдаем.

И лишь когда дело касается северных территорий, японцы всех полов, возрастов, вероисповеданий, политических взглядов от бомжа до самого богатого магната проявляют единодушие — вернуть! В Японии есть компартия — одна из крупнейших (410 тысяч членов) и богатейших компартий в мире. Но даже в период холодной войны японские коммунисты не дружили с проклятыми русскими оккупантами, которые отняли у Японии самое дорогое — четыре каменистых северных острова. Формально КПЯ выступает за вывод американских оккупационных сил с территории Японии, но на деле проводит проамериканскую антирусскую политику.

В первые годы оккупации Японии вообще было запрещено иметь вооруженные силы, а сегодня американцы разрешили иметь японским силам самообороны, как официально именуются армия, не только сухопутные силы и ВВС, но и военно-морской флот, в составе которого есть уже четыре авианосца. Надо сказать, для обороны островов от авианосцев — очень дорогих игрушек — никакой пользы, кроме вреда. Авиация наземного базирования для противовоздушной обороны и отражения атак с моря гораздо эффективнее и менее уязвима. Чтобы на время вывести из строя наземный аэродром, нужно сбросить на него десятки ракет или авиабомб для разрушения ВПП. При этом базирующаяся на нем авиация может не пострадать, просто перелетев в случае опасности на другую базу.

Чтобы уничтожить авианосец навсегда со всей авиацией и экипажем, достаточно одной противокорабельной ракеты или торпеды. Авианосец может быть эффективно применен исключительно для внезапной атаки очень удаленного объекта — именно так, как японцы применили свой авианосный флот в декабре 1941 г, атаковав корабли США в Перл-Харборе. Советский Союз в период холодной войны ни на кого нападать за океаном не собирался, а потому авианосцев ни одного не построил, хотя имел и технические возможности, и палубную авиацию. ВМФ имел на вооружении лишь авианесущие крейсера, из которых сегодня в строю один.

Следовательно, если американцы позволили своим японским ваффен-СС иметь авианосцы, значит, планируют их применять. Единственное, для чего они могут быть использованы, — атака Курильских островов. Дело в том, что все четыре авианесущих ударных корабля ВМС Японии принадлежат к классу вертолетоносцев. Самолеты могут свободно оперировать против Курил с баз на острове Хоккайдо, а вертолеты, у которых радиус действия намного меньший будут использованы с кораблей для непосредственной поддержки десанта. Никакого другого смысла японские вертолетоносцы не имеют, поскольку не могут действовать в отрыве от своих берегов.

Что характерно, США вовсе не пытаются стерилизовать историческое сознание японцев. Их разве что заботит вопрос о ядерных бомбардировках, но в японских школьных учебниках об атомных бомбах говорится лишь то, что они были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Мол, была война, и эти города подверглись разрушению. А на том, кто сбросил бомбы и для чего, внимание школьников не заостряется. Зачем их отвлекать этими ненужными подробностями от действительно важного вопроса о «северных территориях»? Кстати, северные территории японские школьники изучают не только на уроках истории, но и на занятиях по географии. Вы не видели японские атласы? Они весьма отличаются от всех прочих не только тем, что Южные Курилы там обозначены как японская территория (а как же иначе?), но и тем, что все прочие острова Курильской гряды и южная часть Сахалина помечены белым цветом, как земли, чей статус не определен. Так что «северные территории» — понятие резиновое — оно может растянуться до самой Камчатки, а там, чем черт не шутит, — и до Северного полюса. Говорят, на шельфе Ледовитого океана есть большие запасы нефти, а Япония в них как раз очень нуждается.

Так вот, на уроках истории японские школьники очень подробно изучают новейшую историю, и потому знают, что великой мировой державой их страна стала, победив русских империалистов в войне 1904—1905 гг. А утратила сей почетный статус Япония, проиграв Америке. На том, что сухопутную Квантунскую армию Японии разгромил Советский Союз, внимание отроков не заостряется. Отсюда вывод: не стоит воевать

с США, с янки надо дружить. А чтобы вновь Японию зауважали, надо опять разгромить русских и вернуть «северные территории», смыв тем самым позорное пятно с флага священной земли Ямато.

Кто-то возразит, что напасть на РФ — пока еще ядерную державу — авантюра. Да, но ничуть не большая, чем атаковать Перл-Харборв в 1941 г. или крейсер «Варяг» в порте Чемульпо в 1904 г. К тому же не зря японцам вдалбливается, что американская оккупация — благо для страны. Пока на их территории находится хоть один американский солдат, любая атака, даже неядерная, против островов будет расцениваться, как нападение на США со всеми вытекающими. Да и ядерный щит РФ стремительно ржавеет. Дело в том, что делать боевые части ядерных ракет мы сегодня не можем. Завод «Южмаш», на котором они производились, находится на Украине. А Украина — это заграница и потенциальный член НАТО. Так что утрата РФ статуса ядерной державы — вопрос времени, причем очень скорого. Сегодня модернизация ядерных сил страны осуществляется так: боеголовку снимают с отслужившей свой срок ракеты и ставят на более современную. То, что эти модернизированные ракеты, например, «Булава» лишь менее чем в половине случаев запускаются успешно, известно всем. Поэтому испытательные пуски «Булавы» сегодня приостановлены на неопределенный срок (надо понимать, навсегда). Но и боевая часть ракет имеет свой срок службы. В целом за 18 лет «демократии» РФ утратила более 80% ядерного потенциала, доставшегося ей в наследство от ССР.

Истерия вокруг оккупированных «северных территорий» достигла в Японии такого накала, что перевести патриотический порыв масс в русло практических действий по «реконкисте» Курил можно в любой момент. Не берусь утверждать, что этот момент непременно настанет. Я лишь констатирую факт, что японцы морально готовы к войне и имеют для этого боевой потенциал, который продолжают наращивать. Народ, помнящий о своем былом величии, всегда стремится вернуть утраченный статус, каким бы иррациональным это стремление не казалось, и готов ради этого на большие жертвы. Англичанам Фолклендские острова, расположенные в противополож-

ном от них полушарии, нужны были еще меньше, чем японцам Курилы. Однако Великобритания, защищая свой престиж, ввязалась в войну с Аргентиной, не имея в виду никаких практических выгод.

А насколько готов народ страны под названием РФ защищать свою родину? Пока народ хотя бы в памяти хранит имперскую гордость, он готов воевать не только за осязаемые материальные блага, но и за честь державы. Связываться с таким народом — обладателем крепкой исторической памяти — чревато. Но если заставить его отказаться от традиционных национальных ценностей в пользу чуждых ему — то некогда могучая нация уподобится великану, поверженному не мечем равного противника, а коварно отравленному ядом, затмевающим разум и лишающим воли. Бери его голыми руками.

Вот уже 20 лет продолжается методическое отравление исторического сознания русских гнойным ядом отвращения к самим себе. У всякого народа есть свой золотой век. Скажем, для Великобритании — викторианская эпоха, когда столицей мира был Лондон, мировой валютой — фунт стерлинга, а на всех морях господствовал британский флаг. Помнят ли нынешние жители Туманного Альбиона о своем историческом триумфе? Помнят, и еще как! Хотели бы они его вернуть? Разумеется! Есть ли к этому возможность? Ни малейшей! Могущество Британской империи обеспечивалось крупнейшей в мире колониальной системой и протекционистской системой торговли. Где британцы возьмут сегодня колонии? Разве что колонизируют Марс и Альфу Центавра, а на планете Земля доступного для ограбления клочка суши уже не осталось. Помимо прочего могущество Британской империи прирастало наркоторговлей, но сегодня мировой наркотрафик контролируют США (собственно, только ради этого они и влезли в Афганистан). Так что британцам от былого величия остались лишь музеи и роскошные особняки в викторианском стиле.

Золотой век России — советская эпоха, пусть и менее продолжительная по времени, чем век торжества Британии, но зато отмеченная выдающимися триумфами. Коллективизация, индустриализация, создание самой эффективной в мире системы образования и сильнейшей науки, победа в мировой

войне, прорыв в космос, создание океанского флота, реализация первого в истории человечества проекта социального государства, обретение политического и культурного влияния на половину человечества — все это уместилось в какие-то пять десятилетий. Возможно ли повторение подобного цивилизационного рывка? Да, и для этого нам не нужны ни привозные ресурсы, ни импортные мудрецы, ни заморские колонии. И даже собственный опыт в подобном деле еще не забыт.

Но если одна страна стремительно возвышается, превращаясь в мирового гегемона, то какая-то другая держава свой статус хозяина мира столь же стремительно утрачивает. Поэтому сильная и свободная Россия в качестве мировой державы не нужна никому, кроме русских. Выводы сделать нетрудно: пока русский народ не будет окончательно уничтожен, против него будет вестись непрерывная война. Вопрос лишь в том, каким образом уничтожить русских. Физически истребить десятки миллионов людей очень сложно технически. Все крестовые военные походы объединенных сил Европы на Восток оканчивались крахом. Эти чертовы русские дикари почему-то всякий раз ожесточенно сопротивлялись. Единственная возможность устранить русскую угрозу для мира — уничтожить наш народ духовно. Образно выражаясь, заставить нас отказаться от своих богов и поклоняться чужим кумирам, внимать пришлым учителям, подчиниться их законам.

Конечно, религия в современном обществе почти никакой роли не играет, поэтому нет смысла насаждать в России католичество, иудаизм или какие-нибудь экзотические культы вроде Аум Синрике. Задача наших врагов — заставить отказаться русских от национальной идеи. Мол, зачем вам, русским, собственное государство, тем более, государство имперское? Лучше интегрируйтесь в скроенное по североатлантическим меркам мировое сообщество. Вы нам — нефть, газ, металлы, проституток, детей для усыновления и органы для трансплантации, а мы вам — дешевый ширпотреб и гламурную духовную пищу голливудского формата. И не надо напрягаться для защиты своей земли. Родная земля — это для варваров понятие сакральное, а для цивилизованных людей — всего лишь товар, который можно с выгодой продать. Соответственно,

отдать ли японцам острова — это не вопрос принципа, а вопрос цены. И вообще, жить надо не ради каких-то глупых химерических идей вроде построения царства Божия на земле, а ради выгоды.

Но поддаться этим сладким речам русским мешает их историческая память, память о недавнем золотом веке. Поэтому главный удар в войне на уничтожение России враги наносят не по аэродромам и базам подводных лодок, а по нашей памяти. Стратегически ставка делается на стерилизацию исторического сознания народа, деформацию культурной матрицы нации. Тактически основные манипуляции основаны на методе создания виртуальной истории на основе действительных событий и постепенного вытеснения из сознания достоверных представлений о прошлом. Это и есть третий прием манипуляции с историческим сознанием.

Вряд ли можно отыскать в новейшей истории такую эпоху, которую бы столь яростно пытались исказить, как советскую. И если тысячи историков сознательно и целенаправленно год за годом зачищают историческую память русских, значит это кому-то нужно, значит, за это платят деньги. Кто заказчик — показано выше. Какую же он преследует цель? Уничтожение опасного народа. Надо убедить русских, что история Советского Союза — это сплошная цепь садистских преступлений, надругательств, извращений и провалов. Успехи, достигнутые советским народом, бесполезны, а победы одержаны бесчеловечными методами и принесли для народа одни лишь страдания. Надо заставить русских стыдиться своей истории и каяться. Стыдиться и каяться, каяться и стыдиться. После этого можно будет беспрепятственно загрузить в их сознание «правильную» цивилизационную программу, превратив потомков гордых победителей Европы в ее послушных лакеев.

Разве может лакей, привыкший пресмыкаться и лебезить, стать воином? Вот вам и ответ на вопрос, будут ли перевоспитанные историками русские сражаться за Курилы. В нужный момент масс-медиа объяснят быдлу, что продажа Аляски, которую очень дорого осваивать, была весьма выгодна России, а потому следует уступить японцам четыре никчемных каменистых острова, потому как завозить туда мазут для котельных

очень дорого. И за Арктику русские биться не будут. Помню, как в школьных атласах во времена моего детства от Кольского полуострова и Чукотки к Северному полюсу тянулись две пунктирные линии, отмечавшие границы полярных владений СССР. При дележе советского наследства они должны были перейти к РФ. А вот хрен вам! Как только начались разговоры о гигантских залежах углеводородов на океанском дне, как тут же выяснилось: все, что далее 200 морских миль от берега — ничейное. И делить эти ничейные богатства будут уж точно не в Москве.

Поэтому я вовсе не уверен, что Японии придется применять свои вертолетоносцы и десантные катера для захвата Южных Курил. Возможно, они получат их на блюдечке с золотой каемочкой и поясным поклоном. После этого русским придется расстаться с Калининградом, которому, разумеется, вернут историческое имя Кенигсберг. Проект Балтийской республики в составе ЕС уже существует. Реализовать его на практике — дело нескольких лет. Всему остальному населению популярно объяснят, что отпустить Калининградскую область в Европу — благо для РФ, потому что тем самым она приблизится к цивилизованному миру.

Далее наступит переломный момент, как в прямом, так и переносном смысле — остатки России будут ломать по линии Уральских гор на две части — Московию и Сибирское ханство. В 2003—2004 г. эта идея уже муссировалась в прессе, но общественное мнение отнеслось к ней негативно, поэтому кампанию свернули (это была именно спланированная кампания, а не проявление свободы слова). Основные аргументы в пользу раздела были следующие. За Уралом, где сконцентрировано 80% природных богатств РФ, проживает 30% населения страны. Стоит Сибири обрести суверенитет, и аборигены заживут припеваючи, как в Кувейте. А Европейская Россия, лишившись углеводородной халявы, сможет развивать высокие технологии и постепенно интегрируется в Европейский Союз. А выпавшие нефтяные доходы будут компенсированы за счет взимания с Сибирского ханства платы за транзит сырья в Европу и посреднической торговли.

Считаете это нереальным? Значит, вы совершенно не понимаете сути исторических процессов. Планы раздела ССР, обсуждаемые на Западе в начале 80-х годов тоже казались фантастикой. И уж тем более трудно было представить, что Приднестровье или Нагорный Карабах станут суверенными бантустанами. Проект академика Сахарова о развале Союза на 50 удельных княжеств под названием Союз Советских Республик Европы и Азии даже в конце 80-х казался бредом старого маразматика. Но это всего лишь декларация цели, которую преследует наш враг. Цели, которая наполовину уже достигнута.

И как легко достигнута! Всего-то и надо изгадить русскую историю и в этом отредактированном виде вбить в голову местному населению. В результате для разгрома ССР не понадобились ковровые бомбардировки, которые нежелательны потому что вместе с лишними русскими уничтожают полезные материальные ценности. История — не только дешевое, но и очень гуманное оружие, ибо способно превратить непобедимого врага в безвольного раба без применения физического насилия и ущерба для экологии.

ТРУДНО ЛИ СОЗДАТЬ НАЦИЮ? НА БУМАГЕ — ЛЕГКО

Как бы ни накачивали американцы японские ваффен-СС, как бы ни нагнетали массовый психоз по поводу «северных территорий», все это было и остается третьестепенным театром военных действий против России. Где же проходит основной фронт противостояния между русской и североатлантической цивилизациями? Где наносится главный удар? Стратегическое значение придается разрыву русского народа на два враждующих лагеря — москалей и украинцев.

Возрождение рухнувшей Советской империи до сих пор возможно, но ключ к нему дает только воссоединение России и Украины. В этом случае объединение с Белоруссией и Молдавией происходит автоматически. С Казахстаном дело обстоит сложнее, но принципиальной неразрешимости я здесь не вижу. Что касается Закавказья и Средней Азии, то они самым естественным образом оказываются в сфере влияния возродившейся империи, и стремлением народов этих стран будет скорейшая экономическая и культурно-политическая интеграция в новый евразийский союз. Лишь Прибалтику следует воспринимать, как отломленный ломоть, но жалеть о ее утрате стоит не больше, чем о разводе с финнами и поляками в 1917 г.

Возрождение империи, создание экономически самодостаточной державы позволит избежать падения в пропасть, в которую мы сейчас катимся, но первым шагом в этом направлении должна стать консолидация русского народа. Кто-то может удивиться: а разве русские и украинцы — один народ? Да, до 1992 г. он именовался советским народом, ранее — рус-

ским. До XX в. украинского народа не существовало. Этноним «украинец» появился лишь в XIX столетии, а официально принят в качестве названия этноса в 20-е годы прошлого века, с момента создания Украинской Советской Социалистической Республики. Тогда же начал ударными темпами создаваться и внедряться литературный, то есть унифицированный письменный украинский язык.

Основной удар с целью деформации исторического сознания историки сегодня наносят не по РФ, а по Украине. Масштаб задач перед ними стоит поистине титанический — убедить массы, в том, что:

— украинцы — народ отдельный от русского не только в культурно-языковом, но и в расовом отношении (украинцы принадлежат к европеоидной расе, а русские — монголоидной);

— украинцы — народ гораздо древнее русского;

— русские — извечный враг украинского народа (русские в составе монголо-татарских полчищ уничтожили Киевскую Украину, а потом в течение столетий не давали возродиться украинской державности;

— украинский язык не имеет ничего общего с русским, наоборот, это русские переняли у украинцев вместе с христианством азбуку и литературный язык, и только потому русский язык несколько похож на «украиньску мову»;

— другая причина схожести русского и украинского языка заключается в трехсотлетней насильственной русификации, которой подвергалась Украина в период москальско ига (поэтому современную мову надо очистить от русизмов и вернуть ей первозданный облик).

Кстати, если кто не в курсе, то Русь — это древнее название украинского государства и украинцев, нагло украденное москалями вместе с языком, который они, преизрядно испоганив, назвали русским. Как можно украсть самоназвание народа, я даже не могу представить. Совсем уж невозможно понять, как народ мог столетия существовать без имени и как в качестве самоназвания он принял прозвище, придуманное иностранцами.

Удревнение собственной истории — дело самое заурядное. Трудно найти народ, который не выводил бы свой корень

от Адама и Евы или, на худой конец, от потопа или великого переселения народов. Например, китайская история, насчитывающая несколько тысячелетий, очень напоминает резинку от трусов, если ту тянуть за концы в разные стороны — она при некотором усилии растягивается раз в пять. Несмотря на это, никому не придет в голову утверждать, что китайский народ не существовал и не имеет собственной истории. Просто у него есть история реальная, документированная, и есть история мифическая. Мифическая история, как несложно понять, есть фантомное продолжение реальной многовековой китайской истории — истории десятков племен, составляющих ныне единую китайскую нацию. Но можно ли создать фантомную историю фантомного народа и фантомного государства, протяженностью в тысячелетие, если реально такое государство появилось лишь на прошлой неделе? Гипотетически можно, но практически такая попытка предпринималась лишь однажды, когда сочинялась история Великой Литвы.

Впрочем, литовцы себя не особо утруждали — ничего нового не сочиняли, а просто присвоили себе историю Польши и русского средневекового государства — Великого княжества Литовского. Дескать, литовские князья завоевали русских и стали ими править. А раз князь литовский — значит, и его русские подданные автоматически стали литовцами, а история русская лишь на одном этом основании преобразовалась в литовскую. Само слово «Литва» к современной Лиетуве, как именуют свою страну жители Литовской республики, никакого отношения не имеет. Средневековый литвин — это не литовец, а русский, подданный Великого княжества Литовского. Территория нынешней Литовской республики в Средние века носила совершенно другое имя — Самоготия. Еще в XIX столетии в широком обиходе был термин «литовцо-руссы», который впоследствии был вытеснен этнонимом «белорусы». А чем можно объяснить широчайшее распространение фамилии Литвинов? В некоторых местностях эта фамилия более распространена, чем Иванов.

Итак, кто же такие литовцы? Этнические литовцы — по-старорусски жмудь, — это общность, образованная главным образом слиянием племен жемайтов и аукшайтов. Участвова-

ли в литовском этногенезе так же ятвяги, траки, курши. Племена эти вплоть до XVI столетия были язычниками, а окончательно идолопоклонство было вытеснено католичеством только через два столетия.

Первый письменный источник, который, как считается, содержит в себе запись на литовском языке, датируется 1503 г. и представляет собой молитву, написанную от руки на последней странице богослужебной книги, выпущенной в Страсбурге. Так и напрашивается неудобный вопрос: если книга выпущена в начале XVI в., то почему историки решили, что и рукописный текст создан тогда же, а не 300 лет спустя? Дело в том, что первый учебник литовской грамматики выпущен в лишь 1653 г. Впрочем, литовская письменность имела совершенно незначительное распространение вплоть до XIX столетия по причине ничтожно малого количества грамотных жмудинов.

В 1864 г. после подавления польского мятежа царский наместник в Северо-Западном крае граф Михаил Муравьев-Виленский запретил латинскую азбуку и литовский язык был переложен на кириллицу — это один из редких случаев культурно-национального насилия в Российской империи. Запрет этот, впрочем, был формальным, культурный литовский слой продолжал пользоваться латиницей, литература ввозилась из-за границы, а подавляющее большинство литовцев оставались неграмотными, и их это нововведение никак не затронуло. Формальный запрет на применение в печати латиницы был снят в 1904 г. Современный литературный литовский язык, основанный на диалекте западных аукшайтов (сувалкийцев), складывается к началу XX века.

Литовский язык весьма архаичен, как у многих народов, живших на отшибе в стороне от бурных исторических процессов. Когда филологи в XIX столетии наконец обратили на него свое внимание, появились многочисленные теории о том, что литовцы и есть индоевропейцы, от которых, как от массивного ствола, веками отделялись различные языки и группы языков. Однако более детальные исследования показали, что никаких оснований для подобных выводов нет — литовский язык слишком близок к славянским и имеет много заимствований из современных языков, прежде всего, польского.

Поскольку в настоящий момент Литва находится под протекторатом США, в языке стремительно нарастает количество заимствований из английского.

Своей государственности вплоть до 1918 г. литовцы не имели, да и не могли иметь. Как известно, язычество в древности являлось большим препятствием для североевропейских варварских племен в деле организации государства. Только с принятием монотеистического культа эти племена оказывались способны создавать государственность. Соседствующие язычники, разрозненные, а потому слабые, становились для них объектом завоевания и христианизации. Но самое главное, постоянно терроризируемые немцами жемайты и аукшайты, живущие в глухих лесах и болотах, не имели ни малейших экономических предпосылок для госстроительства. В торговле и мореплавании они своего следа не оставили, городов не построили, письменности не создали, в военном деле ничем не блеснули. Собственно, сохранились жемайты и аукшайты только потому, что жили в медвежьем углу, который особого интереса для завоевателей не представлял.

Современные литовцы свято уверены, что принадлежат к великой исторической нации, создавшей в Средневековье мощное государство — Великое княжество Литовское. В реальности государство это было русским по составу, а жемайты, аукшайты, курши, латгалы и другие небольшие культурно неразвитые племена входили в это государство на правах данников и завоевать русских никак не могли. Впрочем, особой ценности для князей язычники-жемайты и их земли не представляли, и потому, например, князь Ягайло Ольгердович легко отдал Тевтонскому Ордену Жемайтию в качестве платы рыцарям за помощь в борьбе за литовский престол. Тевтоны упорно пытались цивилизовать жемайтов, применяя в основном меч и огонь, но успехов добились весьма относительных.

Миф о Великой Литве был создан литовскими националистами на рубеже XIX—XX вв. следующим способом: они перекрестили деятелей Польши и Великого княжества Литовского на жмудинский манер, и тем самым приписали себе историю Польши и Русской Литвы. Князь Витовт стал Витаутасом, Миндовг — Миндаугасом, Ольгерд — Альгирдасом, Гедемин —

Гядэминасом, и так далее. Разумеется, славянские имена Витовт и Ольгерд ничего общего с полудикой языческой жмудью не имели, и иметь не могли. Историки же, пытаясь объяснить столь странную славянизацию литовцев, запустили в оборот идиотскую легенду о том, что литовцы, завоевав русских, переняли у них язык, культуру, веру и даже сменили имена. Припоминаете ли вы хоть у одного завоевателя такие же манеры?

Иногда приходится встречать совсем уж глупые объяснения: *«Боясь западных соседей и связанных с ними латыни, польского и немецкого языков, литовская элита и великий князь принимают простую мову в качестве основного языка деловых актов»*[1]. Простой мовой автор называет народный язык княжества. Поскольку основное население его было русским, то под простой мовой нельзя подразумевать ничего иного, кроме русского языка. Но скажите мне: в какой стране элита, боясь одного иностранного языка, отказывается от родной речи в пользу другого?

Ранняя польско-литовская и русская история тесно переплетены. Так, например, русский князь Яков Витебский, более известный как Ягелло (Ягайло), сын княгини Ульяны Александровны Тверской, после женитьбы на польской королевне Ядвиге и перехода в католичество, положил начало знаменитой польской королевской династии Ягеллонов. При Ягелло произошло событие, кардинально повлиявшее на историю Западной Руси — Великое княжество Литовское и Польское королевство в 1385 г. заключили династический союз — унию. С этого момента началась постепенная дерусификация и окатоличивание Великого княжества Литовского, урезание политических прав, приведшие к полной утрате Литвой государственности к началу XVIII столетия. Православная литовская знать постепенно слилась с польской шляхтой. Крестьянские же массы и городских обывателей так и не удалось ополячить.

Наличие у литвинов и поляков общей неразрывной истории, легко объясняет то, что одних и тех же деятелей современные белорусы и поляки именуют по-разному, отчего они

---

[1] *Иванов В.* Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского» // http://kogni.narod.ru/gediminas.htm

как бы раздваиваются. Но и те, и другие все же понимают, что речь идет об одних и тех же лицах. Однако жмудины «приватизировали» не только этноним «литовцы» (lietuviai), но и польско-литовскую историю, объявив ее своей, а себя — единственными наследниками Великого княжества Литовского.

Собственно, никакой древней истории не было у финнов, латышей, латгалов, эстонцев, ингерманландцев, карел. Была лишь история завоевания этих земель германцами, полякам шведами, русскими и датчанами. Завоеватели строили города и церкви, заводили университеты, развивали ремесла и искусства. Местное же население представляло собой крестьян, не имеющих ни национального сознания, ни письменности, ни интеллигенции, ни аристократии. Поэтому большинство балтийских племен просто исчезли. Живые языки некогда многочисленной балтийской группы представлены ныне лишь литовским и латышским. Прибалтийские помещики — сплошь немцы, отчасти шведы, в Литве — поляки. Так было веками. Национальное пробуждение балтов начинается лишь со второй половины XIX столетия с появлением местной интеллигенции. Тогда же начинают складываться у малых народов литературные языки — финский, эстонский, латышский, литовский.

История государственности этих народов начинается одновременно — с момента развала Российской империи в результате революции 1917 г. Первыми независимость 6 декабря 1917 г. провозгласили финны, имевшие в составе империи широкую автономию. 24 декабря Литовская тариба (Совет Литвы) провозгласила декларацию о независимости Литвы, но фактически она сводилась к признанию вассалитета по отношению к Германской империи. После того как недовольные этим депутаты добились принятия полноценного Акта независимости Литвы, германские оккупационные власти отпечатанный тираж прокламации о независимости конфисковали, а типографию, его отпечатавшую, закрыли.

Относительную независимость Литва, на этот раз под присмотром Антанты, получила лишь в 1920 г. и продлилась она 20 лет, за время коих литовская экономика пришла в упадок, а народ обнищал, отощал и обовшивел. Поэтому в 1940 г. местное население с превеликой радостью от нищей независимо-

сти отказалось в пользу воссоединения с СССР. Если считать, что второй период литовской государственности начался в 1990 г. с момента провозглашения декларации о выходе из СССР, то история литовского государства насчитывает аж целых 39 лет. Но литовские власти, не мелочась, объявили 2009 г. годом тысячелетия Литвы.

Но украинским историкам пойти по литовскому пути фальсификации истории очень сложно. Украинская государственность к сегодняшнему дню насчитывает всего 17 лет. Никогда не существовало и украинского народа. Жемайты и аукшайты, образовавшие литовский этнос, жили в своих лесах сотни лет, а вот такой народ, как украинцы науке не известен. Сей этноним входит в оборот лишь во второй половине XIX в., да и то за границей. И что совсем уж огорчительно, в отличие от литовского, не существует и украинского языка. Он уже более 100 лет находится в стадии создания, но пока имеет вид малосъедобного полуфабриката (при употреблении порой вызывает тошноту). Поэтому даже в столице Украины, Киеве, люди говорят преимущественно на «иностранном» русском языке или его диалекте — так называемом суржике[1].

Поэтому перед украинскими историками, если они желают создать полноценную украинскую нацию, стоит задача поистине титанического размаха. Сначала им нужно стерилизовать массовое сознание, вытравив из него «антиукраинские» представления о русской истории. Затем надлежит переписать ее заново, но таким образом, чтобы канва истории России и Украины никак не пересекалась. Укро-историки не могут, подобно литовцам, просто присвоить себе русскую историю, ибо москалям уже отведена роль главного врага украинского народа. Вся история Украины — это история борьбы полноценного европейского народа в союзе с другими европейцами (поляки, шведы, австрийцы, германцы) против варваров с востока.

---

[1] Суржик следует считать диалектом русского языка, поскольку лексика в нем употребляется русская и лишь произношение и грамматику можно условно считать украинскими. Основу же языка составляет именно лексика, в то время как произношение и правописание являются характеристиками второстепенными.

Почему я говорю, что задача создания нации стоит именно перед историками? А что превращает население в единую политическую общность? Генетическое родство, общая кровь, антропологическая близость? Об этом даже смешно говорить. Язык? Швейцарцы говорят на трех языках — немецком, французском и итальянском, но это не мешает им составлять единую нацию на протяжении столетий. Арабы же, хоть общаются на одном языке и живут на неразрывном географическом пространстве, разделены множеством государственных границ. Существует более 20 арабских стран, порой очень недружественно настроенных друг к другу. Может быть, нацию формирует экономический уклад, которым живет население? Тоже нет. Одна экономическая формация сменяет другую, но это не приводит к исчезновению старых наций и образованию на их месте принципиально новых.

Всякая нация имеет лишь один основной признак — общее историческое сознание, сформированное общей историей. Поэтому великороссы, малороссы и якуты составляют историческую русскую нацию несмотря на расовые, языковые, культурные различия, географические барьеры и даже возникшие недавно государственные границы. Но невозможно себе представить славян-русских и славян-поляков составивших единую нацию. Вроде бы более 100 лет поляки жили в составе многонациональной Российской империи, но оставались в ней телом инородным во всех отношениях. И можно сколько угодно рассуждать о родстве славянской души, но исторические судьбы наших народов настолько разные, что жить рядом мы можем, но вместе — никогда.

То, что сказано выше, для многих может представляться абстракцией. Как история, то есть комплекс представлений о прошлом, может иметь столь громадное значение для мироощущения человека, влиять на его поведение, цели? Как представления о прошлом могут создать нацию или ее разрушить? История — субстанция невидимая и неосязаемая. Это так, но ведь электромагнитное поле вкупе с гравитационным мы тоже не видим и не осязаем, но влияние, оказываемое ими на физические тела, огромно. Физики научились использовать невидимое электричество, и оно преобразило цивилизацию. Исто-

рики же влияют не на материальную, а на духовную природу человеческого сообщества, и тем самым кардинально изменяют его состояние. Любую науку можно использовать во благо и во вред. Расщепленный атом можно заставить созидать, а можно испепелить с его помощью планету. Точно так же и история, как комплекс представлений о прошлом, может являться инструментом сохранения и развития нации, а может стать оружием ее уничтожения. Украинский писатель и идеолог Ивана Франко говорил: «История — это способ политического думания». Весь вопрос в том, какое «думание» внушают историки массам.

Может быть, укро-историки действуют во благо своего народа? Скажите мне на милость, когда ложь, спекуляции, предательство и вражда приносили благо? Приведите мне хоть один пример, пусть даже и гипотетический. Между тем, иного пути укро-историкам не остается. Нет у Украины собственной истории. И народа у этой страны нет, есть пока лишь население.

«ОТРЕКАЮСЬ ОТ РУССКОЙ НАРОДНОСТИ...»

Когда на свете появились украинцы? Не «предки украинцев», о чем с таким упоением рассуждают нынешние укро-историки, а именно украинцы? Вопрос довольно сложный. Потому как на первом этапе своего развития украинство было политическим течением, а появление украинствующей интеллигенции нельзя считать появлением украинского народа, как этнической общности. Собственно, украинский народ, как этнос, появился совсем недавно — только в ССР в процессе так называемой украинизации. Предыдущие же украинцы в основном были русскими, поляками или евреями. Я бы даже назвал их первоукраинцами, потому что им выпала честь наполнить понятие «украинец» пусть и бредовым, но хоть каким-то смыслом.

Подозреваю, что у неподготовленного читателя уже глаза на лоб полезли: мол как так — ведь даже в школьных учебниках истории есть глава под названием «Воссоединении России и Украины». Выходит, была Украина и украинцы! Недавно в РФ даже торжественно отмечали 350-летие Переяславской рады. Не может же быть все это мифом? Может, еще как может! И убедиться в этом проще простого. Многие знают, что 8 июня 1648 г. Богдан Хмельницкий в письме выразил горячее желание «отдаться на милость» царю Алексею Михайловичу. Следствием этого обращения стало то, что 8 января 1654 г. был осуществлен акт перехода в русское подданство запорожских казаков (Переяславская Рада), а 27 марта того же года условия договора были зафиксированы в специальном соглашении, известном под странным названием «Мартовские статьи».

Вот в этих документах и следует поискать упоминание Украины или украинцев. Но там слово «украина» встречается лишь один раз, да и то в значении «окраина»: *«Царского вели-*

чества ратные люди всегда на рубеже для украины обереганья есть и вперед стоять учнут» («Мартовские статьи»). То есть Украина не была субъектом договора с Россией. Договаривающимися сторонами были Запорожское войско и царь. Очень любопытны и последние строки этого соглашения: *«Писано на столбцах белоруским письмом без дьячей приписи. Писал Степан, да Тимофей, да Михайло».* Выходит, украинский язык казакам Хмельницкого был неизвестен, иначе бы они не стали обращаться к царю на иностранном «белорусском». Белая Русь, если верить многим западноевропейским картам того времени, являлась тем же самым, что и Московия (в дальнейшем топоним Белая Русь сместился на запад и приложился к территории Литвы, а Литвой стали называть Жмудь). То есть обращались казаки к царю на русском языке того времени, который и сами они прекрасно понимали.

Но, собственно говоря, вопрос о принятии в русское подданство казаков решался не в Переяславе на Раде (это была лишь своего рода процедура торжественной ратификации решения о переходе казаков под руку русского царя), а в Москве на Земском соборе 1 октября 1653 г. И в решении Земского собора никакие украинцы не фигурируют, зато неоднократно упоминаются черкасы: *«Да в прошлых годех присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии запорожской гетман Богдан Хмельнитцкой и все Войско Запорожское посланников своих многижда, что паны рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру греческаго закона и на святые Божии восточные церкви восстали и гонение учинили большое. И их, запорожских черкас, от истинной православной християнской веры, в которой они издавна живут, учали отлучать и неволить к своей римской вере. И церкви Божии запечатали, а в ыных учинили унею, и всякие над ними гонения, и поругания, и злости нехристиянские чинили, чего они и над еретиками и над жидами не чинят. И они, черкасы, не хотя благочестивые християнские веры отбыти и святых Божиих церквей в разорении видети и видя себя в таком злом гоненье, поневоле, призвав к себе в помочь крымского хана с ордою, учали за православную християнскую веру и за святые Божии церкви против их стояти. А у царского величе-*

ства милости просят, чтоб он, великий християнский государь, жалея благочестивые православные християнские веры и святых Божиих церквей и их, православных християн, невинные крови пролития, умилосердился над ними, велел их приняти под свою царского величества высокую руку».

Черкасы — это и есть обозначение казаков, но черкас — не национальность, а региональное прозвище, такое же, как чалдон (сибиряк), волгарь или москвич. Этимология этого прозвища до сих пор не ясна. Самое очевидное предположение, что оно происходит от названия города Черкассы. Существует и более экзотическая, но вполне вероятная гипотеза о том, что черкасы — это древний тюркский народ, ославянившийся в предшествующие века, название которого перешло на казаков, которые, собственно, и ведут свою родословную от черкасов. Но суть в том, что ни о каких украинцах во второй половине XVII столетия еще никто не ведает ни сном, ни духом.

Собственно, украина (украйна) — это не что иное, как польское слово *ucraina*, то есть окраина (*crai* — граница, рубеж; *ucraina* — порубежье). Точно такой же смысл слово «украйна» имело и в русском языке. Поэтому в летописях пограничные города зачастую называют украйными или украинными. Иногда уточняется их географическая локализация, например Даль в своем толковом словаре упоминает украйные сибирские города. *«Во сибирской во украйне, / Во даурской стороне»* — такими словами начинается известная народная песня.

Поднепровье, таким образом, оказалось двойной украйной — и для Польши (малопольская украйна), и для России. Кстати, украйные города на границе со степью (Курск, Воронеж, Белгород и другие) назывались в России еще и польскими городами, то есть расположенными в поле. Но к Польше это, разумеется, никакого отношения не имеет, так же как и украинные города к Украине. С расширением русских границ понятие украйны географически так же смещалось. Поэтому после разгрома Крымского ханства в русских источниках мы вряд ли найдем приложение понятия «украйна» к Малороссии или Запорожью.

Но на Западе географическое обозначение «Украина» как раз в середине XVII в. начинает входить в обиход. Начало это-

му процессу положил, вероятно Гийом Левассер де Боплан, французский военный инженер и картограф, находившийся с начала 1630-х до 1648 г. на службе у польского короля. В основном служба Боплана проходила на украйных землях Малопольши, где он руководил созданием крепостей. Наибольшую известность он приобрел как картограф, чьими стараниями создана первая генеральная карта Северного Причерноморья под названием *Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina. Cum adjacentibus Provinciis* — «Общий план Диких полей, проще говоря Украины» (опубликована впервые в Данциге в 1648 г, выполнена голландским гравером Гондиусом). Но нам наиболее интересна литературная работа Боплана — его знаменитое «Описание Украины», благодаря которому, собственно, Европа и получила первые систематизированные сведения об этом регионе.

«Описание Украины» — это современное название труда Боплана. Первое издание его книги вышло в 1651 г. и именовалось *Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscowie, insques aux limites de la Transilvanie* — «Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании». То есть в этом случае термин «украйна» воспроизведен буквально в смысле «окраина». И лишь второе издание книги, вышедшее в Руане в 1660 г. получило заголовок *Description d'Ukranie, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Contenues depuis les confins de la Moscovie, insques aux limites de la Transilvanie* — «Описание Украины, которая является некоторыми провинциями Королевства Польши. Простирается от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании».

Если внимательно присмотреться к титульному листу книги, то несложно заметить, что слово «Украина» написано неверно — D'VKRANIE вместо D'VKRAINE. Это свидетельствует не столько о плохой памяти престарелого Боплана, который по прошествии 12 лет уже не мог точно воспроизвести названия на неродном для него языке, сколько о том, что слово «Украина» еще совершенно неизвестно за пределами Польши.

Что касается украинцев, то о таковых Боплан, проведший на «Vkranie» более полутора десятков лет, ничего не знает и ни

разу не упоминает. Для него местное население однозначно русское. Любопытно, что русских подданных польского короля он географически иногда противопоставляет московитам. Например, правый берег Днепра он именует русским, а левый — московским. Южнее порогов русскому берегу противостоит уже берег татарский.

Совершенно очевидно, что в понятие «украина» автор вкладывал исключительно географический смысл, что видно с первых же строк из его посвящения королю Яну Казимиру: *«...я, с глубоким почтением и совершенной покорностью, [осмелюсь] предложить Вашему королевскому величеству описание этой обширной пограничной Украины, находящейся между Московией и Трансильванией, приобретенной Вашими предками пятьдесят лет тому назад, пространные степи которой сделались теперь столь же плодоносными, насколько они были раньше пустынными»*. Совершенно очевидно, что выражение «пограничная Украина» (*lisiere d'Vkranie*) следует перевести на русский как «пограничная окраина», но иностранец Боплан решил сделать из польского слова «окраина» имя собственное, что в дальнейшем закрепилось в западноевропейской картографии.

Тем не менее ни сам Боплан, ни кто-либо из его современников даже не думал населить украину украинцами. Сами местные жители почему-то тоже не догадывались, что являются украинцами, и считали себя русскими. Это относится даже к казакам, которых современные укро-идеологи превозносят как самых истовых носителей украинства. Даже территорию Западной Украины, наиболее дерусифицированной сегодня, в XVII в. населяли русские. В 1648 г., подходя ко Львову, Богдан Хмельницкий писал в своем универсале: «Прихожу к вам как освободитель русского народа, прихожу к столичному городу земли червонорусской избавить вас от ляшской неволи».

Правда, избавителем знаменитый гетман был довольно своеобразным — осадив Львов, в котором практически не было польских войск, и пограбив для острастки окрестности, он потребовал контрибуцию в размере миллиона злотых. Особенно пикантный штрих «освободителям» придает то, что в их составе было большое число татар под предводительст-

вом Тугай-бея — эти-то кого освобождать явились? Горожане, тихо матерясь себе под нос и вспоминая добрым словом ляхов, чьи разбойничьи аппетиты были куда более умеренными, три недели собирали сумму откупных. Но ничего удивительного в этом усмотреть нельзя. Это сегодня из казаков лепят этаких украинских «лыцарей» без страха и упрека, единственным смыслом существования которых была борьба за «незалэжну украиньску дэржаву». В те же стародавние времена никакой «незалэжности» им и даром было не надо, а самым мощным стимулом к военным предприятиям была жажда наживы. Вопрос о том, кого грабить, был, что называется техническим: сначала татар самостоятельно, потом турок при помощи поляков, потом поляков при участии татар, а по пути грабили любые города, где было чем поживиться — русские и валашские. Но украинские — точно не грабили, потому что таковых тогда не существовало.

Гетман Брюховецкий в своем универсале в 1664 г. писал, что движется на правую сторону Днепра с целью «освободить русский народ в украине от ярма иноверных ляхов». Освобождение он понимал тоже довольно специфически, присягнув еще более иноверному турецкому султану и желая отдать в его власть всю Малороссию. Русский народ его прогрессивных идей, мягко говоря, не понял. Брюховецкий был растерзан толпой. Но укро-историки за отсутствием подходящего материала решили вылепить из него героя лишь на том основании, что он, ранее раболепствующий перед русским царем, учинил против него бунт. Но это вообще характерная черта укро-истории — пантеон ее «героев» состоит практически из одних разбойников и изменников.

Когда же появились на свет божий украинцы и куда делись русские, ранее населяющие территорию нынешней Украины? Если вы попытаетесь искать ответ у укро-историков, то вряд ли будете удовлетворены. По их мнению, украинцы СУЩЕСТВОВАЛИ ВСЕГДА. А раз так, то выделять какой-то хронологический рубеж, после которого уже можно вести речь об украинском народе, бессмысленно. Но поскольку какое-то «научное» подкрепление этой бредовой концепции все же необходимо, укро-идеологи с энтузиазмом занимаются сочинительством,

выдавая на-гора мегатонны «науковой» литературы, доказывающей, что древнеукраинский язык — санскрит — есть материнский для всех индоевропейских, а мифические арии — украинцы — изобрели плуг, колесо и приручили коня. Амазонки — это община украинских женщин-воительниц, от которых произошли казаки (казак — косак — от слова «коса», ибо амазонки заплетали волосы в косы). Овидий, если кто не знает — украинский писатель, писавший на древнеукраинском языке, а апостол Андрей — чистопородный украинец (Христос, наверное тоже, но пока этому не нашли убедительных подтверждений, хотя то, что он был арийцем, а не евреем, доказали еще нацистские идеологи). Разумеется, нельзя не упомянуть о знаменитом вожде гуннов Атилле: украинские «вчэни» точно установили, что это был украинский атаман Гатыла.

Но нас интересует вопрос довольно конкретный: когда в документальных источниках впервые упоминаются украинцы и Украина? Надо сказать, что укро-историкам несказанно повезло — слово «украина» в значении «окраина» встречается в старинных хрониках довольно часто. Переделать первую букву на заглавную — и дело с концом. Публикаторы очень часто делают это чисто механически совсем не там, где надо. Например, после соответствующей редакции «Нового летописца»[1] получается, что Украина еще в XVI столетии находилась под властью московских царей, которые ставили там города и защищали ее от набегов крымчаков. Но речь идет всего лишь о степных окраинах русского государства:

«36. О приходе крымских царевичей на украину. Наводит Бог за грехи наши когда голод, когда пожар, когда междоусобную брань. В том же году пришли на государеву украину царевичи крымские безвестно, на рязанские, и на каширские, и на тульские места <...>

40. О поставлении украинных городов. В том же году (в лето 7101 (1592/93)) царь Федор Иванович, видя от крымских людей своему государству войны многие, помыслил поста-

---

[1] «Книга, глаголемая Новый летописец» — одно из самых популярных произведений, описывающих русскую историю от последних лет царствования Ивана Грозного до первых лет по избранию на царства Михаила Романова. Известно в сотнях списков XVII—XVIII вв.

вить по сакмам татарским города и послал воевод своих со многими ратными людьми. Они же поставили на степи города: Белгород, Оскол, Валуйку, Ливну, Курск, Кромы. И наполнили ратными людьми, казаками и стрельцами и жилецкими людьми; те же города его [царя] праведною молитвою укрепились и ныне стоят»[1].

Укро-историки торжественно объявили казацкие чисто разбойничьи экспедиции против татар и вóйны с поляками борьбой за независимость Украины. Но даже в гетманских универсалах, как уже было показано выше, никакой «украинский народ» не упоминается, а слово «украина» обозначает всего лишь окраинные, пограничные земли. Иногда встречаются довольно непривычные для современного читателя фразы. Например Петр Дорошенко в одном из своих воззваний в 1670 г. упоминает «руський православный украинський народ». Разве может быть народ одновременно и русским и украинским? Может: «руський» — означает этническую принадлежность населения, «православный» — конфессиональную, «украинский» — географическую локализацию. То есть буквально выходит: русский православный народ, живущий на окраинах Польского королевства.

Нынешних укро-историков, вероятно, передергивает всякий раз, когда они встречают в официальных казацких грамотах упоминание русского народа. Как гласит известная поговорка, из песни слов не выкинешь. Но укро-историки считают иначе, маниакально зачищая источники от всякой русскости. Просто в современных переводах на украинский язык слова «русский» они заменяют на «украинский», а там, где это невозможно, просто выкидывают. В припадке исторического мифотворчества укро-историки объявили, что первую в мире Конституцию приняли... украинцы. Конечно, все остальное человечество об этом не подозревает, будучи уверенным, что первую в истории человечества Конституцию приняли Соединенные Штаты в 1787 г. Но отмороженные на голову певцы украинской идеологи оспаривают этот факт, утверждая, что первенство принадлежит гетману Пылыпу Орлику.

---

[1] http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Nov_letopisec/text1.phtml

Спрашивается, как могла существовать Конституция, если не существовало государства, на территории которого она действует? Мало того, «Пакты и Конституции прав и вольностей Запорожского войска», подписанные Орликом в присутствии разбитого Петром I шведского короля Карла XII и турецкого султана Ахмеда III в 1710 г. даже не декларировали создание независимой Украины, а констатировали ее вассальное положение по отношению к Швеции. Подписан сей договор был в Бендерах, и под его юрисдикцией находились лишь несколько тысяч эмигрантов-изменников, сторонников разгромленного и умершего к тому времени гетмана Мазепы.

Собственно, Конституцией в сегодняшнем смысле слова это соглашение не являлось, а было оно довольно заурядным договором между сепаратистами и их зарубежными покровителями. К тому же, если уж строго следовать исторической правде, то первая конституция, содержащая перечень казацких вольностей и прав, была дарована войску запорожскому русским царем Алексеем Михайловичем в 1659 г. Но суть даже не в этом, а в том, что «украинская конституция» начиналась с преамбулы: «Вечная слава и память войску Запорожскому и народу русскому», и в тексте документа поминается лишь «наша Отчизна, Малая Русь», но нет никакой Украины и украинцев. Да и написана орликовская «конституция» отнюдь не на украинском языке, а почему-то на латыни. Черновики Орлик кропал на русском. «Украиномовную» копию (копию с чего?) «свидомые» историки спешно отыскали накануне юбилея события в 2009 г.

По всему выходит, что ни Украины, ни украинской национальности не существовало еще в XVII в., а «вожди украинского народа» не владели украинским языком. После окончательного установления над Малороссией, Запорожьем, Волынью и Подолией господства России, они тем более не могли появиться. Кто же тогда это такие — украинцы? Очень точно истинную суть явления передал русский публицист и историк Андрей Стороженко в изданной в 1925 г. в Берлине брошюре «Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям» (под псевдонимом А. Царинный):

«Украинцы» — это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом — кем угодно, но только не русским. Слова: Русь, русский, Россия, российский — действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают «украинца» старинные, предковские названия: Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский. Слыша их, он бешено кричит: «Ганьба!» («Позор!» От польск. hańba). Это объясняется тем, что многие из «украинцев» по тупости и невежеству полагают, будто бы в этих названиях кроется что-то пренебрежительное или презрительное по отношению к населению Южной России. Нам не встречалось ни одного «украинца», который захотел бы выслушать научное объяснение этих названий и правильно усвоить себе их смысл»[1].

Для малоросса Стороженко в 1924 г., когда им был написан этот очерк, русофобия «украинцев» была настолько труднообъяснимой, что он пытался обосновать ее с позиций очень популярной и авторитетной в то время расовой теории: дескать, хотя малороссы есть русские, в них присутствует большая примесь тюркской крови. *«Наблюдения над смешением рас показывают* — пишет он, — *что в последующих поколениях, когда скрещивание происходит уже только в пределах одного народа, тем не менее, могут рождаться особи, воспроизводящие в чистом виде предка чужой крови»*. Именно эти чужеродные особи, по мнению Стороженко, и являются носителями украинства. Поскольку рецессивные признаки проявляются относительно редко, то и «украинцы» в этом случае не могут составить большинство народа.

Не стоит смеяться над наивностью Стороженко, полагающего, будто этническое самосознание передается по наследству биологически. По сей день это заблуждение распространено неимоверно широко. Например, очень часто даже у весьма просвещенных авторов встречается словосочетание «генетическая память народа» и тому подобные. Никакой генетиче-

[1] http://www.ukrstor.com/ukrstor/zarinnyj_dwizhenije.html

ской памяти в смысле памяти культурной или биологической предрасположенности к восприятию определенных идей и взглядов не существует. Негр, родившийся в Москве после Олимпиады-80, не является носителем даже очень смутных воспоминаний о племени тумба-юмба, а воспитанный в традициях русской культуры, является абсолютно таким же русским, как и «афророссиянин» Александр Сергеевич Пушкин, чей прадед по матери был представителем африканской народности котоко.

С высоты сегодняшних научных знаний о массовой психологии мы можем уверенно утверждать, что воспитание национального самосознания есть процесс не только стихийный (тем более, не имеющий отношения к биологии), но и в значительной степени управляемый. Для обозначения этого процесса введен даже специальный термин — этнополитика — управление этническими процессами. Этнические процессы делятся на этнотрансформационные и этноэволюционные. В первом случае при всех объективных изменениях не меняется самосознание этноса. При этноэволюции изменения столь глубоки, что меняется этническая самоидентификация. По типу этнические процессы могут быть этнообъединительными и этноразъединительными.

Образования украинского этноса происходит, говоря по-научному, путем этносепарации, то есть отделения от народа его части, обычно сравнительно небольшой, которая со временем превращается в самостоятельный этнос. Этносепарация может носить естественный характер, когда новый этнос образуется путем изоляции от основной части народа некоторой ее части, например, при переселении. Неестественная этносепарация происходит при действиях насильственного характера (оккупация, религиозно-культурное насилие и т.п.)

Поскольку русские жили на географически неразрывном пространстве, появление украинцев нельзя считать процессом естественным, таким, как разделение русского народа на различные этнические группы вследствие различия условий обитания. Например, только в Сибири сложилось несколько русских субэтносов: индигирцы, марковцы, якутяне, карымы и другие. Образование украинцев носило характер целенаправленного «лабораторного» синтеза.

Современная этнология в свете сложности вопроса украинского этногенеза старается обходить его стороной, предпочитая отмечать лишь естественные факторы этого процесса. Поэтому научное объяснение появления украинского этноса условиями самостоятельного политического развития Юго-Западной Руси или влияния Польши, выглядит совершенно смехотворно и даже откровенно антинаучно. Никакого самостоятельного политического развития Юго-Западная Русь никогда не знала, всегда пребывая в составе Литвы, Польши или России. Появление же вследствие взаимодействия двух народов третьего — такая же фантастика, как и образование самостоятельного языка на стыке двух других. Железный закон языкознания состоит в том, что при взаимовлиянии двух языков всегда один поглощает другой, но никогда не образуется третий.

Немцы антропологически практически неотличимы от славян. Собственно, многие немецкие субэтносы, например, силезцы — это германизированные славяне. Но разве в процессе многовекового взаимодействия германских племен со славянами и балтами возник самостоятельный этнос? Нет, потому что это в принципе невозможно. Большинство иноязычных племен на пути тевтонского «натиска на восток» были полностью германизированы. Точно так же на стыке взаимодействия германского и славянского миров не сложился никакой новый язык. Да, в чешском языке неимоверно много германизмов, но ядро языка осталось славянским. Если бы это ядро в результате настойчивой культурной ассимиляции разрушилось, то чешский язык просто исчез бы из обихода (так стали мертвыми большинство языков балтийской группы). Чехи, переняв немецкий язык, утратили бы и свою славянскую идентичность, и сегодня считали бы себя немцами наравне с баварцами, пруссаками и саксонцами.

Православные подданные польского короля никогда не забывали о том, что они русские (руськие) и говорили на русском языке (руськой мове). Боплан отмечал в своем сочинении, что исповедуя греческую веру, местные жители называют ее именно русской. Региональной особенностью местного диалекта было большое количество полонизмов, но это не дает повода считать руську мову самостоятельным языком,

тем паче, что 400 лет назад русский и польский языки были значительно ближе друг к другу, чем сегодня. Начиная с петровских времен, русский язык получил колоссальную инъекцию заимствований из европейских языков. При этом новые слова заимствовались не только с новыми понятиями, но и замещали старые (древнее «стан» было почти вытеснено немецким словом «лагерь»). Однако от этого язык не разорвал связь со старорусскими корнями и не изменил своего строя, принципов словообразования. Заимствованная лексика была стремительно русифицирована. Например, трудно поверить, что слово «мастер» является иностранным. Из какого языка оно заимствовано, сказать трудно, но ни в немецком *meister* ни в английском *master* не дают такого колоссального количества производных слов: мастерство, мастеровой, мастерица, подмастерье, мастерская, мастерок, мастерить, мастерски.

Да, русская правящая верхушка в Литве и Польше полонизировалась, но это означало смену этнической, культурной, религиозной идентичности, а не появление новой этнической общности. После расширения российских границ на запад в XVII—XVIII вв. процесс пошел в обратном направлении: дворянская верхушка начинает естественным образом русифицироваться (мне больше нравится слово «русеть»), причем это относится не только к ранее полонизированной шляхте, но даже к остзейскому немецкому дворянству. Но при этом часть шляхты, в том числе и имеющая русское происхождение, сохранила свою польскую идентичность. Резюмируя, можем сказать: никогда из сложения двух народов не получается третий народ; при взаимодействии двух языков один со временем всегда поглощается другим без малейшего шанса перерождения в третий[1].

Итак, естественным образом украинцы, как самостоятельный народ, просто не имели шанса возникнуть. Но принципы контролируемого формирования национального самосознания была эмпирически открыты довольно давно. Член иезуит-

---

[1] Такой культурный феномен как двуязычие находится за рамками рассматриваемого вопроса. Но даже в случае, когда целые народы говорят одновременно на двух языках, не происходит их слияния.

ского ордена «Воскресшие из мертвых» галицкий ксендз Варфоломей Калинка в середине XIX в. провозглашал такую концепцию борьбы с Россией:

«Между Польшей и Россией живет огромный народ, ни польский, ни российский. Польша упустила случай сделать его польским, вследствие слабого действия своей цивилизации. Если поляк во время своего господства и своей силы не успел притянуть русина к себе и переделать его, то тем меньше он может это сделать сегодня, когда он сам слабый; русин же стал сильней, чем прежде. Русин сегодня сильнее вследствие сознания своей национальности, расслабления польского элемента и демократического духа, проникающего его. Сельский русский люд не сознает еще своей национальности, но не любит ляха, как своего господина, богатого человека и исповедника иной веры. Просвещенные русины ненавидят ляха еще больше, чем простонародье, и в этом нерасположении поддерживают его.

Все русины вместе состоят материально под властью и нравственно под влиянием России, которая говорит подобным же языком и исповедует ту же веру, которая зовется Русью, провозглашает освобождение от ляхов и единение в славянском братстве, и при этом раздает земли и леса ляхов, где может, и обещает их повсюду, где раздать еще не может. Исторический процесс, начавшийся при Казимире, продвинутый вперед Ядвигою, законченный передвижением католичества и западной цивилизации на 200 миль к востоку, проигрывается настоящими поляками на наших глазах. Контрнаступление Востока на Запад, начатое бунтом Хмельницкого, катится все дальше, и отбрасывает нас к средневековой границе [династии] Пястов. Окончательный приговор еще не пал, но дело обстоит хуже некуда...

...Как нам защитить себя? Чем?! Силы нет, о праве никто не вспоминает, а хваленая западная христианская цивилизация сама отступает и отрешается. Где отпор против этого потопа, срывающего все преграды и катящегося, сбивая все на своем пути, несущегося неостановимо и затопляющего все окрест? Где?!

Быть может, в отдельности этого русского (малорусского) народа. Поляком он не будет, но неужели он должен быть москалем?! Сознание и желание национальной самостоятельности, которыми русины начинают проникаться, недостаточны для того, чтобы предохранить их от поглощения Россией. Опорная сила поляка хранится в его душе, — между душою русина и душою москаля, однако, основного различия нет, нет непереходимой границы...

Была бы она, если бы каждый из них исповедовал иную веру, и поэтому-то уния была столь мудрым политическим делом. Одному Богу ведомо будущее, но из естественного сознания племенной отдельности могло бы со временем возникнуть пристрастие к иной цивилизации и, в конце концов, — начав с малого — к полной отдельности души. Раз этот пробуждавшийся народ проснулся не с польскими чувствами и не с польским самосознанием, пускай останется при своих, но эти последние пусть будут связаны с Западом душой, а с Востоком только формой.

С тем фактом (т.е. с пробуждением Руси с не-польским сознанием) мы справиться сегодня уже не в состоянии, зато мы должны постараться о таком направлении и повороте в будущем потому, что только таким путем можем еще удержать Ягайлонские приобретения и заслуги. Только этим способом можем остаться верными призванию Польши, сохранить те границы цивилизации, которые оно предначертало. Пускай Русь останется собой и пусть с иным обрядом, но будет католической — тогда она и Россией никогда не будет и вернется к единению с Польшей. Тогда возвратится Россия в свои природные границы — и при Днепре, Доне и Черном море будет что-то иное... А если бы — пусть самое горшее — это и не сбылось, то лучше [Малая] Русь самостоятельная, нежели Русь российская. Если Грыць не может быть моим, то да не будет он ни моим, ни твоим! Вот общий взгляд, исторический и политический, на всю Русь!»[1]

Чаще всего в переводе на русский язык этих изречений Калинки присутствуют слова «*Иную душу влить в русина —*

---

[1] *Stanislaw Tarnowski*, hrabia, «Ksiadz Waleryan Kalinka», W Krakowie, 1887.

вот главная задача для нас, поляков!». Но в оригинале они отсутствуют. Кто приписал иезуитскому деятелю эти слова, неизвестно.

Что же это за народ — русины — ни польский, ни российский? Галиция, где развил свою бурную деятельность Калинка, после раздела Польши находилась в составе Австро-Венгрии. В западной части Галиции преобладало польское население, в восточной — русское. По-немецки местное население именовалось рутенам, а местные жители называли себя руськими (в единственном числе — русин). Но при этом русином был, что называется, поп да холоп, а господствующий класс в Восточной Галиции был представлен поляками. Зная степень «гуманизма» польского панства, неудивительно, что Калинка констатирует лютую ненависть русских к своим господам.

Независимой Польши в то время не существовало. В состав Российской империи входило полусамостоятельное Царство Польское, часть польских земель без каких либо прав на автономию принадлежала Австрии и Пруссии. Однако отсутствие единого польского государства не означало прекращение существования польского самосознания, на основе которого оформилось мощное движение за возрождение Речи Посполитой. Во время шляхетских восстаний в Галиции в 1846 г. и 1848 г. русское крестьянство энергично выступило на стороне правящей династии Габсбургов, что, разумеется, лишь увеличило пропасть отчуждения между панами и их холопами, несмотря на последовавшую отмену крепостного права. Русины, конечно, не питали особых симпатий к венским «цесарям», но ненависть к шляхте была такой, что они и с чертями побратались бы, заяви те о своем желании наказать панов.

Первоначально при дворе решили в противовес полякам культивировать рутенскую идентичность, как отличную от русской. Термин латинского происхождения Ruthenen был официально утвержден, дабы подчеркнуть отличие местного населения от Russen — российских подданных. Губернатор Галиции граф Франц Стадион фон Вартгаузен вызвал к себе представителей русского движения «будителей» и пригрозил репрессиями в случае, если галичане будут придерживаться мнения о том, что являются одной нацией с русскими. Однако, в слу-

чае согласия галицко-русского населения объявить признать себя рутенами, оно, дескать, может рассчитывать на благосклонность властей.

Выбор был не богат, «будители» согласились следовать в русле имперской политики и подписали известное заявление «Мы не русские, мы — рутены» (искусственность образования нового народа путем простого переименования русских стала тут же в империи предметом сатиры). В дальнейшем от имени рутен были опубликованы несколько верноподданнических заявлений. Результатом соглашения стало создание 2 мая 1848 г. первой русской политической организации Галиции — Головной русской рады. Возглавил ее униатский епископ Григорий Яхимович. Во Львове «была открыта семинария «Коллегиум рутенум» — «Русская коллегия», в Перемышле открылось специальное учебное заведение для подготовки учителей и священников из русского населения. Возникла и первая русская газета «Пчола галицка», издававшаяся первоначально на народном диалекте. Главными требованиями Головной рады был раздел Галиции на польскую и русскую (с объединением в составе русской провинции Буковины и Закарпатья) и уравнение в правах униатского духовенства с католическим.

Поляки отнеслись к рутенскому движению резко отрицательно, однако вскоре переменили свое отношение. Эта метаморфоза связана с именем прибывшего из России поляка Герика Яблонского, знакомого с зародившимся там движением украинофилов. Он постарался убедить польскую общественность, что гораздо целесообразнее не противостоять русскому национальному возрождению, а взять его под контроль, придав ему пропольский курс. В итоге усилий Яблонского был создан «Русский собор», где доминирующее положение, однако, занимали поляки. «Русский собор» стал издавать латиницей газету Dnewnyk Ruskij. Но особенно показательно то, что с самых первых дней существования основанного поляками «Русского собора» главным врагом русинско-польского содружества была объявлена... Россия и ее царский режим. Впрочем, никакого влияния на массы эта организация не приобрела, а ее газета заглохла после выхода нескольких номеров.

Императорский режим, верный принципу «разделяй и властвуй», умело играл на русско-польских противоречиях, в условиях усиления польского движения, всячески заигрывая с русскими. Но в 1849 г. по просьбе Франца-Иосифа I русский император Николай I отправил на помощь Австрии войска для помощи в подавлении венгерского восстания. Русская армия прошла через Галицию, где в период боевых действий находилась ее главная тыловая база. Встреча с русскими солдатами пробудила у галичан национальное сознание, и в 1850-х годах начинается бурное культурно-политическое движение в Галицкой Руси, стержнем которого стала идея общерусского единства. В Вене смекнули, что так недолго и до требований воссоединения с Россией, а сепаратизм польский в отсутствие Польши казался куда менее опасным, чем сепаратизм русский в приграничном с Россией регионе.

Поэтому вскоре рутенский проект был свернут, а на вооружение Габсбурги взяли предложенную поляками украинскую доктрину, как имеющую ярко выраженный антирусский окрас. «Рутены не сделали, к сожалению, ничего, чтобы надлежащим образом обособить свой язык от великорусского, так что приходится правительству взять на себя инициативу в этом отношении», — заявил наместник императора Франца-Иосифа в Галиции граф Агенор Голуховский, сменивший фон Вартгаузена в 1849 г. От культивирования рутенизма новые пропольские власти в Галиции перешли к привычной им полонизации. В 1851 г. Головная русская Рада закрывается, в 1859 г. предпринимается попытка перевести письменность русин на латиницу. Закончилось это предприятие полнейшим провалом, однако в среде самого русинского движения обозначились противоречия, подсказавшие властям, в каком направлении следует действовать.

В среде молодой интеллигенции стала проявляться тяга к созданию собственного русинского языка на основе фонетического правописания («как слышу, так и пишу»), тогда как русины старшего поколения были настроены на унификацию грамматики по правилам русского литературного языка. Нетрудно понять, что в первом случае происходила бы консервация местного говора, во втором же неизбежным было его

сближение с общерусским языком. Впоследствии эти разногласия вылились в раскол русинского движения на «старорусскую партию» и «народовцев».

Поляки, занявшие при Голуховском доминирующее положение в галицийской администрации, встали на сторону народовцев. В начале 60-х годов в Галиции начинает распространяться литература украинофильской направленности, в печати внедряется фонетическое правописание, так называемая кулишовка, созданная Пантелеймоном Кулишом[1]. Украинофильство, завезенное в Галицию из России, было явлением скорее политическим, нежели культурным.

Собственно, таковым оно было и в России. Выпячивание этнографических особенностей народонаселения бывших польских окраин было лишь поводом для пропаганды идей польско-русского содружества в борьбе против царизма за свободу Польши. Поскольку врагом поляки видели все тех же русских, возникла необходимость как-то отличать своих русских от чужих. Так в пропагандистский оборот вошло польское региональное прозвище малороссов — украинцы, но обозначением национальности оно еще не стало. Не было еще украинцев, народ о таковых не слышал, а были украинофилы, то есть сторонники пропольского политического движения, приправленного некоторой долей регионального сепаратизма. За пределы узкой прослойки полонизированной интеллигенции экзотические идеи украинофильства не выходили.

Даже создатель кулишовки, которую укро-идеологи нынче объявили первым украинским алфавитом, украинцем себя не считал. Увидев, что созданная им грамматика используется галичанами в политических целях, он заявил о готовности отречься от своего изобретения: *«Видя это знамя в неприятельских руках, я первый на него ударю и отрекусь от своего правописания во имя Русского единства»*. Но народовцы,

---

[1] *Кулиш Пантелеймон Александрович* (1819—1897 гг.) — один из первых в России «украинцев», писатель, участник Кирилло-Мефодиевского братства. Начинал писать он на русском языке, однако потом изобрел собственную грамматику для крестьянского языка Малороссии и стал с 1857 г. писать новым письмом.

сделавшие Кулиша своим знаменем, уже не интересовались его мнением.

Любопытно, что алфавит Кулиша не был изобретен им, а частично заимствован у русинских деятелей Якова Головацкого (к нему обращено цитируемое выше обращение Кулиша), Маркиана Шашкевича и Ивана Вагилевича (был редактором пропольского журнала Dnewnyk Ruskij), впервые использовавших фонетическое правописание в альманахе «Русалка днестровая», изданном в 1837 г. в Венгрии. На изобретение собственной грамматики издателей подвигло, видимо, запрещение изданий на русском языке, введенное в Австрии в 1822 г. Но «русалочное» правописание стало лишь единичным эпизодом и не прижилось. Довольно показательна судьба бывших единомышленников, издавших этот альманах. Яков Головацкий, ставший ректором Львовского университета, встал в дальнейшем на позиции общерусского единства, перешел в православие и эмигрировал в Россию. Вагилевич же окончательно склонился к польскому лагерю (он, собственно и считается польским писателем), перешел из унии в протестантство. Неизвестно, как сложилась бы жизнь Шушкевича, не умри он в возрасте 32 лет в 1843 г.

Раскол русинов окончательно произошел в 1870-е годы. Народовцы стали именовать себя сначала «руськими» (мягкий знак подчеркивал их отличие от русофилов, которые писали «руский» или «русский»), а затем и украинцами. Сторонников же общерусского единства они стали называть москвофилами. То есть изначально слово «украинец» не являлось названием народа, а означало принадлежность к политической партии. В 1880-е годы австрийские власти начинают широкомасштабную борьбу с москвофильством, взяв в союзники народовцев-украинцев. В 1882 г. имел место громкий судебный процесс над русскими галицкими деятелями по обвинению в государственной измене, известный под именем «процесс Ольги Грабарь», положивший начало целой серии подобных политических судилищ. Особый упор обвинение делало на то, что подсудимые, пропагандируя идею общерусского единства, утверждали, что язык русинов и есть русский язык. В то же время начинается наступление католичества на униатскую церковь.

Годом официального рождения украинской народности надлежит считать 1890 г., когда избранные при польской поддержке депутатами галицкого сейма депутаты Юлиан Романчук и Анатоль Вахнянин выступили с заявлением, что народ, населяющий Галицию — это украинцы, и они не имеют ничего общего с русскими. До этого момента слово «украинец» не использовалось широко даже самими народовцами, ибо их просто не поняли бы русины, чьи интересы они якобы защищали. Романчук в сейме возглавлял депутатское объединение «Русский клуб». В сейме следующего созыва русских депутатов уже не было, их места заняли депутаты-украинцы.

С этого момента в Галиции начинается тотальная украинизация. Важным шагом в этом направлении стало введение нового правописания, придуманного финансируемым правительством Научным обществом имени Шевченко. Несмотря на резкое неприятие со стороны русинского образованного слоя, оно стало вводиться в школах, судах и учреждениях. В 1892 г. фонетическая орфография была признана министерством народного просвещения официальным правописанием в Галиции и Буковине. Современный украинский алфавит был создан довольно нехитрым способом путем изъятия из русской азбуки трех букв и введения в нее двух новых.

Подавляющее большинство русинов не поддержали украинцев, которые открыто демонстрировали свою иудину сущность. Так украинский депутат Барвинский провозглашает, что «каждый украинец должен быть добровольным жандармом и следить и доносить на москвофилов». Однако усиленная поддержка украинства властями и непрекращающийся политический и культурный террор сделали свое дело: все большее количество русских стали переходить в лагерь украинцев. В то время в Галиции стал наблюдаться невиданный нигде ранее феномен: у русских родителей начали рождаться дети украинцы. Школа, церковь, печать, политическая пропаганда — все работало на создание украинской народности. С учащихся духовных семинарий в обязательном порядке брали такую расписку: «*Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, а лишь украинцем и только украинцем*».

Человек, открыто заявлявший о своем неприятии украинства и придерживающийся русской культурной традиции, подвергался всевозможным ущемлениям: он не мог устроиться учителем (в школах и гимназиях могли преподавать только украинцы), получить образование, устроиться на государственную службу, подвергался политическим репрессиям. Получить ссуду в банке мог лишь украинский крестьянин. Полиция вела обширную картотеку на неблагонадежных русских, отмечая в специальной графе, что надлежит с ними сделать в случае войны — кого арестовать, кого всего лишь выслать.

В Буковине австрийцы действовали более тонкими методами, нежели в Галиции. Объясняется это тем, что помещики здесь были не польскими, а румынскими, которые, сами будучи православными, терпимо относились к религии и языку своих крестьян. Поэтому здесь была создана сеть бесплатных бурс, где готовилась преданная престолу украинская интеллигенция. В мае 1910 года австрийские власти, выдвинув обвинения в шпионаже и государственной измене, закрыли все буковинские русинские организации, включая курсы кройки и шитья Общества русских женщин, а также русские общежития для учащейся молодежи — бурсы — в Черновцах и Серете. Имущество организаций было конфисковано. Перед началом Первой мировой войны более чем трехмиллионное русское население Австро-Венгрии раскололось примерно на две равные части — украинцев и русин. Окончательное размежевание происходит в 1914 г., когда с началом войны в Галиции происходит поощряемая властями русско-украинская резня, в результате которой погибло несколько десятков тысяч русин (называются цифры до 60 тысяч жертв).

Судьба выживших была тоже незавидной. Более 20 тысяч русин, заподозренных в симпатиях к России, прошли через концентрационный лагерь Талергоф, из них три тысяч погибли. Несколько тысяч русин содержалось в концлагере Терезин. Жертв было бы гораздо больше, но в 1914 г. в результате успешного наступления русская армия занимает большую часть Галиции. При отступлении в 1915 г. с армией эвакуируются и множество русин, опасающихся мести австрийцев и украинцев. Кстати, австрийские концлагеря стали первыми в Ев-

ропе, Терезину же принадлежит рекорд по времени использования: он пригодился немцам во время следующей мировой войны, а в 1945—1948 гг. чехи пользовали его в качестве транзитной тюрьмы для депортируемых немцев. Украинцы же верой и правдой служили Габсбургам, созданные австрийскими властями на базе военизированных украинских организаций «Сокол» и «Пласт» формирования сичевых стрельцов воевали на Восточном фронте.

Не смотря на титанические усилия правительства Австро-Венгрии, венгров, поляков и их прихвостней-украинцев, русское самосознание в Галиции, Буковине и Закарпатье не было полностью уничтожено. В Чехословакии в 30-е годы происходит даже мощный всплеск русского культурного возрождения. В 1937 г. в Закарпатской Руси, находившейся тогда в составе Чехословакии, под влиянием украинской пропаганды встал вопрос: на каком языке — русском или украинском вести преподавание в школах. Произведенный плебисцит дал следующие результаты: за преподавание на русском языке — 86%; на украинском — 14%. В 1938 г. эта часть Словакии была оккупирована Венгрией, где после воссоединения Западной и Восточной Украины в 1939 г. зародилось мощное движение за присоединение Закарпатской Руси к ССР, причем во главе его стояли не интернационалисты-коммунисты, как можно было бы предположить, а Русская национальная партия, возглавляемая депутатом венгерского парламента Стефаном Фенциком. До весны 1941 г. около 20 тысяч русин нелегально перешли границу и приняли советское гражданство.

Сегодня русинов официально не существует, так как советские вожди поголовно записали их в украинцы, чего не удавалось даже австрийским императорам. После присоединения Закарпатской Руси к Советскому Союзу, эта область в 1945 г. вошла в состав УССР, и всех русинов заставили учить в школе «украиньску мову». Спрашивать мнение население по этому вопросу в ССР было не принято. Между тем сами русины до сих пор упорно не желают признавать себя украинцами. В июне 1999 г. в Ужгороде состоялся 5-й Всемирный конгресс русинов, потребовавший от киевского правительства признать русин, численность коих на Украине — 700 тысяч, равноправ-

ным этносом, открыть русинские школы, кафедру русинского языка при Ужгородском университете и т.д. Еще в декабре 1991 г. в Закарпатье был проведен местный референдум о предоставлении оному статуса автономии. «За» проголосовало 78% населения, но Киев к тому времени был во власти торжествующих русофобов-самостийников, которые торжественно объявили, что будут строить европейскую демократию и права человека. А при европейской демократии автономия и права человека положена только друзьям ЦРУ и НАТО, например, косовским албанцам. Поэтому самостийники сделали вид, что никакого референдума в Закарпатской Руси не было.

Итак, можно уже сделать некоторые выводы. Украинцы, как этническая общность, появляются на исторической сцене только в 90-х годах XIX в. в Австро-Венгрии, когда понятие «украинец» из чисто политического начинает превращаться в признак этнической самоидентификации. Причиной рождения «украинской нации» стала политическая конъюнктура, а именно необходимость противостояния России и русскому влиянию. Русофобия есть главная черта украинца с самого зарождения украинства. Датой официального рождения украинского языка и унифицированного алфавита надлежит считать 1892 г., когда он начал официально насаждаться в Галиции. До того момента существовали лишь различные системы фонетического правописания, которые чуть ли не всякий украинофил выдумывал для себя сам. Широкого хождения они не имели, тем более, не получали официального признания. Впервые существование украинского народа, как отдельной национальности было признано в Австро-Венгрии в 1915 г.

КТО ПРИДУМАЛ УКРАИНЦЕВ?

Но австрийские поляки не сами изобрели украинство, а всего лишь взяли на вооружение наработки своих российских соплеменников. Честь изобретения украинцев принадлежит польскому писателю Яну Потоцкому, который в своем сочинении «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах», изданном в Париже на французском языке в 1795 г., сформулировал концепцию о том, что украинцы, населявшие малопольскую украйну, являются народом, отдельным от русского и имеющим совершенно самостоятельное происхождение. Частично гипотеза Потоцкого базировалась на популярной в то время в Польше сарматской теории, по которой поляки были прямыми наследниками этого легендарного племени, одним из ответвлений которого автор счел украинцев. Никакой научностью это писание, разумеется, не обладало, а являлось пропагандистским ответом на раздел Польши. Мысль, которую пытался обосновать автор, была довольно прямолинейна: поскольку украинцы не имеют никакого отношения к русским, ни культурно, ни исторически, то никаких исторических прав на земли к западу от Днепра Россия не имеет. Пропаганда эта была, разумеется, рассчитана на западного читателя, имеющего слабые представления о восточноевропейской этнографии.

Творчески переосмыслил украинскую концепцию другой польский деятель — публицист, историк, библиофил Тадеуш (Фаддей) Чацкий. В 1801 г. он написал псевдонаучную работу «О названии «Украина» и зарождении казачества», в которой выводил украинцев от выдуманной им орды укров, якобы переселившихся в VII в. из-за Волги. Деятельность этих польских

«просветителей» носила вовсе не научный, а хорошо организованный политический характер. Дело в том, что на русском престоле с 1801 г. восседал Александр I, этакий Горбачев XIX в., проводивший раболепную прозападную политику. Хуже всего, что император страдал полонофилией и дошел в ней до такой крайности, что даже назначил министром иностранных дел ярого русофоба Адама Чарторыйского, который в будущем, во время польского восстания 1830—1831 гг., возглавит правительство мятежников.

При Александре двор и государственные учреждения были буквально облеплены польской шляхтой, которая вдруг воспылала любовью к своим русским победителям. Но за показным конформизмом скрывалось желание отомстить России при первом же удобном случае. Этот феномен даже получил свое название — валленродизм. В 1828 г. Адам Мицкевич написал свою известнейшую поэму «Конрад Валленрод» с довольно двусмысленным сюжетом. Главный герой произведения литовец Вальтер Альф после того как крестоносцы убили его родителей, попадает в рыцарский замок, где его воспитывают христианином. Но находящийся в плену в замке старый вайделот (литовский народный певец, аналогичный скандинавскому скальду) внушает ему любовь к порабощенной родине и ненависть к крестоносцам. В первом же сражении Альф переходит на сторону литовцев, поселяется у литовского князя Кейстута и женится на его дочери Альдоне. Однако не видя способа отразить натиск врага, он покидает семью и проникает в ряды крестоносцев, где под именем Конрада Валленрода делает стремительную карьеру, став в конце концов гроссмейстером ордена. Далее он, совершив ряд предательств, приводит орден к гибели. Подобная доктрина была воспринята шляхтой как руководство к действию.

Ян Чацкий, выполнявший при Чарторыйском дипломатические поручения русского правительства, в 1806 г. избран почетным членом Императорской Академии наук. Его брат, видный масон Северин Чацкий — камергер, член Государственного совета, действительный тайный советник. Первым малороссийским этнографом стал поляк Адам Чарноцкий, в свое время дезертировавший из русской армии и поступивший на

службу к Наполеону (участвовал во вторжении в Россию). Вернувшись в 1819 г. в Россию, он, скрываясь под именем Зориана Доленги, снискал расположения императора. Александр I приказал зачислить Чарноцкого в состав Министерства народного просвещения и выдавать ему по 3000 руб. серебром в год на осуществление его «ученых путешествий», причем губернаторам и прочим местным властям приказано было оказывать Чарноцкому всяческое содействие.

Большое, почти абсолютное влияние приобрели поляки в системе образования Юго-Западного края. На ниве народного просвещения отметился и протеже Чарторыйского, бывшего попечителем Виленского учебного округа (включал также Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии), Фаддей Чацкий — основатель Кременецкого лицея. Как пишет в очерке «Украинское движение» Андрей Стороженко, *«в первой четверти XIX века появилась особая «украинская» школа польских ученых и поэтов, давшая чрезвычайно талантливых представителей: К. Свидзинский, С. Гощинский, М. Гробовский, Э. Гуликовский, Б. Залесский и мн. другие продолжали развивать начала, заложенные гр. Я. Потоцким и Ф. Чацким, и подготовили тот идейный фундамент, на котором создалось здание современного нам украинства. Всеми своими корнями украинская идеология вросла в польскую почву»*.

Кременецкий (позднее Волынский) лицей ставший настоящим рассадником полонофильской интеллигенции, в 1831 г. после разгрома польского восстания был закрыт, в дальнейшем был переведен в Киев и преобразован в университет имени Святого Владимира. Еще одним сильнейшим очагом польского влияния стал Харьковский университет, что совсем не удивительно, если учесть, что его первым попечителем стал Северин Потоцкий, полностью подобравший профессорский состав. Это объясняет то, что маргинальные идеи украинства Потоцкого и Чацкого со временем укоренились в среде южнорусской интеллигенции. Харьковский университет стал настоящей кузницей украинства в России. Из его стен выпорхнули на волю в числе прочих деятелей украинства Петр Гулак-Артемовский, один из родоначальников укро-литературы, историки Дмитрий Богалей и Николай Костомаров.

Последний наиболее наглядно представляет собой портрет типичного украинца того времени. Родители Николая Ивановича были русскими, сам он родился русским, однако является украинским писателем и историком. «Украинский язык» он выучил уже в зрелом возрасте и принялся строчить на нем стишки и пьесы, впрочем, весьма посредственные. Учение своих польских предшественников об отдельности украинского народа ярый русофоб Костомаров адаптировал для внутреннего, так сказать, употребления, выдвинув тезис о двух ветвях восточнославянского народа — малороссах и великороссах. Одновременно с Костомаровым действовало целое направление польской общественно-исторической мысли, вообще отрицавшее славянское происхождение русского народа, якобы имеющего финно-тюркское происхождение. Поскольку убедить в этом кого-либо было крайне трудно, возникла еще одна мистическая концепция, постулирующая наличие в славянском мире двух полюсов — носителями метафизического добра были поляки (коллективный Христос), а русские, естественно, объявлялись коллективным воплощением дьявола и носителем всего плохого, вредного и греховного.

До Костомарова никому и в голову не приходило делить единый русский народ на отдельные ветви, хотя о диалектических особенностях различных говоров писал еще Ломоносов, выделяя в русском языке три разговорных наречия — северное, московское и малороссийское. При этом Михаил Васильевич подчеркивал, что различия между русскими говорами, несмотря на обширность ареала расселения народа, значительно меньшие, нежели между немецкими диалектами. Но, несмотря на очень большие различия между верхнерейнским и восточно-прусским диалектами, немцы сегодня пользуются единым литературным языком, а единое русское языковое пространство в XX в. было разрублено на три части. До Костомарова понятие великоросс считалось сугубо географическим, обозначая коренного жителя 30 великороссийских губерний.

Так вот, сначала стараниями украинствующего историка Костомарова в «научный» обиход была введена искусственная схема разделения народа на некие ветви, а потом словосочетание «малорусская народность» постепенно, но целе-

направленно заменялось украинствующей интеллигенцией выражением «украинский народ». Но никакого укоренения в массовом сознании эта концепция не получила, официально распропагандирована она была лишь в советское время.

Вообще, в Российской империи украинствующая интеллигенция существовала совершенно отдельно от народных масс, варясь в собственном соку. Да и какую связь мог иметь с несуществующим украинским народом русский по происхождению Костомаров или столь же русский родоначальник украинской исторической «науки» Михаил Грушевский, который по-украински говорить толком не научился, а уж писал на укро-мове настолько убого, что некоторые его фразы без полулитры горилки понять совершенно невозможно? Даже родоначальник украинского литературного языка Тарас Шевченко думал по-русски, и по-русски же делал в течение всей жизни интимные дневниковые записи, где не надо было притворяться украинцем. Украинская «Жорж Санд» Марко Вовчок тоже была урожденной русской Марией Вилинской, а украинством увлеклась, выйдя замуж за украинофила Афанасия Марковича.

Впрочем, региональная малороссийская литература второй половины XIX в. к украинскому языку имеет отношение весьма отдаленное, потому как украинского языка и украинского алфавита тогда еще не существовало, а энтузиасты крестьянского наречия Малороссии пользовались преимущественно русской азбукой, экспериментируя с фонетическими системами правописания. Австрийских украинофилов многие их российские коллеги на дух не переносили, а попытки экспорта полонизированного украинского языка из Галиции встречали в штыки. Официальный язык сегодняшней Украины многие специалисты предлагают называть новоукраинским. Тараса Шевченко на него уже следует переводить, ибо за полтора столетия очень сильно мутировала не только украинская грамматика, но и лексическая основа языка. Нам, русским, трудно осознать столь стремительное видоизменение украинского языка, ведь для нас не только язык Пушкина, но даже речь Ломоносова отнюдь не кажется архаичной, а человек, знакомый с церковно-славянским, без труда читает древние летописи.

Первыми же российскими украинизаторами были именно поляки. Александр Каревин в своей замечательной книге «Русь нерусская (как рождалась рідна мова)» так описывает начало украинского движения: *«XIX век прошел на Украине под знаком борьбы двух культур — русской и польской. Заветной мечтой польских патриотов было восстановление независимой Речи Посполитой. Новая Польша виделась им не иначе, как «от моря до моря», с включением в ее состав Правобережной (а если удастся — то и Левобережной) Украины и Белоруссии. Но сделать это без содействия местного населения было невозможно. И руководители польского движения обратили внимание на малороссов.*

Поначалу их просто хотели ополячить. Для этого в панских усадьбах стали открываться специальные училища для крепостных, где крестьянских детей воспитывали на польском языке и в польском духе. В польской литературе возникла так называемая «украинская школа», представители которой воспевали Украину, выдавая при этом ее жителей за особую ветвь польской нации. Появился даже специальный термин — «третья уния». По мысли идеологов польского движения, вслед за первой, государственной Люблинской унией 1569 г. (соединившей Польшу и Литву с включением при этом малорусских земель великого княжества Литовского непосредственно в состав Польши) и второй, церковной Брестской унией 1596 г. (оторвавшей часть населения Малороссии и Белоруссии от Православной Церкви и поставившей эту часть под контроль католичества), «третья уния» должна была привязать к Польше (естественно, с одновременным отмежеванием от Великороссии) Украину (Малороссию) в сфере культуры. В соответствующем направлении прилагали усилия и чиновники-поляки (их в то время немало служило на Украине, особенно по ведомству министерства просвещения).

Как это ни странно, но такой почти неприкрытой подрывной деятельности власти препятствий не чинили. Что такое «психологическая война», тогда просто не знали. А поскольку открыто к восстанию до поры до времени поляки не

призывали, царя вроде бы не ругали, то и опасности в их деятельности никто не усматривал»[1].

Но проект «третьей унии» изначально был мертворожденным, поскольку для польских панов их русские холопы были быдлом, и признавать их ровней себе они не собирались. Да и крестьяне иноверных и иноязычных господ считать своими никак не могли. Поэтому в дальнейшем в ход пошла концепция украинства Потоцкого — Чацкого. Польская интеллигенция, занимающая в Юго-Западном крае доминирующее положение, стала пропагандировать идею о том, что украинцы — это народ, порабощенный русскими. Для сопротивления русской колонизации они призывали отказаться от русской культуры и разработать свой собственный литературный язык.

Но и в этом деле результаты были малоубедительными. Каревин пишет: *«Образованные малороссы всей душой любили народные обычаи, песни, говоры, но при этом, несмотря на усилия украинофилов, оставались русскими. Новыми идеями соблазнились единицы. «У нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из природных малороссов, а то (прочие) все поляки, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонок, — сообщал видный малорусский общественный деятель К. Говорский галицкому ученому и общественному деятелю Я. Головацкому. — Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно пронырливый лях почуял в этом деле для себя поживу, когда решился на такие подвиги». То, что потом было названо «украинским национально-освободительным движением», на начальном этапе своего развития состояло преимущественно из поляков (В. Антонович, Т. Рыльский, Б. Познанский, К. Михальчук и др.), поддержанных очень немногими малороссами».*

Главным теоретиком доктрины украинского национализма тоже стал поляк Францишек Духинский, воспитанный в нужном русле в униатскому училище базилианского ордена в городе Умани Киевской губернии. Учителя (разумеется, поляки) внушили молодому Францишеку, что Россия — за Днеп-

---

[1] http://www.russian.kiev.ua/books/karevin/rusnorus/rusnorus.shtml

ром, а здесь — Украина, населенная особой ветвью польского народа — украинской. Во время Крымской войны он служит на гражданских должностях в английской армии в Турции, все последующие годы жизни, кочуя по Европе, пропагандирует радикальные антирусские доктрины. Исповедуя расовый подход в истории, Духинский категорически отказывает русским (они представители туранцев — неполноценных народов, противостоящих арийским) в праве считаться славянами, утверждая что *«москали не являются ни славянами, ни христианами в духе настоящих славян и других индоевропейских христиан. Они остаются кочевниками до сих пор и останутся кочевниками навсегда»*. Он же, кажется, первым в трехтомнике «Основы истории Польши и других славянских стран и Москвы» (1858—1861 гг.) высказал суждение о том, что имя «Русь» украдено москалями у украинцев, которые единственные имеют право на него. Хотя технических подробностей этого «похищения» он так и не раскрыл, все последующие «свидомые» историки неизменно базируют свои концепции на этом тезисе. Ну да, считать себя арийцами весьма приятно.

Последователь Духинского террорист Николай Михновский развил идеи украинского национализма до самых радикальных фашистских форм, провозгласив лозунг: «Украина — для украинцев. Итак, выгони прочь с Украины иностранцев-угнетателей»! Сформулирован сей призыв был в «Десяти заповедях Украинской народной партии» в 1904 г., когда никакой Украины не существовало, но учитывая, что Михновскому она виделась от Карпат до Кавказа, масштаб предполагаемых этнических зачисток впечатляет. Однако в отличие от своего крестного отца, предлагающего украинцам роль младшего брата поляков, Михновский уже отводит ляхам место второго по значению врага украинцев после москалей. В дальнейшем украинский национализм приобрел настолько ярко выраженный антипольский характер, что «свидомые» в период Второй мировой войны попытались перейти к практическому решению польской проблемы путем физического устранения поляков (наиболее масштабной акцией была Волынская резня 1943 г.).

Украинский национальный гимн «Що не вмерла Украина» является своего рода калькой с польского гимна «Еще Польска

не сгинела» и написан накануне шляхетского восстания 1863 г. группой поляков во главе с Павлом Чубинецким. В пропагандистских целях автором украинского гимна объявили Тараса Шевченко. Поляки в одном из вариантов гимна объявляются братьями украинцев:

Ой, Богдане-Зиновию, пьяный наш гетьмане,
За что продал Украину москалям поганым?
Чтоб вернуть ей честь и славу, ляжем головами,
Наречемся Украины верными сынами.
Наши братчики-славяне за оружье взялись,
Не годится, чтобы мы в стороне остались!

Да, совсем не из теплых чувств к «арийским» братьям поляки пестовали украинство. Они очень рассчитывали, что те поддержат их в антирусском восстании. Проще говоря, ляхи очень нуждались в пушечном мясе. Сам Духинский провозглашал: *«Русь — это сильнейшая и доблестнейшая Польша, и польское восстание не будет успешным, если не начнется на Руси»*. Русью он, разумеется, именовал Украину, у которой москали украли ее природное имя.

Вождь польских повстанцев генерал Людвик Мерославский[1] выражался очень конкретно:

«Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета за Днепр. Пусть там распространяют казацкую гайдаматчину против попов, чиновников и бояр, уверяя мужиков, что они стараются удержать их в крепостной зависимости. Должно иметь в полной готовности запас смут и излить его на пожар, зажженный уже во внутренностях Москвы. Вся агитация малороссианизма пусть перенесется за Днепр... Вот весь польский герценизм! Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая сокровенные внутренности царизма... Пусть себе заменяют вдоль и поперек анархией русский царизм, от которого, наконец, освободится и очистится со-

---

[1] Командующим он был чисто номинальным, потому как после двух стычек с казаками, рассеявшими его штаб и захватившими обоз, Мерославский бежал за границу, бросив восстание на произвол судьбы.

седняя нам московская народность. Пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит «для нашей и вашей свободы». Перенесение его в пределы Польши будет считаться изменой отчизне и будет наказываться смертью, как государственная измена...»

Но ни в Литве, ни на Волыни крестьянство на помощь ляхам не пришло, а малочисленные украинствующие интеллигенты готовы были оказывать восставшим только моральную поддержку (не совсем же они были идиотами), а то и вообще проявили к шляхетским бедам самое полное равнодушие. Более того, в российских губерниях крестьяне зачастую расправлялись с восставшей шляхтой собственными силами, да и в самой Польше после того, как крестьянам была обещана земля бунтовщиков, селяне стали с энтузиазмом выдавать властям мятежников. После провала шляхетского мятежа украинофильство в России переживает кризис, поскольку полякам становится не до него. Не многие государственные мужи понимали опасность польской пропаганды, но главный начальник Северо-Западного края Михаил Николаевич Муравьев ее вполне осознавал и действовал со всей решительностью. Следуя простому принципу «клин клином вышибают», он высказался совершенно прямолинейно: «Что не доделал русский штык — доделает русская школа». Всего за два года он смог основательно подорвать польскую культурную гегемонию на вверенной ему территории.

Известный русский философ и писатель Иван Солоневич так оценивал усилия Муравьева по деполонизации: *«Край, — сравнительно недавно присоединенный к империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика русского там не было ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа и интересы России... Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии — даже без пролетариата и ремесленников. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции».*

Кстати, прозвище «Вешатель» Муравьев получил за тридцать лет до польского восстания благодаря историческому анекдоту. После назначения его на должность губернатора Гродненской губернии в 1831 г. его спросили, не родственник ли он повешенному декабристу Муравьеву-Апостолу. На это Михаил Николаевич ответил, что происходит не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают. Что касается повешенных повстанцев, то таковых на весь обширный край насчитали лишь 128 человек. Но ненависть поляков к Муравьеву безгранична до сих пор, хотя к Польше он никакого отношения не имел, будучи наместником русских по населению губерний. Видимо ненависть эта первоначально имела сугубо меркантильную базу, ибо Муравьев предпринял энергичные меры для секвестрования дворянский имений и улучшения положения крестьян, находящихся здесь в более угнетенном состоянии, нежели в центральных российских губерниях.

Киевский генерал-губернатор Дмитрий Гаврилович Бибиков, занимавший этот пост в 1837—1852 гг., также вполне осознавал угрозу, проистекающую от засилья в крае польского дворянства. Им были разработаны инвентарные правила, определявшие отношения крестьян с помещиками. К сожалению с украинофильством никакой борьбы не велось, хотя следующий генерал-губернатор Николай Николаевич Анненков и приложил усилия для принятия так называемого валуевского циркуляра. Циркуляр этот, названный по имени министра внутренних дел империи Петра Александровича Валуева, был тайным и прямого действия не имел, а адресовался Цензурному комитету с требованием запретить печатать учебную, политическую и религиозную литературу на украинском языке.

Валуев в своей записке отмечал, что *«общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии. Явление это тем более прискорбно*

и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков». Однако запретительная мера эта была половинчатой и малодейственной, поскольку была направлена лишь на использование украинского языка в политических целях, но печать «изящной литературы» и разработки литературного украинского языка прекращены не были.

У всякой идеи должны быть свои мученики. У украинской они тоже есть. Венец великомученика отводится украинской мифологией Тарасу Шевченко, распятому проклятыми москалями (фигурально, конечно), а просто мучениками можно считать его коллег по Кирилло-Мефодиевскому братству. «Свидомые» свято уверены, что репрессии проклятого царского режима обрушились на голову святого «кобзаря» лишь за то, что тот был украинцем. Но это суждение в корне неверно. Кирилло-Мефодиевское братство, созданное по инициативе Николая Костомарова, было тайной политической организацией самого радикального толка. Основные пункты программы были следующие:

— освобождение славянских народностей из-под власти иноплеменников (в том числе отделение Украины от России);

— организация их в республики с удержанием федеративной связи между ними (при этом независимая Украина мыслилась чуть ли не как центр федерации);

— уничтожение крепостного права;

— упразднение сословных привилегий и преимуществ;

— религиозная свобода и веротерпимость;

— при полной свободе всякого вероучения употребление единого славянского языка в публичном богослужении всех существующих церквей;

— полная свобода мысли, научного воспитания и печатного слова и преподавание всех славянских наречий и их литературы в учебных заведениях всех славянских народностей.

Чтобы почувствовать, насколько эти идеи были проникнуты антигосударственным пафосом, давайте поищем аналогию в реалиях сегодняшнего дня. Когда радикальные нацио-

налисты и религиозные фанатики провозглашают идею освобождения Чечни от российского гнета и создание Кавказского халифата из освобожденных из под христианского ига народов, то перепуганная общественность единодушно поддерживает лозунг «Мочить в сортире!» и всячески одобряет ковровые бомбардировки и зачистки в самашкинском стиле. Так неужели царские власти должны были безучастно глядеть на бурную деятельность национал-сепаратистов республиканского толка?

Ситуация осложнялась еще и внешнеполитическим аспектом усилий украинствующих республиканцев посягнувших, пусть даже только на словах, на территориальную целостность не только России, но и Австрийской империи. Император Николай являлся, как известно, рьяным охранителем Священного Союза трех держав, направленного на незыблемость европейских границ, и ему совсем не улыбалось, что кучка фармазонов дискредитирует его на международной арене. Может быть, несколькими годами раньше или позже власти смотрели бы на интеллигентов-карбонариев сквозь пальцы, но 1847 г. когда тайное общество было ликвидировано, выдался крайне напряженным. В 1846 г. в австрийской Галиции поляки учинили мятеж, который был подавлен при деятельном участии русского населения, а вскоре разразилась венгерская революция, чуть было не поставившая жирный крест на империи Габсбургов. Если бы не русские штыки, то так бы, вероятно, и случилось. Мне, конечно, очень трудно симпатизировать Австрии, да только уж очень неудачное время выбрали Шевченко с Костомаровым, чтобы разводить революционную деятельность.

Репрессии против кирилло-мефодиевцев носили чисто символический характер. Костомаров, один из создателей общества, всего год отсидел в Петропавловской крепости и некоторое время пребывал в ссылке, но не в Сибири, всего лишь в Саратове, а в дальнейшем спокойно занимался своим любимым украинофильством без всякого стеснения. Покаявшемуся Кулишу четырехмесячный тюремный срок и ссылку в Вологду заменили двумя месяцами пребывания в арестантском отделении военного госпиталя, а местом ссылки назначили Тулу. Гулак провел в тюрьме под следствием три года, но вероятно

лишь потому, что отказался давать какие-либо показания, после чего отправился на пять лет в пермскую ссылку. Тарас Шевченко пострадал больше всех — 10 лет прослужил солдатом в Оренбургском полку. Но причиной столь «суровой» кары было вовсе не участие в тайном обществе, и уж тем паче, не украинофильство, а найденные у него при обыске стихи о императрице оскорбительного характера, что по тем временам было тяжким преступлением.

В то же самое время, в 1849 г. в отношении другого тайного общества — кружка петрашевцев в Петербурге были применены меры куда более жесткие — 122 человека находилось под следствием, из них 21 приговорены к смертной казни. Приговоренные уже стояли перед строем солдат на Семеновской площади, когда расстрел был им заменен ссылкой. Почему-то никому не приходит в голову объявить все эти репрессии национальным угнетением русского народа со стороны немецкой по крови царской династии.

Вся дальнейшая история российского украинофильства практически не выходит за рамки интеллигентской среды. Хождение в народ переодетых в шаровары и вышиванки студентов, приобщающихся таким образом к крестьянскому диалекту и сельскому фольклору, выглядело, скорее, как забава мажорствующей молодежи, но на пробуждение в массах «украинского самосознания» никакого влияния оказать не могло. Однако после издыхания польского импульса, все большее влияние на отечественных украинофилов начинает оказывать галицкое политизированное украинство, более того, по мере приближения Первой мировой войны австрийский и германский генеральные штабы все большее внимание начинают уделять украинству по чисто практическим соображениям. Украинофилов они видят своим агентами влияния, а украинской доктрине пытаются сделать прививку сепаратизма.

В 1906 г. начинается масштабная акция так называемого языкового крестового похода в Малороссию, организованная Веной. В крупнейших городах Юго-Западного края как грибы после дождя (золотого!) открываются многочисленные украиноязычные издания, откуда не возьмись, появляются сотни пропагандистов возвращения к истокам «ридной мовы».

Движение крестоносцев бурно приветствуют социалисты и либералы, руководствуясь той логикой, что все, что направлено против царизма, к лучшему. Но крестовый поход заканчивается полным провалом, потому как австрийский вариант украинского языка, грубо насаждаемый в полонизированной Галиции, оказался совершенно непонятен малороссам.

Как констатирует в своей брошюре «Первые украинские массовые политические газеты Поднепровья» (Нью-Йорк, 1952 г.) Юрий Тищенко-Сирый, один из тогдашних крестоносцев, *«помимо того маленького круга украинцев, которые умели читать и писать по-украински, для многомиллионного населения Российской Украины появление украинской прессы с новым правописанием, с массой уже забытых или новых литературных слов и понятий и т.д. было чем-то не только новым, а и тяжелым, требующим тренировки и изучения»*.

По свидетельству Сирого, у самого массового издания крестоносцев «Ридный край» было всего две сотни подписчиков. Надо полагать, все они были самими укро-австрийскими крестоносцами, потому что российские украинофилы с раздражением отмечали, что читать прессу крестоносцев без словаря (украинско-украинского?) не в состоянии. Их угнетало обилие в галицком новоязе большого количества выдуманных — «выкованных» слов, искусственно созданных для замены слов русских. Против потуг крестоносцев гневно выступил даже классик укро-литературы Нечуй-Левицкий, ратовавший за создание литературного украинского языка на основе малороссийских диалектов, а не ополяченного за века галицкого говора. Стоит ли говорить, что массы простого люда от укро-австрийского воляпюка в ужасе отшатнулись. Многие малороссы, увидев до какого маразма может довести попытки сделать язык на основе просторечного крестьянского диалекта, вообще пришли к выводу о ненужности подобных экспериментов, сделавшись сторонниками единого литературного общерусского языка.

Поэтому ничего удивительного, что не удалась в 1918 г. Украинская народная республика под протекторатом Берлина даже несмотря на то, что «национальное украинское правительство» — Верховную Раду возглавлял австрийский агент и

германофил Михаил Грушевский, воспевающий в своих статьях германо-украинское расовое родство и общность политических целей. Слишком громадная пропасть разделяла народ и прогерманскую украинствующую верхушку. Замена в апреле 1918 г. оккупационными властями прозападного правительства Грушевского, напичканного австро-германскими агентами на лубочно-украинофильский режим гетмана Скоропадского, также не принесла особых успехов. Как только германские войска после ноябрьской революции 1918 г. оставили Киев, Скоропадский (вот же говорящая фамилия!) был свергнут сторонниками Директории. Власть Петлюры была непрочной, его войска были многократно биты и белыми, и красными, и махновцами. Власть Директории сделалась вскоре чисто номинальной и не распространялась дальше вагона, в котором моталось «украинское правительство», вынужденное постоянно от кого-либо бежать. В народном фольклоре от тех времен осталась издевательская поговорка *«У вагоні Директорія, під вагоном территорія»*.

Ни один из укро-националистических режимов в период революции и гражданской войны не продемонстрировал ни малейших признаков жизнеспособности. Верховная Рада и Гетманат являлись германскими марионетками, Петлюра в конце своей политической карьеры полностью лег под поляков, щедро раздавая им территорию «ридной Украйны» взамен поддержки своей чисто номинальной власти. Командующий немецким восточным фронтом Гофман в своих мемуарах писал: «Украина — это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной деятельности русского народа». Кстати, и сама украинская государственная идея была наполнена конкретикой в Германии. Создатель Германской империи фон Бисмарк в 1877 г. провозгласил: «Нам нужно создать сильную Украину за счет передачи ей максимального количества русских земель». Все верно, создать Украину за счет украинских земель было невозможно по причине отсутствия таковых, а покушаться на земли дружественной Австро-Венгрии канцлер счел неправильным.

Даже в Галиции, где «титульная нация» формально составляла 60% населения (следует при этом помнить, что единст-

ва между украинцами и русинами не существовало, а потому процент украинцев был, вероятно, ниже), а поляки всего 25%, Западноукраинская народная республика не продержалась по сути и нескольких дней, хотя формально время ее существования исчисляется почти в шесть месяцев. 3 ноября 1918 г. во Львове Украинский национальный совет провозгласил создание национального государства, но уже 6 ноября восставшие поляки контролировали более половины города. 21 ноября подошедшие регулярные части польской армии полностью очистили Львов и правительство ЗУНР бежало в Станиславов (ныне Ивано-Франковск). Тем временем Румыния оккупировала Буковину, а чехословацкие части заняли территорию Закарпатья. Вскоре армия галичан полностью утратила контроль над территорией ЗУНР. В июле 1919 г. наступление галичан на Львов окончилось провалом.

Но благодаря тому, что австрийцы в свое время создали из галицких украинцев части сичевых стрельцов (имея в виду их использование для колонизации Малороссии), созданная на их основе Украинская галицкая армия оставалась в течение всего периода гражданской войны значимым военным фактором. Объединение, чисто формальное, конечно, УНР и ЗУНР 22 января 1919 г. предоставило в руки российских украинизаторов весомый ресурс в 50 тысяч национально «свидомых» галицких штыков. Еще одной силой, на которую опирались украинизаторы, были пленные австрийские украинцы, игравшие в 1917—1920 гг. роль авангарда украинизаторских сил. Впрочем, усилия галичан в области госстроительства запомнились современникам разве что попытками украинизировать киевские вывески.

Сегодня Польша вновь имеет некоторое влияние в украинском вопросе, в основном в качестве агента Вашингтона. Любопытно иногда почитать их прессу: *«В интересах Польши, которая всегда будет испытывать угрозу со стороны российского империализма, необходимо существование Украины в качестве буфера между Польшей и Россией. Однако линия границы при этом должна отличаться от той, которая существует на сегодняшний день. Польша обязана всячески поддерживать идею раздела Украины и делать все, чтобы он насту-*

пил как можно скорее, поскольку всегда существует опасность того, что нынешнюю, русско-украинскую Украину вновь подчинит себе Москва. В то же время я более чем уверен, что проделать то же самое с собственно «украинской» Украиной Москва не сможет. Именно такая Украина имеет наибольший шанс на вступление в Европейский Союз. По своей территории «украинская» Украина была бы почти равной Польше, однако ее население составляло бы всего около 1/3 от польского населения. Помимо всего прочего эта Украина была бы почти полностью избавлена от бремени тяжелой промышленности, а также не имела бы выхода к морю. Такая Украина не представляла бы особой угрозы для Польши, с такой Украиной можно было бы довольно быстро достичь некого «модуса вивенди», даже в том случае, если бы в Киеве правили сплошь одни бандеровцы, поскольку такая Украина всегда была бы заинтересована в наличии доброй воли со стороны Польши»[1].

Однако раздел Украины маловероятен. Скорее всего, «самостийная Украйна» будет хиреть синхронно с РФ или даже чуть быстрее, а в случае возрождения России, вновь станет ее составной частью. Тупиковость «самостийного» пути развития Украины слишком очевидна, чтобы продолжать лелеять мечты о создании единой политической украинской нации, экономической самодостаточности и реальном государственном суверенитете.

В январе 1992 г. республика Украина была ядерной державой (!) с развитой авиакосмической и военной промышленностью, самым продуктивным из всех 15 бывших советских республик сельским хозяйством, мощной угольно-металлургической базой, сильнейшей научной школой и центрами высокотехнологичными предприятиями (достаточно вспомнить, что первый компьютер в Европе был создан в 1948 г. в Киеве). Украина имела доступ к дешевому российскому газу и нефти, не знала вооруженных конфликтов на своей территории. Украинцы не унаследовали ни цента из многомиллиардных внешних долгов ССР. То есть стартовые условия для экономического рывка и занятия страной подобающего места в евро-

[1] Марианн Калуски, «Tygodnik Powszechny», 16 марта 2005 г.

пейской и мировой табели о рангах были у украинцев куда более благоприятными, нежели у других союзных республик, включая РСФСР.

Прошло 19 лет, за которые Украина влезла по уши в долги и учинила жуткий саморазгром своей экономики. За меньшее время немцы подняли из руин Германию и сделали ее европейским лидером после проигранной Второй мировой войны. Японцы в тех же условиях сотворили послевоенное экономическое чудо. А Украина, будучи в невероятно более выгодных условиях, показала абсолютнейшую бездарность своей (своей ли?) государственной элиты. Сегодня в украинской прессе уже открыто высказывается идея ограниченного суверенитета, по которой США возьмут страну под свой официальный протекторат, предоставив ей взамен некие экономические преференции. Это означает, прежде всего, что Америка продолжает свою политику по превращению «самостийной» Украины в антироссийский плацдарм.

ДАЕШЬ УКРАИНИЗАЦИЮ!

Сколько бы усилий ни прилагали австрийцы для дерусификации Галиции, их успехи были весьма относительны. В общем-то, разбив единый народ на два враждующих лагеря (divide et impera — разделяй и властвуй!), они уже достигли желаемого. Вопрос о том, желательно ли было украинизировать все русское население, оставался открытым, поскольку это в перспективе грозило сменой русского сепаратизма сепаратизмом украинским. А пока москвофилы и украинцы боролись друг с другом, сохраняя при этом враждебность к полякам, Вена могла спать спокойно. Собственно официальное признание австрийскими властями украинцев отдельным народом состоялось только в 1915 г., когда галицкие этномутанты доказали свою верность престолу резней русских в начале общеевропейской войны.

Казалось бы, разгром Австро-Венгрии и переход Галиции в руки новосозданной Польши должен был поставить крест на этнических экспериментах по выведению украинцев. Но у дела австрийских императоров быстро нашлись продолжатели в лице... большевиков. Конечно, на словах Ленин со товарищи были интернационалистами один интернационалистичнее другого. А уж всякого рода национализм они клеймили самыми последними словами. Но одно дело — лозунги, и совсем другое — реальность. Представление о большевиках, как о неких идеалистах-чистоплюях или фанатиках марксистской идеи в корне неверно. Перед ними стояла, прежде всего, чисто практическая задача — захватить и укрепить свою власть, и ради нее они готовы были потакать самым матерым националистам, если видели в этом хоть какую-то выгоду, причем интересы народа никакой роли не играли.

Европейские социал-демократы были в шоке от реалий русской социалистической революции в плане решения национального вопроса. Вот что писала Роза Люксембург, обвиняя Ленина в создании искусственного украинского «народа» и сознательном расчленении России: *«Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентиков, без каких либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. <...> И такую смехотворную шутку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т. д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность, впрочем, не в серьезное национальное движение, которое, как и прежде, не имеет корней, но в вывеску и знамя для собирания сил контрреволюции!»*[1]

Почему большевики действовали столь безумно, разбивая единый русский народ на разные национальности? Найти рациональное объяснение этому очень трудно. В качестве объективной причины можно назвать страх перед Польшей. Поскольку поляки отхватили себе в 1920 г. Западную Украину, советские правители могли опасаться, что культивируя на захваченной территории украинство, ляхи, следуя своей имперской доктрине о Речи Посполитой от моря до моря, будут претендовать и на советские земли. Однако поляки и не думали развивать на своих «всходних крэсах» — восточных окраинах — какую-то украинскую народность, а, забыв о своих обещаниях украинской автономии, занялись более привычным им делом — ополячиванием нацменьшинств. В ССР же в этот момент украинизация проводилась ударными темпами.

---

[1] *Роза Люксембург.* «Рукопись о русской революции» // http://lib.rus.ec/b/143306/read

Поэтому популярность имеет и очень субъективное объяснение этого процесса: дескать, большевистское руководство, в котором преобладали евреи, очень боялось громадного русского народа и следовало старому принципу — разделяй и властвуй. Когда же верховная власть в 30-е годы перешла в руки более трезвомыслящих политиков, темпы украинизации были снижены, а наиболее активные украинизаторы отправлены валить лес в лагеря, значительно продвинув тем самым на север черту оседлости. Какой бы неполиткорректной данная гипотеза не казалась сегодня, но правда состоит в том, что самая агрессивная фаза советской украинизации происходила под руководством главы Советской Украины Лазаря Кагановича и наиболее последовательными украинизаторами были его соплеменники.

Можно предположить, что новые хозяева страны испытывали страх перед окраинным национализмом, впервые громко заявившем о себе во время гражданской войны. Поэтому в 20-е годы они решили перехватить у сепаратистов инициативу, создав декоративные автономии и псевдогосударственности для народов, многие из которых ее вообще никогда не имели (карелы, казахи, азербайджанцы, таджики). Вместе с этими квази-государствами большевики в союзе с местными националистами принялись ударными темпами создавать и сами «титульные нации», самой крупной из которых оказались украинцы.

Вероятен и другой вариант. В 20-е годы большевики еще не отказались от доктрины мировой революции, и потому попытались создать в лабораторных условиях муляж всемирной республики Советов. Так или иначе, но создание полноценной украинской нации началось в 20-е годы, и процесс проводился со всей революционной решительностью. Нарком РСФСР по делам национальностей Иосиф Сталин на X съезде РКП(б) в заключительном слове по докладу о национальном вопросе высказался предельно откровенно: *«Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»*.

Интересно получается. Выборочная германизация, проводимая нацистами в западных районах Польши во время

Второй мировой войны, признана преступлением против человечности. А национальная политика большевиков по насильственному и тотальному изменению этнической принадлежности десятков миллионов людей — это тогда что? Украинизация была именно насильственной, ибо в украинцы записывали, не спрашивая согласия. И в школах украинский язык заставляли учить в обязательном порядке, при этом русские школы ликвидировались.

Правда, Сталин лукаво уточнял, будто города будут украинизироваться путем наплыва крестьян и даже приводил очень неудачный пример с Ригой, которая, дескать, из немецкого города превратилась в чисто латышский (на самом деле латышами в городе было тогда менее половины населения). И уж совсем ни в какие ворота не лезет утверждение докладчика, что полвека назад все(!) города Венгрии были немецкими, а теперь, мол, мадьяризировались. Сталинские слова стоит воспринимать лишь как дымовую завесу. Еще ни один город не смог «сменить национальность» путем его ассимиляции крестьянами. Наоборот, крестьянин, попадая в город, становился носителем иной культуры и даже иного языка. То есть, если большевики считали украинизацию городов неизбежной, то методы предполагали использовать совершенно иные, нежели естественную миграцию крестьян.

В 1923 г. на XII съезде РКП(б) официально была объявлена компания так называемой коренизации. Суть ее заключалась в увеличении на национальных окраинах в местных советских органах власти представителей «титульных народов». Вам это ничего не напоминает? В конце 80-х годов в союзных республиках происходили схожие процессы. В рамках борьбы с засильем русских последних выдавливали с руководящих постов, заменяя местными национально «полноценными» кадрами. Результат известен. Правда, в 20-е годы этот процесс проходил все-таки мягче и не имел столь печальных последствий. Да и как, например, можно заменить русского инженера или администратора на таджикского, если грамотного таджика еще надо было поискать. Реальной пользы от коренизации не было и в 30-е годы кампанию, начатую с большой помпой,

без лишнего шума свернули, а кое-где даже заклеймили как национал-уклонизм.

Одновременно с коренизацией руководящих кадров в созданной недавно Украинской Союзной Республике стартовал процесс украинизации, о котором было заявлено на VII конференции КП(б)У. Фактически он означал самую масштабную в истории человечества кампанию по изменению этнической принадлежности населения. Начали большевистские украинизаторы, разумеется, с самой партии. И то верно, что это за компартия Украины, если в ней украинцами в 1922 г. числилось всего 23% членов? Да и те украинцами были зачастую лишь номинально. Если звать Микола Петренко — значит украинец. А то, что этот украинец украинского языка не знает, так это дело поправимое.

Ради украинизации компартии в нее стали активно принимать даже бывших политических противников — социалистов, сторонников Центральной Рады и петлюровцев. Ярыми советскими украинизаторами стали многие австро-украинцы (или укро-австрийцы), ринувшиеся из Польши в СССР лишь потому, что здесь, по их мнению, началось строительство настоящего украинского государства. Этих галичан, бывших иногда украинцами уже во втором поколении, переселилось в СССР несколько десятков тысяч (Грушевский в одном из писем называл цифру в 50 тысяч), причем размещали их преимущественно в центральных и восточных областях УССР, где украинизация шла наиболее туго. Многие из этих «свидомых» переселенцев тут же оказались на руководящей работе, многие возглавили комиссии по украинизации. Без тысяч «свидомых» галичан проведение советской украинизации было бы просто немыслимым.

В 1924 г. из эмиграции было позволено вернуться даже бывшему главе Центральной Рады, по просьбе которой немцы в 1918 г. оккупировали Украину, Михаилу Грушевскому. На родине этот германо-австрийский агент был обласкан, и даже выслужил себе звание академика. Только в конце 30-х годов его антирусские псевдоисторические труды, написанные по заказу венского двора, были изъяты из обращения. Не сомнева-

юсь, что и самого Грушевского объявили бы врагом народа, да красный академик к тому времени уже помер своей смертью.

Почти анекдотом выглядит возвращение из эмиграции бывшего главы Директории Владимира Винниченко, чему способствовал лично Ленин. Винниченко не только сделали заместителем главы украинского правительства, но и кооптировали в члены ЦК КП(б)У. Но он обиделся, что его не ввели в состав Политбюро ЦК и уехал из украинской столицы Харькова в Москву, а вскоре повторно эмигрировал.

Украинизацию госструктур и предприятий предписывалось завершить к 1 января 1926 г. Как? Да очень просто — под угрозой увольнения с работы всех заставляли учить украинский язык. Аргумент с увольнением был очень весомый — на дворе НЭП, безработица. Что тогда понималось под украинским языком, сказать сейчас сложно — то ли местные крестьянские наречия, то ли какую-нибудь из разновидностей украинофильской литературной нормы, но поскольку лексика и грамматика еще не были кодифицированы, доля «творчества» в украинизации, безусловно, присутствовала.

И хотя тогдашняя укро-мова была гораздо ближе к русскому языку, нежели сегодняшний новоукраинский воляпюк, кампания провалилась из-за саботажа снизу. Не помогли ни создание комиссий по украинизации (были даже карательные «тройки по украинизации»), ни репрессии против «рецидивистов укрмовы», то есть служащих, не сдавших экзамены по языку. В 1930 г. президиум Сталинского окрисполкома принял решение «привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способов украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации». Не помогло и это.

Местные русские газеты повсеместно закрыли и стали печатать периодику только на мове даже в тех областях, где украинцев отродясь не водилось. Сегодня укро-сепаратисты вопят о гонениях на украиноязычную прессу при царском режиме. Как же тогда назвать усилия украинизаторов по тотальному искоренению русской прессы? Людей, добровольно читающих укро-мовную прессу, всегда было ничтожно мало даже в пе-

риод кратковременного господства украинских сепаратистов при германском протекторате в 1918 г. Вот какая любопытная статистика приводится в «Сборнике статей по малорусскому вопросу», изданному в Одессе в 1919 г.:

«До занятия Киева Петлюрой и Винниченко, в Киеве издавалось шесть украинских газет. Все они без исключения существовали на казенный счет (правительство «гетмана» Скоропадского очень ухаживало за украинцами и усердно прокламировало свою «самостийность», как того требовали немцы). Единственная из украинских газет, имевшая право претендовать на роль общественно-политического органа, «Нова рада», незадолго до восстания Петлюры публично заявила, что вследствие истощения средств она принуждена прекратить свое существование. Но гетманское правительство дало ей субсидию, и газета продолжала издаваться. Все шесть украинских изданий, выходивших в Киеве, по данным Киевского комитета по делам печати, печатались в общей сложности в количестве 45 000 экземпляров. При этом надо иметь в виду, что некоторые из украинских газет в большом числе рассылались бесплатно. Так, например, газета «Видроження», орган военного министерства, печатавшийся в количестве 15 000 экземпляров, рассылался во все войсковые части и учреждения, газета «Селяньске слово» (9000 экземпляров) рассылалась по селам, и т.д. В то же самое время газет, печатавшихся на русском языке, в Киеве издавалось четырнадцать, и общий тираж их, по данным Киевского комитета по делам печати, составлял 287 400 экземпляров. При этом надо заметить, что, в то время как украинские газеты, издававшиеся в Киеве, обслуживали губернии всей Южной России, русские газеты Киева обслуживали лишь район, тяготеющий к Киеву (районы, тяготеющие к Одессе, Харькову и другим центрам, имели свою хорошо развитую русскую печать)»[1].

Но перевести на укро-мову официальную переписку так и не удалось. Да это было в принципе и невозможно. Одно дело про светлое будущее бздеть на партсобраниях, и совсем

---

[1] *Савенко А.И.* «К вопросу о самоопределении населения Южной России» // http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/003a/02110001.htm

другое — составить на украинском техническую документацию по производству дизельного двигателя. Ведь ее же никто не поймет на заводе! А если учесть, что промышленность УССР находилась в тесных кооперативных связях с предприятиями по всему СССР, то на украинизацию производственники попросту забили.

На сайте «Единая Русь» приведены любопытные выдержки из документов Государственного архива Луганской области:

«Подтвердить, что на службу можно принимать только лиц, владеющих украинским языком, а не владеющих можно принимать только по согласованию с Окружной комиссией по украинизации» (Р-401 оп.1,д.82);

«Трудно украинизувати працюючих без вживання циеи мовы в житти. Пэрэводить жэ в жыття укр.мову нэможливо позаяк балакать на нэйи майже ни з кым» (Р-401, оп.1, д.72)»[1].

Да, действительно «неможливо» внедрить уродливую (хотя и вполне понятную) феню, коей писан последний документ, в делопроизводство без ее укоренения в повседневном обиходе. Окончательно от украинизации производственных предприятий отказались только после войны, когда дебилизм такого подхода стал совершенно очевиден.

Украинизация системы образования благодаря титаническим усилиям наркома просвещения Николая Скрипника[2], старого большевика и ярого националиста, была более успеш-

---

[1] http://www.edrus.org/content/view/2872/69/

[2] *Скрипник Николай Алексеевич* (1872—1933 гг.) — советский политический деятель, член ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета народных комиссаров УССР, нарком просвещения, один из активнейших украинизаторов. Курировал вопросы орфографической реформы украинского языка. Советская система украинского правописания, утвержденная в 1928 г. даже получила в честь него прозвище скрипниковка. В конце своей политической карьеры в период сворачивания интенсивной украинизации подвергался нападкам, обвинялся в националистическом уклоне и даже во вредительстве в языкознании. Не выдержав политического давления, покончил с собой. В том же 1933 г скрипниковская система правописания была отменена как «националистическая» и излишне засоренная полонизмами. Искусственность и уродство скрипниковской реформы действительно резало глаз и ухо. Например, ее отличительной особенностью было массированное замещение буквы «ф» на «т». Вместо «кафедра» надлежало произносить и писать «катедра».

ной. Во-первых, потому что система всеобщего начального и среднего образования создавалась впервые в советское время. Во-вторых, альтернативные русские школы просто закрывались. Либо учись на укро-мове, либо оставайся дураком. Конечно, преподавание всех предметов на украинском было невозможно в принципе — как по-украински преподавать алгебру, химию или астрономию, особенно если не существует укро-мовных учебников? Но на первых порах достаточно было того, что детей учили новоязу и преподавали украинскую литературу. В школьный курс был даже введен такой предмет, как украиноведение. Но даже украинизация школы не привела к «вживанню цей мовы в жите». Выходя из школы, дети, разумеется, общались на своем природном языке — в городах на русском, в селах на малороссийском наречии.

Украинизации в сфере образования придавалось большее значение, ведь фактически для превращения миллионов людей в украинцев еще не было нужного числа украинизаторов. Подготовить их должна была украинская высшая школа. Поэтому в этой сфере укро-националисты преследовали русский язык куда агрессивнее, нежели самые матерые прибалтийские шовинисты сегодня. Вот что пишет о реалиях тех дней Елена Борисенок в своей книге «Феномен советской украинизации»: *«Директор Украинского института лингвистического просвещения в Киеве И.М. Сияк (галичанин по происхождению) запрещал говорить в институте на русском языке. Над студентом Ивановым, продолжавшим говорить по-русски, по инициативе директора был проведен общественно-показательный суд, после чего студента исключили из института... Рублев и Черченко подчеркивают, что Сияк руководствовался благими целями развития украинской культуры, и исключение было целиком оправдано»*.

Сегодня редко вспоминают о том, что украинизация проводилась помимо Украины еще и в РСФСР (Кубань, Ставропольский край, часть Северного Кавказа, Курской и Воронежской областей). Но там она вообще никакого результата не дала. И слава Богу, иначе сегодня географической реальностью была бы украино-грузинская граница. Одновременно украинские власти выдвигали территориальные претензии к

РСФСР, требуя включения в состав УССР значительной части Курской, Воронежской, Брянской областей. Главным лоббистом территориальных приращений был «гетман» советской Украины Лазарь Каганович. В 1925 г. состоялся пересмотр границ, однако аппетиты официального Харькова были удовлетворены лишь в самой малости.

В 30-е годы обороты украинизации были снижены, кое-где ее вообще прекратили. Методы советской украинизации в целом были теми же, что и сегодня на «незалэжной» Украине, однако нынешние украинизаторы действуют более маниакально и настойчиво. В СССР никому и в голову не приходило, например, украинизировать медицину. Нынешние же «мовознавцы» перевели на укро-мову даже латинскую и греческую терминологию. Чтоб им попасть на стол к хирургам, которые будут проводить операции, листая русско-латинско-украинский словарик! Враз запомнить, что аммиак теперь следует называть «смородэць», а бактерициды называются «палычковбивныкы», невозможно. Укро-идиотизм бьет все рекорды. Я еще могу понять, когда украинизируются «зросийщенные» термины, но на кой черт нужно было заменять слово «эксгумация» на «труповыкоп»?

Энергичная украинизация происходила в 1939—1941 гг. на присоединенных западных территориях, но в этом случае от нее пострадали не только русские, но и поляки, которые во времена оные украинство придумали. Во время германской оккупации фанаты украинизации вновь оказались востребованы, однако даже оккупационным властям не удалось вытеснить из делопроизводства русский язык. К счастью после войны украинизация не получила второго дыхания во многом потому что самые ярые украинизаторы либо удрали с немцами, либо отправились в Сибирь отбывать срока за пособничество оккупантам. Единственный крупный случай этноцида[1] — ликвидация после присоединения Закарпатья такой национальности, как русины, которых переписали украинцами и заставили учиться в украинских школах. Гонения на русин начались сразу после присоединения к ССР Галиции в 1939 г. Однако

[1] *Этноцид* — политика уничтожения этнической или национальной идентичности, самосознания народа.

до сих пор русинское самосознание живо, не смотря на то, что карпаторуссы не имеют такой же возможности оказывать культурное сопротивление украинизации, как русские.

Наконец после кратковременного хрущевского ренессанса украинизации наступает четвертьвековой декаданс украинства. Нет, насильственная украинизация вовсе не сменилась насильственной русификацией, как о том стенают сегодня укро-националисты. Просто совершенно естественным образом искусственно созданная мова стала издыхать. Если есть выбор — купить русскую или украинскую газету, то, разумеется, человек купит ту, что ему более понятна и интересна. А с литературой и того проще: по приказу ЦК КПУ можно накропать на мове песню в честь очередной годовщины Октября и забить ею эфир. Но создать по распоряжению свыше украинского Высоцкого или Визбора нельзя. Как невозможно директивным порядком заставить писать на мове литераторов, для которых украинский язык не был родным. Украинская советская литература чрезвычайно бедна. Я даже затрудняюсь припомнить не то что гениального, а хотя бы просто талантливого укро-мовного автора, достойного того, чтобы его творения переводились на другие языки народов СССР. Даже сегодня поставь русский и новоукраинский языки в равные условия, и последний не будет иметь никаких шансов на выживание.

В итоге совершенно естественного упадка украинства даже для «потомственных украинцев» родным языком вновь стал русский. Украинская мова стала превращаться в мертвый официозный новояз, который население понимало, но пользовалось в «житти» все меньше и меньше. На востоке УССР разговорным языком стал суржик — диалект русского языка с малороссийским акцентом и произношением. На западе республики в повседневном обиходе сельских жителей господствовали местные диалекты, весьма отличные от мертворожденной языковой нормы. Появился даже такой феномен, как русскоязычные украинцы. Спрашивается, что же в них украинского, кроме пятой графы в паспорте?

Надо сказать, при советской власти этническая статистика подавалась совершенно произвольно, в прямом смысле слова высасывалась из пальца. Доходило до смешного: по переписи

1926 г. официально украинцами числилось 80% жителей УССР. После энергичной украинизации и присоединения, казалось бы, сугубо украинских западных областей в 1939 г. удельный вес представителей «титульной» нации должен вырасти. Однако на деле он зафиксирован на уровне 76%. Хороший повод для нынешних укро-пропагандистов постенать о геноциде украинского народа москалями-большевиками, уморившими голодом носителей украинского генофонда в 33-м.

Никем не оспаривается тот факт, что две трети 52-миллионного населения республики были на исходе 80-х «русскоязычными». Поскольку родной язык есть основной признак этничности, численность украинцев в УССР, если вычесть из оставшейся четверти татар, белорусов, евреев, поляков, русин и представителей других народов, не могла превышать 15 миллионов человек. На деле же украинцев было еще меньше, если учесть, что в республике было широко распространено двуязычие и суржик, который тоже считался за украинский.

Сергей Родин в запрещенной на «незалэжной» книге «Отрекаясь от русского имени» так комментирует эти статистические казусы: *«Сразу же после всесоюзной переписи 1989 г. в газете «Вечерний Киев» была опубликована статья, сообщавшая, что население Киева составляет 2 млн. 572 тыс. при 1 млн. 472 тыс. русских и 856 тыс. «украинцев». Но уже через год эта же газета переиздала данную статью с совершенно иными цифрами; из 2 млн. 572 тыс. киевлян «русских» — 472 тыс., а «украинцев» — 1 млн. 856 тыс.(!). Так под начавший процесс дерусификации «матери городов Русских» был подогнан необходимый статистический базис.*

Примечательно, однако, то, что данные переписи 1989 г. в целом по Украине так и не были опубликованы. Их «засекреченность» легко объяснима: перепись четко зафиксировала, что из 52 млн. «украинского населения» русскими только по паспорту оказались 21,6 млн. человек (а не 11,6 млн., как утверждал Горбачев). При этом еще 6,5 млн. назвали себя русскими, хотя в их паспортах значилась национальность «украинец». К ним следует добавить около 1 млн. русинов, итого русских даже по советской переписи получается почти 30 млн.! Но и эта цифра, безусловно, занижена»[1].

---

[1] http://lib.rus.ec/b/146317

Еще дооранжевые власти Украины объявили украинцами 77,82% всего населения государства, ссылаясь на данные переписи 2001 г. Подводить серьезную «научную» базу под эту статистику потребовалось в политических целях. Кто теперь посмеет обвинить Украину в этноциде? По принятым сегодня нормам международного права мононациональным считается государство, где численность «титульной» нации превышает две трети от общего числа граждан. А коли русских в «незалэжной» официально числится всего 17%, то никаких оснований требовать предоставления русскому языку статуса государственного эти нацмены не имеют! Но факт состоит и в том, что подавляющее большинство тех, кто причисляет себя к украинцам, родным языком считает русский. В 2000 году 67% опрошенных киевлян назвали родным языком украинский, но лишь 18% указали его как язык повседневного общения. Это, прямо скажем, не очень впечатляющий результат полуторавековой украинизации и двух веков украинофильства.

УКРАИНСКИЙ УЧЕБНИК ИСТОРИИ СОЗДАЕТ КИБОРГОВ

Отец Германской империи Отто фон Бисмарк констатировал, что для построения государства важнейшими являются не сила оружия, а школьный учитель. То же самое он сказал и о победе над Францией в 1871 г. — ее одержал не германский штык, а германский учитель. Его слова часто цитируются, но воспринимаются как красивые образы — мол, школа имеет ого-го какое значение, сам Бисмарк любил говаривать, что... Между тем его слова следует воспринимать совершенно буквально. Именно школа рождает гражданское самосознание, и начальное историческое образование играет в этом деле главную роль.

Школа в буквальном смысле воспитывает солдат, формирует у них вполне определенную картину мира: есть ценности, которые следует защищать (государство, религия, этничность, экономические интересы) есть идеал, к которому следует стремиться (царство Божие на земле, победа коммунизма, создание великой ...ской империи) и есть образ врага, который исповедует иные ценности, преследует противоположные цели и т.д. Особенно выпукло рисуется в школьных учебниках враг исконный, исторический, вечный. Ознакомившись с национальным учебником истории, можно легко понять, с кем государство собирается воевать — образ врага там всегда прорисован ярче, чем образ друга. Вот и давайте полистаем украинские школьные «довидники».

Еще до прихода к власти оранжистов на вооружение укропропагандистов в 2004 г. поступили новые школьные учебни-

ки, имеющие ярко выраженную антирусскую направленность. Даже Крым, оказывается, проклятые москали отдали украинцам из подлости: *«Включение Крымского полуострова в состав Украины было попыткой переложить на ее плечи моральную ответственность за выселение татарского населения и вынудить взять на себя ответственность за восстановление хозяйственной и культурной жизни полуострова»*. Эти слова почти дословно воспроизводят строки из учебника «Новая и новейшая история Украины» 2001 г. (авторы Турченко, Панченко, Тимченко), правда, там речь шла лишь о «части моральной ответственности».

В этом же «довиднике» провозглашается, что Киевскую Русь основали украинцы. Но еще четырьмя годами ранее в пропагандистский оборот был введен учебник истории для 7 класса (авторы Смолий и Степанков), в котором рассказывается о княжеской династии Киевичей, родоначальником которой якобы был мифический персонаж Кий.

Голодомор 1932—1933 годов, по версии авторов учебника, был организован Москвой специально, чтобы «подавить волю украинцев к независимости». Правда не понятно, почему в то же время голод случился в Поволжье, на Кавказе и Урале — видимо для уничтожения украинской «диаспоры». Хотя если верить этому учебнику, Северный Кавказ — украинская земля, но подвергнутая русификации. А уж «воля к независимости» у украинцев, разумеется, всегда была в крови. Это доказывает то, что украинцы приняли первую в мире Конституцию (речь, разумеется, идет о соглашении Орлика со шведским королем и турецким султаном).

Но самый удивительный перл сочинителей относится к периоду Второй мировой войны: дескать, Украинская повстанческая армия под руководством Степана Бендеры в 1943 г. «освободила от немцев большинство городов Украины». Впрочем, и тут авторы учебника Америку не открыли, а всего лишь перепели Власова и Данилевскую, сочинивших учебник для 5-го класса, изданный в 2002 г. Не совсем, конечно, ясно, как Бандера мог руководить освобождением городов Украины от немцев, находясь в немецком концлагере (хоть и с курортным режимом), да и названия этих городов почему-то не при-

водятся. Зато поле для фантазий на тему героических бандеровцев открывается практически неограниченное, поскольку «советско-германская война», как укро-историки именуют Великую Отечественную, остается за рамками школьного курса — ей отведено буквально несколько страниц, из которых большая часть посвящена пропаганде виртуальных повстанческих побед.

Если сравнить русские и укро-мовные учебники истории, то поражает их отличие. Например, во втором случае выражение «Киевская Русь» почти не встречается, будучи замененным на «Киевскую Украину-Русь», «Киевскую державу», «Украинскую державу». Если русские учебники истории Украины начинаются с периода Киевской Руси («История Украины» 7-й класс, 2007 г., авторы Свидерский, Ладыченко, Романишин), то укро-мовные оперируют уже совсем иными хронологическими категориями. Учебник для 7-го класса 2005 г., сочиненный Ляхом и Темировой начинается со слов, что история украинского народа насчитывает 140 тысяч лет.

Украинизация школы проводится ударными темпами. Будучи в конце 2009 г. в Киеве, я попытался найти на книжном базаре школьные учебники истории Украины на русском языке. Продавцы искренне удивлялись: «А зачем они вам, если в Киеве русских школ уже нет? Вы, наверное, из Крыма?» Вместе с русскими учебниками уходят и последние представления о родстве украинского и русского народов. Впрочем, это представление, порожденное украинофильской пропагандой XIX в. (Костомаров) является переходным от украинофильства к чистому арийскому украинству (Духинский), и потому отказ от него был вопросом времени. Но чем отличаются украинизированные учебники, так это тем, что укро-история становится совершенно виртуальной. Как можно говорить об истории украинского государства в период от неандертальцев до XX в., когда такового государства не существовало, как не существовало и идеи его создания? Но этот вопрос для укро-историков вопросом не является. Они с апломбом рассуждают о том, что название «Русь» официально сменяется названием «Украина» еще в XII в., правда Лях и Темирова никак не могут объяснить произошедшее аж в XIV в. вытеснение топонима «Ук-

раина» какой-то непонятной «Малой Русью». Откуда взялась Малая Русь в отсутствие Руси Большой, ведь, по мнению авторов учебника, на восток от Украины никаких русских не было, а жили там московиты?

Уж в чем, а в излишней скромности укро-историков обвинить не удастся. Турченко и Мороко в «Истории Украины» для 9-го класса (2002 г.) с упоением смакуют этноцентрические мифы: «По численности и территории, которую они занимали, украинцы были одним из самых крупных народов в Европе». Речь идет о конце XVIII в., когда само слово «украинец» еще никому не было известно, а в украинцы авторы учебника записали все 10-миллионное население «украинских» территорий России и Австрии, включая многочисленных поляков, румын, татар, евреев, цыган и прочих москалей. Правда, в отношении Российской территории авторы делают уточнение, что украинцами были 89% местных жителей (вот ведь, как точно высчитали процент инородцев!)

Далее «Украина в 1812 году была втянута и в русско-французскую войну». При этом втянута, «как часть империи». Разумеется, украинцы вынуждены были умирать за чуждые ей имперские интересы, но при этом внесли большой вклад в разгром Наполеон, чему в учебнике Турченко и Мороко посвящены главы «Украинцы в Бородинской битве» и «Преследование противника украинскими полками». Чуждой украинцам, оказывается, были и русско-турецкие войны, в которых они принуждены были участвовать против собственной воли, однако опять проявили чудеса героизма (глава «Украинцы в обороне Севастополя») и даже добились приращения территории Украины (несуществующей тогда) за счет придунайских земель.

В целом же политика России по отношению к несуществующей Украине оценивается авторами учебника как колонизаторская, направленная на подавление национального самосознания и репрессивная по отношению к лучшим сынам украинского народа. Но удивляет не это, а то, что такую же черную неблагодарность укро-историки питают к колыбели украинского народа — Австро-Венгрии. Мало того, что Турченко и Мороко не могут привести полное название империи Габсбургов — Австро-Венгрия, так они еще и выдают перлы

вроде следующего: «*С целью упрочения своей власти правительство Австрийской империи развернуло переселение в Западную Украину иностранных колонистов*». Под Западной Украиной они, вероятно, понимают Галицию, но из каких заморских стран туда подлые австрияки переселяли колонистов, так и остается неизвестным.

Но главным врагом украинского народа предстает все же Россия, с которой боролись самые выдающиеся украинские герои, а самым выдающимся из самых выдающихся был, разумеется, гетман Мазепа. При этом борьба с Россией представляется, как высшая цель, а то, что тот же Мазепа стремился включить Малороссию в состав Польского королевства, Дорошенко — лечь под Турцию, а автор «первой в мире Конституции» Орлик желал отдать ее под власть шведского короля, уже не имеет значения. Все-таки шведы и поляки — это арийские братья украинцев в отличие от туранцев-московитов.

Правда у укро-историков возникает некоторая проблема. Вроде как есть выдающие герои, ведущие борьбу с азиатской Московией, и даже есть поддержка Европы, а вот никаких громких побед за столетия украинско-московитских войн нет. Не беда! Президент Украины Ющенко 11 марта 2008 г. подписал Указ «О праздновании 350-летия победы войска под предводительством гетмана Украины Ивана Выговского в Конотопской битве». Таким экзотическим образом оранжевый официальный Киев решил ответить на 300-летие полтавской виктории Петра I, в которой вместе со шведами был нещадно бит и гетман-изменник Мазепа, один из главных национальных героев нынешней Украины. Легко обратить внимание, что Выговский наделяется в указе Ющенко несуществующим титулом «гетман Украины» (гетман был только в казачьем войске), но это мелочь.

Гораздо интереснее иные подробности. Предыстория Конотопского сражения такова. Принятие Малороссии в состав России вызвало русско-польскую войну 1654—1667 гг. В начале ее русские войска добились столь впечатляющих успехов (одновременно войну против Польши начала Швеция), что само существование королевства встало под вопрос. По смерти Богдана Хмельницкого гетманом стал Иван Выговский, некогда

воевавший на стороне поляков против казаков, попавший к ним в плен и спасенный личным заступничеством Хмельницкого, под покровительством которого бывший польский офицер сделал блестящую карьеру в казацком войске. Выговский, избранный старшиной как бы временным гетманом (до достижения зрелости Юрием Хмельницким, которому желал передать булаву отец), популярностью в войске не пользовался. Против Выговского начались восстания. Поначалу новый гетман истово клялся в верности Москве, но втайне искал иные способы упрочить свою власть. В конце концов, он решился на радикальный шаг, переметнувшись на сторону поляков.

В 1658 г. в Гадяче Выговский подписал с Польшей договор о возвращении Поднепровья в состав Речи Посполитой на правах автономного Великого княжества Русского (заметим, что именно русского, а не украинского). Договор, однако, Сеймом был ратифицирован в таком виде, что отменял саму идею русского княжества в составе Польши, сохранял в силе церковную унию, то есть фактически восстанавливал допереяславский статус-кво. Но Выговскому терять уже было нечего, он принес присягу не только польскому королю Яну Казимиру, но и крымскому хану Мехмеду IV Гирею, с помощью которого подавил казачьи бунты. Одним из эпизодов русско-польской войны стал разгром под Конотопом соединения князя Трубецкого и запорожских казаков гетмана Многогрешного.

Какой результат имела эта победа для Выговского? Самый печальный — против него вспыхнуло мощное восстание под предводительством Богуна, гетман отрекся от булавы и бежал в Польшу, где был в 1664 г. казнен по обвинению в измене в связи с антипольским восстанием Дмитрия Сулимка. С периода гетманства Выговского в Малороссии наступает эпоха, носящая меткое прозвище Руина — казачество раскалывается на правобережное и левобережное, идет череда внутренних усобиц, приведшая край к большому упадку. Выиграли от победы Выговского разве что крымские татары, которые, пользуясь ослаблением русских сил, совершили в 1659 г. удачный набег за Белгородскую засечную черту, ограбив 18 волостей и уведя в плен более 25 тысяч рабов. Но вообще-то крымчаки не видели ни малейшей разницы между русскими жите-

лями Слобожанщины и русскими же крестьянами Гетманщины, терроризируя и тех и других одинаково. И этот беспредел татарских союзников Выговского еще больше озлобил население против последнего. Так что праздновать конотопскую «победу» Украина может лишь по причине полного отсутствия иных своих побед.

Да и с какой стати Ющенко объявил победу украинской? Война была русско-польской. Выговский был подданным польского короля и воевал на стороне Польши. Большую часть польского войска составляли крымские татары (30—35 тысяч) при 16 тысячах казаков Выговского. На стороне короля так же находились до трех тысяч польских, валашских и немецких наемников (все они, надо полагать, тоже бились за независимую Украину). Но уж совсем бесстыдными потуги Киева по празднованию контопской победы выглядят, если учесть, что против сил Выговского в составе 30-тысячного русского войска сражались запорожские казаки числом более шести тысяч, из которых две тысячи в сече погибли.

О том, что контопское сражение для казаков было очередным этапом гражданской войны, укро-историки сегодня предпочитают не вспоминать, зато победу над москалями раздувают до самых фантастических масштабов. При этом укроисторикам невольную помощь оказал придворный русский историк Сергей Соловьев, описавший в своей «История России с древнейших времен» результаты конотопского сражения, опираясь на анонимную (скорее всего, фальшивую) «Летопись Самовидца»: *«Цвет московской конницы, совершившей счастливые походы 54-го и 55-го годов, сгиб в один день; пленных досталось победителям тысяч пять; несчастных вывели на открытое место и резали как баранов: так уговорились между собою союзники — хан крымский и гетман Войска Запорожского! Никогда после того царь московский не был уже в состоянии вывести в поле такого сильного ополчения. В печальном платье вышел Алексей Михайлович к народу, и ужас напал на Москву. Удар был тем тяжелее, чем неожиданнее; последовал он за такими блестящими успехами! Еще недавно Долгорукий привел в Москву пленного гетмана литовского, недавно слышались радостные разговоры о торжестве Хованского,*

а теперь Трубецкой, на которого было больше всех надежды, «муж благоговейный и изящный, в воинстве счастливый и недругам страшный», сгубил такое громадное войско! После взятия стольких городов, после взятия столицы литовской царствующий град затрепетал за собственную безопасность: в августе по государеву указу люди всех чинов спешили на земляные работы для укрепления Москвы. Сам царь с боярами часто присутствовал при работах; окрестные жители с семействами, пожитками наполняли Москву, и шел слух, что государь уезжает за Волгу, за Ярославль»[1].

На самом деле войско Трубецкого состояло не из 150 тысяч человек, а было впятеро меньше, да и потери, согласно данным Разрядного приказа, были отнюдь не катастрофическими: «*Всего на конотопском на большом бою и на отводе: полку боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого с товарищи московского чину, городовых дворян и детей боярских, и новокрещенов, мурз и татар, и казаков, и рейтарского строю начальных людей и рейтар, драгунов, солдатов и стрельцов побито и в полон поймано 4769 человек*». Разгрому подвергся только попавший в засаду конный отряд воевод Львова и Пожарского, основная же часть войска Трубецкого, лишь потрепанного, но не разгромленного, отошла к Путивлю, дабы прикрыть южные рубежи России от набегов осмелевших крымских татар. Паника, охватившая Москву, тоже является художественным вымыслом Соловьева. Но укро-историки идут на весьма примитивные подлоги: они берут реальную численность войска Трубецкого в 30 тысяч и указанные Соловьевым неверные данные о русских потерях в те же 30 тысяч, после чего радостно провозглашают хвалу военному гению «гетмана Украины» Выговскому, начисто уничтожившему русские войска. После этого остается только удивляться, каким образом Россия, лишившись всего войска, умудрилась выиграть войну с Польшей.

Но «свидомые» учителя укро-истории этим вопросом не задаются, ставя детишкам в пример «першего патриота» Выговского: вот как надо бить клятых москалей! Но я готов при-

---

[1] http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv11p1.htm

знать даже то, что Украина одержала под Конотопом свою самую блестящую победу в истории, если кто-нибудь докажет, что Украина являлась государственным образованием. На самом деле никакой украинской державы до XX в. никогда не существовало даже номинально (вроде вассального Польскому королевству Великого княжества Литовского). Если есть государство, у него должны быть непременные атрибуты — территория, монарх, аристократия, столица, герб, своя монета и т.д. Ни украинские короли, ни монеты науке не известны, но укро-историки стараются выкрутиться и здесь, надувая мыльный пузырь демократической казачьей республики. Дескать, казаки — граждане, а гетман — глава государства. Удивительно только, как казаки размножались, ведь женщин среди них не было, и быть не могло, но при желании можно объяснить и эту демографическую загадку.

Но что сделать совершенно невозможно — это объяснить полное отсутствие дошедших до нашего времени официальных актов казачьего государства. Вот, например, нет договора об объединении «Козацкой дэржавы» с Московским царством, и хоть ты тресни! Переписка Хмельницкого с русским царем изобилуют формулировками, не дающими даже малейшего повода заподозрить, что сии послания писаны равным равному. Разве мог предводитель «демократической казачьей республики», как глава государства, обращаться к другому государю в таких выражениях: *«Обрадовався велми с пожалованья великого и милости неисчетные твоего царского величества, которую нам изволил твое царское величество показать, много челом бьем тебе государю нашему, твоему царскому величеству, и служити прямо и верне во всяких делех и поведениях царских твоему царскому величеству будем во вовеки».*

Но свидомые историки не растерялись и объявили, что Переяславский договор утерян, а известные ныне документы сфальсифицированы российской стороной с целью урезать права Гетманщины и в дальнейшем полностью ликвидировать «украинскую автономию». Сделано это было якобы уже через три года после Переяславской Рады. Вот что пишет украинская газета «День»: «*В Украине впервые оригинал договора пы-*

тались найти уже после смерти Богдана Хмельницкого в августе 1657 г. Через два года после этого российская сторона оказала «помощь» в его поисках Юрию Хмельницкому. Но, как выяснилось впоследствии, подсунули бесталанному сыну Великого гетмана сознательно фальсифицированный вариант, чтобы, прикрываясь именем отца, навязать ему невыгодные условия ограничения суверенитета казацкой Украины. Осенью 1708 г. после перехода гетмана Ивана Мазепы на сторону шведского короля Карл XII оригинал украинско-российского договора 1654 г. по приказу царя Петра I разыскивали уже канцеляристы внешнеполитического ведомства России — Посольского приказа. Но тоже тщетно»[1].

Но никакого «украинско-российского» Переяславского договора никогда не существовало. А так называемые Мартовские статьи — это на самом деле документ с оригинальным названием «Просительные статьи», выработанные казацкой старшиной уже ПОСЛЕ присяги русскому царю. Оригинал Просительных статей действительно не сохранился, но они известны по копиям, сделанными в царской канцелярии (выше приведена цитата оттуда). Кроме того, сохранились две редакции — краткая (16 пунктов) и пространная (20 пунктов) — записи устного изложения казацкими послами содержания «Просительной грамоты». То есть правовой механизм обретения казацкой автономии был следующий: подданные нижайше попросили государя, а он высочайше даровал. Никакими субъектами международного права в этом деле и не пахло.

Чистой воды мифом является и то, что казаки восстали против поляков, имея в виду создание собственного государства. На кой оно им надо было? Противоречия с поляками носили сугубо меркантильный характер. Например, король запретил им гнать горилку, при том, что пили казаки неимоверно много (современная медицина однозначно признала бы их алкоголиками почти поголовно), а самогоноварение было для многих из них главнейшей статьей дохода. Другой не менее важной причиной было то, что король не желал платить казакам жалованье, постоянно урезая количество реестро-

---

[1] http://www.day.kiev.ua/17450

вых казаков, то есть находящихся на казенном содержании. И уж совсем возмутительно, что Варшава, боясь осложнений отношений с Турцией, запрещала казакам самовольно совершать грабительские экспедиции в Крым и владения османов. А как же казак может жить без грабежа? Религиозные утеснения со стороны католиков, конечно, тоже не радовали православных казаков, но говорить, будто они отличались какой-то особой набожностью, я бы не рискнул. Нападки на православие были очень удобным поводом для бунта, но никак не причиной. Даже Богдан Хмельницкий в течение всей своей войны с Польшей, которую историки в дальнейшем объявили «национально-освободительной», подписывал свои универсалы к «освобожденным» не иначе как «гетман Его Королевской Милости Войска Запорожского». Последнее ну никак не вписывается в красивый миф о стремлении гетмана к независимости.

Да, укро-историки находятся в неимоверно трудном положении. Им надобно рассказывать об украинской истории в ситуации, когда нет ни одного исторического документа, где бы упоминалось само имя Украины или украинцев. Тем паче невозможно отыскать источники, писанные на украинском воляпюке, первая версия которого появилась в австрийской Галиции только во второй половине XIX в. Задача усложняется тем, что укро-историки должны выдать на гора не просто историю, а великую историю великой Украины, показывающую превосходство арийского украинского народа над азиатами-москалями. Поэтому никакого иного пути кроме наглой фальсификации «свидомым» не остается. Но действуют они по довольно примитивному шаблону. Как-то в 70-х годах позапрошлого века галицкие украинизаторы выпустили перевод на украинский язык повести Гоголя «Тарас Бульба», полностью вычистив оттуда слово «русский» и механически заменив его прозвищем «украинец». Так появились украинские казаки, русская земля превратилась в Украину, и даже русский царь сделался украинским. Культурные люди не знали, то ли им возмущаться, то ли хохотать. Большинство, памятуя о том, что грех смеяться над убогими, решило деликатно промолчать.

Зато укро-историки взяли принцип на вооружение. Если родоначальником украинской истории был происходящий из

польской шляхты Владимир Антонович, то ныне его имя находится в тени светила укро-истории Михаила Грушевского, не только теоретика, но и практика укро-сепаратизма. Собственно, концепция украинской истории по заказу Венского двора и была полностью сочинена Грушевским. Потуги Антоновича на его фоне сразу стали восприниматься как жалкие попытки толкования официальной версии русской истории в украинофильском духе.

В первых же публикациях Грушевский сформулировал следующие постулаты своей доктрины:

— украинцы сформировались как самостоятельный народ еще во времена господства в Восточной Европе племен антов, коих он и переименовал в древних украинцев;

— в Киевской Руси украинцы (правда, почему-то под именем русов) являлись государствообразующим народом;

— наследником государственности Киевской Руси выступила не Владимиро-Суздальская Русь и наследовавшее ей Московское царство, а Галицко-Волынское княжество, а позже — Великое княжество Литовское.

Таким образом, к радости поляков и украинствующей интеллигенции Московию Грушевский оставил за бортом древней русской истории. Да и сам украинский народ стал у него на две-три сотни лет древнее даже «орды укров», выдуманной Фаддеем Чацким. Вот какими откровениями делится Грушевский в своей «Иллюстрированной истории Украины»: *«Греческие писатели, писавшие о славянах в эпоху их расселения, отличают на юге, по соседству с Византией, словен и антов. Словенами называют они племена, обитавшие по Дунаю и в балканских землях, антами — живших по Днестру, по Днепру и далее на восток до Азовского побережья. Это и были наши украинские племена, захватившие тогда все Черноморское побережье от Днестра до Азовского моря и выступающие здесь впервые в исторических источниках отдельно, под названием антов.*

Самое раннее известие об этих антах, переданное нам византийскими писателями, относится к концу IV века, непосредственно после гуннского нашествия, — и это то, что называется началом исторической жизни для наших племен».

Официального признания на родине украинофильская концепция не получила и даже, наверное, не была замечена. Зато австрийские власти (читай — спецслужбы потенциального противника) обратили внимание на молодого историка Грушевского, и последнему была предложена должность профессора кафедры общей истории Львовского университета, каковую он занимал с 1894 по 1914 г. Вена тогда очень нуждалась в идеологах, способных противостоять набиравшему силу движению русофилов. Одновременно с преподавательской деятельностью Грушевский возглавил созданное десятилетием ранее «Научное общество имени Тараса Шевченко», сразу получившее щедрое финансирование из императорской казны.

Эта организация была своего рода главным органом украинизации в Австро-Венгрии, и основной его заслугой следует признать создание украинского языка. Язык этот, спешно созданный нехитрым путем замены русских слов на польские, немецкие и выдуманные, был настолько непохожим на язык, разрабатываемый российскими украинофилами, что произведения классика украинской литературы Иван Нечуй-Левицкого (в прошлом литературный наставник молодого Грушевского), как и прочих российских украинофилов, пришлось переводить. В дальнейшем, когда потуги галицких укро-мовников, возглавляемых Грушевским, зашли совсем уж далеко, Нечуй-Левицкий открыто выразил протест против засорения народного языка иностранными словами и выдуманной абракадаброй. Протест старого Нечуя относится к эпохе «крестового языкового похода» в Россию, которым руководил все тот же Грушевский. Свои заслуги родоначальник украинской исторической науки и создатель украинского языка ценил столь высоко, что в ознаменование 10-летия своих трудов на благо Габсбургов даже решил установить себе в научном обществе имени Шевченко бронзовый бюст, каковой и появился там в 1904 г. Вот ведь какой скромняга!

Находясь на содержании (причем, весьма щедром) у правительства Австро-Венгрии, Михаил Сергеевич создал свое главное произведение — восьмитомную «Историю Украины-Руси». Публикация сочинения в России вызвала шок у научной

общественности. Автор украинской истории решил не делить с москалями историческое наследие на твое-мое, а просто переписал в украинцев всех известных науке деятелей прошлого. Не уклонились от этой сомнительной чести даже считавшиеся ранее варягами Рюрик, Олег и Игорь — всех их Грушевский записал в украинские князья. Это варвары русские пусть благоговеют перед родоначальниками своей государственности — настоящими европейцами-норманнами. А украинцы, дескать, в приглашенных специалистах не нуждались — Киевскую державу создали своими силами. Правда, само слово «Русь» он упразднить не решился, но изящно вышел из положения, присобачив к ней приставку «Украина». Так на бумаге возникла неведомая миру страна «Украина-Русь». Что касается удивительной метаморфозы с самоназванием украинцев, то автор революционной «научной» доктрины не нашел ничего лучшего, как попугайски повторить идею Духинского, перепетую Костомаровым, что имя «Русь» было незаконно присвоено московитами в эпоху политического упадка настоящей Руси, то есть Украины.

Впрочем, не все признавали новаторство Грушевского. Писатель Николай Ульянов в своем очерке «Происхождение украинского сепаратизма» указывает, что он слямзил основную идею из анонимного политического памфлета XVIII в. «История русов». Заслугой Грушевского было лишь то, что он вписал основную доктрину этой известной фальшивки в общепринятую концепцию русской истории, о которой неизвестный автор «Истории русов» никакого понятия не имеет. Ульянов пишет:

«История русов» не только не признает единого общерусского государства X—XIII веков, но и населявшего его единого русского народа. Напрасно приписывают М.С. Грушевскому авторство самостийнической схемы украинской истории: главные ее положения — изначальная обособленность украинцев от великороссов, раздельность их государств — предвосхищены чуть не за сто лет до Грушевского. Киевская Русь объявлена Русью исключительно малороссийской. Удивляет только полнейшее равнодушие к этому периоду. Всему, что как-нибудь к нему относите, отведено не более пяти-шести страниц,

тогда как чуть не триста страниц посвящено казачеству и казачьему периоду. Не Киев, а Запорожье, не Олег, Святослав, Владимир, а Кошка, Подкова, Наливайко оправляют дух и колорит «Истории русов». Экскурс в древние времена понадобился единственно ради генеалогии казачества. Оно, по словам автора, существовало уже тогда, только называлось «казарами». «Воины сии, вспомоществуя часто союзникам своим, а паче грекам, ... переименованы от царя Константина Мономаха из казар казаками и таковое название навсегда уже у них осталось».

Автор с негодованием отвергает версию, по которой казачество как сословие учреждено польскими королями. Малороссия — казачья страна от колыбели, но казаки — не простые гультяи, а люди благородного дворянско-рыцарского сословия»[1].

Читая Грушевского иногда трудно понять: то ли он кретин, то ли шут, то ли наглец высшей категории. Скорее всего, последнее. Но и чувство юмора у него присутствовало. Например, предшественниками украинцев он, если верить приведенным в его «Иллюстрированной истории Украины» карте, считал мифическое племя людоедов — андрофагов. Геродот, давший им такое имя (Androfagoi) описывал их следующим образом: *«Среди всех племен самые дикие нравы у андрофагов. Они не знают ни судов, ни законов и являются кочевниками. Одежду носят подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в той стране».* Позднейшие комментаторы, пользуясь невнятными сообщениями Геродота, помещали андрофагов довольно произвольно вплоть до Смоленска и Верхнего Поволжья, но Грушевский решил поселить их прямо в центре Малороссии возле будущего Киева. Типа пошутил. Еще одной шуткой видного укро-историка стало то, что, описывая физиологический тип украинца, он выделил как его характерную особенность «невеликую внутренность черепа». В общем-то, относясь к украинцам, как к дегенератам, Грушевский, наверное, был прав. Ведь именно такими он и хотел их видеть. Такими помыкать легче. Нынешние «свидомые»

---

[1] http://www.ukrstor.com/ukrstor/A001_ops.html

вполне отвечают требованиям, предъявляемым отцом украинской нации к своим последователям.

В 1914 г. Грушевский перебрался обратно в Киев и поселился в шикарном личном особняке, построенном на скромное профессорское жалованье и побочные приработки. Судя по всему, побочным приработком для него был шпионаж. Но это ремесло в отличие от исторической «науки» дилетантов не терпит, и через четыре месяца после начала Первой мировой войны австрийского профессора арестовывают и после нескольких месяцев заключения отправляют в ссылку. Из Казани, благодаря заступничеству влиятельных российских украинофилов, ему позволено было перебраться в Москву, где он и дождался революции, после чего смог вернуться в Киев, что называется, на белом коне, избранный заочно председателем Центральной Рады.

Старые австро-германские хозяева, которых Грушевский пригласил оккупировать Украину, как помним, не очень высоко ценили своего агента, постаравшись побыстрее избавиться от него. Зато большевики, ради борьбы с которыми он и позвал немцев, затеяв украинизацию, очень нуждались в кадрах и потому легко простили своего бывшего врага. Последствия это имело самые печальные: историческая схема украинской истории, воспринимавшаяся в дореволюционной России как эпатажная выходка галицкого маргинала, была с небольшими корректировками в духе марксистской идеологии принята в качестве единственно верной.

Взята на вооружение была и укро-научная методология бывшего австро-германского агента, суть которой заключалась в тотальной замене слов «Русь», «русский», на «Украину» и «украинский». Советские украинизаторы даже переплюнули своего наставника, применив подобный подход не только при написании учебников и публицистических работ, но даже при издании официальных документов. На то, что укро-советские историки при публикации старых актов стали повсеместно писать слово «украйна» с большой буквы, можно даже не обращать внимания, памятуя о том, что заглавные буквы входят в обиход только к XV в. Но наблюдать их потуги украинизации документов доукраинской эпохи (то есть ранее конца

XIX в.) порой довольно смешно. Например, в томе III сборника «Історія України в документах і матеріалах», вышедшем в Киеве в 1941 г. размещен документ под заголовком «Лист брацлавської шляхти королю Стефану Баторію про те, щоб укази писалися їм не польскою мовою, а українською», а вот в самом тексте говорится: «просимо... руским писмом выдавати».

Для воспитания у истинных украинцев ненависти к москалям Грушевский пользовался не только собственной фантазией, не брезговал он и бывшими в употреблении мифами прошлых веков. Один из них посвящен батуринской резне, якобы учиненной русскими войсками под командованием петровского сподвижника Меншикова над мирными жителями гетманской столицы Батурина в ноябре 1708 г. в ходе Северной войны. Гетман Мазепа, как известно, изменил России и переметнулся на сторону шведского короля Карла XII, обещая последнему зимние квартиры в Батурине, где находились большие склады продовольствия и боевых припасов. По другой версии, Карл не ждал приглашения Мазепы погостить в Батурине, а двинулся туда по своему усмотрению. Так или иначе, судьба кампании решалась вопросом о том, кто первый займет Батурин — шведы или русские. Меншиков совершает упредительный маневр и во главе 15-тысяч драгун и 5 тысяч пехотинцев оказывается перед воротами гетманской ставки раньше шведов.

Гарнизон Батуринской крепости состоял в основном из сердюков — казаков-наемников, которых Мазепа содержал за свой счет. Сердюки отказались впустить русских в крепость. Вероятно, измена Мазепы еще не была столь очевидной, потому что последовали переговоры, занявшие целую неделю. Лишь ввиду приближения шведов Меншиков отдает приказ штурмовать крепость. Приступ завершился успехом через два часа. Учитывая, что в Батурине было 70 пушек, столь быстрый штурм был возможен только благодаря большой помощи осаждавшим изнутри крепости. Часть казаков во главе с полковником Носом отрешилась от сердюков и сложила оружие. Любопытно, что Грушевский объясняет успех Меншикова изменой всего одного человека, однако не сообщает ни имени его, ни того, какую именно помощь таинственный «изменник» ока-

зал русским войскам[1]. Далее, как пишут в школьных учебниках укро-истории, «от казацкой столицы не осталось и кусочка, ни один житель не спасся в устроенном московскими пришельцами аду». Вроде как Меншиков осерчал на казаков, да и вырезал их всех к едрене-фене вместе со всеми тысячами жителей гетманской столицы, включая женщин и детей.

Причем, маньяк эдакий, четвертовал, колесовал, распинал на крестах, кресты ставил на плоты, а плоты пускал по реке Сейм. Следует учесть, что Меншиков якобы предавался кровавым утехам под самым носом у подходивших шведов: плоты да кресты колотил, на кусочки резал бедных обывателей, трупы по окрестностям разбрасывал на съедение диким зверям, да еще и предоставил своим солдатам возможность напиться и пограбить город. Батурин клятые москали, естественно, спалили вместе со всеми складами, забрали оттуда только пушки.

Многие писатели и историки XVIII—XIX вв. (особенно постарались украинствующие) оставили живописания батуринской резни (Александр Ригельман, Петр Симоновский, Жана-Бенуа Шерер, Александр Лазаревский, Дмитрий Бантыш-Каменский, Николай Костомаров), но все они описывали событие задним числом, руководствуясь фольклорными страшилками, типа тех, что рассказывают друг другу на ночь детишки в пионерлагере. Поэтому между этими байками много несоответствий. Если Лизогубовская летопись говорит о том, что многие батуринцы потонули, провалившись под лед, который на Сейме в ноябре был еще не прочным, то возникает вопрос: как же можно было пускать по реке плоты с трупами после ледостава? Впрочем, Лизогубовская летопись — источник весьма сомнительный и тенденциозный, да и составлена она была лишь в 1742 г. Совсем уж не стоит доверять анонимному памфлету

---

[1] Совершенно очевидно, что Грушевский здесь опирается на известную фальшивку «История руссов», согласно которой сердюки блестяще отбили штурм русских войск, завалив крепостной ров трупами штурмующих и принялись праздновать победу, поскольку русские, дескать, в ужасе бежали от города. Однако подлый изменник Нос послал к Меншикову старшину Сельмаху, который убедил его вернуться. Нос ночью впустил в город русских, которые и перерезали спящих сердюков

последней четверти XVIII в. — знаменитой «Истории руссов», которую украинофилы долгое время воспринимали как подлинный исторический источник, хотя уже в позапрошлом веке было установлено, что это фальшивка в жаре фэнтези, стилизованная под историческое сочинение.

А вот подлинные документы той поры версию о резне опровергают. Царь Петр не приказывал уничтожить Батурин, как о том вопят «свидомые», а предписывал Меншикову оборонять его, если к тому будет возможность. Однако тот нашел, что замок, имевший только земляные и деревянные укрепления, не выдержит серьезного приступа, и сжег его перед самым появлением шведов. Через полтора месяца после батуринского погрома избранный вместо Мазепы новый гетман Иван Скоропадский выдал батуринскому атаману Данилу Харевскому универсал, разрешавший жителям Батурина вновь селиться на старых местах. Так и вижу: восстают из могил четвертованные-колесованные покойники и покачиваясь на ветру, бредут к родным пепелищам, а по замерзшему Сейму плывут на плотах, аки на ледоколах, распятые на крестах казаки. Согласно переписи 1726 г. в Батурине почти через двадцать лет после мифической резни числится 411 дворов прежних жителей города (около двух тысяч жителей), не считая приезжих. То есть байки о поголовном истреблении населения города — сущий вымысел.

Опасаясь того, что в Белой Церкви также окажутся сторонники Мазепы, Петр I адресовал им следующее послание: *«Если же кто дерзнет сему нашему, великого государя, указу учинить непослушание и тех наших великороссийских людей впустить в замок не похощет, и с теми учинено будет по тому ж, как и в Батурине с сидящими, которые было ослушали нашего царского величества указу, в Батуринский замок наших великороссийских войск не впускали, но взяты от наших войск приступом; и которые противились побиты, а заводчикам из них учинена смертная казнь»*. Укро-историки стенают, что батуринская резня была устроена москалями для устрашения казачества (казаки, видать, были по их мнению о-о-чень пугливые), а русский царь, отнюдь не страдающий переизбытком гуманизма, отчего-то в своем грозном письме к казакам скромничает и упоми-

нает лишь о казни заводил мятежа, умалчивая об уничтожении гетманской столицы со всеми его жителями.

Вообще, если бы батуринский геноцид действительно имел место, то лучшего подарка Мазепе и представить было нельзя. Устрашить казаков, отчаянных разбойников и головорезов, вряд ли этим удалось, а вот озлобить — легко. Но даже казаки Носа в дальнейшем верно служили государю, что они вряд ли стали делать, если бы русские солдаты вырезали их семьи. Царь Петр был не дурак, и понимал, что казаков, которые в подавляющей массе своей не поддержали измену Мазепы, отталкивать от себя не стоит, и потому требовал от своих командиров обращаться с ними «сколько возможно ласково». Резня в Батурине идет совершенно вразрез с политикой царя, и это противоречие является совершенно неустранимым, не имеющим никакого логического объяснения. Более того, не имело это событие и никаких последствий, а это уже явный признак, что мы имеем дело с событием виртуальным.

Но поскольку украинская история — есть история виртуальная, то «свидомые» историки находят совершенно нелогичному поступку царя, не имевшему места в реальности, логическое объяснение. Как сообщает учебник «История Украины» для 8-го класса (автор Власов, 2004 г.), *«уничтожение Батурина и его жителей не было только местью. Этим карательным актом Петр I пытался запугать украинцев и окончательно усмирить их, лишив стремлений к свободе»*. Власовская логика — логика идиотская. Ведь именно террором поляки пытались добиться покорности казаков, что вызывало лишь рост сопротивления и в конечном итоге привело Польшу к краху. Карл XII предписывал безжалостно уничтожать местных жителей при малейшем намеке на непокорность. Чего он этим добился? Результатом стал Полтавский разгром и бегство незадачливого завоевателя в Турцию. А Петр I в войне победил как раз потому, что население Малороссии не воспринимал, как вражеское и не пытался превратить его во врага.

Но может, резня была выборочной? Вроде как сначала ранжировали батуринцев на изменников и верных царю людей, а потом первых умертвили описанными выше способами? На этот вопрос дали ответ археологические раскопки, ко-

торые в 1996—2006 гг. проводили канадско-украинские исследователи. Раскопали они за одиннадцать лет упорных трудов аж 65 захоронений, которые датировали 1708 г. (всего обнаружено 138 захоронений периода гетманства Мазепы) и связали со штурмом Меншикова. Найден был даже один череп, разрубленный пополам, и еще столько же черепов с дыркой во лбу. На то, что эти останки принадлежат мирным жителям, ничто не указывает. Главным доказательством резни, судя по всему, следует считать обнаружение 17 детских и женских захоронений без положения в гроб.

Но объяснить это можно чем угодно — невысоким социальным статусом покойных (это вообще могли быть татарские пленницы, а магометан хоронят не в гробах), спешкой при отступлении ввиду приближения шведов (население Батурина ушло с войсками), но никак не массовой резней. Допустим на мгновение, что «айнзац-команда» Меншикова действительно умертвила пять тысяч человек, как о том писали французские и английские газеты того времени[1]. Не будут же солдаты утруждать себя рытьем в мерзлом грунте для каждого убиенного персональной могилы, да еще большинство хоронить в гробах? Следует ожидать, что они покидают в крепостной ров в беспорядке тела своих жертв. Найдена ли в Батурине хоть одна братская могила? А сколько там нашли расчлененных трупов — колесованных и четвертованных? Да ни единого! Вроде как три скелета обнаружено в подвалах сгоревших домов. Но и здесь безоговорочно обвинить русских солдат нельзя. Ведь батуринские предместья были сожжены по приказу коменданта-мазепинца полковника Чечеля, который насильно согнал жителей в замок.

---

[1] The Daily Courant (№2239 от 29 декабря 1708 г.) сообщает: «... князь Меньшиков отправился с корпусом войск в Батурин, город обычного проживания Мазепы, и, взяв его штурмом, предал мечу пять или шесть тысяч мятежных казаков и казнил некоторых из главарей на колесе». О резне мирных жителей газета не пишет ни слова, откуда взялась цифра в пять тысяч мятежников, неизвестно. Гора в пять или шесть тысяч трупов показалась Виктору Ющенко какой-то несерьезной и он в 2003 г. на открытии памятного креста заявил что жертв было 21 тысяча. Через три года он забыл об этом и повелел официально считать убитыми 15 тысяч батуринцев.

Но поскольку канадские и американские спонсоры (Canadian Institute of Ukrainian Studies, Shevchenko Scientific Society of America, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, Peter Jacyk Centre for Ukrainian Historical Research) вложили в батуринский проект много средств, выводы укро-историки сделали такие, какие желал услышать официальный Киев: варвары-москали утопили в крови героическое восстание батуринцев за независимость Украины, что неопровержимо доказывают два черепа со следами насильственной смерти и три обгоревших скелета.

Йозеф Геббельс говорил: «Заберите у народа его историю, и через сто лет он превратится в стадо, а еще через сто лет им можно будет управлять». Сказано верно, только столетий для превращения народа в стадо зомби не надо. Достаточно нескольких десятилетий усиленной идеологической обработки, замены подлинной истории расистскими мифами, и украинизированный школьный конвейер будет выдавать на-гора киборгов, одержимых желанием отомстить москалям за многовековые обиды и унижения.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ПРО БРАТЬЕВ-БЕЛОРУСОВ

Работая как-то над статьей о варшавском восстании 1944 г., я перелопатил очень много польских газет последних двух десятилетий. Сразу бросается в глаза просто-таки маниакальная ненависть поляков к Сталину — человеку, благодаря которому Польша сегодня существует. Можно, конечно, считать это следствием мощной промывки ляшских мозгов, но мне кажется, дело еще и в глубоко укоренившемся комплексе национальной неполноценности, выражающемся в характерном польском евро-расизме. Себя поляки считают неполноценными европейцами, поэтому всегда стараются подчеркнуть свое превосходство хотя бы над азиатами, к коим, разумеется, относят русских. Поэтому когда поляков бьют шведы или немцы, им не так обидно. Ну, поколотил старший брат младшего, так имеет право — на то он и старший. А вот когда полякам задают трепку русские — это вызывает некоторое недоумение и воспринимается крайне болезненно, как если бы первоклашка отлупил дебелого пэтэушника. И тут же начинаются вопли, что русские победили лишь благодаря своему варварству.

Например, в 1794 г. во время войны с инсургентами Косцюшко Александр Суворов блестяще взял штурмом крепость Прагу — варшавское предместье на правом берегу Вислы, после чего польская столица сдалась без боя. По условиям сдачи русский полководец пообещал: *«Именем Ее Императорского Величества, моей Августейшей Государыни, я гарантирую всем гражданам безопасность имущества и личности, равно как забвение всего прошлого, и обещаю при входе войск Ее Императорского Величества никоих злоупотреблений не допустить».*

Условия соглашения Суворов выполнил, чем очень удивил горожан, с трепетом ожидавших кары за свои кровавые грехи (весной 1794 г. в момент празднования православной Пасхи варшавяне напали на русских солдат, многие из которых, будучи безоружными, были убиты прямо в церквях). Русский фельдмаршал заслужил тем самым большое признание мещан, от имени которых варшавский магистрат Варшавы поднес ему золотую табакерку, украшенную бриллиантами, с надписью «Warszawa zbawcy swemu» (Варшава своему спасителю). Иногда упоминается в качестве подарка еще и богато украшенная сабля, поднесенная от благодарных обывателей. В письме Румянцеву Суворов отмечал: *«Все предано забвению. В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают»*.

Обожание длилось недолго. Уже в начале XIX в. французская и польская пропаганда приписала Суворову все мыслимые и немыслимые грехи: дескать, его чудо-богатыри перебили все мирное население пражского предместья, включая грудных детей. Монахинь перед смертью, естественно, изнасиловали в самых извращенных формах. Все дома и церкви были, дескать, русскими разграблены, а потом Прага дотла сожжена. Это же Суворов пообещал сотворить и с Варшавой, если она не сдастся. Мол, лишь поэтому, спасая мирное население от геноцида, мятежники капитулировали.

Казалось бы, после провала русской кампании Наполеона надобность в антисуворовской пропаганде должна была отпасть, но миф о пражском геноциде оказался поразительно живуч, и с течением времени в польском национальном сознании из разряда перлов наполеоновской пропаганды перешел в категорию «общеизвестных фактов». Нечто подобное сегодня происходит на Украине с так называемой батуринской резней. После генералиссимуса Сталина, пожалуй, теперь самый ненавистный в Польше русский — это генералиссимус Суворов.

Понятно, что битым полякам не за что любить Суворова, который накрутил шляхте хвоста в 1794 г., а еще раньше в 1769—1772 гг. громил барских конфедератов, но совершеннейшей загадкой для меня стало то, почему Суворова ненавидят белорусы. Не все, конечно, и даже не большинство, а неко-

торые. Эти некоторые называются интеллигенты — в чем, видимо, и кроется разгадка феномена. Попалось мне как-то на глаза интервью с композитором Кимом Цесаковым. Вроде бы рассказывает о музыке, и вдруг ни с того ни с сего бац: «*Мой языковой фактор очень связан с переосмыслением белорусского фольклора. Но не просто белорусского фольклора. Я очень люблю песни-плачи женские. Вот, кстати, женские песни-плачи из всех славянских народов есть только у белорусов. Наверное, это было связано все-таки с женской долей. Потому что Беларусь вечно была под гнетом поляков, потом россиян. Ну шутка ли: когда Калиновского восстание Суворов задавил, то от Минска до Петербурга 136 тысяч столбов было вкопано, и на каждом столбе висело по человеку. Об этом россияне боятся говорить, а это ж факт*»[1].

По-моему, фактом можно считать только то, что Цесаков — дебил. Этот представитель «умственного труда» понятия не имеет о том, как трудно срубить дерево, обтесать, приволочь его к дороге, вкопать, выковать и приделать крюк, а потом еще подвесить на него человека. Человек, естественно, упирается, поскольку висеть ему не хочется. Поэтому выход один — превратить его в труп, а уж после подвешивать. Не ясно, правда, как доставлять десятки тысяч тел к Петербургу — далековато, трупы подпортятся в дороге и вид примут очень неаппетитный. И вообще непонятно, зачем их волочь в такую даль. Одно бы дело для устрашения местного населения вздернуть десяток бунтовщиков, но на кой черт их под Петербургом-то развешивать? Представляю: едет император всероссийский с иностранными послами на увеселительное мероприятие в Царское Село, и вдруг шибает в нос тлетворный трупный запах. Послы наодеколоненными платочками себе носопырки судорожно зажимают и глаза вопросительно на государя таращат. А тот, как ни в чем не бывало: мол, не удивляйтесь, это суворовским чудо-богатырям делать нечего, и чтоб не бездельничали, велено им украшать дорогу трупами.

Согласитесь, картина совершенно неправдоподобная. Еще более ей добавляет неправдоподобия то, что к моменту

---

[1] http://classmusic.iatp.by/ru/Tesakov_int.html

восстания 1863—1864 гг., одним из заводил которого был Кастусь Калиновский, Суворов 63 года как лежал в могиле. Теоретически, конечно, восстание Калиновского мог «задавить» внук генералиссимуса генерал от инфантерии Суворов Александр Аркадьевич, бывший одно время лифляндским, эстляндским и курляндским генерал-губернатором. Однако к моменту восстания он пребывал в должности столичного генерал-губернатора (с 1861 до 1866 г.), да и вообще к полякам он как раз относился сочувственно.

Под стать композитору Цесакову его соплеменник Игорь Литвин, который считает себя историком. Этот тип тоже слегка зациклен на мертвечине и этнических чистках. Вот какие ошеломительные подробности он выдает о покорении Суворовым Варшавы в своей книжонке «Затерянный мир, или малоизвестные страницы белорусской истории»: *«В 1794 году армия Суворова свирепствовала в Беларуси и Польше. Суворовские выродки расстреливали мирных жителей Кобрина и Малориты. На подступах к Варшаве они уничтожали все живое на своем пути. В варшавском пригороде — Пражском предместье было расстреляно все население. В самой Варшаве русские солдаты на копьях и штыках по улицам носили младенцев. Возможно, поляки это будут помнить всегда».*

Впрочем, книжка Литвина относительно безвредна, ибо он нагородил такой бредятины, что это полностью исключает возможность серьезного к ней отношения. То ли у него голова была в отключке, пока он высасывал из пальца «малоизвестные страницы истории», то ли врач ему по ошибке прописал сильнодействующий препарат с галлюциногенным побочным эффектом. Вот, например, как Литвин описывает один эпизод героической борьбы белорусов против «русского ига»: *«В православном Могилеве, в ночь с 1-го на 2-е февраля 1661 года во время восстания горожан было уничтожено семь тысяч стрельцов. Спасся только один, находившийся за городом в самовольной отлучке. Горожане заблаговременно вывинтили из русских ружей кремни и потери среди повстанцев были небольшими».*

Можно подумать, стрельцы (солдаты регулярной армии, а не какие-нибудь ополченцы!) оставляли свои ружья где попа-

ло без присмотра, чтобы у праздношатающихся мимопроходимцев была возможность незаметно вынуть из них кремни. Если так, то почему горожане, коль имели беспрепятственный доступ к стрелецким ружьям, попросту не сперли их? Трудно представить себе подобную ситуацию, когда бы советские солдаты в Сталинграде скрытно пробрались ночью в стан врага, повынимали бы из всех немецких винтовок и пулеметов затворы, а с утра лихо пошли в атаку на фрицев, которые недоумевают: почему же они не могут сделать «пиф-паф».

Или вот еще один литвинский перл: «*Российская история утверждает, что до захвата белорусских земель, тут жили плохо. Это очень напоминает советскую байку о «загнивающем Западе». Почему же тогда из России бежали на запад, на белорусские земли целыми губерниями, а не наоборот? Еще в середине XVIII века русская императрица Елизавета требовала от короля Речи Посполитой вернуть с белорусских земель миллион (!) беглых крестьян-россиян*».

Отчего же могли бежать русские крестьяне? От крепостного гнета, наверное. Но пусть Литвин объяснит, зачем они «целыми губерниями» бежали в Речь Посполитую, где крепостное право было гораздо более жестоким, и где помимо социального гнета, крестьяне испытывали религиозное и национальное утеснение? Да и свободной земли на западе для целого миллиона беглецов к тому времени просто не было. Если пан Литвин не силен в географии, то надо его просветить: тенденция была совершенно обратной — бежали землепашцы преимущественно на юг, в Дикое поле и в Сибирь — туда, где не было помещиков и всем хватало земли. Причем переселялись в Сибирь даже из Белоруссии, называвшейся тогда Литвой. Об этом потомки мигрантов уже, возможно, не помнят, но фамилии Литвинов, Литвинчук, Литвиненко, Литвяков очень распространены на моей родине, в Западной Сибири. Если заглянуть в тюменскую телефонную книгу, то Литвиновых, например, будет почти столько же, сколько Ивановых.

К чему это я? Да, просто, говоря об украинцах, как искусственно выведенной национальности, невозможно не упомянуть белорусов — народность еще более молодую и еще более искусственную. Культурный слой всякого народа созда-

ет свою историческую мифологию, которую ни в коем случае нельзя отождествлять с исторической наукой. Историческая мифология позволяет, скорее, понять национальный характер. Белорусы — очень молодой этнос, созданный в советское время, в связи с чем у них большие трудности с национальной самоидентификацией, благодаря убогости доморощенной интеллигенции.

Мне еще не приходилось встречать ни одного народа, которому настолько навязчиво внушалась бы мысль о собственной ущербности. Почитаешь национально озабоченных белорусских «гисторыков» — почти у всех одна и та же песня: дескать, мы, белорусы, создали Великое княжество Литовское — сильнейшее государство Европы, которое было в три раза больше Польского королевства и многажды культурнее азиатской Московии, однако в течении более чем четырехсот лет нас из черной зависти все угнетали: то клятые поляки-католики, то тупые русские варвары, не дававшие печатать книги на «роднай мове» и препятствовавшие экономическому развитию региона. Иногда для осознания себя нацией, народу необходимо сплотиться против врага, консолидироваться с помощью ненависти, но это явно не тот случай — врага-то нет. Приходится создавать виртуального врага в виртуальном прошлом. Жалкие потуги белорусской интеллигенции способствуют, пожалуй, лишь формированию у белорусов комплекса национальной неполноценности.

Часто приходится сталкиваться с белорусами, которые признаются, что не любят говорить на своей «мове», предпочитая ей русский. Это относится к тем белорусам, которые знают ее, но много и таких, которые кроме русского, никаким языком не владеют. Иные умники и тут спешат обвинить русских, которые, мол, с целью русификации белорусов внедрили в обиход трасянку — диалект, представляющий собой смесь русского литературного языка и белорусского крестьянского диалекта. Да, действительно трасянка создает ощущение испорченного русского, чем она по большому счету и является. Но кто ее специально создавал и насаждал — это еще вопрос. Русским удалось за века создать литературный язык, без которого просто немыслимо было единое государство, распла-

ставшееся на одной шестой части суши. Несмотря на великое множество местных говоров, литературный русский язык един и хорошо понятен всем великороссам от терских казаков до архангельских поморов

Белорусов, как и Белоруссии, просто не существовало. Выражение «Белая Русь» наряду с Синей, Красной, Черной Русью обозначало лишь географическую и историческую область. Все очень просто: В Галицкой Руси жили галичане, в Подолии подоляне, на Волыне волыняне, на Смоленищине — смоляне, в Белой Руси — белорусы (ранее их называли литвинами или литовцо-русами), но все они до недавнего времени считали себя русскими. И это относится не только к неграмотным крестьянам, которые не читали национально озабоченных «гисторыков» и не являлись членами националистических кружков. Образованный слой, даже будучи знакомым с местными народными диалектами, не чувствовал ни своей инаковости, ни второсортности по отношению к русским. Николай Лосский[1] в очерке «Украинский и белорусский сепаратизм» писал:

«Сознание того, что белорус есть русский, мне хорошо знакомо потому, что я сам белорус, родившийся в Двинском уезде Витебской губернии в местечке Креславка на берегу западной Двины. Учась в Витебской гимназии, я в возрасте двенадцати лет читал только что появившуюся книгу «Витебская старина». Из нее я узнал о нескольких веках борьбы белорусов за свою русскость и православие. С тех пор мне стало ясно, что называние себя белорусом имеет географическое значение, а этнографически для белоруса естественно сознавать себя русским, гражданином России»[2].

Эти слова тем более ценны, что писаны им в эмиграции, где исторгнутые с родины элементы находят утешение в воинствующем национализме и ненависти к своему народу. Как видим, Николай Онуфриевич не был подвержен этой заразе.

---

[1] *Лосский Николай Онуфриевич* (1870—1965) — русский философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. В 1922 выслан за границу, до 1945 жил в Праге, в 1947—1950 в Нью-Йорке. Основные труды по психологии, логике, проблемам интуиции, свободы воли и другие.

[2] http://belaya-russia.narod.ru/civis/separatizm.htm

В каждой местности Северо-Западного края господствовал локальный диалект русского языка, причем вряд ли какому-то из них можно отдать предпочтение, как основному. Говор полещуков[1], например, очень близок к малороссийскому диалекту, на северо-западе много полонизмов. Но распространенные на западе Руси диалекты использовались только в устной речи. На мове можно общаться на бытовые темы да песни петь. А писать на ней нужды не было никакой, ибо в делопроизводстве использовался литературный русский язык. На русском языке велось обучение в гимназиях и университетах. Не потому, что правительство не любило белорусов и белорусский язык, а потому что никакого белорусского языка не существовало.

Попробуйте объяснить на белорусской мове устройство трехмачтового парусника. Еще сложнее вам будет рассказать о принципе действия парового двигателя или геологическом строении Земли. Вряд ли у вас вообще хоть что-нибудь получится, поскольку в наречии землепашцев Белой Руси отсутствуют потребные слова. Их, конечно, можно создать искусственно, но зачем? Ведь их никто не поймет! А самое главное, крестьянину научная терминология в области механики или геологии просто без надобности.

В 1918 г. Брониславом Тарашкевичем была создана первая грамматика белорусского языка, причем на латинице. Как истинный белорусский националист, Тарашкевич вначале был полонофилом. Позднее он, правда, разработал и правила кириллического письма — так называемую тарашкевицу, часто используемую и поныне. От поляков он за свое белорусофильство изрядно претерпел, пару раз оценив комфорт ляшских тюрем. В 1933 г. в рамках программы обмена политзаключенными вступивший в компартию Западной Белоруссии Тарашкевич оказался в ССР, где его через четыре года арестовали как врага народа и расстреляли. Тарашкевицу пользовали в Западной (польской) Белоруссии и в эмиграции. В 1933 г. в

[1] Этнографическая группа белорусов, основу которых составляют жители Полесья. Наиболее своеобразны среди них пинчуки — население Пинского Полесья

БССР была предпринята попытка реформы грамматики, в результате чего появилась так называемая наркомовка, в видоизмененном виде дожившая до сего времени. Отличительной особенностью ее была близость к русскому правописанию, что в первую очередь касалось применения мягкого знака. Не буду судить об актуальности реформы, но осуществляли ее белорусские интеллигенты. Им виднее было. Раз правительство зачем-то нарисовало на карте Белорусскую ССР, значит, нужно было создавать и белорусов. В 1958 г. произошла еще одна реформа языка, в результате которого белорусский был «зачищен» от многих русизмов. Ныне самостийные братья-белорусы опять затевают реформу, поскольку жить в условиях, когда в обиходе находится две системы правописания довольно затруднительно.

Так или иначе, но литературный белорусский язык сформировался уже в советское время. Его основоположниками считаются Янка Купала[1] и Якуб Колас[2]. Вышла та самая трасянка. А что еще могло получиться, когда язык создается искусственно и искусственно насаждается? Получается искусственно созданный народ, не имеющий никакого прошлого. Приходится ему искусственно создавать «древнюю историю». То, что белорусов, как этнос, отдельный от русского народа, создавали уже после революции, хорошо видно на примере административного устройства, а точнее переустройства БССР и РСФСР. Белоруссия уж очень куце выглядела на карте, граница ССР проходила чуть западнее Минска. Поэтому чтоб ее было хотя бы видно на карте, к ней спешно прилепили Витебскую, Могилевскую и Гомельские области, ранее входившие в РСФСР. Кстати, в 30-е годы обсуждался вопрос о включении Смоленской области в состав Белоруссии, так как местные крестьяне говорят на наречии, отнесенном к белорусским говорам. Более того, Смоленск первоначально рассматривался в качестве столицы советской Белоруссии

---

[1] Настоящие имя и фамилия *Иван Доминикович Луцевич* (1882—1942), белорусский поэт, народный поэт Белоруссии (1925).

[2] Настоящие имя и фамилия *Константин Михайлович Мицкевич* (1882—1956), белорусский писатель, народный поэт БССР (1926), академик (1928), вице-президент (с 1929) Академии наук БССР.

Соответственно, когда выдавали людям, оказавшимся по ту сторону административной (ныне государственной) границы, паспорта, то национальность записывали всем под одну гребенку — «белорус». А в школе детей новоиспеченных белорусов стали учить трасянке, которую в те годы как раз спешно сочиняли. Результат налицо — на мове «белорусы» говорить стесняются. Это действительно неудобно, хотя понять и не очень сложно.

Представляю, какое возмущение вызовут мои последние слова у современных белорусов-интеллигентов самостийной ориентации. Наверное, самое умеренное обвинение в мой адрес будет квалифицировано как неуважение к самобытной культуре древнего белорусского народа. Почему-то самобытность в определенных кругах понимается как нечто святое и неприкасаемое. Посягать на самобытность — ни-и-з-з-зя! Самобытность, то есть инаковость, отличность от других, следует, по мнению ревнителей национальной чистоты, раздувать как мыльный пузырь и всячески ее выпячивать. Только, если переусердствовать, это неминуемо приведет к тому, что искусственно раздутые отличия перевесят естественную близость, и единая этническая общность развалится.

Что, например, будет, если я начну выпячивать свою сибирскую самобытность? Буду говорить, или того пуще, — писать на местном диалекте: не «валенки», а «пимы», не «что», а «ишто», не «зачем», а «пошто». Стану не «есть», а «исти», буду, играя в футбол, не пинать мяч, а именно «галять». Вместо «здравствуйте» почну молвить по-нашенски «со прибытьтием». Да, главное не забывать почаще менять окончания слов. Например, все что кончается на *-ешся* теперь будет иметь окончание *-исся*: *«Ежли яблок кислячих наисся, так с них токма в кусты набегаисся. Не к душеньке пища энта нонеча пойдет. Подожжи, покедова плоды нальются»*. Окончание *-ище* теперь стоит произносить на другой манер: пылишша, грязишша, животишша. Добавим немного заимствований из татарского: болда — топор, кармак — крючок, лес — урман. Присовокупим к этому чисто местные словечки, коих сыщется великое множество. Вот вам навскидку только те, что касаются гидрологии: *чугас* — крутая возвышенность в пойме реки, не затапливаемая в по-

ловодье; *туман* — проточное озеро, *сор* — широкое, но мелкое озеро, образуемое при разливе реки; *перейма* — узкое пространство между двумя озерами или болотами (последнее называется еще иногда и островом); *тахтым* — речной залив; *перебор* — быстрый перекат; *прорва* — узкое и глубокое пойменное озеро; *рям* — болото. Озеро зачастую именуется по-татарски кулем, причем «куль» чуть не в половине случаев сочленен с именем собственным — Вайволыкуль, Тартыкуль, Чапкуль, и т.д.

Слава Богу, что никому не пришло в голову объявить сибиряков отдельным народом. Сибирский язык создать — дело нехитрое, как вы уже поняли. На современное русское наречие он весьма похож, а потому можно вывести из этого концепцию четырех братских народов — русского, украинского, белорусского и сибирского. Насчет самобытной культуры и вклада ее в мировую тоже не извольте беспокоиться. Например, архитектура сибирских церквей XVII в поразительно похожа по стилю на малороссийскую храмовую архитектуру XVIII в. Выводы: сибирские зодчие славились далеко за пределами Сибири. В киевской Софии мы видим ту же конструкцию куполов, что венчают тюменский Троицкий собор в одноименном монастыре, но последний возведен раньше. Тобольская иконописная школа вообще аналогов не имеет, то бишь она непревзойденна. Учеными мужами Сибирь не обижена — один Семен Ремезов чего стоит. Он, конечно и не подозревал, что является основоположником сибирской архитектурной школы и сибирской картографической науки, но возразить из могилы уже не сможет. Или наш брат-тоболяк Менделеев — изобретатель водки и таблицы своего имени. Недаром сибиряки говорят: «В наших недрах спрятана вся таблица Менделеева». Заодно можно будет подать в суд на РФ за незаконное использование бренда «Русская водка». Какая же это русская водка, если ее изобрел сибиряк?

Насчет древней мифологии тоже все в порядке. Слыхали о могучих богатырях Эмдера (покруче Ильи Муромца будут!), о древней Югре, легендарной Мангазее, славном атамане Ермаке? Теперь это не имеет к русской культуре никакого отношения, поскольку является достоянием самостийного си-

бирского народа. Да и вообще, сибиряки древнее русских — произошли от гиперборейцев, а много веков спустя расселились далеко на запад, где положили начало племенам русов и укров. В самой библии упоминается народ Фувала. Фувал — это не что иное, как Тубал, то есть река Тобол, на которой стоит древняя столица Сибири — Тобольск. Стало быть, сибиряки — библейский народ. Кстати, город Симбирск имеет свое название, благодаря основавшим его переселенцам из Сибири, колонизирующим дикое и безлюдное Поволжье. Ну, и так далее и в том же духе...

Осталось определиться с политическим статусом Сибири. Все в наличии: и Сибирское ханство имело место быть, и казачья республика под началом атамана Ермака, и даже, как писали на западноевропейских картах вплоть до конца XVIII в., Grand Tartar, что в дословном переводе обозначает Великая Преисподняя. Боялись европейцы Сибири, а раз боялись — значит, уважали. И все было прекрасно до тех пор, пока алчные москали не захватили Сибирь, позарившись на несметные богатства этой земли: меха, рыбу, злато и серебро, медь, плодородные пашни и сочные луга. Но хоть и захватили русские варвары древний Фувал, поработить гордых потомков гиперборейцев так и не смогли, а потому крепостного права за Уралом никогда не бывало. Сибирь была автономным краем, о чем свидетельствует собственная сибирская монета, ходившая в ее пределах. В Российской империи такую привилегию имели еще поляки, финны, грузины.

И вообще, никакого монголо-татарского завоевания Руси не было! Это просто славные сибиряки дали отпор русской агрессии. А возглавлял сибирское войско легендарный tartarский хан Чингиз — правитель Сибирского ханства. Само имя вождя указует на то, что родом он из стольного города Чимги-Туры, который московские оккупанты, захватив, переименуют после в Тюмень. Адмирал Колчак — это то же самое, что Петлюра на Украине — пламенный борец за сибирскую самостийность. Атаман Семенов — аналог батьки Махно. Крестьянское восстание 1921 г. — не антисоветский мятеж, а война за независимость Сибирской Народной Республики против трехсотлетнего русского ига.

Что, скажете это — бред? Ничуть не в большей степени, чем бред о происхождении отдельных украинского и белорусского народов. Любой местечковый диалект можно искусственно раздуть до потери всякого здравого смысла: чем самарцы, туляки, псковичи или астраханцы хуже черкасов? Вот и будет каждая губерния развивать «самобытную» культуру, оплевывая общую русскую, и пестовать местный патриотизм, норовя при любом удобном случае отложиться от Московии, провозгласив Самарскую республику, Донскую конфедерацию, Олонецкий бантустан или Рязанский каганат. Кстати, нам, гордым сибирякам, есть от этого прямой резон — перекроем нефтяную и газовую задвижку и покажем Москве кукиш. Не быть больше Сибири москальской колонией! Да здравствует свобода! Возродим наш великий и могучий сибирский язык! Вернемся к истокам нашей древней культуры (шаманы, бубны, пляски вокруг костра в волчьих шкурах, культ солнца и все такое прочее)!

Не стоит ухмыляться, дорогой читатель. Идея создания суверенной Азиатской России не только на полном серьезе обсуждается в прессе, включая даже такие проправительственные издания, как «Аргументы и Факты», но имеет массу сторонников по эту сторону Уральского хребта. Основной аргумент в пользу «незалэжности» очень прост и убедителен: за Уралом проживает менее 30% населения РФ, но 75% национального дохода страны дают югорская нефть, ямальский газ, красноярский алюминий, норильский никель, якутские алмазы и т.д. Так на кой хрен кормить алчных москлей-иждивенцев? Стоит только воткнуть пограничные столбы на Урале, как в течение двух десятков лет возникнет и сибирский народ, и сибирский язык, и сибирская историография, а государственной идеологией будет самая оголтелая русофобия под лозунгом «Не позволим грабить родную Сибирь москальским хищникам!» Чтоб защититься от происков русского империализма, Сибирское ханство вступит в НАТО, ВТО, поклянется жестоко защищать права человека на своей территории и безжалостно бороться за демократию во всем мире. Мировое сообщество будет просто в восторге от такой сознательности туземцев и окажет

самую деятельную помощь национальному возрождению гордого сибирского народа, который будет дружить против русских с другими сознательными демократическими нациями — украинцами, белорусами, латышами и поляками.

Но, как ни странно, тотальное насаждение самобытности не обогащает культуру народа, а исключительно обедняет ее. Для самобытно-самостийного сибиряка и Пушкин, и Гоголь, и Пастернак — иностранные писатели, чей язык враждебен великой и могучей древней сибирской мове. Хуже всего то, что даже великий сибирский писатель Петр Ершов был вынужден переложить сибирский эпос «Конек-горбунок» на москальский язык, потому что царский оккупационный режим запрещал печатать книги на родном для сибиряков языке. Впрочем, из ненависти к сибирякам цензура не дозволила публиковать «Горбунка» даже по-русски. Придется переводить поэму на перворожный сибирский язык. Придется сибирякам отказаться от чуждой им книжной, музыкальной, театральной русской культуры. Возникает проблема с великими полководцами — кроме хана Чингиза и Ермака вроде бы и вспомнить некого. Суворов, Скобелев и Рокоссовский теперь русские каратели и их следует люто ненавидеть. Так что волей-неволей придется лепить героя из истеричного кокаиниста Колчака, который героически пустил пузыри в проруби на Ангаре-реке во имя сибирской независимости.

Примерно в таком духе и действуют сегодняшние националистически настроенные украинские и белорусские интеллигенты — они из кожи вон лезут, дабы искусственно удревнить свою культуру, но при этом выкинуть из нее все русское. До того доходит дело, что в радетели о возрождении национальной культуры они пытаются записать фон Кубе, возглавлявшего во время войны немецкую оккупационную администрацию в Белоруссии. Раз большевики церкви закрывали, а он открывал, причем католические, то стало быть он радел о белорусской культуре.

Что получается? А получается в итоге полная пустота. Тогда националисты меняют тактику, и нахально приватизируют часть общерусской культуры. Совершенно удивительным образом они записали в основоположники литературного бе-

лорусского языка Франциска Скорину[1], который был известным медиком, типографом, и переводчиком Библии, как он сам утверждал, на русский язык. Язык переводов Скорины, однако, не имеет к синтезированной столетиями спустя мове никакого отношения. С тем же успехом его могут объявить своей собственностью и киевские сепаратисты, и «кляти москали» и даже литовцы, поскольку в 1520 г. Скорина переехал из Праги в Вильну и основал там «друкарню» — типографию.

Кстати, почему русским первопечатником объявлен и в том качестве канонизирован Иван Федоров? Скорина печатал книги китайскими иероглифами, что ли? По происхождению Федоров[2] был литвин, а основную часть жизни провел отнюдь не в Москве, где его книгопечатное предприятие почему-то не задалось, а в литовском Заблудове (ныне в Польше), в Остроге (родовое владение князей Острожских) на Волыни и Львове, бывшем тогда в пределах Польского королевства. В Москве Федоров провел всего два года и издал две книги — «Апостол» (1654) и «Часовник» (1655). В 1578 г. в Остроге Федоров издает свою знаменитую «Острожскую азбуку», в 1581 г. первую русскую полную печатную «Острожскую библию». Может быть, эта азбука «украинская»? Но грамоту по ней учили много лет спустя не только в Западной Руси, но и в далекой Сибири, где до наших дней сохранилось некоторое количество экземпляров этого учебника.

Совершенно непонятно и то, почему в праве быть русским первопечатником отказано Петру Тимофеевичу Мстиславцу[3],

---

[1] *Франциск Скорина* (около 1486 — не позднее 1551) — русский ученый первой половины XVI в., русский первопечатник и просветитель. Уроженец Полоцка. Известен главным образом изданием прекрасно иллюстрированных Библий на кириллице и созданием типографии в Вильно.

[2] Иногда пишут, что его настоящая фамилия была Федорович, иногда величают его Иван Федорович Московитин. Можно допустить и то, что Московитин было прозвищем, полученным им по приезду из Москвы на Волынь, а Федорович — всего лишь отчество. Учитывая, что известный типограф был церковником и даже занимал одно время должность диакона в кремлевском храме Николы Гостунского, то и имя его Иван могло быть не крестильным, а церковным.

[3] Фамилия или прозвище явно указывают на его литовские корни, связывая его с городом Мстиславлем

который работал в Москве совместно с Федоровым, а после перебрался с ним в Заблудов? В московской типографии Мстиславец в 1557 г. издал еще одну книгу — «Псалтырь», после чего перебрался в Великое княжество Литовское к Федорову, а в 1659 г. основывает свою типографию в Вильне. Но если уж строго следовать исторической справедливости, то русским первопечатником следует признать немца Швайпольта Фиоля, который еще в 1491 г. издал в Кракове «Октоих» и «Часослов». Это самые ранние из известных ныне книг, отпечатанных кириллицей.

Так как делить будем Скорину с Мстиславцем и Федоровым, братья славяне (Фиоля, так уж и быть, отдадим баварцам)? Кстати, пусть никого не смущает нерусское имя Скорины — крещен он был под именем Георгий, а прозвище Франциск получил, вероятно, во время учебы в краковском университете, где кстати, учился позже и Федоров. Думается, глупо навешивать на Скорину и Мстиславца ярлык «белорус», на Федорова вешать бирку «украинец» или ставить клеймо «великоросс». Уж коли сами себя они считали русскими, то пусть таковым и остаются для потомков. Тот язык, коим печатаны их книги, является русским книжным языком того времени, не знавшим что такое суржик, трасянка, кулишовка или тарашкевица.

Последнее обстоятельство очень не нравится и белорусским, и украинским самостийникам. После обвинений в насильственной русификации древней белорусской мовы они начинают призывать... к ее полонизации. Цитирую книжку уже упомянутого выше Литвина: *«Многие слова, фразы режут слух, поэтому на «трасянке» трудно думать. Ее развитие скорее напоминает мутацию: «Калгас Акцябр», «веска Кірпічоўшчына», «ўрэмя работы 8—17», «не курыць» — этих пародий не заслуживает ни белорусский, ни русский языки.*

Главная проблема современного белорусского языка заключается даже не в замене многих слов на искаженные русские, а в разрушении его внутренней структуры. Ведь язык — это не только словесный набор. Язык отражает национальный способ мышления. В соответствии с внутренней логикой языка строятся предложения и фразы. Попробуйте заменить польские слова на русские в фразе «вытворня фильтров самоходо-

вых». Получившаяся конструкция «фабрика фильтров автомобильных» не является русской. Аналогично, при механической замене русских слов не получаются польские фразы. Подмена внутренней структуры белорусского языка русской, наносит самый большой ущерб. Фразы напоминают русифицированный WINDOW'S: все внутренние процессы идут на английском, а конечные результаты воспроизводятся на русском, причем зачастую некорректно.

На Белосточчине, где язык подвергался меньшему давлению, приходится слышать ласкающие слух белорусские фразы. Даже заимствованные слова звучат мягко. Сравните «рэклама» и «рэкляма». К сожалению, белостоцкий диалект для нас, как недоученный иностранный язык: все понимаешь, но сам так говорить не можешь»

Где находится город Белосток? Вестимо где — в Польше. В Белостокском воеводстве и ныне проживают белорусы (всего в Польше их около 250 тысяч.). Западный белостоцкий диалект, как нетрудно догадаться, наиболее полонизирован. Литвин, ругающий большевиков за репрессивную реформу языка, предлагает филологов к новой реформе, суть которой он видит в собирании «всего лучшего» и, соответственно, выбрасывании всего худшего. Он, разумеется, предвидит трудности на пути внедрения новояза, но находит, как ему кажется, эффективный стимул для перехода на него — экономический: *«Популяризации белорусского языка, безусловно, способствовала бы поддержка государства. Например, налоговые льготы при размещении рекламы на белорусском языке».*

Видимо, автор не знаком с опытом братьев по разуму в соседней Украине. Там реклама по-русски вообще запрещена, а русские газеты и торговля русскими книгами обложена дополнительным налогом. А толку — мизер! В книжных магазинах Киева русские книги явно преобладают числом над печатанными на «ридной мове». Качество же последних мягко говоря, сомнительное. Контролировать Интернет самостийники пока не научились (хотя указы на сей счет у них имеются). Поэтому корпоративные сайты украинских компаний в основном на русском языке. А уж рвение, с которым украинские сепаратисты-«мовознавцы» борются за чистоту языка, порой напоми-

нает анекдот. Например, выхлопную трубу официально предписано именовать «выпердовой» (по польски это звучит как «рура выпердова»), а презерватив — «гумовым напысником». Но не стоит сурово судить дегенератов, которые пытаются заменить суржик языком-мутантом, ведь у них теперь нет головного мозга. Его заменил «головомозок».

Кстати, сам Литвин свой русофобский «Затерянный мир» написал почему-то по-русски. Знамо дело, виноваты в том русские империалисты, которые задушили национальную самобытность белорусов. Теперь даже белорусский националист Литвин не может пользоваться белостоцкой мовой. Правда, никаких фактов насильственной русификации, о которой так стенает автор, в книге не приводится, хотя неуклюжие попытки предъявить доказательства он и предпринимает: *«После подавления восстания Косцюшко, чтобы ликвидировать на белорусских землях экономическую и идеологическую основу возрождения независимого государства* (какого государства — польского? — *А. К.*) *в будущем, царские чиновники всерьез занялись русификацией. В 1795 году были приняты положения, увеличивающие налоги с белорусов по сравнению с россиянами в пять раз. Белорусские земли стали неуклонно превращаться в отсталую окраину царской России»*.

Ну-ну, под ляхами белорусы, надо полагать экономически процветали и имели независимость. Но я так и не понял, почему выдуманное Литвиным увеличение налогов вело к тому, что белорусы позабыли свою мову?

ДИСКУРС — ОРУЖИЕ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

Вся советская история в ее нынешней официальной интерпретации базируется не на фактах, а на трактовках. Классический пример — литературная деятельность беглого предателя Владимира Резуна, пишущего под псевдонимом «Виктор Суворов». Вообще-то существует вполне обоснованное мнение, что концепция превентивной войны нацистской Германии против ССР разработана не Резуном, а является результатом коллективного труда специалистов по пропагандистской войне из английской SIS. Но в данном случае авторство доктрины совершенно не важно, важно понять принципы, на которой она основана. Итак, Резун вещает, что Сталин, дескать, собирался заразить коммунистической чумой весь мир, и для этого развязал чужими руками общеевропейскую войну, дабы напасть на Германию в удобный момент. Но Гитлер его опередил и ценой созданной им Германской империи и собственной жизни спас человечество от красной заразы. Поэтому СССР Вторую мировую войну проиграл, ибо цели, которые преследовал Сталин, достигнуты не были и десятки миллионов жизней были отданы зря во имя античеловеческой марксистской утопии.

В данном случае совершенно виртуальное событие — титаническая по своим масштабам подготовка ССР к вторжению в Европу. Доказательства, приводимые Резуном в пользу своей доктрины, — исключительно умозрительные и совершенно абсурдные. Только поэтому его концепция выглядит стройной, что умозрительные постулаты держатся на умозритель-

ных рассуждениях. Например, доказательством агрессивных советских намерений Резун считает то, что Красная Армия насыщалась перед войной наступательным оружием, а не оборонительным — обоснованию этого тезиса посвящена добрая треть его сочинений. Это настолько абсурдный довод, что ОПРОВЕРГНУТЬ ЕГО НЕВОЗМОЖНО.

Ну не существует классификации оружия, как оборонительного и наступательного! Представьте себе, что солдаты, отбив атаку противника, не бросаются вслед отступающему врагу, а сидят в окопах. Ротный же, выслушав по телефону матюки разъяренного комбата, отшивает его убийственным доводом: мол, невозможно контратаковать, патроны, которыми мы стреляем — оборонительные, а наступательных патронов не подвезли еще.

Танки по Резуну — оружие сугубо наступательное. Почему же тогда немцы построили рекордное количество танков в 1944 г., когда они нигде не наступали и даже не планировали? Предвоенные уставы РККА, дескать, основывались на наступательной тактике, что наглядно демонстрирует агрессивные устремления Советов. Открою секрет: во всех боевых уставах всех армий мира во все времена основным приемом боевых действий определялось наступление. Всякая оборона понимается исключительно как этап подготовки наступления.

Разделение оружия на оборонительное и наступательное существует только в воображении Резуна, но эта болезнь рассудка имеет свойство передаваться через чтение его книжонок. Да, пока что массовое сознание не готово принять мысль о том, что СССР проиграл Вторую мировую войну, не смотря на то, что секта резунистов приобрела в России массу адептов. Но это только пока. Например то, что Финская война была Советским Союзом проиграна, уже почти не оспаривается. Война была, но советское поражения в ней — виртуальный паразитический нарост на исторической реальности, постепенно замещающий реальность в сознании. Странно только, что победители-финны подписали мир на условиях побежденных, отказавшись в пользу СССР от части своей территории. И потери, приписываемые РККА, носят виртуальный характер. Утверждение, что тупые русские, не умеющие воевать, дескать, потеря-

ли больше солдат, чем было во всей финской армии, отдает чудовищным маразмом. Особенно если учесть, что на первом, наиболее успешном для финнов этапе компании, они имели численный перевес над советскими войсками. Треть официальных советских потерь — пропавшие без вести. Куда же они могли пропасть, если поле боя осталось за Красной Армией, а сам театр военных действий был очень небольшим? Скорее всего, пропавшие без вести есть потери виртуальные.

Коллективизация — очень благодатная почва для создания ложной исторической альтернативы. Для чего вообще проводилась коллективизация на селе? Единственная ее цель заключалась в механизации сельского хозяйства, что позволило, во-первых, многократно увеличить производительность труда и, во-вторых, высвободить миллионы рабочих рук для промышленности. Земля после революции, будучи государственной, была передана в пользование крестьян. Но крестьянин, владея небольшим наделом, не мог купить трактор или комбайн. Более того, они ему были не нужны. Кулаки, массово появившиеся после обретения крестьянством земли, теоретически могли создать спрос на сельхозтехнику, но практически для этого надо было физически ликвидировать многомиллионную крестьянскую массу и создать слой малочисленных фермеров. Кулаку в условиях малоземелья и бедности основной крестьянской массы намного выгоднее было нанять десяток батраков, которые ему вспашут поле, нежели купить трактор. Да и кто будет его обслуживать на деревне?

Реальный спрос на сельхозтехнику могли создать только колхозы, и только поэтому они были созданы. Но разве историки говорят об этом? Нет, они рассказывают страшилки о том, что колхозы потребовались тирану Сталину для того, чтобы сломать хребет русскому крестьянству, превратить свободных землепашцев в крепостных, выжать все соки из деревни, и т.д. Мол, трудно было отбирать зерно у каждого отдельного домохозяйства. Гораздо проще назначить колхозу план и выгребать зерно из колхозного амбара подчистую, а ответственным назначить председателя колхоза, которого в случае невыполнения плана хлебозаготовок всегда можно расстрелять.

Дабы ужасы крепостного права поблекли на фоне колхозного рабства, историки приводят кошмарные подробности. Дескать, паспорта у крестьян отбирали, и те не могли никуда уехать из деревни. Вообще-то именно в это время десятки миллионов крестьян переселились в города, поступали в вузы, становились рабочими, чиновниками, генералами и деятелями культуры. И отсутствие паспортов им в этом нисколько не помешало. Более того, никто у бедных колхозников паспорта не отбирал, потому что они их не имели за полнейшей ненадобностью. Это в царские времена мужик не мог покинуть уезд, не выправив себе паспорт, ибо без документа он считался беглым холопом. А в СССР передвижение граждан по стране никто не ограничивал.

Но историки, словно заправские шаманы, доводят себя до истерического состояния, описывая ужасы кошмарного голодомора, который, дескать, унес миллионы жизней (в количестве умерших миллионов историки расходятся, называя цифры от 3 до 15 миллионов). Укро-историки в этом смысле рекордсмены — официальное количество жертв организованного москалями геноцида украинского крестьянства они исчисляют в девять миллионов душ, корректируя эту цифру в зависимости от цен на газ, устанавливаемых «Газпромом».

Где же здесь виртуальный исторический пузырь? Коллективизация была, и не всегда крестьяне, очень консервативные по самой своей природе, с восторгом принимали столь радикальные перемены в укладе деревенской жизни. И голод тоже был. Где голод — там болезни и рост смертности. А вот массового мора, вызванного голодом, не было. И уж тем более, невозможно связать голод с коллективизацией. Массовая коллективизация началась в 1929 г. В 1930 г. после известной сталинской статьи «Головокружение от успехов» практика административно-насильственной коллективизации была приостановлена, и даже временно наблюдался отток крестьян из колхозов. Упор был сделан на экономические методы стимулирования крестьян к вступлению в колхозы. А голод якобы имел место через три-четыре года спустя после весьма конфликтного 29-го.

О причинах голода можно рассуждать долго, но нас интересует не сам голод в деревне — явление для начала XX в. совершенно заурядное, а его последствия — были ли миллионы умерших или нет? Если массовая смертность имела место, то должны быть и массовые захоронения. Археологи находят братские могилы XII и XV столетий, причем уверенно определяют причину мора — была ли то чума, холера или горожане отдали концы от голода во время длительной осады. Казалось бы, с доказательствами голодомора проблем возникнуть не должно. Ан нет, ни одного массового захоронения умерших от истощения стариков и детей на Украине не найдено.

Ситуация аналогична мифу о Холокосте. Сколько бы историки ни вопили о миллионах уничтоженных в концлагерях евреев, ни одного массового захоронения жертв Холокоста обнаружить не могут. И даже сами жертвы обезличены — ни имен, ни места жительства. Братские могилы умерших в концлагерях красноармейцев имеются в изобилии, а вот откопать в одном месте хотя бы десять тысяч типично семитских черепов еще никому не удалось[1]. Да их, собственно, и не ищут. А если кто-то пытается ковырять еврейские захоронения, то дикий ор поднимают сами же евреи. Дескать, Яхве категорически запрещает беспокоить прах покойных. Не сметь! Так, например, случилось в Польше, когда власти вознамерились эксгумировать тела убитых обитателей гетто в Едвабне. Пропагандисты Холокоста утверждают, что местные жители забили насмерть лопатами и сожгли заживо в бараке две тысяч сынов богоизбранного народа. И их очень расстроит, если из земли выкопают не две тысячи, а всего лишь сотню скелетов.

Помимо захоронений голодоморщиков должны быть в наличие и документы, удостоверяющие факт массовой смертности. Бумаги, говорящие о голоде (не только в селе, но и в городах) есть, документы, свидетельствующие об оказании помощи

---

[1] Это не относится к западным областям ССР, где в 1941 г. еврейское население действительно подвергалось массовому уничтожению, особенно в Прибалтике. Но к классическому Холокосту это отношения не имеет, так как его история начинается с так называемого Ванзейского совещания в 1942 г., на котором, якобы было обсуждены меры по «окончательному решению еврейского вопроса»

голодающим, имеются. Но никаких документальных источников, позволяющих сделать выводы о миллионах умерших от голода, историки не приводят. Недавно на Украине принялись издавать книги памяти со списками жертв голодомора, и тут же приключился скандал — выяснилось, что в некоторых случаях в качестве таковых были опубликованы списки избирателей, причем в числе жертв москальского «голокоста» оказались даже ныне живые граждане.

Вообще, удивительное дело — все книги о голодоморе написаны в США и Канаде в 60—70-е годы прошлого века на основании устных рассказов нескольких «чудом выживших очевидцев». Правда, придумали голодомор не американцы, и даже не украинские эмигранты, а доктор Геббельс. В 1941 г. на Украине проводилась пропагандистская кампания, гвоздем которой было обвинение жидо-большевиков в уморении голодом семи миллионов украинских крестьян, но успеха эта акция не имела и была быстро свернута. Нынешние украинские историки умишком слабы, придумать новые страшилки не в состоянии, а потому нагло воруют идеи у Геббельса, только количество жертв сталинского геноцида корректируют в сторону увеличения. Оно и понятно — в 41-м трудно было убедить людей, что восемь лет назад на их глазах случился массовый мор. А сейчас уже можно смело врать — современников тех событий практически нет в живых.

Отменить индустриализацию историки не могут, потому что все промышленные гиганты, имеющиеся в РФ, построены в советское время (после развала ССР происходит лишь деиндустриализация страны). Но и тут они норовят все обгадить. В любой газетной статье, в любой телепередаче на одно слово «индустриализация» приходится три-четыре упоминания слов «Гулаг», «рабский труд», «миллионы заключенных», на чьих костях, дескать, покоится промышленная мощь страны. Любой школьник сегодня свято уверен, что на всех ударных стройках социализма трудились зеки, и вообще всякий труд в стране был исключительно принудительный. Но эта армия рабов, сделавшая Советский Союз индустриальной державой, на поверку оказывается совершенно виртуальной.

В 1940 г. население страны составляло 193 миллиона человек (кстати, несмотря на Первую мировую, гражданскую войну, голод в Поволжье 1921 г. и «голодомор» 33-го население увеличилось по сравнению с 1913 г. более чем на 30 миллионов душ). В Гулаге числилось 1,2 миллиона граждан, включая ссыльнопоселенцев, работающих без вохры и отбывающих наказание по месту жительства без лишения свободы (у них удерживалось в пользу государства 25% заработка). Итого в «рабы» можно записать от силы 0,5% населения страны. Правда, при ужасном сталинском режиме даже заключенные работали за деньги, участвовали в соцсоревновании и получали ордена за выдающиеся достижения. Но об этом историки предпочитают умалчивать.

Зато они очень любят рассказывать о жутких сталинских репрессиях, унесших миллионы жизней (количество унесенных миллионов почему-то при этом не уточняется). Слово «репрессии» так часто произносится, что бедный обыватель уже совершенно не понимает, о чем идет речь, когда историки долдонят про «репрессивный сталинский режим». Репрессии — это наказание, применяемое государством. Любое государство — инструмент репрессий. Если инспектор ГИБДД налагает на вас штраф за превышение скорости, то вы подвергаетесь репрессиям. Сегодня в тюрьмах сидит почти миллион граждан РФ — больше в расчете на душу населения, чем при сталинской «тирании». Но никому и в голову не приходит стенать о репрессивном «путинско-медведевском режиме», затмившем ужасы Гулага.

Вопрос в том, были ли репрессии 30-х годов законными. Как известно, в 1939 г. по инициативе наркома внутренних дел Берия было пересмотрено по разным данным от 120 до 350 тысяч уголовных дел периода ежовщины. Это не значит, что треть миллиона человек была признана невиновными. В отношении многих были лишь смягчены приговоры. Допускаю, что процент невинно осужденных достигал 5% или даже 10% от этого числа, да пусть даже половины. И это называют «Большим террором»? Правда, историки пытаются представить дело так, что коварный Сталин инициировал не просто незаконные репрессии, а репрессии по политическому принципу. Репрес-

сии были. И политические репрессии имели место быть. Но почему их называют незаконными?

Чтобы понять, что значит незаконные политические репрессии, попробуйте выйти на улицу с плакатом «Долой демократию!» Посчитайте, сколько минут вы сможете пользоваться своим конституционным правом на выражение мнения, свободу мысли и слова. Когда омоновцы отдубасят вас по почкам ботинками, а суд впаяет пару лет условно за экстремизм (радуйтесь, что не 12 лет строгого режима за подстрекательство к насильственному изменению конституционного строя) — вот тогда вы можете гордо считать себя незаконно репрессированным по политическим мотивам. А в 30-е годы за лозунг «Долой советскую власть» срок вешали вполне законно, ибо антисоветская пропаганда была запрещена. Не нравятся такие суровые законы? Так это уже другой вопрос. С точки зрения общественности Нидерландов, давать пять лет «строгача» за курение травки — варварская жестокость. Но на этом основании нельзя утверждать, что 50% всех наших зеков, что чалятся по печально знаменитой 228-й статье, осуждены незаконно. Потому можем подытожить: незаконные политические репрессии, унесшие жизни миллионов зеков, — виртуальный нарост на действительной истории советского права.

Выражением «фантомная история» сторонники концепции Новой хронологии обозначают отражение реальных событий, возникшее при ошибочном сдвиге на хронологической шкале из-за неверной датировки древних летописей. Фантом — по-гречески phantasma — видение, призрак. Вполне возможно, что фантомным отражением штурма крестоносцами Константинополя в 1204 г. или взятие его османами в 1453 г. явилось описание античной троянской войны. Вполне можно допустить, что скифы, половцы, сарматы, гунны, хазары, печенеги и кипчаки — есть один и тот же народ или, что более вероятно, группа родственных племен, живших в Великой степи примерно в одно время, но попавшие в разноязыкие хроники под разными именами.

Можно ли создать фантомную историю недавних событий? Вполне возможно. Но в данном случае речь пойдет не об ошибочной трактовке древних источников, а о целенаправленной

фальсификации. Если кого-то интересуют конкретные технологии создания исторических фантомов, рекомендую обратиться к моей книге «Секретные протоколы, или кто сфальсифицировал пакт Молотова — Риббентропа» («Алгоритм», Москва, 2009 г.) Вы удивлены, думаете, что невозможно сфальсифицировать события такого масштаба? Можно, и технология все та же — на реальном событии формируется виртуальный нарост, который постепенно поглощает реальность в массовом историческом сознании. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, а вовсе никакой не пакт, по которому будто бы две державы распилили между собой Восточную Европу. Эту байку запустили в пропагандистский оборот американские спецслужбы в 1946 г.

Из той же оперы фальсификация так называемого катынского дела о расстреле НКВД 20 тысяч пленных польских офицеров в апреле 1940 г. Постреляли-то поляков немцы зимой 1941/42 г. В 1943 г. трупы откопали и объявили, что зверское массовое убийство совершили большевистские жиды. Для пущей убедительности они опубликовали список жидов-палачей и организовали экскурсии к месту эксгумации. А Геббельс, разумеется, раздул скандал по полной программе. Сохранилась даже его подробная инструкция, как надо освещать это дело и как не дать правде просочиться наружу — например, предоставлять журналистам только хорошо подготовленных «свидетелей» из числа местных жителей. Подготовкой свидетелей занимались в гестапо, а эти ребята кого хочешь выдрессируют. Подробный анализ этой фальсификации провели Юрий Мухин (см. книги «Катынский детектив», «Антироссийская подлость»), Владислав Швед и Сергей Стрыгин («Тайна Катыни»).

Итак, практически любое событие советской истории подвержено в историографии мощной смысловой атаке. Победы усиленно обращаются в поражение и даже объявляются преступлением. Те победы, которые невозможно дискредитировать, объявляются бесполезными или пирровыми, слишком дорогими. Можно, конечно, объявить концепции резунизма или пропагандистские излияния Сванидзе бредом. НО ЭТО НЕ БРЕД. Бредом можно назвать бессвязные словеса пьяного или горячечный шепот больного. Бред бессистемен. Извест-

но даже такое заболевание — шизофразия, при котором человек строит предложения правильно, говорит членораздельно, но какого-либо смысла его высказывания лишены.

Если же чудовищный по своему размаху бред историков имеет четкую систему, внутреннюю логику, то это уже не бред. Каким бы дебильным ни выглядело разделение Резуном оружия на наступательное и оборонительное, этот концепт сформулирован осмысленно и обоснован логически (пусть даже логика является сугубо умозрительной). Больной рассудок на это не способен. То есть мы имеем дело с сознательной манипуляцией. Построение фантомных извращений реальных событий — задача, требующая недюжинных умственных способностей и глубокого знания материала. Я уж не говорю о том, насколько сложно запустить в оборот сфальсифицированные документы, на которых базируются фантомы. А можно ли допустить, что сотни историков будут бредить абсолютно идентично? Нет, мы имеем дело не с выходками маргинальных сочинителей, а с целенаправленной атакой на сознание.

Многие категорически отказываются признавать это, заявляя, что целенаправленный заговор против русской истории невозможен в принципе. Дескать, теория заговора антинаучная и бредовая. А кто говорит о каком-то заговоре? Это сказки для впечатлительных обывателей. Речь о применении против противника специального оружия, называемого консциентальным. Понятие это вошло в широкий обиход недавно и означает оружие, поражающее сознание (от лат. *conscient* — сознание). Впрочем, консциентальное оружие применяется давно. О его большой роли говорил еще Наполеон: «*Четыре газеты смогут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия*».

В минувшем веке Гитлер уже придавал пропагандистским операциям по подрыву боевого духа противника стратегическое значение. Захват Чехословакии без единого выстрела — вот высший успех новой военной доктрины. Да, Запад сдал чехословаков Гитлеру, но что же парализовало волю самих чехов и словаков к сопротивлению? Албанцы были несравнимо слабее их, однако они отчаянно сражались с итальянцами и немцами непрерывно всю войну.

Искажение истории, деформация исторического сознания — эффективнейшие методы консциентальной агрессии. Ведь могут десятки тысяч ученых, конструкторов, инженеров, технологов, рабочих, техников, испытателей двадцать лет трудиться над созданием и усовершенствованием боевого истребителя. Почему же несколько сотен человек не могут целенаправленно создавать и использовать оружие, поражающее сознание? Ведь оно позволяет решать те же задачи, что и боевая авиация, только путем куда меньших материальных затрат.

Проблема в том, что консциентальное оружие действует незаметно. Но это не дает повода отрицать сам факт его применения. Ведь мы не видим радиации, но она способна очень быстро убить человека. Мы не видим электричества, но оно существует. Так же и с консциентальным оружием: мы не можем его увидеть, виден лишь эффект его применения.

Можно рассмотреть эффект воздействия консциентального оружия на таком примере. Всякая война сейчас ведется не только боевыми средствами, но и таким оружием, как пропаганда. Когда над окопами противника разбрасываются листовки с подробным описанием сладкой жизни в плену — это есть пример пропаганды. Здесь сам момент применения пропагандистского оружия можно легко зафиксировать и даже объективно оценить его эффективность — если после разброса листовок на данном участке фронта дезертирство возросло на 12% — это эффект от вражеской пропаганды.

А теперь представьте, что еще до начала войны противник скупил в вашей стране десяток телеканалов и крупных газет (в чем проблема, если у вас рынок и демократия?) и начал целенаправленно насаждать пораженческие настроения, рассказывать о чудовищной слабости армии, о коррупции генералов и казарменной дедовщине, о том, что боевая техника устарела и т.д. Мамаши начнут пугать армией отроков, которые плохо учатся в школе (не поступишь в институт — забреют), престиж вооруженных сил в обществе упадет, моральный дух солдат, воспринимающих службу, как наказание, будет отнюдь не боевым. Много ли навоюет такая армия? Не стоит фантазировать, просто оцените итоги первой чеченской войны 1994—1996 гг. В данном случае мы имеем дело не с пропагандой чеченских сепарати-

стов, призывающих сопливых срочников сдаваться в плен ради сохранения жизни, а именно с примером длительного пропагандистского воздействия на сознание всего общества.

Скептики возразят мне, что факт массированной скупки Западом наших СМИ не имел места в действительности, а потому я спекулирую. Но зачем же абстрактному Западу скупать наши СМИ? Достаточно западному банку выдать кредит владельцу телеканала, и можно им вертеть как угодно. А если пообещать ему американское гражданство или амнистию вывезенных капиталов (разворованный кредит), то он горы свернет ради «банки варенья и пачки печенья». Факт заключается в том, что не только частные, но и формально государственные СМИ придерживались в 90-е годы ярко выраженной прозападной позиции. После путинской зачистки СМИ кардинально поменяли позицию в чеченском вопросе. В этом случае все ясно — новый хозяин заставил своих подчиненных обслуживать его интересы — кого кнутом, кого — пряником. Но разве до того момента журналисты излагали собственную точку зрения и пользовались «свободой слова» для выражения своей «гражданской позиции»? Нет, конечно. Но, как поется в известной песенке Макаревича, «только как порой обидно, что хозяина не видно...».

Главное отличие консциентального оружия от примитивной военной пропаганды — закамуфлированность действий, а само воздействие на сознание противника носит не прямой, а опосредованный характер. То, что скептики не желают замечать его воздействия — это их проблемы. Представьте себе такую картину: по полю идет человек, вдруг его голова раскалывается, как тыква и он замертво падает на землю. Некто же заявляет: это не может быть результатом действия вражеского снайпера, потому что мы не слышали звука выстрела. Такой человек просто не знает о существовании снайперских винтовок с глушителем. А что наши скептики знают о тактико-технических характеристиках (ТТХ) консциентального оружия, чтобы отрицать само его существование? Вот об одном из аспектов ТТХ консциентального оружия я сейчас и расскажу.

В последнее время умники часто используют в своих рассуждизмах жаргонное словечко «дискурс». Но что оно обозна-

чает, никто толком объяснить не может. Буквально латинское слово *discursus* означает бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор. Как иронически отмечается в энциклопедии «Кругосвет» (http://www.krugosvet.ru): *«Четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует, и не исключено, что именно это способствовало широкой популярности, приобретенной этим термином за последние десятилетия: связанные нетривиальными отношениями различные понимания удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке»*. Проще говоря, всяк волен вкладывать в это слово любой смысл, каковой сочтет нужным.

В деле манипуляции массовым сознанием термин «дискурс» тоже нашел свое место. Наилучшее, на мой взгляд, его определение в технологиях формирования исторического сознания дал сетевой публицист Магомед Али Сулейманов (http://stalin-ist.livejournal.com): *«Дискурс — противопоставление строгому анализу исторических фактов (концепций развития) не фактов и аргументов, а критических образов и эмоций. В этом случае важно не то, что мы знаем об объекте, а как мы к нему относимся»*.

Действительно, не важно, какую позицию вы займете по отношению к дискурсу, примете вы его безоговорочно, или станете с ним спорить. Приняв саму дискурсивную постановку вопроса, вы уже проиграли. Квинтэссенция дискурса заключается всего в нескольких словах. Вот классический пример дискурса, выраженный словами «преступления коммунистического режима». Конкретным содержанием этот дискурс наполняется в зависимости от ситуации. Скажем, если вы выступаете с речью перед интеллигенцией, то внедрение дискурса можете начать со слов, приписываемых Ленину, про то, что интеллигенция — говно нации. Следом можно сразу перепрыгнуть на тему 37-го года и постенать о том, что проклятый коммунистический режим сознательно уничтожал интеллигенцию, дабы сподручнее было помыкать быдлом. Если надо, можно спеть песенку об искоренении крестьянства, о том, как проклятые

сталинисты уничтожили цвет отечественной науки или выкосили перед войной верхушку РККА.

Спорить с дискурсом о «кровавом сталинском режиме» можно до потери пульса. Можно убедительно доказать со ссылкой на архивные материалы, что россказни о миллионах жертв ГУЛАГа — бред сумасшедшего; что 38 тысяч уволенных в запас командиров из двухмиллионной РККА в 1937—1939 гг. (по выслуге лет, по здоровью, за проступки) нельзя объявить репрессиями, тем более, говорить о том, что выход престарелого полковника в отставку наносит катастрофический урон обороноспособности страны. Но даже если вы докажете ложность тезисов дискурса, сам дискурс убить не удастся, поскольку он существует за пределами логики и всякого рационального смысла. Давно уже разоблачена ложь о расстреле НКВД пленных ляхов в Катыни. И что с того? В Польше дискурс о звериной ненависти Сталина к полякам от этого нисколько не пострадал. И устрой НАТО крестовый поход на Россию, поляки будут расстреливать русских пленных со словами: «Вот вам за Катынь, пся крев!». Попробуйте, стоя у стенки, объяснить им, что они отравлены ядом антирусской пропаганды.

Нельзя доказать, что секретных протоколов Молотова — Риббентропа не существовало (отсутствие чего бы то ни было доказать вообще невозможно). Надо вести речь о фальсификации секретных протоколов — только это поставит манипуляторов в уязвимое положение. А то получается весьма печальная картина: дебильные патриоты, пытаясь отмыться от обвинений в сговоре с нацизмом, истошно вопят: в пакте Молотова — Риббентропа не было ничего предосудительного, страны Запада заключали с Гитлером куда более отвратительные соглашения. Например, Мюнхенский сговор....» и далее по тексту. Эти идиоты с готовностью заглатывают наживку дискурса, и вместо того, чтобы обсуждать факт, пытаются изменить отношение к нему. Дебилы ну никак не в силах представить, что пакта Молотова — Риббентропа никогда не существовало, что это — дискурс в чистом виде. Враги России, оперирующие дискурсом, лишь радостно потирают руки: вот, мол, смотрите — даже русские патриоты признают факт существо-

вания пакта Молотова — Риббентропа. Жалкие потуги оправдаться все равно никто не услышит, а даже если и услышит, то не увидит в них ничего кроме попыток оправдания.

Спорить с дискурсом абсолютно бессмысленно. Дискурс — это уход от факта, от реальности к программированию сознания. Даже если удастся сформировать положительное отношение ко лжи — к тем же мифическим секретным протоколам Молотова — Риббентропа, то чего вы этим добьетесь? Ложь не перестанет быть ложью. Завтра более умелый манипулятор повернет эту ложь опять против вас. Но вообще-то дискурс изначально конструируется таким образом, что тот, против кого он направлен, не сможет использовать его в своих интересах. Это все равно что пытаться плыть против бурного течения горной реки; зато сверху очень удобно пускать против вас бревна.

Дискурс — есть способ формирования отношения к предмету при отсутствии самого предмета. У вас в сознании создается образ стакана с водкой (это повод объявить вас патологическим алкоголиком). Можно потратить много сил и переубедить вас, что в стакане не водка, а яблочный сок. Сможете ли вы утолить свою жажду воображаемым соком из несуществующего стакана? Вот почему я говорю, что спорить с дискурсом бессмысленно. Клин клином вышибают, но дискурс другим дискурсом победить невозможно. Защитить свое сознание можно только полным отрицанием дискурса, как метода мышления. Но для этого надо научиться различать, когда манипулятор реальность подменяет дискурсом.

Вот простейший прием. Если вам начнут вещать о преступлениях кровавого коммунистического режима, представьте, насколько абсурдно звучит словосочетание «преступления кровавого демократического режима». Демократически избранный президент США приказал убить атомной бомбой несколько десятков тысяч мирных японцев Нагасаки и Хиросимы. До этого были убиты 200 тысяч мирных жителей Токио. Чуть раньше полтора миллиона немцев были уничтожены ковровыми бомбардировками городов Германии. Это были не издержки войны, а сознательное массовое убийство граждан-

ского населения, совершенное несмотря на признание убийцами всевозможных международных конвенций о методах ведения войны.

Дальше — больше: в корейской войне и при выжигании напалмом Северного Вьетнама количество жертв исчисляется уже миллионами. Почему же никто не говорит, что демократический режим жесток, кровав и противен самой человеческой природе? Почему никто не призывает к крестовому походу против демократии? Ведь жертвы самого демократического в мире американского режима в XX в. исчисляются десятками миллионов — куда там Гитлеру с его мифическими газовыми камерами! Кто, как не США, организовали в странах Третьего мира десятки кровавых военных переворотов и гражданских войн? Кто совершил множество агрессий против суверенных государств? Только последняя война, развязанная Америкой, унесла жизни примерно миллиона иракцев. Если же попытаться навесить подобные грехи на СССР, то ничего кроме вмешательства в гражданскую войну в Афганистане (кстати, спровоцировал ее именно Вашингтон еще до ввода советских войск) и совершенно бескровную Прагу 1968 года вспомнить не удастся.

Почему же в сознании миллиардов людей демократия — это хорошо, а коммунизм — плохо? Потому, что антикоммунистический дискурс целенаправленно внедряется в сознание человечества несколько десятилетий, а продемократический дискурс — уже не одно столетие. Да, да, демократия — это тоже дискурс. Ее не существует. Нет ни в одной стране власти народа, есть лишь механизм получения власти с помощью денег и легитимации этой власти посредством ритуала голосования. Но попробуйте заявить, что демократические процедуры — есть лживый мираж, и от них надлежит отказаться во имя гуманизма и здравого смысла. В ответ вы услышите прекрасно сформулированный дискурс о том, что демократия несовершенна, но ничего лучшего человечество еще не придумало. Даже самые тоталитарные коммунисты скажут, что буржуазная демократия плохая и неправильная, но есть демократия истинно правильная и хорошая — это пролетарская демократия. Короче, демократия хорошая, но ее никто не ви-

дел. Но все равно массы верят в нее. Это есть результат успешного внедрения в их сознание соответствующего дискурса.

Украинская история в том виде, в котором ее сейчас преподносят самостийная наука, — это не бред сумасшедшего, не наглость обезумевших националистов, как некоторые пытаются представить дело, а вполне осмысленное применение дискурса. Другое дело, что те, против кого направлен дискурс, действительно испытывают помрачение рассудка. Дискурс — это вирус, поражающий сознание, разрушающий мышление человека. «Щирые украинцы» — люди с пораженным сознанием. Рационально рассуждать они не могут, логические доводы не воспринимают. Всякий раз, когда сталкиваешься с таким типом, возникает ассоциация с зомби.

Один такой повадился писать комментарии в моем «ЖЖ» (http://kungurov.livejournal.com). На реплику о том, что украинский язык — это русско-польский диалект, он на полном серьезе высказался в том духе, что польский язык — это на самом деле украинский язык, который поляки исковеркали своим цоканьем и пшеканьем (надо полагать, поляки, пока не прикоснулись к высокой украинской культуре, вообще членораздельной речи не имели). Еще мой «щирый» оппонент поделился следующим откровением: *«По совокупности признаков (полногласие, грамматика, фразеология) украинский язык — древнейший среди славянских. Собственно это он и есть с незначительными оговорками. В украинском языке единственном сохранилась первоначальная семантика»*. Кстати, и русский язык по убеждению моего собеседника тоже создали украинцы, но использовали его в качестве «канцелярского».

Выходит, зря некоторые лингвисты потели, доказывая, что украинский язык умирает, будучи целенаправленно засоряем полонизмами — целые книги об этом написали. Ведь польского языка, оказывается, не существует — это всего лишь слегка испорченный пшеканьем древний украинский язык. Думаю, сей случай прекрасно иллюстрирует бессмысленность борьбы с дискурсом путем его опровержения. Полное его отрицание — вот единственный способ эффективного противостояния. Никаких компромиссов!

Один из «патриотов» в ответ на мои аргументы о насильственной украинизации лишь хмыкнул: мол, ляхам русских не удалось ополячить за 500 лет, поэтому и оранжевым не удастся украинизировать десятки миллионов русских. Мой оппонент упускает из виду, что поляки не ставили перед собой задачу оплячивать крестьянскую массу. Они вполне удовлетворились тем, что полонизировали и окатоличили русскую верхушку в Литве. К тому же сейчас задачу украинизации решает система всеобщего образования и масс-медиа. Таких инструментов не было в распоряжении польской шляхты 500 лет назад. Сегодня же достаточно целенаправленно обработать сознание двух поколений, чтобы процесс украинизации был в целом завершен.

У всякого народа есть свой, природный, самобытный язык. У украинцев своего языка пока нет, они пытаются внедрить в обиход довольно убогий воляпюк, директивно вычищая из лексикона слова, похожие на русские, заменяя их польскими или создавая их искусственно. Если есть страна — у нее есть своя история. У Украины же, как у несуществующего государства, нет и своей истории, тем более, древней истории. Украинская история есть дискурс в чистом виде. Сложность в том, что дискурсивная украинская история базируется на дискурсах русской истории. Разбить украинский исторический дискурс можно лишь разоблачив мифы древней русской истории. Но стоит только усомниться в истинности исторического догмата, как тут же раздается истошный вопль квасных русских патриотов: «Не сметь трогать нашу святую Киевскую Русь!!!».

Ребятишки, вы можете до хрипоты орать, что Киевская Русь ваша исконно русская земля. А украинские патриоты столь же яростно начнут драть глотку, доказывая, что Киевская Украина никакого отношения к вонючей и дикой Московии не имела да и иметь не могла. Когда словесные аргументы иссякнут, дело неминуемо дойдет до драки. И будут трещать у холопов чубы и лететь в разные стороны кровавые сопли, да только в борьбе за Киевскую Русь (Киевскую Украину) никто не победит. Потому что не было никакой Киевской Руси, и даже гипотетически быть не могло. Это дискурс, фантом, миф, блеф, пустышка. Охота биться за пустышку? Флаг вам в руки!

Нынешние укро-сепаратисты как раз очень активно используют миф о Киевской Руси для накачки местечкового самостийного самосознания. Разумеется, словосочетание «Киевская Русь» им не нравится, и они заменяют его названием «Киевская империя» или, на худой конец, жутковатым и громоздким прозвищем «Киевская Украина-Русь», выдуманным Грушевским. Совершенно очевидно, что приставка «Русь» очень скоро отвалится (уже отваливается) и в пропагандистском обиходе останется только Киевская Украина.

Думаете это невозможно? История знает немало подобных примеров. Например, все слышали хоть краем уха о великой Византийской империи и византийцах, ее населявших. Но на самом деле не было никакой Византии. Существовало государство под названием Ромейская (Римская) империя или Ромея, и жители ее называли себя ромеями, то есть римлянами. Но историков такое название категорически не устраивает, потому что Римской империи они определили место в другой части Европы, и столицей Римской империи должен быть, по их мнению, естественно, Рим. А столицей Ромеи был город Константинополь (Царьград), и по извращенной логике «профессиональных» историков Ромея должна именоваться Константинопольской империей. Но в данном случае они пошли еще дальше и назвали ее Византийской империей в честь маленького городка Византа, который якобы стоял на том месте, где в дальнейшем был возведен блистательный Константинополь.

То есть названия империй историки буквально высасывают из пальца, нисколько не считаясь ни с их историческими названиями, ни с мнением современников. Так почему бы не появиться в исторических атласах Киевской Украине? Впрочем, это будет ничуть не большей глупостью, нежели именование государства Киевской Русью. Мы же не называем сегодня США Вашингтонской федерацией а Францию — Парижской республикой. Так почему историки навязывают нам свои жаргонные названия древних государств? Кстати, термин «Киевская Русь» появился в обиходе очень недавно — в начале XIX в. его ввел в оборот русский историк Николай Михайлович Карамзин. Деятель этот был, скажем так, не чисто научной закваски. Работая над многотомной «Историей государства россий-

ского», он выполнял политический заказ царствующего дома Романовых. Александр I даже поселил его в Царском Селе.

Не обязательно разоблачать всю антирусскую укро-историческую мифологию. Достаточно выбить из под нее фундамент — миф о Киевской Украине, являющийся перелицовкой мифа о Киевской Руси, и весь украинский исторический дискурс с шумом рассыпается. Ибо в этом случае становится непонятно, когда и откуда на свет божий появились украинцы. Лишившись древнего тумана, украинская мифология предстает во всем своем естестве: да, украинцев-этномутантов вывели в австрийско-польском инкубаторе в XIX в., миллионы украинцев наклепали в процессе советской украинизации в 20—30-е годы, а сегодня пытаются перекрестить в украинцев русское население, волею судеб, оказавшееся в «иностранном» государстве Украина после разгрома СССР.

КТО ВЫДУМАЛ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ ИГО?

Официальная версия древней русской истории, сочиненная выписанными из-за границы в Петербург немцами, строится по следующей схеме: единое русское государство, созданное пришлыми варягами, кристаллизуется вокруг Киева и среднего Поднепровья и носит имя Киевской Руси; потом откуда-то с Востока приходят злые дикие кочевники, уничтожают русское государство и устанавливают оккупационный режим под названием «иго». Через два с половиной века московские князья сбрасывают иго, собирают под своей властью русские земли и создают мощное Московское царство, являющееся правопреемником Киевской Руси и избавляют русских от «ига»; в течение нескольких веков в Восточной Европе существует этнически русское Великое княжество Литовское, однако политически оно зависимо от ляхов, а потому русским государством считаться не может, следовательно войны между Литвой и Московией следует рассматривать не как междоусобицу русских князей, а как борьбу Москвы с Польшей за воссоединение русских земель.

Несмотря на то, что эта версия истории признается официальной до сих пор, считать ее достоверной могут только «профессиональные» ученые. Человек, привыкший думать головой, очень в этом усомнится хотя бы из-за того, что история с монгольским нашествием полностью высосана из пальца. До XIX в. русские вообще не подозревали, что были якобы когда-то завоеваны забайкальскими дикарями. Действительно, версия о том, что высокоразвитое государство начисто разгромлено какими-то дикими степняками, не способными создать армию в соответствии с техническими и культурными достижениями

того времени, выглядит бредово. Тем более, что такой народ, как монголы, науке известен не был. Правда, историки не растерялись и объявили, что монголами является маленький кочевой народ халха, обитающий в Центральной Азии.

Сами халха узнали, что являются наследниками великого Чингисхана лишь в XIX столетии, но возражать не стали — всем хочется иметь великих, пусть даже и мифических предков. А чтобы объяснить исчезновение монголов после успешного завоевания ими половины мира, в обиход вводится совершенно искусственный термин «монголо-татары», под которыми подразумеваются якобы покоренные монголами другие кочевые народы, примкнувшие к завоевателям и составившие с ними некую общность. В Китае иноязычные завоеватели превращаются в маньчжуров, в Индии — в моголов, и в обоих случаях образуют правящие династии. В дальнейшем, правда, никаких татар-кочевников мы не наблюдаем, но это потому, как объясняют те же историки, что монголо-татары осели на завоеванных ими землях, а частью ушли обратно в степь и там совершенно бесследно испарились.

Своего алфавита монголы не имели и ни единого письменного источника не оставили. Если же мы потребуем предъявить хоть какие-нибудь вещественные доказательства длительного существования монгольской империи, то археологи, почесав затылок и хмыкнув, покажут пару полусгнивших сабель и несколько женских сережек. Но не пытайтесь выяснить, почему останки сабель являются «монголо-татарскими», а не казачьими, например. Этого уж вам точно никто не объяснит. В лучшем случае вы услышите рассказ о том, что саблю откопали на месте, где по версии древней и очень достоверной летописи была битва с монголами. А где та летопись? Бог ее знает, не дошла до наших дней, но ее своими глазами видел историк Н., который перевел ее с древнерусского. Где же этот историк Н.? Да вот уже лет двести как помер — ответят вам современные «ученые», но непременно добавят, что сочинения Н. считаются классическими и не подлежат сомнению, поскольку все последующие поколения историков писали свои труды на основе его сочинений.

Я не смеюсь — примерно так и обстоит дело в официальной исторической науке о русской древности. Даже еще хуже — кабинетные ученые, творчески развивая наследие классиков отечественной историографии, понастрочили в своих пухлых томах такого бреда о монголах, чьи стрелы, оказывается, пробивали доспехи европейских рыцарей, а стенобитные орудия, огнеметы и даже реактивная артиллерия позволяли брать штурмом в течение нескольких дней мощные крепости, что это вызывает серьезные сомнения в их умственной полноценности. Такое впечатление, что они не видят никакой разницы между луком и арбалетом, заряжаемым с помощью рычага.

Но вот что пишет доктор исторических наук Сергей Нефедов: *«Главным оружием татар был монгольский лук, «саадак», — именно благодаря этому новому оружию монголы покорили большую часть обитаемого мира. Это была сложная машина убийства, склеенная из трех слоев дерева и кости и для защиты от влаги обмотанная сухожилиями; склеивание проводилось под прессом, а просушка продолжалась несколько лет — секрет изготовления этих луков хранился в тайне. Этот лук не уступал по мощи мушкету; стрела из него за 300 метров пробивала любой доспех, и все дело было в умении попасть в цель, ведь луки не имели прицела и стрельба из них требовала многолетней выучки»*[1].

Тут самое смешное не то, что Нефедов историк (эта братия традиционно имеет самое дремучее представление о естествознании), а то, что он является еще и кандидатом физико-математических наук. Это ж насколько надо умом деградировать, чтобы пороть такую ахинею! Да если бы лук стрелял на 300 метров и при этом пробивал любой доспех, то у огнестрельного оружия просто не было шанса появиться на свет. Американская штурмовая винтовка М-16 имеет эффективную дальность стрельбы 400 метров при начальной скорости пули 1000 метров в секунду. Далее пуля быстро теряет поражающую способность. В реальности далее чем на 100 метров прицельная стрельба из М-16 с механическим прице-

---

[1] История Нового времени. Эпоха Возрождения //http://www.krotov.info/libr_min/14_n/ef/edov_09.htm

лом неэффективна. На 300 метров даже из мощной винтовки метко стрелять без оптического прицела способен только очень опытный стрелок. А деятель науки Нефедов плетет ахинею про то, что монгольские стрелы не только летели прицельно на треть километра (максимальная дистанция, на которую на соревнованиях стреляют чемпионы-лучники — 90 метров), но еще и пробивали любые доспехи. Бред! Например, хорошую кольчугу даже в упор из самого мощного лука пробить не удастся. Для поражения воина в кольчуге использовалась специальная стрела с игольчатым наконечником, который не пробивал доспех, а при удачном стечении обстоятельств проходил сквозь кольца.

Я по физике в школе имел оценки не выше тройки, но отлично знаю из практики, что стреле, выпущенной из лука, сообщается то усилие, которое развивают мышцы рук при его натяжении. То есть примерно с тем же успехом вы можете взять рукой стрелу и попробовать пробить ею хотя бы эмалированный таз. За неимением стрелы используйте любой заостренный предмет вроде половинки портняжных ножниц, шило или нож. Как успехи? Верите вы после этого историкам? Если они пишут в своих диссертациях о том, что малорослые и худые монголы натягивали луки с усилием 75 кг, то я бы степень доктора исторических наук присваивал лишь тем, кто сможет на защите повторить сей подвиг. Хоть дармоедов с научными званиями будет меньше. Кстати, современные монголы и понятия не имеют ни о каких саадаках — супероружии Средневековья. Завоевав ими полмира, они почему-то совершенно позабыли, как их делать.

Со стенобитными машинами и катапультами еще проще: стоит только посмотреть на рисунки этих монстров, как становится ясно — эти многотонные махины невозможно сдвинуть с места даже на метр, поскольку они увязнут в грунте еще при постройке. Но даже если бы в те времена существовали асфальтовые дороги от Забайкалья до Киева и Полоцка, то как бы монголы тащили их тысячи километров, как переправляли через крупные реки вроде Волги или Днепра? Каменные крепости перестали считаться неприступными только с изобретением осадной артиллерии, а в предшествующие времена хорошо укрепленные города брали только измором.

Я мало что смыслю в металлургии, однако, все же могу очень приблизительно прикинуть, сколько тонн железа нужно, чтобы вооружить хотя бы 10-тысячную монгольскую армию. Вообще-то столь малочисленное войско никак не могло покорить Китай, Индию, Русь и прочие страны. Поэтому историки, не мелочась, пишут о 30-тысячной конной орде Батыя, отправленной на завоевание Руси, но эта цифра представляется совершенно фантастической. Если даже считать, что доспехи у монгольских воинов были кожаные, щиты деревянные, а наконечники стрел каменные, то на подковы, копья, ножи, мечи и сабли все же требуется железо.

Теперь стоит призадуматься: откуда диким кочевникам были известны высокие на тот момент железоделательные технологии? Ведь руду еще надо добыть, а для этого уметь ее найти, то есть малость разбираться в геологии. Много ли в монгольских степях древних рудных приисков? Много ли там находят археологи остатков горнов? Они, конечно, те еще кудесники — найдут все что угодно где надо. Но в данном случае сама природа предельно осложнила археологам задачу. Железная руда на территории Монголии даже сегодня не добывается (хотя небольшие месторождения в последнее время открыты).

Конечно, оружие можно купить, но нужны деньги, которых древние монголы не имели, по крайней мере, мировой археологии они совершенно не известны. Да и не могли иметь, поскольку их хозяйство не было товарным. Оружие можно было выменять, но где, у кого и на что? Короче, если думать о таких мелочах, то поход Чингисхана из маньчжурских степей в Китай, Индию, Персию, Кавказ и Европу выглядит полнейшей фантастикой.

Например, как монголы форсировали Волгу или Днепр? Вплавь двухкилометровый поток не преодолеть, вброд не перейти. Остается только один выход — ждать зимы, чтобы перейти по льду. Именно зимой, кстати, на Руси и воевали обычно встарь. Но чтобы совершить столь длинный переход за зиму, надо заготовить громадное количество фуража, поскольку, хоть монгольская лошадка и способна находить пожухлую травку под снегом, но для этого ей надо пастись там, где тра-

ва есть. При этом снежный покров должен быть небольшим. В монгольских степях зимы как раз малоснежные, а травостой достаточно высокий. На Руси же все наоборот — трава высокая только в пойменных лугах, а во всех прочих местах весьма жиденькая. Сугробы же наметает такие, что лошадь не то что траву найти под ним, передвигаться по глубокому снегу не сможет. В противном случае непонятно, отчего французы потеряли при отступлении из Москвы всю свою кавалерию. Они ее, конечно, съели, но ели-то уже павших коняжек, потому как если бы лошади были сытые и здоровые, то непрошеные гости использовали бы их для того, чтобы скорее удрать.

В качестве фуража обычно используют овес, коего коню требуется в сутки 5—6 кг. Выходит, кочевники, заранее готовясь к походу за тридевять земель, засевали степь овсом? Или они сено за собой на телегах возили? Давайте произведем нехитрые арифметические операции и посчитаем, какие приготовления должны были сделать кочевники, чтобы пойти в дальний поход. Допустим, что они собрали войско хотя бы в 10 тысяч конных бойцов. Каждому воину требуется несколько лошадей — одного специально обученного строевого для боя, одного походного, одного для обоза — везти продовольствие, юрту и прочие припасы. Это как минимум, но надо еще учитывать, что в пути часть лошадей падет, будут и боевые потери, потому необходим резерв.

И если 10 тысяч конников идут в походном строю даже по степи, то, когда лошади будут пастись, где будут жить воины — в сугробах отдыхать, что ли? В длительном походе не обойтись без продовольствия, фуража и обоза с теплыми юртами. Нужно еще топливо, чтобы приготовить пищу, а где дрова найдешь в безлесой степи? Свои юрты кочевники топили, пардон, какашками, потому как больше нечем. Воняло, конечно. Но они привыкли. Можно, конечно, пофантазировать на тему стратегических заготовок монголами сотен тонн сушеного дерьма, которое они взяли с собой в дорогу, отправляясь завоевывать мир, но я предоставлю эту возможность наиболее упертым историкам.

Некоторые умники пытались мне доказывать, что монголы вообще не имели обоза, отчего им удавалось показывать фе-

номенальную маневренность. Но как они в этом случае везли домой награбленную добычу — в кармане что ли? И где находились их стенобитные орудия и прочие инженерные приспособления, да те же юрты и запасы продовольствия, не говоря уж об их экологически чистом топливе? Без обоза никогда не обходилась ни одна армия мира, если собиралась сделать переход длительностью больше двух дней. Потеря обоза обычно означала провал кампании, даже если не произошло сражения с неприятелем.

Короче, по самым скромным прикидкам наша мини-орда должна иметь в своем распоряжении не мене 40 тысяч лошадей. Из опыта массовых армий XVII—XIX вв. известно, что дневная потребность в фураже такого табуна составит минимум 200 тонн овса. Это всего в одни сутки! А чем более длительный переход, тем больше лошадей должно быть задействовано в обозе. Средних размеров лошадь способна тащить повозку с 300 кг веса. Это если по дороге, а по бездорожью во вьюках в два раза меньше. То есть для того, чтобы обеспечить наш 40-тысячный табун, нужно 700 лошадей в сутки. Трехмесячный поход потребует обоз почти в 70 тысяч лошадей. А этой ораве тоже надо овса, причем для того, чтобы прокормить 70 тысяч лошадей, везущих фураж для 40 тысяч коняжек, потребуется на те же три месяца более 100 тысяч лошадей с повозками, а этим лошадям в свою очередь хочется кушать — получается замкнутый круг.

Даже летом кавалерия никогда не обходилась без фуража, так что поход монголов на Русь в теплое время года все равно потребовал бы тылового обеспечения. Вплоть до XX столетия маневренность войск определялась не быстротой лошадиных копыт и крепостью солдатских ног, а зависимостью от обозов и пропускной способности дорожной сети. Маршевая скорость 20 км в сутки была очень хорошей даже для среднестатистической дивизии Второй мировой войны, а немецкие танки, когда асфальтированные шоссе позволяли им осуществлять блицкриг, наматывали на гусеницы по 50 км в день. Но в этом случае тылы неизбежно отставали. В древние времена, в условиях бездорожья такие показатели были бы просто фантастическими. Учебник «История Украины» (Свидерский, Ла-

дыченко, Романишин, 2007 г.) за 7-й класс сообщает, что монгольская армия проходила в день около 100 километров! Да уж, вряд ли можно найти людей, хуже всего разбирающихся в истории. Даже в мае 1945 г. советские танки, совершая марш-бросок от Берлина к Праге по хорошим европейским дорогам, не могли побить «монголо-татарский» рекорд.

Чем же питались в пути сами всадники? Если гнать за собой стада барашков, то и двигаться придется с их скоростью. За зиму никак не дойти до ближайшего очага цивилизации. Но кочевники — люди неприхотливые, обходились сушеным мясом и творогом, который размачивали в горячей воде. Как ни крути, а килограмм еды в день необходим. Три месяца пути — 100 кг веса. В дальнейшем можно забивать обозных лошадей. При этом и на фураже выйдет экономия. Но ни один обоз со скоростью 100 км в сутки передвигаться не в состоянии, особенно по бездорожью.

Если коснуться вопросов демографии и попытаться понять, каким образом кочевники смогли выставить 10 тысяч воинов, учитывая очень низкую плотность населения в степной зоне, то мы уткнемся в еще одну неразрешимую загадку. Ну не бывает в степях плотность населения выше, чем 0,2 человек на кв. км! Если принять мобилизационные возможности монголов за 10% от общего числа населения (каждый второй здоровый мужчина от 18 до 45 лет), то для мобилизации 10-тысячной орды потребуется прочесать территорию эдак в полмиллиона кв. км. Или давайте затронем чисто организационные моменты: например то, как монголами осуществлялся сбор налога на армию и рекрутирование, каким образом происходило военное обучение, как воспитывалась военная элита? Выходит, что по чисто техническим причинам поход монголов на Русь, как его описывают «профессиональные» историки, был невозможен в принципе.

Имеются тому примеры из относительно недавнего времени. Весной 1771 г. калмыки, кочевавшие в прикаспийских степях, раздосадованные тем, что царская администрация существенно урезала их автономию, дружно снялись с места и двинулись на историческую родину в Джунгарию (территория современного Сыньцзян-Уйгурского автономного округа в Ки-

тае). Остались на месте только 25 тыс. калмыков, жившие на правом берегу Волги — они не смогли присоединиться к прочим по причине вскрытия реки. Из 170 тысяч кочевников до цели через 8 месяцев добрались лишь около 70 тысяч. Остальные, как несложно догадаться, погибли в пути. Зимний переход оказался бы еще более губительным. Местное население встретило переселенцев без восторга. Кто теперь отыщет в Синьцзяне следы калмыков? А на правобережье Волги сегодня проживает 165 тысяч калмыков, перешедшие к оседлому образу жизни в период коллективизации в 1929—1940 гг., но не утратившие самобытной культуры и религии (буддизм).

Но миф о жутком монгольском нашествии для чего-то культивируется. И для чего, догадаться несложно — виртуальные монголы нужны исключительно для того, чтобы объяснить исчезновение столь же фантомной Киевской Руси вместе с его исконным населением. Дескать, в результате Батыева нашествия Приднепровье полностью обезлюдело. А на фига, спрашивается, кочевникам было уничтожать население? Ну, обложили бы данью, как всех остальных — хоть какая-то выгода. Но нет, историки хором убеждают нас в том, что монголы начисто разорили Киевщину, города пожгли, население истребили или угнали в плен, а те, кому посчастливилось выжить, смазав пятки салом, бежали без оглядки в дикие леса на северо-восток, где со временем создали мощное Московское царство. Так или иначе, но время до XVI столетия как бы выпадает из истории Южной Руси: если что и упоминают историки относительно этого периода, так это набеги крымцев. Только на кого же они совершали налеты, ежели русские земли обезлюдели?

Не может же быть, чтобы в течение 350 лет в историческом центре Руси не происходило вообще никаких событий! Тем не менее, никаких эпохальных событий не отмечено. Это вызывало жаркие споры среди историков, когда споры еще дозволялись. Одни выдвигали гипотезы о поголовном бегстве населения на северо-восток, другие считали, что все население перемерло, а новое пришло с Карпат в следующие века. Третьи высказывали мысль о том, что население никуда не бежало, и ниоткуда не приходило, а просто сидело тихо-тихо в условиях изоляции от внешнего мира, и не проявляло

никакой политической, военной, экономической, демографической или культурной активности. Ключевский[1] пропагандировал идею о том, что население, насмерть перепуганное злыми татаровями, покинуло обжитые места и ушло частью в Галицию, а частью в суздальские земли, откуда распространилось далеко на север и восток. Киев, как город, по мнению профессора, временно прекратил свое существование, сократившись до 200 домов. Соловьев[2] утверждал, что Киев был разрушен абсолютно полностью и долгие годы представлял из себя лишь груду развалин, где никто не жил. В Галицких землях, именуемых тогда Малой Русью, беженцы с Поднепровья, дескать, слегка ополячились, а вернувшись через несколько веков на свою автохтонную территорию уже в качестве малороссов, принесли туда своеобразный говор и приобретенные в изгнании обычаи.

На первый взгляд эта версия выглядит вполне логичной: пришли злобные варвары и разрушили цветущую цивилизацию, всех убили и разогнали к чертовой матери. Почему? А потому что варвары. Зачем? А у Батыя плохое настроение было, может, жена ему рога наставила, может, язва желудка замучила, вот он и злобствовал. Научную общественность такие ответы вполне устраивают, а поскольку я к этой самой общественности не имею никакого отношения, то сразу хочется поспорить с корифеями исторической «науки».

Почему, спрашивается, монголы тотально зачистили именно Киевщину? Следует учесть, что киевская земля — это не какая-нибудь малозначимая окраина, а якобы ядро русского государства по версии того же Ключевского. Между тем Киев в 1240 г. был сдан неприятелю через считанные дни после начала осады. Есть ли в истории похожие случаи? Чаще мы встретим обратные примеры, когда отдавали неприятелю все, но за «ядро» бились до последнего. Столь быстрое падение Киева представляется совершенно невероятным. До изобретения

---

[1] *Ключевский Василий Осипович* (1841—1911) — русский историк, академик Петербургской Академии наук, ученик Сергея Соловьева.

[2] *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — российский историк, профессор Московского университета, автор «Истории России с древнейших времен» в 29 томах.

осадной артиллерии хорошо укрепленный город можно было взять только измором. И зачастую случалось так, что осаждающие выдыхались быстрее, чем осажденные. Истории известны случаи очень длительной обороны города. Например, во время польской интервенции в период Смуты осада поляками Смоленска длилась с 21 сентября 1609 года по 3 июня 1611 г. Защитники города капитулировали только когда польская артиллерия пробила в стене внушительный пролом, а осажденные оказались до крайности измождены голодом и болезнями.

Польский король Сигизмунд, пораженный мужеством защитников, отпустил их восвояси. Но почему киевляне столь быстро сдались диким монголам, которые никого не щадили? У кочевников не было мощной осадной артиллерии, а стенобитные орудия, которыми якобы они разрушали крепостные укрепления — это глупые выдумки историков. Физически невозможно было подтащить такое устройство к стене, потому что сами стены всегда стояли на крутом земляном валу, который и был основой городских укреплений, а перед ними устраивался ров. Сейчас принято считать, будто оборона Киева длилась 93 дня. Известный писатель-беллетрист Бушков ехидничает по этому поводу: *«Историки чуточку лукавят. Девяносто три дня — это срок не меж началом и концом штурма, а первым появлением «татарской» рати и взятием Киева. Сначала у киевских стен появился «Батыев воевода» Менгат и пытался уговорить киевского князя сдать город без боя, но его послов киевляне убили, и он отступил. А через три месяца пришел «Батый». И за несколько дней взял город. Именно промежуток меж этими событиями и называют иные исследователи «долгой осадой»*[1].

Причем история с быстрым падением Киева отнюдь не уникальна. Если верить историкам, то все прочие русские города (Рязань, Владимир, Галич, Москва, Переславль-Залесский и др.) держались обычно не более пяти дней. Удивительно, что Торжок оборонялся аж почти две недели. Маленький Козельск якобы поставил рекорд, продержавшись семь недель в осаде, но пав на третий день штурма. Кто мне объяснит, ка-

---

[1] *Александр Бушков.* Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы // http://www.gramotey.com/?page=15&open_file=6111329687

кое же сверхоружие применили монголы, чтобы с ходу брать крепости? И почему в дальнейшем об этом оружии позабыли? В Средневековье для разрушения городских стен иногда применяли метательные машины — пороки. Но на Руси имелась большая проблема — метать было нечего — подходящего размера валуны пришлось бы тащить с собой.

Правда, города на Руси в большинстве случаев имели деревянные укрепления, и теоретически их можно было сжечь. Но на практике зимой это было трудновыполнимо, ибо стены поливались сверху водой, в результате чего на них образовывался ледяной панцирь. Вообще-то, если бы даже 10-тысячное кочевое войско пришло на Русь, никакой катастрофы бы не произошло. Эта орда просто растаяла бы через пару месяцев, взяв штурмом десяток городов. Потери у атакующих в этом случае будут в 3—5 раз выше, чему у защитников цитадели.

По официальной версии истории, северо-восточные земли Руси пострадали от супостата гораздо сильнее, но оттуда почему-то никто не думал разбегаться. И наоборот, бежали туда, где и климат холоднее, и моголы больше безобразничали. Где логика? И почему «разбежавшееся» население вплоть до XVI в. было парализовано страхом и не пыталось вернуться на благодатные земли Поднепровья? От монголов давно и след простыл, а перепуганные русичи, дескать, боялись туда нос показать. Крымцы отнюдь миролюбием не отличались, но их русские отчего-то не боялись — казаки на своих чайках спускались по Дону и Днепру, неожиданно нападали на крымские города и устраивали там жестокие погромы. Обычно, если какие-либо места благоприятны для жизни, то и борьба за них ведется особенно ожесточенная, и земли эти пустыми никогда не бывают. Побежденных сменяют завоеватели, тех вытесняют или ассимилируют более сильные соседи — вопрос здесь не в разногласиях по каким-то политическим или религиозным вопросам, а именно в обладании территорией.

Совершенно никак не объясняют историки и мотивы мифических монголов. Во имя чего они участвовали в столь грандиозных походах? Если ради того, чтобы обложить покоренных русичей данью, то на кой черт монголы сровняли с землей 49 из 74 крупных русских городов, а население вырезали

чуть ли не под корень, как о том повествуют историки? Если же они изничтожали аборигенов потому, что им понравилась здешняя трава и более мягкий климат, нежели в закаспийских и забайкальских степях, то почему они ушли в степь? Никакой логики в действиях завоевателей нет. Точнее, ее нет в бреднях, сочиненных историками.

Первопричиной воинственности народов в древности являлся так называемый кризис природы и человека. При перенаселении территории общество как бы выталкивало молодых и энергичных людей вовне. Завоюют те земли соседей и осядут там — хорошо. Погибнут в походе — тоже неплохо, потому что «лишнего» населения не будет. Во многом именно этим можно объяснить воинственность древних скандинавов: их скудные северные земли не могли прокормить умножившееся население и тому оставалось жить грабежом или наниматься на службу к иноземным правителям, чтобы заниматься все тем же грабежом. Русским можно сказать повезло — избыточное население веками откатывалось на юг и на восток вплоть до Тихого океана. В дальнейшем кризис природы и человека стал преодолеваться путем качественного изменения аграрных технологий и развития промышленности.

Но что могло стать причиной воинственности монголов? Если плотность населения степняков превысит допустимые пределы (то есть возникнет нехватка пастбищ), часть пастухов просто откочует в другие, менее освоенные степи. Если тамошние кочевники не будут рады гостям, то возникнет маленькая резня, в которой победит сильнейший. То есть монголам, чтобы добраться до Киева, пришлось бы освоить громадные пространства от Маньчжурии до Северного Причерноморья. Но даже в этом случае кочевники не представляли угрозы сильным цивилизованным странам, потому что ни один кочевой народ никогда не создавал собственной государственности и не имел армии. Максимум, на что способны степняки, — сделать набег на пограничное селение с целью грабежа.

Единственный аналог мифическим воинственным монголам — скотоводы-чеченцы XIX столетия. Народ этот уникален тем, что грабеж сделался основой его существования. Чеченцы не имели даже зачаточной государственности, жили рода-

ми (тейпами), не знали земледелия в отличие от своих соседей, не обладали секретами обработки металла, да и вообще ремеслами владели самыми примитивными. Угрозу русскому порубежью и коммуникациям с Грузией, вошедшей в состав России в 1804 г. они представляли лишь потому, что турки снабжали их оружием и припасами да подкупали местных князьков. Но ничего кроме тактики набегов и лесных засад чеченские разбойники, несмотря даже на свое численное превосходство, противопоставить русским не могли. Когда же терпение последних лопнуло, то регулярная армия под началом Ермолова довольно быстро произвела тотальную «зачистку» Северного Кавказа, загнав абреков в горы и ущелья.

Я готов поверить во многое, но серьезно воспринимать бредни про злых кочевников, уничтоживших Древнюю Русь, категорически отказываюсь. Тем более фантастической является теория о трехвековом «иге» диких степняков над русскими княжествами. Осуществлять господство над завоеванными землями может только ГОСУДАРСТВО. Историки это в общем-то понимают, и потому выдумали некую сказочную Монгольскую империю — самое большое в мире государство за всю историю человечества, основанное Чингисханом в 1206 году и включавшее в себя территорию от Дуная до Японского моря и от Новгорода до Камбоджи. Все известные нам империи создавались веками и поколениями, и лишь самая великая мировая империя якобы была создана неграмотным дикарем буквально по мановению руки.

Если есть империя, значит, должна быть и столица. Быть столицей назначили фантастический город Каракорум, остатками которого были объявлены развалины буддийского монастыря Эрдэни-Дзу конца XVI столетия в центре современной Монголии. На основании чего? А так захотелось историкам. Откопал Шлиман развалины небольшого античного города и объявил, что это древняя Троя. А Николай Ядринцев[1], об-

[1] *Николай Михайлович Ядринцев* (1842—1894) — сибирский публицист и общественный деятель, революционер, исследователь Сибири. Любопытно, что в то время, когда Сибирь была самым популярным местом ссылки, сибиряка Ядринцева в 1868 г., признав виновным в намерении отделить Сибирь от России, сослали в Архангельскую губернию

наруживший древнее городище в долине реки Орхон, объявил его Каракорумом. Каракорум буквально означает «черные камни». Поскольку недалеко от места находки находился горный хребет, то ему и дали официальное название Каракорум. А раз горы называются Каракорум, то и городищу присвоили то же имя. Вот такое убедительное обоснование! Правда, местное население ни о каком Каракоруме и слыхом не слыхивало, а называло хребет Музтаг — Ледяные горы, но «ученых» это нисколько не смутило.

Самая громадная мировая империя оставила о себе меньше всего следов. А точнее, вообще никаких. Она, дескать, распалась в XIII в. на отдельные улусы, крупнейшими из которых стали Империя Юань, то есть Китай (ее столица Ханбалык, ныне Пекин, якобы была одно время столицей всей Монгольской империи), государство Ильханов (Иран, Закавказье, Афганистан, Туркмения), Чагатайский улус (Средняя Азия) и Золотая орда (территория от Иртыша до Белого, Балтийского и Черного морей). Это историки ловко придумали. Теперь любые осколки керамики или медные украшения, найденные на просторах от Венгрии до побережья Японского моря можно объявить следами великой монгольской цивилизации. И находят. И объявляют. И глазом при этом не моргнут.

Какова была официальная религия монголов? А выбирайте любую, какая вам нравится. Якобы в каракорумском «дворце» великого хана Угэдэя (наследник Чингисхана) обнаружены буддийские кумирни. В столице Золотой орды Сарай-Бату находят в основном православные крестики и нагрудные образки. В среднеазиатских владениях монгольских завоевателей утвердился ислам, на Южном Каспии продолжал процветать зороастризм. Свободно себя чувствовали себя в Монгольской империи и хазары-иудеи. В Сибири сохранились разнообразные шаманистские верования. Русские историки традиционно рассказывают байки о том, что монголы были идолопоклонниками. Дескать, русским князьям они делали «секир-башка», если те, приезжая за ярлыком на право княжения в своих землях, не поклонялись их поганым языческим кумирам. Короче, никакой государственной религии у монголов не было. У всех империй была, а у монгольской — нет. Всяк мог молиться, кому как вздумается.

Кстати, если Каракорум являлся монгольской столицей, то в нем обязательно должен был находиться монетный двор. Считается, что денежной единицей Монгольской империи были золотые динары и серебряные дирхемы. Четыре года археологи ковыряли грунт на Орхоне (1999—2003 гг.), но не то что монетного двора, они не нашли даже ни единого дирхема и динара, зато китайских монет откопали во множестве. Именно эта экспедиция обнаружила под дворцом Угэдэя (который оказался намного меньших размеров, чем ожидалось) следы буддийской кумирни. В Германии об итогах раскопок выпущен солидный фолиант «Чингисхан и его наследие». Это несмотря на то, что никаких следов повелителя монголов археологи не обнаружили. Впрочем, это не важно, все, что они нашли, было объявлено наследием Чингисхана. Правда, издатели благоразумно умолчали о буддийской кумирне и о китайских монетах, зато большую часть книги наполнили отвлеченными рассуждениями, не представляющими никакого научного интереса.

Вообще же ВО ВСЕЙ Монголии найдено лишь несколько дирхемов с арабскими надписями, что полностью исключает мысль о том, что это был центр некой империи. Объяснить это «ученые»-историки не могут, и потому просто не касаются этого вопроса. Даже если вы схватите историка за лацкан пиджака, и пристально глядя в глаза, спросите об этом, он будет изображать дурачка, не понимающего, о чем речь. Никаких археологических доказательств существования в Монголии имперского центра нет, и потому в качестве аргументов в пользу совершенно бредовой версии официальная наука может предложить разве что казуистические толкования сочинений Рашид ад-Дина[1]. Правда, и последнего они цитируют очень выборочно. Например о том, что последний пишет о хождении в Каракоруме динаров и дирхемов, историки после четырехлетних раскопок на Орхоне предпочитают не вспоминать. А Гильом де Рубрук сообщает, что монголы знали толк в

---

[1] *Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани* (1247—1318.) — иранский государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист, везир государства ильханов Ирана, энциклопедист, автор компилятивного труда на персидском языке «Джами' ат-таварих» («Сборник летописей»).

ромейских деньгах, которыми были переполнены их бюджетные закрома. Об этом им теперь тоже придется помалкивать. Забыть следует и о том, что Плано Карпини упоминал, как правитель Багдада платил дань монголам в ромейских золотых солидах — безантах. Короче, все древние свидетели ошибались. Истину знают только современные историки.

Какой в империи был государственный язык? Во всех концах империи говорили на разных языках и писали по-своему: где арабской вязью, где китайскими иероглифами, а в Золотой Орде, например, пользовали русскую азбуку. Собственно монгольская письменность была впервые создана только в 1943 г. на основе кириллицы, да и литературный монгольский язык сложился на основе халхасского диалекта примерно в то же время. Древнемонгольский язык не известен даже историкам. Они сочиняют все что угодно, но изобретение древнего языка видимо слишком хлопотное дело. Выходит, что государственного языка в Монгольской империи тоже не было. И письменности не было. Соответственно не было и имперского делопроизводства. Распоряжения император не отдавал. Но если предположить, что из его ставки и исходили какие-то приказы (устные?), то вместе с гонцом надо было отправлять переводчика, иначе указание верховного правителя в дальнем улусе никто не поймет.

Была ли у монголов финансовая система, без которой, как известно, не обходится ни одно государство? Не было! Нумизматам не известны никакие специфические монгольские деньги. Но таковыми при желании объявляют любые неопознанные монеты. Как называлась денежная единица империи? Да никак не называлась. Где находился имперский монетный двор, казна? А нигде. Вроде бы о злых баскаках — сборщиках дани в русских улусах Золотой орды историки что-то писали. Но сегодня лютость баскаков кажется весьма преувеличенной. Вроде как собирали они в пользу хана десятину (десятую часть дохода), да каждого десятого юношу рекрутировали в свое войско. Последнее следует счесть большим преувеличением. Ведь служба в те времена длилась не пару лет, а, вероятно, четверть века. Население Руси в XIII столетии принято оценивать самое меньшее в 5 миллионов душ. Если каждый год в

армию будет приходить 10 тыс. новобранцев, то через десять лет она распухнет до совершенно невообразимых размеров. А если учесть, что монголы забривали на службу не только русских, но и представителей всех прочих покоренных народов, то получится миллионная орда, которую ни прокормить, ни вооружить в Средневековье не могла ни одна империя.

Но куда уходил налог, как осуществлялся учет, кто распоряжался казной, ученые ничего толком объяснить не могут. Ничего не известно о системе счета, мер и весов, употреблявшихся в империи. Загадкой остается и то, на какие цели громадный золотоордынский бюджет тратился — ни дворцов, ни городов, ни монастырей, ни флота завоеватели не строили. Хотя нет, иные сказочники утверждают, что флот у монголов был. Они, дескать, даже завоевывали остров Яву и чуть было не захватили Японию. Но это настолько очевидный бред, что обсуждать его смысла не имеет. По крайней мере, до тех пор, пока не будут найдены хоть какие-нибудь следы существования на земле степных скотоводов-мореплавателей.

Каков был правящий слой в Монгольской империи? Любое государство имеет свою военную, политическую, экономическую, культурную и научную верхушку. Правящий в эпоху Средневековья слой именуют аристократией, сегодняшний господствующий класс принято называть расплывчатым термином «элиты». Так или иначе, но государственная верхушка должна быть, иначе нет государства. А у монгольских оккупантов с элитой была напряженка. Завоевали Русь и оставили править ею династию Рюриковичей. Сами же, дескать, ушли в степь. Подобных примеров в мировой истории не наблюдается. То есть государствообразующей аристократии в Монгольской империи не существовало.

Всякое государство даже сегодня не может состояться, если не обладает транспортной и информационной связностью. В Средневековье же отсутствие удобных путей сообщения абсолютно исключало возможность функционирования государства. Поэтому ядро государства складывалось вдоль речных, морских, значительно реже — сухопутных коммуникаций. А величайшая в истории человечества Монгольская империя вообще не имела никаких путей сообщения между

своими частями и центром, которого, кстати, тоже не было. Точнее, он вроде бы был, но исключительно в виде становища, где Чингисхан оставлял свою семью во время походов.

Тут закономерно задать вопрос: а была ли вообще эта легендарная Монгольская империя? Была! — хором заголосят историки и в качестве доказательства покажут каменную черепаху юаньской династии в окрестностях современного монгольского поселка Каракорум или бесформенную монету неизвестной принадлежности. Если вам это покажется неубедительным, то историки авторитетно добавят еще пару глиняных черепков, откопанных в Причерноморских степях. Уж это точно убедит самого закоренелого скептика.

Но нас великая Монгольская империя интересует постольку-постольку. Русь якобы была покорена Батыем — внуком Чингисхана и правителем улуса Джучи, более известного под названием Золотой Орды. От владений Золотой Орды до Руси все же ближе, нежели от Монголии. За зиму от прикаспийских степей можно добраться до Киева, Москвы и даже Вологды. Но трудности возникают все те же. Во-первых, коням нужен фураж. Добыть копытом из-под снега пожухлую траву в приволжских степях лошади уже не могут. Зимы там снежные, и потому местные кочевники на своих зимовьях заготавливали запасы сена, чтобы продержаться в самую тяжелую пору. Чтобы армия могла двигаться зимой, нужен овес. Нет овса — нет возможности идти на Русь. Откуда у кочевников овес?

Следующая проблема — дороги. Зимой в качестве дорог испокон веку использовались замерзшие реки. Но лошадь, чтобы она могла идти по льду, надо подковать. По степи она круглый год может бегать неподкованной, а по льду, каменным росыпям или застывшей дороге неподкованный конь, да еще со всадником, идти не может. Дабы подковать сотню тысяч потребных для вторжения боевых скакунов и обозных кобыл, надо одного лишь железа более 400 тонн! А через два-три месяца надо коней подковать снова. А сколько нужно срубить леса, дабы заготовить 50 тысяч саней для обоза?

Но, вообще-то, как мы выяснили, даже в случае успешного марша на Русь, 10-тысячное войско окажется в крайне затруднительном положении. Снабжение за счет местного на-

селения практически невозможно, подтянуть резервы абсолютно нереально. Приходится вести изнурительные штурмы городов, крепостей и монастырей, нести невосполнимые потери, углубляясь на территорию противника. А какой смысл в этом углублении, если за собой оккупанты оставляли разоренную пустыню? Какова вообще цель войны? С каждым днем интервенты будут все слабее, а к весне надо уйти в степи, иначе вскрывшиеся реки запрут кочевников в лесах, где те и погибнут от голода.

Известно целых две столицы Золотой орды — Сарай-Бату и Сарай-Берке. До наших дней от них не дошло даже развалин. Историки и тут нашли виноватого — Тамерлана, который пришел из Средней Азии и порушил эти самые цветущие и населенные города Востока. Сегодня археологи откапывают на месте якобы великих столиц великой евразийской империи только остатки глинобитных хижин да самую примитивную домашнюю утварь. Все ценное, дескать, разграбил злой Тамерлан. Что характерно, ни малейших следов присутствия в этих местах монгольских кочевников археологи не находят.

Впрочем, это их нисколечко не смущает. Раз там обнаружены следы греков, русских, итальянцев и прочих, значит дело ясное: монголы свезли в свою столицу мастеров из покоренных стран. Кто-то сомневается, что монголы покорили Италию? Читайте внимательно труды «ученых»-историков — там сказано, что Батый дошел до побережья Адриатического моря и почти что до Вены. Где-то там он итальянцев и отловил. А о чем говорит то, что Сарай-Берке являлся центром Сарской и Подонской православной епархии? Это, как утверждают историки, свидетельствует о феноменальной веротерпимости монгольских завоевателей. Правда, в этом случае непонятно, почему золотоордынские ханы якобы умучили нескольких русских князей, не желающих отказываться от своей веры. Великий князь Киевский и Черниговский Михаил Всеволодович даже причислен к лику святых за то, что отказался поклоняться священному огню, и был за неповиновение убит.

Золотая орда — это такое же выдуманное историками государство, как и Монгольская империя. Соответственно, и монголо-татарское «иго» — тоже выдумка. Вопрос в том, кто

его выдумал. В русских летописях бесполезно искать упоминания «ига» или мифических монголов. «Злые татарове» упоминаются в ней довольно часто. Вопрос о том, кого имели в виду летописцы под этим именем? То ли это этническая группа, то ли образ жизни или сословие (сродни казакам), то ли сие есть собирательное название всех тюрков. Может быть слово «татарин» обозначает конного воина? Татар известно превеликое множество: касимовские, крымские, литовские, бордаковские (рязанские), белгородские, донские, енисейские, тульские... одно только перечисление всевозможных татар займет полстраницы. В летописях упоминаются татары служивые, татары крещеные, татары безбожные, государевы татары и татары басурманские. То есть термин этот имеет чрезвычайно широкую трактовку.

Татары, как этническая группа, появились относительно недавно, лет триста назад. Поэтому попытка применить термин «татаро-монголы» к современным казанским или крымским татарам является мошенничеством. Не было в XIII столетии казанских татар, были булгары, имевшие свое княжество, которое историки постановили именовать Волжской Булгарией. Не существовало тогда ни крымских, ни сибирских татар, а были кыпчаки, они же половцы, они же ногайцы. Но если монголы покорили, частично изничтожив кыпчаков, и периодически воевали с булгарами, то откуда же взялся монголо-татарский симбиоз?

Никаких пришельцев из монгольских степей не знали не только на Руси, но и в Европе. Термин «татарское иго», означающий власть Золотой Орды над Русью, появился на стыке XIV—XV века в Польше в пропагандистской литературе. Считается, что принадлежит он перу историка и географа Матфея Меховского (1457—1523), профессора Краковского университета. Надо сказать, что даже география Меховского была донельзя политизированной и идеологизированной. Его «Трактат о двух Сарматиях» считался на Западе первым подробным географическим и этнографическим описанием Восточной Европы до меридиана Каспийского моря. В преамбуле этой работы Меховский писал: *«Южные края и приморские народы вплоть до Индии открыты королем Португалии. Пусть же и*

северные края с народами, живущими у Северного океана к востоку, открытые войсками короля польского, станут теперь известны миру».

Во как лихо! Русских сей просвещенный муж уравнивает с африканскими неграми и американскими индейцами, а польским войскам приписывает фантастические заслуги. Никогда поляки не доходили до побережья Северного Ледовитого океана, давно освоенного русскими. Лишь веком спустя после смерти Меховского во время Смуты отдельные польские отряды рыскали по Вологодчине и Архангельщине, но то были не войска польского короля, а заурядные разбойничьи шайки, грабившие купцов на северном торговом пути. Поэтому не стоит серьезно воспринимать его инсинуации насчет того, что отсталые русичи были покорены совсем уж дикими татарами.

Кстати, татары — это европейское собирательное название всех восточных народов. Причем в старину оно произносилось как «тартары» от слова «тартар» — преисподняя. Вполне возможно, что в русский язык слово «татары» пришло из Европы. По крайней мере, когда европейские путешественники называли в XVI столетии татарами жителей нижней Волги, те не очень-то понимали смысла этого слова, и уж тем более не знали, что оно для европейцев означает «дикари, вырвавшиеся из ада». Привязка слова «татары» к определенной этнической группе начинается лишь с XVII в. Окончательно термин «татары», как обозначение волжско-уральских и сибирских оседлых тюркоязычных народов утвердился лишь в XX столетии.

Словообразование «монголо-татарское иго» употребил первым в 1817 году немецкий историк Герман Крузе[1], книга которого в середине XIX века была переведена на русский и издана в Петербурге. В 1860-х годах глава русской духовной миссии в Китае архимандрит Палладий приобрел рукопись «Сокровенного сказания монголов», сделав ее достоянием научной общественности. Никого не смутило, что «Сказание» написано по-китайски. Это даже очень удобно, ибо любые не-

---

[1] *Фридрих Карл Герман Крузе* (1790—1866). Учился в Лейпциге, преподавал в гимназии в Бреслау. В 1821 г. занял пост профессора древней и средневековой истории и географии в университете Галле, в 1828—1853 гг. был профессором истории в России, в Дерптском университете.

соответствия позволяет объяснить ошибочным транскрибированием с монгольского на китайский. Мол, Юань — это китайская транскрипция династии Чингизидов. А Шуцу — это хан Хубилай. При таком «творческом» подходе, как нетрудно догадаться, любую китайскую легенду можно объявить хоть историей великих монголов, хоть хроникой крестовых походов.

Начало же легенде о Киевской Руси было положено изданным в 1674 г. «Синопсисом»[1] — первой известной нам учебной книгой по русской истории. Книжица эта не раз переиздавалась (1676, 1680, 1718 и 1810 гг.) и пользовалась большой популярностью до середины XIX столетия. Автором ее считается Иннокентий Гизель (1600—1683 гг.) Родившись в Пруссии, в молодости он приехал в Киев, принял православие и постригся в монахи. Митрополит Петр Могила направил молодого немца за границу, откуда тот вернулся образованным человеком. Ученость свою он применил в напряженной идеологической и политической борьбе с иезуитами. Известен он как литератор-теолог, историограф и философ.

Гизеля следует считать не только деятелем церковным, но и политическим, ибо церковная православная верхушка в Польско-Литовском государстве являлась составной частью политической элиты. Будучи протеже митрополита Петра Могилы, он поддерживал активные связи с Москвой по политическим и финансовым вопросам. В 1654 г. побывал в русской столице в составе малороссийского посольства казацкой старшины и духовенства. Видимо, труды его были оценены, поскольку в 1656 г. он получает сан архимандрита и настоятеля Киево-Печерской лавры, сохраняя его до кончины в 1683 г.

Разумеется, Иннокентий Гизель был ярым сторонником присоединения Малороссии к Великой России, иначе трудно объяснить, за что цари Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и правительница Софья Алексеевна весьма благоволили к нему, не раз одаривая ценными подарками. Так вот, именно «Синопсис» начинает активно популяризировать легенду о Киевской Руси, татарском нашествии и борьбе с Польшей. Основные стереотипы древней русской истории (основание Киева

---

[1] *Синопсис* означает краткое изложение

тремя братьями, призвание варягов, легенда о крещении Руси Владимиром и т.д.) уложены в «Синопсисе» стройным рядочком и точно датированы. Несколько странным сегодняшнему читателю покажется разве что рассказ Гизеля «О свободе или вольности Славенской»:

«Славяне в храбрости и мужестве своем день от дне крепко подвизающеся, воеваша еще и противу древних Греческих и Римских Кесаров, и всегда славную восприемлюще победу, во всяческой свободе живяху; пособствоваху же и великому Царю Александру Македонскому и отцу его Филиппу подбивати под власть Света сего державу. Темже, славных ради дел и трудов воинских, даде Александр Царь Славяном привилей или грамату на пергамени златом написаную в Александрии, вольности и землю им утверждающи, пред Рожеством Христовым году 310; и Август Кесарь (в егоже Царство Царь славы Христос Господь родися) не дерзаше с свободными и сильными Славянами брани свести».

Когда обласканный при дворе архимандрит берется сочинять историю, очень трудно считать этот труд образцом непредвзятого научного исследования. Скорее это будет пропагандистским трактатом. А ложь — эффективнейший прием пропаганды, если ложь удается внедрить в массовое сознание.

Именно «Синопсису», увидевшему свет в 1674 г. принадлежит честь стать первым русским МАССОВЫМ печатным изданием. Вплоть до начала XIX в. книга употреблялась в качестве учебника по русской истории, всего же она выдержала 25 изданий, из которых последнее состоялось в 1861 г. (26-е по счету издание имело быть уже в нашем веке). С точки зрения пропаганды не важно, насколько сочинение Гизеля соответствовало действительности, важно насколько крепко оно было укоренено в сознании образованного слоя. А укоренилось оно крепко. Учитывая, что «Синопсис» фактически писался по заказу правящего дома Романовых и был официально насаждаем, иного и быть не могло. Татищев, Карамзин, Щербатов, Соловьев, Костомаров, Ключевский и прочие историки, воспитанные на гизелевской концепции, просто не могли (да и вряд ли хотели) критически осмыслить легенду о Киевской Руси.

Не стали противоречить «Синопсису» и придворные историки XVIII столетия — Готлиб Зигфрид Байер, Август Людвиг Шлецер и Герард Фридрих Миллер. Вот скажите мне на милость, как Байер мог быть исследователем русских древностей и сочинителем концепции российской истории (дал начало норманнской теории), когда за 13 лет своего пребывания в России он даже не выучил русский язык? Двое последних были соавторами до неприличия политизированной норманнской теории, доказывающей, что Русь обрела черты нормального государства лишь под руководством истинных европейцев Рюриков. Оба они редактировали и издавали труды Татищева, после чего трудно сказать, что в его работах осталось от оригинала. По крайней мере, точно известно, что оригинал татищевской «Истории российской с самых древнейших времен» бесследно исчез, а Миллер по официальной версии пользовался некими «черновиками», нам ныне также неизвестными.

Несмотря на постоянные конфликты с коллегами, именно Миллер сформировал академический каркас официальной русской историографии. Самым главным его оппонентом и безжалостным критиком был Михаил Ломоносов. Однако Миллеру удалось отомстить великому русскому ученому. Да еще как! Подготовленная Ломоносовым к изданию «Древняя Российская история» стараниями его оппонентов издана так и не была. Более того, сочинение было по смерти автора конфисковано и бесследно исчезло. А через несколько лет был отпечатан лишь первый том его монументальной работы, подготовленный к изданию, как считается, лично Миллером. Читая сегодня Ломоносова, совершенно невозможно понять, о чем он так яростно спорил с придворными немцами — его «Древняя Российская история» была выдержана в духе официально утвержденной версии истории. Абсолютно никаких противоречий с Миллером по самому спорному вопросу о русской древности в книге Ломоносова нет. Следовательно, мы имеем дело с подлогом.

Остается лишь констатировать — пользуемую поныне редакцию русской истории составили исключительно иностранные авторы, по преимуществу немцы. Труды русских истори-

ков, пытавшихся им противостоять, были уничтожены, а под их именами выпущены фальсификаты. Не стоит рассчитывать, что могильщики национальной историографической школы пощадили опасные для них первоисточники. Ломоносов пришел в ужас, когда узнал, что Шлецер получил доступ ко всем сохранившимся на тот момент древним русским летописям. Где те летописи ныне?

Между прочим, Шлецер обзывал Ломоносова «грубым невеждой, ничего не знавшим, кроме своих летописей». Трудно сказать, к чему в этих словах больше ненависти — к упрямому русскому ученому, считающему русский народ ровесником римлян, или к летописям, которые это подтверждали. Но выходит, что получивший в свое распоряжение русские летописи немецкий историк руководствовался вовсе не ими. Политический заказ он почитал выше науки. Михаил Васильевич, когда речь заходила о ненавистной немчуре, в выражениях тоже не стеснялся. О Шлецере до нас дошло такое его высказывание: «...каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная к ним скотина», или: «Он немало походит на некоторого идольского жреца, который, окурив себя беленою и дурманом и скорым на одной ноге вертением, закрутив свою голову, дает сумнительные, темные, непонятные и совсем дикие ответы».

Доколе ж мы будем плясать под дудку «обкуренных идольских жрецов»?

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ПРО «ЧЕСТНОСТЬ» УЧЕНЫХ

Я не пытаюсь разоблачать десятки и сотни глупых сказок про мифических «татаро-монголов», написанных «учеными»-историками. Во-первых, потому что их уже вдоль и поперек разоблачили. Во-вторых, потому что содержание абсурдных баек разоблачать не имеет смысла. Надо лишь установить, что мы имеем дело с абсурдом. Некоторые наивные читатели могут вознегодовать: не может быть, чтобы многие поколения ученых поддерживали ложь о великих монголах! Не может быть, чтобы пухлые научные тома были плодом чьей-то нездоровой фантазии или продуктом циничного вранья корысти ради! Ученые, дескать, по самой своей природе не способны фабриковать археологические находки, подделывать древние летописи, извращать источники и врать столь изощренно. Какая им выгода?

Ну почему же не способны? Собственно именно этим «профессиональные» историки и занимаются. И всегда занимались. И выгоду имели с этого превеликую. Одни сочиняли фальшивую историю и уничтожали неудобные настоящие документы в угоду правителям. Другие занимались фальсификациями, потому что желали этих правителей унизить и низвергнуть. Третьи продавались за деньги тем или иным политическим силам. Иные просто удовлетворяли столь изощренным образом собственное тщеславие или делали карьеру в «научных» кругах. Но я хочу, чтобы читатель понял одну простую истину: науки под названием «история» не существует и никогда не существовало. Всегда история была инструментом политической, идеологической, экономической, межгосударст-

венной, геополитической борьбы, и потому историки лишь изображали из себя ученых, дабы быть более убедительными. И чем больший авторитет приобретала в обществе наука, тем старательнее историки мимикрировали под ученых.

Есть ли среди «ученых»-историков честные люди? Конечно, есть. Но они умственно настолько неразвиты, что искренне верят всему тому, чему их пять лет учили в университетах профессора истории. Умный, думающий, пытливый и честный человек, любящий задавать вопросы, никогда не сдаст на истфаке даже первый семестр. Армия безвольных послушных дураков настоящим историкам очень нужна. Ведь мало придумать выгодные правителям мифы, их еще надобно накрепко вбить народу в голову. Этим и занимается армия историков-популяризаторов: журналисты, школьные учителя, писатели-беллетристы, киносценаристы, литераторы.

У кого повернется язык назвать Радзинского, Сванидзе или Волкогонова честными историками? Они — циничные, беспринципные лжецы, обслуживающие интересы властей. Нынешние хозяева Кремля очень боятся ренессанса советской цивилизации, потому что это грозит им потерей власти, собственности и даже жизни. Поэтому их придворные историки два десятка лет сочиняют антисоветские страшилки. А популяризаторы — это историки, у которых не хватает ума, чтобы сочинять сказки самим, но которые могут творчески перерабатывать придуманное «профессиональными» историками, адаптируя мифы для школьных учебников, телепередач, «научных» журналов и т.д.

Ну, допустим, — согласятся скептики, — в антисоветской пропаганде политическая конъюнктура просматривается довольно явственно. Надо же ударникам капиталистического труда как-то морально оправдать то, что они в одночасье присвоили себе многомиллиардную собственность, созданную всем народом, а сам народ получил нищенские пенсии, мизерные зарплаты да кабальные проценты по потребительским кредитам. Но какая выгода историкам поддерживать мифы о «татаро-монгольском» иге? Уж это сегодня точно нашему правительству не надо.

Согласен, нынешним правителям от «монголо-татарских» мифов никакой утилитарной выгоды нет. Но тут дело принципа. Если признать, что раньше в угоду политической конъюнктуре можно было фальсифицировать историю и веками поддерживать самые безумные представления о прошлом человечества, то никакой веры историкам, рассказывающим, например, о жутких сталинских репрессиях уже не будет. Более того, люди начнут задумываться: почему Сталин, переселивший во время войны за массовый, почти поголовный коллаборационизм 500 тысяч чеченцев в Казахстан — тиран, диктатор и кровавый преступник? Как же тогда назвать Ельцина, убившего авиабомбами и «точечными» ракетами 100 тысяч жителей Чечни в мирное время? Почему социалистическое хозяйство, обеспечивающее рост производства более 10% в год, объявлено неэффективным, а капитализм с его гиперинфляцией, частыми кризисами, нищетой и безработицей — самая лучшая форма хозяйствования, изобретенная человечеством?

Наверно потому, что при капитализме очень узкая группа лиц концентрирует в руках колоссальную собственность, власть и средства промывки мозгов (СМИ). И эту самую группу лиц обслуживают «профессиональные» историки, помогая удерживать быдло в повиновении. Бредни о монголо-татарах лежат в самом основании здания под названием «Российская история». Признай историки, что никакого ига не было — рухнет весь комплекс представлений о нашем прошлом, и манипуляции с историческим сознанием будет гораздо сложнее осуществлять. Поэтому «ученые»-историки и дальше будут усердно высасывать из пальца все новые и новые подробности о мифических монголах.

Геббельс говорил: «Ложь, чтобы в нее поверили, должна быть грандиозной». Историки верны его заветам. Ложь о татаро-монголах настолько масштабна, что обычного человека, мало сведущего в технологиях промывки мозгов, она просто подавляет своим титаническим масштабом. Сочинения о древних монголах изобилуют громадной массой подробностей: сколько у какого хана было жен и детей, как их звали, когда какой его сын и где правил; как звали полководцев верховного хана, в каких походах они участвовали, в каких бит-

вах победили, какую добычу взяли и сколько городов пожгли; когда проходили курултаи, какие идеи высказывали приближенные императора, какие решения были приняты и как выполнялись. Ко всему прочему историки приводят даже массу высказываний великих монгольских правителей, сообщают, о том, какой у них был характер, внешность, о чем они мечтали и что любили. Обычный человек, на которого сыплются мегатонны этих подробностей, просто не в силах допустить, что историки все это выдумали, сидя за письменным столом. Между тем, все это именно так.

Но специфика «научного» вранья историков такова, что большинство из них врут лишь на 10%, а в остальном базируют свои сочинения на самых «надежных источниках» — книгах своих предшественников. Те тоже приукрашивали и домысливали известные им события на 10%, а в 90% случаях опирались на признанные достоверными рукописи. Авторы рукописей, кстати, были кристально честными людьми, но в их распоряжении были древние летописи, откуда они почерпнули 90% информации. А остальное домыслили исключительно для красоты и связности повествования. И еще, чтоб царю-батюшке понравилось. Ну, дабы угодить царю, они самую малость подправили древние летописи, но самую чуточку — на четверть, не более. И даже не то чтобы переиначили, просто интерпретировали посвоему. К тому же древние летописи дошли до них с большими выпусками (кто-то зачем-то уничтожил значительные куски). И вот эти-то потерянные куски древние историки вынуждены были восполнять по памяти. А память — штука хитрая — тут помню, тут — не помню, а тут помню, но по-своему.

А что, если самая древняя летопись, на основании которой фантазировали многие поколения историков — фальшивка? Да этого быть не может! — хором завопят историки. — Ведь она же древняя-предревняя, и древность ее доказана всеми экспертизами! Я, конечно, хочу верить историкам и благоговею перед экспертизами, которые делают те же самые историки. Но я помимо прочего хорошо знаю историю, которая дает нам массу примеров когда древние книги, летописи и пергаменты фабриковались самым наглым образом. Известны своего рода виртуозы-фальсификаторы, поставившие производ-

ство фальшивок буквально на поток. Но так можно говорить лишь о тех, кого удалось разоблачить. А сколькие еще не разоблачены? Предлагаю вниманию читателя выдержку из статьи в электронной энциклопедии «Википедия» (http://ru.wikipedia.org), о Вацлаве Ганке — чешском филологе и поэте, деятеле национального возрождения:

«После четырех лет учебы у Добровского и словенца Ернея Копитара Ганка объявил об обнаружении им в городе Кенигинхофе Краледворской рукописи (16 сентября 1817), а в следующем году — о появлении анонимно присланной рукописи, которая сорок лет спустя получила, после обнародования версии о находке в замке Зелена Гора, название «Зеленогорская» (со знаменитым романтическим отрывком национального эпоса — «Судом Либуше»). Ганка опубликовал обе рукописи с параллельным переводом на современный чешский и немецкий языки. Поверив (по крайней мере сначала) в Краледворскую, Добровский, однако, расценил Зеленогорскую рукопись еще до публикации как «очевидный подлог». Не поверил Ганке и другой его учитель — Ерней Копитар. Однако все молодое поколение чешских просветителей встретило «открытия» Ганки восторженно. В дальнейшем вопрос подлинности рукописей на долгое время стал вопросом чешского патриотизма — любой, публично высказывавший в них сомнения, зачислялся «будителями» во враги (впрочем, при жизни Ганки таких выступлений было совсем немного, и, по остроумному выражению историка Й. Гануша, «долгое время не было ни одного человека, сомневавшегося в рукописях, кроме, пожалуй, самого Ганки»).

Благодаря Ганке (и его вероятному соавтору Йозефу Линде) сбылись ожидания деятелей национального возрождения — «открылись» памятники древней словесности, не уступавшие по древности и разнообразию содержания русским и сербским памятникам и к тому же содержащие картину героического и демократического прошлого Чехии, а также антинемецкие выпады. Беспрецедентно долгому успеху фальсификаций способствовало не только идеальное соответствие «рукописей» политическим чаяниям чешских патриотов, но и литературный талант, высокие по тем временам славистическая квалификация и техническое искусство Ганки, на полвека опере-

дившего возможности современной ему науки. Незадолго до смерти Ганки (1860) неудачная попытка кампании против подлинности рукописей, организованная австрийской полицией и редактором австрийской газеты, казалось бы, надолго закрепила его историческую победу: он выиграл судебный процесс против австрийца Ку (Kuh) и сошел в могилу с ореолом мученика национального возрождения.

Окончательно подложность обеих рукописей с различных точек зрения (технико-палеографической, исторической и лингвистической) была научно доказана только на рубеже XIX и XX веков, хотя выступления в поддержку рукописей (руководствующиеся прежде всего политическими соображениями) продолжались и позже и не утихли полностью даже в наше время («общество рукописей», существовавшее в 1930-е годы и в конце 1940-х, было воссоздано в 1993 г.) Большую роль в координации действий специалистов в различных областях науки в 1880-е — 1890-е годы сыграл будущий президент Чехословакии Томаш Масарик, который и сам выступал на страницах журнала «Атенеум» как критик рукописей с эстетической точки зрения.

Обнаружился факт написания рукописей на обрезках древнего пергамента, с которого был смыт старый текст (палимпсест), употребление производившейся с начала XVIII века берлинской лазури, смешение написаний разного времени и неуверенный почерк (обведение контура, подчистки), на 6 тысяч слов — около тысячи ошибок в древнечешском языке (явные кальки с русского и немецкого, неверная орфография, использование слов подлинных памятников в ошибочных значениях), фактические анахронизмы и т. п. В изготовлении рукописей с большой долей вероятности участвовал также Йозеф Линда, быстро разоблаченная подделка которого («Песня под Вышеградом») используется в тексте. В 1899 году даже появилась версия о том, что в Краледворской рукописи Ганка оставил авторский знак — зашифрованную латинскую надпись «Hanka fecit» (Ганка сделал), но это не подтвердилось.

Ганке принадлежит еще одна фальсификация — «обнаруженные» им в 1827 году чешские глоссы в средневековом латинском словаре Mater Verborum (одной из их целей было подкреп-

ление подлинности Краледворской и Зеленогорской рукописи). Приводимые там имена славянских божеств и названия планет полвека (до разоблачения в 1877 г.) фигурировали в числе источников по славянской мифологии; в многочисленных ненаучных сочинениях о язычестве ссылки на них встречаются и сейчас.

Пожалуй, самая «вредоносная» фальсификация Ганки — рассказ о победе Ярослава из Штернберка под Оломоуцем над монголо-татарами в 1242 году (одна из песен Краледворской рукописи). Эта мифическая битва кочует из одного исторического труда в другой и после разоблачения рукописей, она даже попала в третье издание БСЭ».

А что делать, если подделка XV в. попала в руки историков пятьсот лет спустя и о событиях, описываемых в достоверно выглядящей летописи они ничего толком не знают? Тут можно либо верить, либо не верить. Если содержание документа устраивает историков, то они, разумеется, признают ее достоверным источником. А если не устраивает — объявят художественным литературным произведением, повествующем в иносказательном ключе о событиях, которые на самом деле развивались так-то и так-то.

Но подобная ситуация возникает, когда историки хотят, но не могут понять содержания документа. Некоторые заблуждаются совершенно искренне, Гораздо сложнее, когда за дело берутся варвары вроде Миллера, Шлецера и им подобных. Они не утруждают себя казуистическими трактовками древних летописей, они их уничтожают, они не пишут труды по истории, они их фальсифицируют. И чем древнее фальшивка, тем сложнее ее разоблачить. Но, по моему убеждению, разоблачить можно любую фальсификацию, потому что идеально сфабриковать документ и идеально вписать его в действительную историю просто невозможно.

Моя фамилия, вероятно, известна некоторым читателям в связи с разоблачением фальсификации так называемых секретных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа (см. А. Кунгуров. «Секретные протоколы, или кто сфальсифицировал пакт Молотова — Риббентропа». М.: Алгоритм, 2009 г.). В этой связи я встречался с профессором Берндтом Бонвитчем, дирек-

тором Германского исторического института в Москве. Речь зашла о широко известной карте раздела Польши с росписью Сталина. Выслушав мои доводы в пользу того, что карта эта является фальшивкой, и даже известно целых четыре совершенно различных ее изображения, профессор лишь снисходительно улыбнулся: «Мало ли что гуляет по маргинальным интернет-сайтам. В Германии эта карта опубликована в солидных изданиях, и никто ее подлинность сомнению не подвергает».

Через пять минут герр Бонвитч уже демонстрировал мне одно из таких солидных изданий, где в хорошем качестве была репродуцирована упомянутая карта — пятый из известных мне сегодня вариантов. Качество полиграфии было настолько хорошим, что без труда можно было заметить: карта исполнена на... польском языке. Вот и скажите мне на милость: это Риббентроп прилетел из Берлина в Москву с польской картой, или Сталин специально держал ее у себя, чтобы советские и германские дипломаты, не знающие польского языка, побольше путались при проведении новой границы[1]? Возникни нужда в карте Польши или любой другой части планеты, ее бы мгновенно доставили из Военно-топографического отдела Генштаба РККА.

Вопрос в том, почему историки, в упор смотревшие на эту карту, не замечали такой вопиющей странности? Странностей на ней еще было немало, но польская топонимика просто бросалась в глаза, выдавая очередную подделку. Хотя, какая выгода историкам разоблачать нелепые поделки своих же коллег? Сегодня ты разгромишь глупую книжонку профессора N, а завтра этот профессор будет председательствовать на ученом совете, призванном дать оценку твоей диссертации. После аттестации, данной мстительным профессором N, на твоей научной карьере будет поставлен крест. Все «ученые»-историки связаны друг с другом неразрывной КРУГОВОЙ ПОРУКОЙ.

---

[1] Путаница могла возникнуть весьма серьезная, ведь по версии польской картографии река Буг впадает в Нарев, а на русских картах совсем наоборот. Но поскольку фальсификаторы при фабрикации «секретных протоколов» пользовались польскими картами, география там несколько отличается от географических привязок в несекретных советско-германских соглашениях

Поэтому споры и дискуссии органически чужды для этой «научной среды» несмотря на то, что сами историки зачастую не более дружелюбны, чем пауки в банке.

Неужели все и вся в исторической науке сфальсифицировано и извращено? Нет, далеко не все события представляют интерес для фальсификаторов. Возьмем, например, Бородинское сражение. Различаются лишь трактовки его результатов. Французы справедливо полагают, что Наполеон одержал в Московской битве (так они ее именуют) блестящую победу, отечественные историки жеманно заявляют, что, дескать, сам Наполеон не считал сражение выигранным, покуда неприятельская армия не разбита, а потому русские при Бородино не потерпели поражения. Дескать, была ничья в пользу русских. И отступление Кутузова было вовсе не отступлением, а мудрым стратегическим маневром, обеспечившим в конечном итоге крах Великой армии. Тем не менее нет никакой нужды стирать из истории Бородинскую битву или кардинально переписывать ее результаты и значение.

Нужно ли извращать представления о Полтавском сражении? Почти 300 лет в этом не было необходимости. Заказчика не было. А теперь он появился, и на «незалэжной» Украине Полтавская баталия начинает превращаться в битву украинских патриотов-мазепинцев за независимость своей державы с проклятыми московскими оккупантами. Правда, украинским «вчэным» несколько мешают шведы. Но, думаю, лет за двадцать, если правительство не будет экономить на пропаганде, им удастся вбить в головы украинских школьников, что благородные шведы оказались под Полтавой исключительно для того, чтобы помочь миллионам свободолюбивых украинцев скинуть ненавистное москальское иго. Это, конечно, будет история лишь для местного употребления, и весь остальной мир ее не признает, но сие обстоятельство гордых потомков древних укров никогда не останавливало.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ — ГЕРОЙ КАРЕЛЬСКИХ И СИБИРСКИХ СКАЗОК

Сегодня официально признана доктрина Соловьева и Ключевского о бегстве населения из Юго-Западной Руси в Галицкие земли, и главным образом, на северо-восток, в Поволжье (правда, совсем не понятно, зачем бежать туда, где «монголо-татары» лютовали более всего). Именно этим историки объясняют преемственность московской культуры по отношению к киевской.

Каждый народ создает свой поэтический эпос: у древних русичей это былины, наиболее известны из которых сказания о подвигах «младших богатырей» — Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича. В современных версиях этих сказаний, собранных всего пару столетий назад, фигурируют «стольный град Киев», «киевские князья», «половцы, печенеги» и прочие персонажи, которые хорошо привязываются к Приднепровью. Илья хоть и Муромец, но служить непременно едет, а точнее, продирается по бездорожью через дремучие леса, к киевскому двору, учинив по пути разборку с Соловьем-разбойником. Как будто по соседству нельзя было подыскать ни одного подходящего князя и устроиться к нему на службу. Почти все известные «старшие богатыри» — Святогор, Вольга Святославич, Микула Селянинович и другие тоже служат почему-то исключительно князю Владимиру, по легенде крестившему Русь.

Это явно искусственная привязка, так как трудно предположить, что после богатыри внезапно перевелись. Исследователь фольклора Алексей Дмитриевич Галахов в «Истории русской словесности» приводит такую статистику: известных на

конец XIX в. былин киевского цикла собрано: в Московской губернии 3, в Нижегородской 6, в Саратовской 10, в Симбирской 22, в Сибири 29, в Архангельской 34, в Олонецкой до 300 — всех вместе около 400. На Украине же не найдено следов ни одной былины о Киевской Руси! И почему-то в северном Олонецком крае их собрано аж три сотни. Неужели все древнерусские баяны-сказители сбежали именно в Карелию?

Закономерно возникает вопрос: каким это образом народ, несколько веков живущий в бассейне Волги и Поморье, сохранил четкие воспоминания о легендарном киевском периоде русской истории, а о славной московской эпохе ярких былин не сложил? Разве такое возможно? Это все равно как если бы мы сегодня энергично славили героев Куликовской битвы: снимали бы о них фильмы, ставили пьесы, печатали книги, а о Сталинградском сражении даже не вспоминали. Объяснение сего феномена предельно простое. Литераторы, записывавшие народные сказки и былины, имели уже «правильное» представление об истории, и корректировали устное народное творчество в соответствии с устоявшимися стандартами. То есть, если в былине пелось: «и поидоша Илия ко велико князе, отстояти землю русскую супротив поганых», то собиратель фольклора записывал: «и поехал Илья Муромец чрез дремучие леса да широкие поля в стольный град Киев поклониться великому князю Володимиру Ясну Солнышку, да служить ему верой-правдою: постоять за землю русскую, и веру православную против поганых татар». Если даже в рукописи записано было и не так, то редактор сборника былин лет через сто обязательно вносил нужные правки, поскольку он лучше знал, какому князю должен служить Муромец и против кого биться. Ну а после публикации подредактированные сказания начинали жить собственной жизнью, становились широко известными и быстро вытесняли изустные предания. Так или иначе, но сегодня мы знаем уже не сами народные былины, а их современную литературную интерпретацию.

В Киево-Печерской лавре находится гробница преподобного Илии Муромца с его нетленными мощами. Однако, по бытующему еще с XVI в. преданию, этот богатырь имел прозвище Чоботок (якобы потому, что он однажды отбился от врагов са-

погом — чоботом). Первые письменные сведения о нем происходят из XVII в. В 1638 г. в типографии лавры издается книга «Тератургима» монаха Афанасия Кальнофойского. Автор, описывая жития святых лаврских угодников, уделяет несколько строк и Илье, уточняя, что богатырь жил за 450 лет до написания книги, то есть в конце XII в. В 1643 г. Илия был канонизирован. При этом удивление вызывает то, что в Киево-Печерском патерике жития преподобного Илии отсутствуют. Любопытно, что рука мумии сложена в троеперстном крещении, то есть так, как это было принято после никоновой церковной реформы. Этот факт использовали в пропаганде против старообрядцев. Проведенной в 1963 г. судмедэкспертизой было установлено, что мумия принадлежит человеку монголоидной расы, а ранения (грудь и левая рука у него пробиты копьем) имитированы монахами лавры.

Однако нас интересует не литературный и религиозно-пропагандистский, а исторический аспект, а именно то, насколько связаны русские былины с Киевщиной? М. Колосов в «Заметках о языке и народной поэзии», вышедших в 1877 г., пишет, что на предполагаемой эпической родине Ильи Муромца, в представлении крестьян села Карачаевский Илья Муромец стойко ассоциируется с Ильей-пророком, причем в рассказах этих крестьян об отношении Ильи Муромца к Киеву и князю Владимиру совершенно не упоминается.

Крупнейший авторитет в данном вопросе — основоположник исторической школы в фольклористике Всеволод Миллер[1] сообщает очень любопытную информацию: «... *лишь немногие былинные сюжеты с именем Ильи Муромца известны за пределами губерний Олонецкой, Архангельской и Сибири. За пределами названных областей записаны доселе только немногие сюжеты: а) Илья Муромец и Соловей-разбойник; б) Илья Муромец и разбойники; в) Илья Муромец на Соколе-корабле и г) Илья Муромец и сын. В средних и южных частях Великороссии*

[1] *Миллер Всеволод Федорович* (1848—1913), российский фольклорист, языковед, этнограф, археолог, академик Петербургской АН (1911). Профессор Московского университета (с 1884); директор Лазаревского института восточных языков в 1897—1911.

известны только былины без прикрепления И. Муромца к Киеву и князю Владимиру, и наиболее популярны сюжеты, в которых играют роль разбойники (Илья Муромец и разбойники) или казаки (Илья Муромец на Соколе-корабле), что свидетельствует о популярности Ильи Муромца в среде вольнолюбивого населения, промышлявшего на Волге, Яике и входившего в состав казачества. Прозаические рассказы об Илье Муромце, записанные в виде сказок в Великороссии, Малороссии, Белоруссии и Сибири и перешедшие от русских крестьян к некоторым инородцам (финнам, латышам, чувашам, якутам), также не знают о киевских былинных отношениях Ильи Муромца, не упоминают князя Владимира, заменяя его безымянным королем; содержат они почти исключительно похождение Муромца с Соловьем-разбойником, иногда и с Идолищем, называемым Обжорой, и приписывают иногда И. Муромцу освобождение царевны от змея, которого не знают былины об Илье Муромце» (Энциклопедия Брокгауза и Ефрона).

То есть, по Миллеру, сказания о Муромце следует относить к более позднему периоду и совершенно иной географической локализации — казачьим областям Поволжья, Яика, Сибири, Карелии и Побережью Северного Ледовитого океана. Кстати, и само слово «богатырь» не несет в себе никакой киевской специфики. Возможно, это производное от тюркских слов *«багхатур», «багадур», «батур», «батырь», «батор»,* хотя не исключено и обратное заимствование. Те же поляки, например заимствовали слово «bohater» явно из русского, так как подобная фонетическая конструкция не типична для польского языка.

Какой эпос мы находим у современных украинцев? Это главным образом, «Думы» о похождениях казаков Байды, Голоты, Кишки и других. Весьма любопытно, что одного из популярных фольклорных персонажей звали козак Мамай. Исторически сии сказания достаточно явно привязаны к событиям XVI—XVII столетий, а о легендарном периоде Киевской Руси в малороссийском фольклоре нет никаких упоминаний.

Но ведь есть множество древних летописей, повествующих об «изначальной» Киевской Руси — возразит мне осведомленный читатель. Во-первых, источников не такое уж и

множество — всего один — «Повесть временных лет»[1], известная в нескольких списках, самой ранней из которых почитается Радзивиловский (Кенигсбергская летопись). Во-вторых, это не оригинальные произведения, а, как считается, очень поздние (XIV—XVI вв.) компиляции якобы очень древних летописей, ни единая из коих не сохранилась до наших дней. В-третьих, до нас дошли даже не сами летописные своды, а различные варианты их бумажных списков, сделанные не ранее XVII—XVIII вв. Это, повторюсь, взгляд официальной исторической «науки».

Если же копнуть вопрос поглубже, обнаружится много странностей. Например, Кенигсбергская летопись поступила в распоряжение русских историков только в 1760 г. (с 1713 г. известна весьма некачественная копия, сделанная по распоряжению Петра I) — и это единственный источник о призвании варягов на Русь, на котором целиком базируется вся так называемая норманнская теория происхождения династии Рюриковичей. Между тем Кенигсбергская рукопись являет собой настолько грубую подделку, стилизованную под старину, изобилующую подчистками, вклейками, изъятиями страниц, смысловыми разрывами и нелепицами в текстах, что ее не подверг уничтожительной критике разве только ленивый.

Другие известные нам списки «Повести временных лет», найденные впоследствии — Лаврентьевский и Троице-Сергиевский, — обнаружены в разных местах, однако почти дословно совпадают с Кенигсбергской летописью, чье повествование обрывается 1206 г. Дальнейшее же летописание в разных списках абсолютно не совпадает. Объяснение этому может быть только одно — они списаны именно с Радзивилловского списка. Поэтому нет ничего удивительного в том, что их реальная история не прослеживается ранее XVIII столетия. Другой известный список «Повести временных лет» — Троице-Серги-

---

[1] В Ипатьевском списке непосредственно к «Повести» прилегает так называемая Киевская летопись, охватывающая события 1118—1200 гг. Открыт Ипатьевский список очень поздно — две его основных версии обнаружены в 1807 г. (Ипатьевский Академический) и 1809 г. (Хлебниковская летопись). Происхождение самого раннего из четырех известных списков, восходящих к Хлебниковской летописи, датируется примерно 1620 г. (Погодинский список).

евская летопись — безусловно сделан именно с Кенигсбергской летописи. Последняя характеризуется тем, что некоторые тетради ее неправильно сшиты, некоторые листы перепутаны местами, имеются поздние вклейки. Троице-Сергиевский список переписан таким образом, что сохраняется даже неправильная последовательность листов!

К сожалению, большинство «профессиональных» историков умственно очень ленивы, и поскольку считать Кенигсбергскую летопись за серьезный документ сегодня никак нельзя, они просто не ссылаются на нее, но при этом не спешат подвергать ревизии устоявшиеся взгляды на древнюю русскую историю, сформированные в XVIII в. придворными немецкими историками Миллером, Шлецером и Байером.

МОГ ЛИ КИЕВ БЫТЬ СТОЛИЦЕЙ РУСИ?

Итак, надо честно признать — мы не имеем сегодня никаких письменных источников о существовании мифической Киевской Руси кроме «Повести временных лет» счастливо обретенной как раз в тот момент, когда по заказу российского императорского дома создавалась официальная версия древней русской истории. Один-единственный источник, известный в копиях XVIII в. — это, согласитесь, более чем очень мало.

В этом случае мы можем выдвигать лишь предположения относительно возможности существования Киевской Руси, руководствуясь косвенными сведениями и элементарной логикой. Давайте попробуем гипотетически рассмотреть вопрос о самой возможности возникновения в Приднепровье мощного древнего государства. Первый вопрос, который приходит на ум: какова вероятность, что центром огромного древнерусского государства был Киев? Вероятность эта ничтожно мала. Столица любого государства обычно располагается в центре страны (иначе она будет очень уязвима для вторгшегося врага), либо на пересечении путей сообщений.

Из столицы нужно иметь возможность быстро добраться до любого уголка государства, иначе нормально управлять страной в условиях отсутствия телеграфа, телефона, радио и Интернета просто невозможно. Это называется транспортной связностью. Киев же располагался как раз на самой окраине русских земель и не имел удобных путей сообщения с большинством русских городов — Новгородом, Ярославлем, Москвой, Владимиром, Полоцком и т. д. Столица государства в Средние века являлась обычно торговым центром, находясь на пересечении международных торговых путей, то

есть стольный град стоял либо на морском побережье, либо на крупной реке. Да, Киев стоит на реке Днепр, но кто и с кем торговал по Днепру? По притокам Днепра можно подняться в область Полесья, Припятских, Пинских и прочих «партизанских» болот, слабо освоенные даже к XX в. Транзитная международная торговля по Днепру представляется делом совершенно бесперспективным.

Историки, правда, с умным видом рассуждают о некоем «пути из варяг в греки» через Новгород на Волхове и Киев. Попробуйте оценить его рациональность, учитывая, что торговые коммуникации в те далекие времена были почти исключительно водными. Сначала из Балтики нужно попасть в Финский залив, плывя на восток, войти в Неву и по ней плыть на северо-восток до Ладоги, далее повернуть на север, и, идя вдоль выгнутого дугой берега, зайти в Волхов, а по нему грести в юго-западном направлении до озера Ильмень. Из Ильменя по реки Ловати подняться до впадения в нее Куньи, от верховьев этой реки волоком несколько километров до Усвячи или озера Двинье, откуда следует спуститься по Западной Двине до впадения в нее реки Межи, а по ней плыть в обратном направлении вверх по течению до ее верховьев, откуда снова волоком можно доперлеть к истокам Днепра, по нему спуститься до опасных днепровских порогов, где нужно снова тащить суда по суше. Любопытно, что по пути от Волхова до Днепра придется перепрыгивать Западную Двину (Даугаву) — судоходную реку, впадающую прямо в Балтийское море (у ее устья стоит древний торговый город Рига), но варягов это не должно смущать — ведь настоящие герои не ищут легких и прямых путей, а всегда идут в обход.

Куда удобнее будет маршрут из Балтики в Черное море по реке Западная Двина до Полоцка. Выше его в Западную Двину впадает река Улла, до верховьев которой и следует подняться. Там волоком около 5 км, если верить карте, до истока Друти, которая впадает непосредственно в Днепр у города Рогачев Гомельской области. Я ни за что не поверю, что варяги, которым зачем-то приспичило двинуть в греки, не подозревали об этом пути. На худой конец сгодится и маршрут Неман — Березина (приток Немана) — Свислочь — Березина (приток Днепра) — Днепр.

Но торговый путь с севера на юг через Киев все равно никак не мог пролегать, поскольку ниже Киева судоходство затрудняли опасные пороги. Хотя, слово «затрудняли» не очень уместно в данном случае. По сути, на протяжении десятков километров от Екатеринослава (Днепропетровска) до Александрова Днепр был несудоходен для тяжело груженных торговых судов. Гийом Боплан в своей знаменитой книге «Описание Украины» пишет: *«Плодородие почвы доставляет жителям хлеб в таком изобилии, что нередко они не знают, что с ним делать, тем более, что у них нет судоходных рек, впадающих в море, за исключением Днепра, который в 50 милях ниже Киева прегражден тринадцатью порогами, последний из которых отстоит от первого на добрых семь миль, что составляет целый день пути, как это видно на карте. Это преграда препятствует им сплавлять свой хлеб в Константинополь»*[1].

Странно, что в XVII столетии несудоходной считалась река, по которой пятью столетиями ранее проходил международный торговый путь. Допустим, купцов не пугала перспектива тащить свои суда волоком десятки верст или разбивать их на порогах, и они действительно пользовались ужасно неудобным днепровским путем, чтобы попасть с Севера в Черное море. Тогда, по идее, в устье Днепра должен был находиться крупный морской порт и крепость, дабы неугодные киевским князьям людишки по реке не шастали. Что вам известно о существовании этого порта? Мне, например, ничего. Хотя в будущем османы действительно построили в месте соединения Днепровского лимана с Черным морем важную в стратегическом отношении крепость Ачи-Кале, запирающую выход в море из Южного Буга и Днепра. Во время войны с турками князь Потемкин почти полтора года осаждал ее, пока не взял штурмом в декабре 1788 г. С 1792 г. Ачи-Кале носит русское название Очаков. В устье Днепра ныне находится еще один крупный город — Херсон, но он основан как русская военная крепость только в 1778 г. В 1784 г. на берегу Днепровско-Бугского лимана была заложена крепость, от которой получил начало г. Николаев.

---

[1] http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan/text1.phtml?id=189

Конечно, историки тоже не все дураки, и потому они додумали древнерусский торговый порт в устье Днепра, объявив, что, дескать, на месте маленького городка Алешки (основан в 1784 г., город с 1854 г., ныне называется Цюрупинск), появившегося на месте казачьей сечи (1711—1728 гг.), в XI столетии стоял богатый торговый город Олешье. Доказательств, как водится, никаких не представлено. Археологические находки во множестве своем убеждают лишь в том, что казаки в начале XVIII столетия действительно имели здесь укрепление. Что любопытно, первоначально возникшее в конце XVII в. поселение называлось Днепровск, и лишь потом было переименовано в честь мифического древнерусского Олешья. Топонимику при желании легко можно подогнать под исторические мифы.

Разумеется, важный торговый путь притягивал всякого рода разбойников. Для охраны его вдоль берега должны были стоять укрепленные военные поселения, с постоялыми дворами, где купцы могли в безопасности ночевать. Эти поселения неминуемо со временем превратились бы в достаточно большие города. Какие вам известны древнерусские днепровские города? Ниже Киева в ста с лишним километрах только маленький Канев (сегодня его население всего 28 тысяч человек), а выше по реке Любеч (ныне поселок), Рогачев (маленький районный городок), Орша, и в верховьях реки Смоленск. Это знаете ли, очень мало, особенно если учесть, что Древнюю Русь скандинавы называли Гардарикой — страной городов. Разумеется, днепровские пороги на всем протяжении должны были быть особенно защищены крепостями, чтобы суда на волоках не подвергались нападениям сухопутных разбойников. Что вам известно о тех укреплениях?

В древности торговый город — это не только место совершения сделок, но и мыт — то есть место осуществления таможенного сбора. Историки из кожи вон лезут, пытаясь убедить нас, что древний Киев был местом, где «таможня давала добро» купцам, следующим из варяг в греки. Дескать, даже в докиевские времена купцы здесь дань за проезд платили. Вот что пишет академик Борис Рыбаков в своей работе «Город Кия»: *«Предположение о «таможенных сборах» в окрестностях будущего Киева подкрепляется большим количеством находок кра-*

сивых бронзовых предметов, украшенных многоцветной выемчатой эмалью. Фибулы, декоративные цепи, детали питьевых рогов компактной массой встречаются на пространстве от устья Десны до Росси»[1].

Ну что ж, Рыбаков — академик, а потому ему позволительно писать чушь. Везде таможня требовала с купцов денег, а киевские или докиевские таможенники были очень добрые — брали проездную пошлину питьевыми рогами. Наверное, потому что выпить любили. Впрочем, я очень благодарен Рыбакову хотя бы за то, что он не врал, как современные «украинськи вчэни», а сообщал, хоть и в завуалированном виде, правду: мытной монеты под Киевом не находят, в изобилии встречаются лишь бронзовая домашняя утварь да декоративные цепи. Полностью исключают гипотезу о торговом пути из варяг в греки и данные скандинавской археологии. «Византийские» монеты в местных археологических комплексах занимают более чем скромное место — много менее 1%. Зато большое количество серебряных дирхемов свидетельствует об активной торговле с русскими по Волге. Да и в самом Киеве ромейская монета встречается на порядок реже, чем те же дирхемы.

Мировым торговым центром Киев, конечно, быть не мог ни при каких обстоятельствах, разве что региональным. Мог ли он играть роль политического центра Руси (как Вашингтон в США)? Очень я в этом сомневаюсь. Вокруг всякой столицы неизменно возникали города-спутники, точнее крепости, впоследствии разраставшиеся до городов, защищающие подступы к столице со стороны важнейших дорог и речных путей. Вокруг Москвы существует знаменитое Золотое Кольцо — целое созвездие городов и хорошо укрепленных монастырей. Вокруг Петербурга цепь мощных фортов, крупных пригородов. Со стороны моря вход в Финский залив преграждали Кронштадт, Ревель (ныне Таллинн) и Гельсингфорс (ныне Хельсинки). Список можно продолжать долго. Киев же всегда был слабо защищен, отчего во время всякой войны легко переходил из рук в руки. В гражданскую там вообще власть менялась чуть

[1] *Рыбаков Б.* Город Кия // «Вопросы истории», 1980 г., №5.

не каждую неделю. Да и в самом Киеве мы не находим даже намека на существование мощной цитадели, соответствующей статусу столичного города, вроде московского кремля, пусть даже и меньше масштабом — например, на уровне кремля нижегородского или псковского.

Известные нам фортификационные сооружения в Киеве появились довольно поздно — в конце XVII — начале XVIII вв.: гетман Самойлович обвел Киево-Печерскую лавру земляным валом, а гетман Мазепа — каменной стеной. Замок, в котором располагалась резиденция литовских воевод, в Киеве имелся, однако, как считается, сгорел дотла в 1605 г. После пожара он был восстановлен киевским воеводой Станиславом Жолкевским, но опять же из дерева. В то время, когда осадная артиллерия могла разрушать даже каменные укрепления, крепостью он мог считаться лишь условно. Кстати, горожане неоднократно обращались к воеводам с просьбами о поддержании замка в надлежащем порядке, ибо в случае нападения неприятеля укрыться было совершенно негде. Это красноречиво свидетельствует о том, что Киев, если и был к тому времени городом, то совершенно незначительным. Поляки, правда, имели план строительства каменного форта в Киеве, но он так и остался на бумаге. После присоединения города к России, деревянный замок (точнее будет назвать его, пожалуй, острогом) был постепенно разобран киевлянами для хозяйственных нужд, ибо как оборонительное сооружение, ценности никакой не представлял, что было зафиксирована в официальных бумагах специальной военной комиссией.

Древние города имеют очень характерную особенность в планировке: они разрастаются радиально вокруг цитадели, от которой собственно, и ведут свое начало. Посмотрите на план Москвы, Смоленска, Ярославля, Астрахани, Нижнего Новгорода, Риги, Парижа — это типичные образцы средневековой урбанистики. После изобретения артиллерии крепости утрачивают свое былое значение, и вновь возникающие города уже имеют совсем иную, правильную, рациональную геометрическую структуру. Города разрослись и большее значение теперь придается не защите его мощными стенами, а удобству передвижения по улицам. План Киева говорит о нем, что го-

род стал большим уже в позднее время. Неправильность его исторической части объясняется не древним происхождением, а изрезанным оврагами ландшафтом.

Конечно, историки на это уже давно придумали отговорку — Киев, дескать, во время монгольского нашествия пришел в упадок, многажды был сожжен, разрушен и обезлюжен. Но почему он не воскрес и не воссиял в последующие века? Та же Москва сгорела в 1812 г., и ничего — быстро отстроилась. Сколько раз она горела ранее, вообще не счесть. А Киев, дескать, как захирел в незапамятные времена, так и прозябал вплоть до советских времен. Все население Киева в 1894 г. составляло 188 тысяч человек. Совсем молодая Одесса имела уже в 1873 г. население больше — 193 тысячи человек. В Харькове в 1901 г. числилось 198 тысяч жителей. В Москве к концу XIX в. жило около 800 тысяч человек, Петербурге (с пригородами) — 1,35 миллиона. То есть Киев даже в конце XIX в. был не самым значительным губернским городом России, несмотря на то, что уже являлся важным железнодорожным узлом.

Причина та же — он лежал в стороне от магистральных транспортных артерий и экономических центров даже тогда, когда бурно осваивалась Новороссия и южный промышленный район. Мало кто сейчас помнит, но даже столицей Советской Украины до 1934 г. был Харьков, где и на мове-то почти никто не говорил. Действительно большим, по-столичному красивым мегаполисом Киев стал только в послевоенное время. Торжественный архитектурный ансамбль Крещатика был сооружен в 1947—1954 гг. Старый Крещатик тоже был весьма колоритен, но очень уж провинциально выглядел.

В давешние времена Киева, как цельного поселения, вообще не существовало. В конце XVIII столетия на месте современного города находились три разнесенных поселения — Киево-Печерская крепость с предместьями; в двух верстах(!) от нее находился Верхний Киев; в трех верстах(!) лежал Подол. Согласно «Географическому описанию города Киева, сочиненному Киевскаго гарнизона поручиком Василием Ивановичем Новгородцовым», «*...Старый или Верхний город Киев состоит в четырех отделениях, которые обведены земляным валом с нарочито глубокими рвами и называются Андреевским,*

Софийским, Михайловским и Печерским отделениями. Во всех отделениях находятся ныне: в Андреевском — каменных церквей — 3; в Софийском — мужеский каменный монастырь — 1, церквей: каменная — 1, деревянных — 3; в Михайловском — мужеский каменный монастырь — 1; в Печерском — церковь деревянная — 1, за городом церковь деревянная — 1; казенных домов: каменных — 3, деревянных — 4, партикулярных дворов деревянных — 682».

В Киево-Печерской крепости (лавра была ее составной частью) и предместье Новгородцев зафиксировал наличие двух мужских монастырей, 8 каменных церквей и 3 деревянных. Ревизор насчитал 9 казенных каменных и 27 деревянных зданий, а также, включая предместье, 1095 партикулярных (гражданских) дворов.

Самой населенной частью был Подол: *«В городе Киево-Подоле строения: монастырей мужеских: каменной — 1, деревянных — 2, женской каменной — 1; церквей: каменных — 9, деревянных — 11; магистратского строения: каменнаго — 4, деревяннаго — 1; обывательских дворов: каменных — 3, деревянных — 1926».*

Во всех трех поселениях таким образом насчитывается менее четырех тысяч жилых домов, или дворов, как тогда говорили, из которых аж целых три каменных. Таким образом число киевских обывателей составляло во времена царствования Екатерины II менее 20 с лишним тысяч человек, что явствует и из переписи того времени. Не густо, однако, но для райцентра вполне сойдет. Причем в Старом городе и Печерске в основном проживали служащие и отставные военные и штатские чины, а собственно аборигены селились большей частью на Подоле, где было немало греков и волохов (сербских румын). Впрочем, и там отмечалось большое количество отставных гусар и офицеров. Что характерно, ни о каких древних мегалитических сооружениях Новгородцев в своем подробном описании не упоминает, наоборот, акцентирует современность Печерской крепости: *«Киево-Печерская крепость построена по новой фортификации, с прибавлением нескольких наружных укреплений».*

О торговом величии тогдашнего Киева можно судить по такой фразе поручика: *«Купечества из мещан киевских, кои б имели большие капиталы, нет, кроме трех или четырех, а иные посредственный, лучше ж сказать, малой капитал имеют»*. Характер торговли носил далеко не трансконтинентальный характер: *«По реке Днепр весною и в межень, тож и осенью из великороссийских городов: из Брянска, Трубчевска, а из малороссийских: Новгородка-Северского и из других мест до Киева и до малороссийских городов Переяслава, Городища, Кременчуга и Переволочны с хлебом, с хлебным вином, железом полосным и чугунным, с конопляным маслом, диогтем, с веревками, рогожами, с медом, с ветчинным салом и деревянною посудою ходят барки, или так называемые байдаки, а из Польши в плотах строевой и дровяной лес, и прочие лесные припасы сплавляются... При городе Подоле есть пристань судам»*.

О товарах, идущих в обратном направлении, Новгородцев сообщает следующее: *«В Польшу и в Крым отвозят черную мерлушку, легковесную юфту, сало говяжее и по малому числу белых, серых и черных белок, также сибирок и суриков и несколько воску. Оттуда же привозят шелковые, суконные и бумажные товары, виноградное, волоское и других сортов вино и бакалею, також польскую ступочную и волоскую каменную и крымскую соль, называемую бузув, и прочие тому подобные товары. Из оных же отвозят большую часть в великороссийские близ лежащие города, также в Малороссию, в слободские полки и в Черкаск на Дон. Прочие же кормятся промыслом, продажею разных съестных припасов, а другие ремеслом и черною работою»*.

В общем, ничего выдающегося о небольшом пограничном городке Киеве, складывающегося из трех обособленных селений, поручик не сообщает.

КОГДА ВОЗНИК КИЕВ?

Когда вообще появился Киев? Очень-очень давно — хором утверждают историки: — Киев — матерь городов русских, упоминается в летописях с 860 г.[1] Насчет летописей мы уже вроде разобрались — столь древних письменных источников не существует. Самым древним дошедшим до нас русским письменным памятником считается «Остромирово Евангелие», обнаруженное в 1805 г. среди вещей императрицы Екатерины II и датируемое серединой XI в. Так называемые «Изборники Святослава» считаются написанными в 1073 и 1076 гг. Впрочем, датировка их вызывает большие сомнения, скорее всего, это артефакты более поздней эпохи.

В 2000 г. были обнаружены навощенные дощечки с процарапанными на них буквами — «Новгородская псалтырь». Эту находку историки датировали началом XI столетия методом стратиграфии, то есть по глубине залегания в грунте. Выходит, что если бы она лежала сантиметром выше, то «Новгородская псалтырь» уже не была бы самым древним русским письменным памятником. Не стоит говорить, что научным такой метод датировки можно назвать условно, а о его точности говорить вообще не приходится (ниже о стратиграфии мы поговорим подробнее). Объективно «Новгородская псалтырь» вполне могла принадлежать и XVII в.

Но все описанные выше письменные памятники, даже если не подвергать сомнению верность их датировки, являются богослужебными книгами, не содержащими сведений об исторических событиях. Впрочем, древние хроники, даже ори-

---

[1] Так вам ответят «ученые» в РФ, а «украиньски вчэни» исчисляют возраст Киева в 1525 лет.

гинальные, вряд ли смогут уверенно прояснить этот вопрос. Начнем с того, что сегодня известно 16 населенных пунктов с названием Киев (Киево), как о том сообщает Михаил Брайчевский в своей работе «Когда и как возник Киев». Особенно часто название Киев, Киевец встречаются в Польше. Названия рек (гидронимы) Кия, Киянка встречаются в Польше 15 раз. Так что ничего удивительного нет в том, что в малопольской украйне в XV—XVII вв. мы видим городок Киев.

Древняя легенда гласит, что город был основан перевозчиком по имени Кий. Виктор Янович в книге «Великая Скифия. История докиевской Руси» так комментирует распространенность топонима Киев (Киево, Киевец): *«Село Киево имеется в земле Хелмской, в Средском уезде их — два. В Иноврощлавском уезде, кроме Киево, имеется также населенный пункт Киевица и село Киевская Воля. На территории Пенчковского уезда имеются села Кияны и Кии. Села с названием Киев есть в Ново-Радомском уезде и в Силезии. В Мазовше есть село Киевицы. Села Кияны имеются в Западной Волыни и в южных районах Литвы. Села с названием Киевец — в уездах Слуцком и Бяльском. Город Киев есть в Моравии, село Киев — в Венгрии. Село Кий есть в сербской Лужице, поселок Киево — в крае Косово. На карте же, составленной С.М. Трубачевым, подобных поселений показано более шестидесяти.*

Нелепо думать, что у каждого из них был свой Кий-основатель. Не менее нелепо считать, что все они названы так в честь столицы Киевской Руси выходцами из нее. Остается предполагать, что слово «киев» отражало какую-то специфическую особенность или функцию соответствующих поселений. Вероятнее всего, следующую.

Известен способ переправы через реку на лодках и плотах, когда вместо весел используют кий (жердь), которым отталкиваются от дна. Таким образом можно перевозить груженые телеги, скот. В некоторых местах на Украине занятие таким перевозом является промыслом и называется «киюванням».

От подобных перевозов могли получить свои названия многочисленные тезки Киева, стоящие на малых речушках, но не Киев на Днепре. Глубина Днепра слишком велика, а течение сильно для такого способа перевоза»[1].

---

[1] http://www.istorya.ru/book/skifia/02.php

По мнению Яновича название Киева произошло от понтонного моста, который настилался поверх лодок. Лодки же удерживались на течении, будучи привязанными к сваям, вбитым в речное дно, которые так же именовались киями. Все сооружение именовалось киев перевоз. Словарь Даля сообщает, что кий — на старых юго-западных русских наречиях означает палка, трость, посох, жезл; костыль, комлястая палка, дубина, палица. Приводит Владимир Иванович и такое архаическое значение слова: кий — булыжник, с вицевою обвязкою, для забойки им кольев в рыболовных заборах. Слово «киянка» вполне возможно означало в старину кувалду для забивки киев. В Киеве на подоле есть река Киянка. Янович полагает, что ее название произошло от того, что ее берега укреплялись от размыва сваями — киями.

Автор этой гипотезы считает, что киев перевоз существовал лет за двести до Нестора-летописца, который почему-то о нем ничего не сообщает, а вновь построен был лишь в XVII столетии. Версия о том, что киев перевоз был, а потом куда-то пропал на несколько веков, мягко говоря, не очень убедительна. Следует хотя бы объяснить, почему в нем отпала нужда. То, что киев перевоз существовал в конце XVII столетия, подтверждается картой, выполненной в 1695 г. (авторство ее приписывается стольнику Ивану Ушакову). На ней мы видим схематическое изображение именно понтонного моста, удерживаемого киями. О существовании здесь подобного сооружения в древности нет никаких сведений.

Алексей Бычков в книге «Киевская Русь. Страна, которой никогда не было?» проанализировал несколько сходных легенд основания Киева, имеющих разную географическую и хронологическую локализацию. Приведу несколько фрагментов из его сочинения:

«430 год. Тремя братьями — Кыем, Чехом и Хоривом — был на Дунае у устья реки Морава заложен град Киев, существующий и до сих пор. Он и ныне стоит там, где стоял — в Венгрии, и называется у венгров Кеве...

...570 год. «В лето по рождеству Христову 570 пришельцы и обитатели суть седоша по Днепру; старейшина же у них в то время бе именем Полемон, и во имя того старейшины про-

звашася «полемоняне», а оттуду паки начаша зватися «поляне», потом «поляцы» (Рукопись ПБ F IV № 218, л. 90)[1].

854 год. «В лето 6362 бяху три брата, единому имя Кый, второму Щек, а третьему Хорив, а сестра у них бе именем Лыбедь... Беяху же неверии и много тщание имуще к идолом».

Итак, в 854 году появились три брата: Кий, Щек и Хорив, которые вместе с сестрой своей Лыбедью пришли на Украину и поставили малый городок Киевец, как гласит предание.

982 год. «В то время быша в Великом Новгороде три брата кижики Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь. И се братеники и с сестрою их люти разбойницы великую пакость новгородцем творяще. Новгородцы же яша их 30 человек, вси храбри и мочни вельми, осудиша их повесити. Кий же с братию своею моляша князя Ольга со слезами, дабы их отпустил и обещастася ити, иде же несть вотчины и державы.

Олег же умилосердеся над ними, отпусти их. Они же идошша от Великого Новаграда два месяца и приидоша на реку Непр... и нача землю пахать своими рукама и славно жить, и к ним прихожаху многие и трудихуся тут. И потом созда градец, имя ему Киевец. В лето 6490 по убиении Кия великий князь Олег пришел и заложи град Киев Великий и по начальному имени и».

Из приведенных фактов понятно, что было три состава братьев со схожими именами. Первый состав — Кий, Чех и Хорив (основатели западнославянских племен, поставивших первый Киев-Кеве). V век.

Второй — Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь (основатели городка Киевец, жили спустя четыре столетия после Кия, Чеха и Хорива). IX век.

---

[1] «Славяне, живусчие по Днепру, зовомии поляне и горяне, утесняеми бывши от казар, иже град их Киев и протчии обладаша, емлюсче дани тяжки и поделиями изнуряюсче, тии прислаша к Рюрику предниии мужи просити, да послет к ним сына или ина князя княжити. Он же вдаде им Оскольда и вои с ним отпусти. Оскольд же повоевав первое казар и иде к Царюграду в лодиях, но буря разби на море корабли его» (Иоакимова летопись // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. М.-Л., 1962. Т. 1). «Повесть временных лет» утверждает, что поляне названы так потому, что живут в полях. Однако вся территория полян находится на горах киевских, где они живут «в бору на горах». Вероятно, автор «Повести временных лет» считал, что бор на горах — это степной ландшафт. — *Прим. Алексея Бычкова.*

И третий — Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь (разбойники, изгнанные из Новгорода Олегом, но позже им же убитые, жили спустя еще одно столетие). Они поставили на Украине городок Киевец, на месте которого Олег поставил Великий Киев — столицу Украины. X век.

Как называлось государство, столицей которого был Киев? На этот вопрос отвечает Адам Бременский: «Киев — соперник царствующего Константинополя, славнейшее украшение Греции».

Напомню, сам Константинополь — славнейшее украшение Византии, которая называлась в то время «Ромеей».

Получается, что на Днепре было несколько Киевов. Первый поставил Кий-2, еще один поставил Олег на месте городка Кия-3. Но после Кия-2 и до Олега в Киев пришел и стал там править Рюрик, погибший в 879 году, задолго до строительства Киева Кием-3 и до закладки Киева Олегом. Выходит, Киев трижды закладывали Кии и один раз Олег, притом в каком-то из Киевов сидел Рюрик, хотя украинцы сей факт почему-то замалчивают».

Конечно, историки приведут «доказательства» в виде списков древних летописей, что все было совсем не так, а иначе. Древних летописей в очень поздних копиях такое большое количество, что с помощью оных можно «доказать» все что угодно. Например, арабский летописец XIII в. Мухаммад-ал-Ауфи сообщает о том, что русы (росы), возглавляемые своим вождем, носившим титул булдамир (Владимир?) приняли ислам и стали активно воевать с неверными, обогащаясь грабежом. Если мне потребуется доказать, что Владимир Святой был воином ислама, я легко это сделаю с помощью цитирования арабских источников, тем более, что они прекрасно согласуются с ромейскими хрониками. Мухаммад-ал-Ауфи упоминает, что ранее росы приняли христианство и сделались покорными грекам, однако без возможности грабить христиан дела у них пришли в упадок. Именно этим он объясняет их склонность к исламу[1].

---

[1] В сборнике «Древняя Русь в свете зарубежных источников» сказано лишь о том, что ал-Ауфи описывал принятие русами христианства. О том, что следующей фразой хронист сообщает о принятии ими ислама комментаторы решили умолчать. Это подлог конечно, но так историкам спокойнее.

Ромеи также упоминают о крещении воинственных разбойников росов в IX в. патриархом Фотием, что сделало их мирным народом. Однако уже через несколько десятков лет Константин Багрянородный[1] описывает диких нехристей-росов, которые учиняют страшное разорение в империи своими грабительскими набегами.

Если же летописи с нужной нам трактовкой не найдется, то ее вполне можно сделать самостоятельно или любую из существующих интерпретировать так, как надо. Например, писали арабы о богатом торговом городе Куябе? Так это они, ясное дело, о Киеве писали. О каком из множества? Да о каком хотите, о таком и думайте. Вот какую цитату из сочинения Абу Хамид ибн абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Анда-лузи, посетившего Русь в 1131—1153 гг., приводит Алексей Бычков в книге «Киевская Русь. Страна, которой не было?»: *«И прибыл я в город страны славян, который называется Киев. А в нем тысячи магрибинцев, по виду тюрков, говорящих на тюркском языке. А известны они в той стране под именем печенеги. И встретил я человека из багдадцев, которого зовут Карим ибн Файруз ал-Джаухари, он был женат на дочери одного из этих мусульман. Я устроил этим мусульманам пятничное моление и научил их хутбе, а они не знали пятничной молитвы».*

Автор считает этот текст свидетельством того, что в Киеве XII в. обитали тюрки-магометане (ага, обращенные в ислам их булдомиром). Но не проще ли предположить, что город, именуемый арабами «Куяб» — это в данном случае среднеазиатский Куляб? Там и тюрков проще найти, и мусульман. Арабский историк X в. ал-Масуднеи, утверждает, что основатель Киева Кий носил имя Куйя, и родом был из Хорезма. Так какой город имеют в виду арабы? Кува, Куй, Куява, Кипень — в этих топонимах при желании тоже можно увидеть Киев. Есть у Лондона пригород Кью — так наверняка его основали выходцы из Киева.

---

[1] *Константин VII Багрянородный* (905 — 959) — византийский император, философ, покровитель и издатель 53 компилятивных сборников (энциклопедий), автор сочинений «О фемах», «Об управлении империей», «О церемониях», «Жизнеописания Василия». В них он утверждал идею о праве Ромейской империи повелевать ойкуменой.

Летописям верить нельзя в принципе, даже если мы имеем дело с древним подлинником (что само по себе есть случай исключительный), а не с тенденциозно отредактированным позднейшим списком. В хрониках германских монастырей XII—XIII вв. каждый монастырь объявляет близлежащий городок столицей империи или германского королевства. Так что, всем им верить? Что касаемо Киева, то как показано на примере Гизеля, у киевских монахов был хороший мотив посочинять сказки о великом Киеве, матери городов русских, для реализации текущих политических задач. Тот же Иннокентий Гизель пишет о том, что династия Рюриковичей ведет начало от римских императоров, а московитов считает потомками библейского персонажа Мосоха. Этому тоже будем верить? Но тогда придется признать официальную версию русской истории шарлатанской. Поэтому весьма противоречивые древние письменные источники можно принимать во внимание лишь тогда, когда мы находим им убедительные подтверждения. Вот и давайте поищем доказательства существования могучего Киева, конкурирующего в своем блеске и величии с Константинополем.

КИЕВСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ: МАЛО НАХОДОК, МНОГО БАЕК

Предметы материальной культуры, которые гораздо красноречивее лукавых хроник, вполне могли бы сохраниться и поведать нам о киевской старине. Археологи весьма активно ковыряли в Киеве грунт, особенно в 50-х годах прошлого века. Откопали они множество черепков, железячек и прочей мелочевки. И тут же принялись наперегонки строчить научные труды, дабы поскорее получить звания профессоров и академиков. В целом они были солидарны — Киев о-о-оч-ч-ень древний, но в деталях, «ученые между собой расходились». Чтобы читатель представил себе те вопросы, которые волнуют археологов, приведу один абзац из статьи Э. Мюле «К вопросу о начале Киева»:

«Древнейшим заселенным районом Киева считается — не в последнюю очередь из-за своего благоприятного топографического положения — Замковая гора, обособленно возвышающаяся над уровнем Днепра на 70—80 метров. Заселение этого места, происходившее в третьей четверти I тыс., засвидетельствовано наряду с некоторыми прежними случайными находками (обломки керамики, амфоры, фибула, фигура льва, три византийские монеты), прежде всего культурными отложениями, открытыми в 1930-е и 1940-е годы. Под культурным слоем IX—X вв. обнаружился более древний слой, первоначально датированный VI—VII веками. Однако тщательный анализ керамики показал, что среди найденных фрагментов лишь незначительная часть принадлежит типу корчак VI—VII вв., а преобладающее число фрагментов относится к славянской керамике VII—IX веков.

Несмотря на это, П.П. Толочко датировал указанный древний слой сначала VI—VIII вв., а позднее даже V—VIII вв., хотя при раскопках в северной части горы только в одном из четырех шурфов были обнаружены фрагменты керамики VIII—IX веков. Толочко считает, что поселение, возможно уже в VI—VIII вв., было укреплено и его жители, судя по амфорам и монетам, поддерживали торговые связи с византийскими провинциями Северного Причерноморья. Поскольку поселение V—VIII вв. якобы имеет непосредственное продолжение в IX—X вв., Замковая гора рассматривается как древнейшее ядро более позднего города. Однако в отчете о раскопках 1940 г. вопрос о континуитете поселений оставлен открытым. В нем отчетливо отмечен стерильный слой глины, который находился между двумя указанными культурными прослойками.

М. К. Каргер, характеризуя период с середины V до второй половины VIII в. как самый темный период в истории Киева, относил поселение на Замковой горе только к VIII—X вв. и применил к нему термин «городище», содержащий скрытое указание на укрепленное поселение, хотя в отчете о раскопках он говорит лишь о «селище», а данные об укреплениях отсутствуют.

Поселение IX—X вв. могло быть расположено только в северо-западной части Замковой горы, что подтверждается наличием здесь культурного слоя, сильно нарушенного позднейшими постройками, с остатками трех жилищ и фрагментов керамики. В отчете о раскопках обнаруженные материалы интерпретируются как принадлежавшие преимущественно бедному населению, которое занималось земледелием, охотой и рыболовством, но наряду с этим на основании клада с 37 херсонесскими монетами и одним дирхемом 943 г. делается вывод о наличии и зажиточных жителей. Одна-единственная литейная форма из глины послужила доказательством существования ювелирной мастерской. Такая источниковая база служит Толочко основанием говорить о Замковой горе IX—X вв. как о «довольно развитом поселении», «центральной части феодального города», в котором жили представители киевской верхушки»[1].

---

[1] http://www.russiancity.ru/fbooks/f5.htm

На первый взгляд все очень убедительно — находки очень древние и спор идет о том, к какому периоду они принадлежат — к V в. или к VII в. Но стоит задать историкам всего два вопроса: на основании чего они датировали находки, чем проверили датировки и какое они имеют отношение к современному городу Киеву? На «византийских» монетах дату чеканки не ставили, а попасть в землю они могли значительно позже своего появления на свет. По глиняному черепку или женской сережке определить век, в котором ими пользовались, еще труднее, потому что глиняная посуда делалась из одной и той же глины во все времена. То, что этот тип черепков относится к такому периоду, а эдакий к другому — всего лишь предположения археологов, часто откровенно взятые с потолка. Но, допустим, что люди обитали на днепровских горах тысячу лет назад. Какое это отношение имеет к Киеву? Никаких доказательств этой связи историки не приводят, а если при раскопках натыкаются на неудобный для них слой стерильной глины, то никак это не комментируют.

По этому поводу могу привести пример из истории моего родного города. Основание Тюмени датируется 1586 г., когда по сообщению Кунгурской летописи воеводы Сукин и Мясной «поставиша град Тюмень». Датировка этого события опирается на один-единственный источник, что, конечно, не внушает доверия, но не будем оспаривать общепринятую дату. Лучше поговорим о другом известном факте — на месте нынешнего города Тюмени некогда находился город Чимги-Тура (историки называют его татарским и относят его основание князем Тайбугою к XIV в.), который когда-то, якобы даже был столицей какого-то местного ханства. Если это так, то от чимги-туринской эпохи в тюменской земле должно остаться много черепков и женских сережек, наконечников стрел и булавок. Их можно откопать, датировать V в. и объявить Тюмень ровесником древнего Киева, а то и поспорить за старшинство.

Но археологи не особо рвутся ковырять здесь грунт, поскольку обычный провинциальный городок их мало интересует. К тому же исторический центр Тюмени застроен плотно и чтобы провести археологические изыскания, надо снести

сотню памятников архитектуры. Тем не менее на территории города обнаружили несколько археологических памятников (Царево городище, городища Антипинское-1 и Антипинское-2), но не очень значимых. Однако при желании их можно выдать за останки древнего города и тем самым удревнить историю Тюмени на несколько сотен лет. В Киеве возможностей для археологов, конечно, было больше — и после войны, когда проводилась масштабная реконструкция города, да и сейчас та же Замковая гора пустует (на ней хотят выстроить макет деревянного замка вроде того, что стоял там при поляках, отчего и пошло название горы).

В трех километрах от городской черты Тюмени начинается озеро Андреевское (татарское название Индрэй-куль), точнее это целая система озер, окруженных сосновыми борами. Вот здесь археологам приволье — копай хоть до центра Земли. И там они действительно нашли в городищах и могильниках гигантское количество черепков, камушков и костяшек, которые датировали периодом неолита[1]. Научные дискуссии идут другого масштаба — кто говорит, что люди тут жили две тысячи лет назад и приводит в качестве доказательства обломки каменного топора, а кто не менее убедительно доказывает, что древние охотники и собиратели обитали здесь уже пять тысяч лет назад, подкрепляя свою версию обломками каменного топора другой формы. Я, разумеется, несколько утрирую ситуацию, но суть именно такова. Сами по себе археологические находки ничего не доказывают. Если бы стояла задача доказать, что Тюмень — матерь городов русских, то черепки пошли бы в дело, а так они пылятся в коробках в подвале местного краеведческого музея без всякой надобности. Но точно такие же находки, сделанные на берегах Днепра выполняют сегодня важную политическую задачу, красноречиво доказывая фактом своего существования то, что украинцы — это

---

[1] *Неолит* — (от *греч.* neos — новый и lithos — камень), новый каменный век, период (около 8—3 тысячелетий до н.э.) переход от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, скотоводство). В эпоху неолита орудия из камня шлифовались, сверлились, появились глиняная посуда, прядение, ткачество.

древние арии, в отличие от каких-то там диких азиатов-полукровок русских, которые переняли у древних украинцев все культурные достижения. Для «ученых» важны не сами черепки и костяшки, а умение интерпретировать находки в строгом соответствии с господствующей на данном этапе «научной истиной» и политической конъюнктурой.

Самые интересные находки для археологов — это клады. Зарывают обычно самое ценное — деньги и драгоценности. В старину даже и хранили деньги в горшках, чтобы при случае можно было быстро закопать. Благо, деньги в ходу были серебряные, реже золотые. Как обстоят в Киеве дела с древнерусскими монетными кладами? Да никак! Римские монеты на Подоле находили довольно часто. Но официальная историография относит эпоху Адриана и Марка Аврелия далеко от зарождения русской государственности и основания Киева. Говорить о товарном производстве чего-либо в то время здесь тоже не приходится. Кто же прятал клады на днепровских горах и оврагах? Если официальная хронология и датировки монет верны, то подумать можно разве что на разбойников.

А как же древнерусские монеты? Тоже никак. Период XII—XIII вв. в истории Руси «ученые» объявили «безмонетным»[1]. Мол, не было тогда денег в ходу, поэтому и искать их бессмысленно. А что же было вместо денег? Иные историки выдают на-гора потрясающую по своему кретинизму концепцию: дескать, вместо монет в ходу были гривны — серебряные слитки. Как же простой обыватель расплачивался на базаре, например, за курицу? А, дескать, рубил гривну на части и этими кусочками серебра расплачивался.

Что-то с трудом верится в это. Монета — гениальное изобретение. Она хороша тем, что идентичные монеты равны друг

[1] Это явный плагиат. В истории Ромеи-«Византии» историки также находят безмонетный период VIII—IX вв., но дать ему какое-либо внятное объяснение не в силах. «Византийская» нумизматика вообще характеризуется значительными аномалиями, заставляющими подозревать очень ненадежную датировку монет (даты на них не выбивались). Поэтому к утверждениям типа «в Киеве найден клад с античными монетами V в.» следует относиться крайне осторожно — ошибка в данном случае вполне может достигать тысячелетия.

другу по весу. Соответственно, имеют равную покупательную способность. Стоимость товара можно измерить в количестве монет известного веса. А как быть, если курица стоит 0,08 гривны? Эти восемь сотых каким инструментом отмерять и как отчекрыживать? И кто будет этим заниматься — продавец или покупатель? Уж ясное дело, продавец отрубит себе чуть больше, чем положено, а покупатель отмеряет на глазок меньше, чем надо. Как будет решаться спор? Дело неминуемо дойдет до драки.

Элементарный здравый смысл подсказывает, что мелкие монеты, если уж вошли в оборот, никуда сами по себе не исчезнут, ибо без них повседневная розничная торговля представляется невозможной. Технология чеканки серебряных или медных кругляков ничего сверхсложного собой не представляет. Но у монет из чистого серебра или золота есть одно очень неприятное свойство — они при обращении стираются. Была монета в 12 г., а через год, пройдя через сотню рук, стала весить уже 11 г. Поэтому сейчас в ходу компактные бумажные деньги, не теряющие своей покупательной способности от того, что кто-то активно мусолит их потными ручонками.

Так вот, 200-граммовые гривны — это своего рода купюры крупного номинала. Они предназначались не для покупки соли и свечей в лавке, а использовались купцами при крупных сделках, для оптовых, так сказать закупок. Мелкие монетки были для этой цели крайне неудобны. Во-первых, на их пересчет уйдет не один час, во-вторых, монеты могут попасться сильно истертые. Всунут тысячу истертых монет — вот тебе и убыток на 10%. Слитки же не истираются, поскольку по рукам не ходят. И их можно сразу считать на вес. Что-то подсказывает мне, что гривны были в обращении не вместо монет, а одновременно с ними, точно так же как сегодня пластиковые кредитные карты обращаются параллельно с бумажными банкнотами и старомодными металлическими деньгами.

Почему же историки датируют гривны в основном XII—XIII столетиями? Затем, чтобы объяснить отсутствие специфических киевских пенязей, как называли в старину деньги. Между тем энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сообща-

ет, что гривны имели хождение еще и в XVI в. Так что привязывать их к Киевской Руси нет никаких оснований.

Древний Уголовный кодекс — так называемая «Русская правда» — назначает наказание за преступление в гривнах. Здесь нет ничего удивительного, ибо гривна — есть мера серебра. Деньги в обращении могли находиться разные — ефимки, талеры, динары, монеты могли быть медными или золотыми. Но все они легко конвертировались в гривну, которая имела известный вес. Сегодня Административный Кодекс исчисляет размер наказания в минимальных размерах оплаты труда, но это ведь не значит, что в ходу находится денежная единица под загадочным названием «мрот».

Кстати, когда был составлен документ, который принято называть «Русская правда»? Впервые его открыл Татищев в 1738 г., изучая список Новгородской летописи, датируемый XV столетием. Вряд ли этот сугубо утилитарный текст переписывали от нечего делать. Весь XV в. этот нормативный акт был в употреблении вплоть до введения Судебника 1497 г. Со временем хождения гривны этот период совпадает. То, что сегодня историки считают «Русскую правду» памятником древнерусского права, датируя XI столетием, удивлять не должно. Всякий уважающий себя историк обязательно удревнит любую находку лет на 400—500. Вот так и гривны переехали из XV в. в XI в.

Если Киев был столицей Руси, то там же должен был находиться княжеский монетный двор — эмиссионный центр, так сказать. В столице должны были концентрироваться и большие капиталы, причем в натуральном виде. Следовательно, именно в Киеве должны находить наибольшее количество кладов с русскими монетами. Обратимся к специальной литературе — книге Ивана Спасского[1] «Русская монетная система». Вот что автор пишет о так называемых сребрениках Ярослава — классифицированных как первые из известных древнерусских монет: *«Только одна монета найдена в Киеве* [в 1792 г.],

[1] *Иван Георгиевич Спасский* (1904 — 1990) — советский ученый-историк, ведущий специалист по русской нумизматике, главный хранитель Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа.

да и то не в земле, а как подвеска к иконе, тогда как все остальные тяготеют к северо-западному краю древнерусского государства: одна найдена в земле поблизости от древнего Юрьева (Тарту), другая — на острове Саарема; есть указания и о находке в Петербургской губернии. Известно несколько подражательных монет, происходящих из Скандинавии. «Ярославле сребро» и относят поэтому к периоду княжения Ярослава в Новгороде — под рукой Владимира, занимавшего русский стол. Подобно тому, как на монетах описанного выше раннего киевского типа помещалось изображение Христа, здесь другая сторона занята изображением христианского покровителя Ярослава — святого Георгия.

<...> В конце 20-х гг. XIX в. появилось еще несколько монет: две серебряных монеты Владимира нашли в Борисполе на Украине, и по одной — на Цимлянском городище (древний Саркел — Белая Вежа) и в Польше — в составе Ленчицкого клада.<...> В 1852 г. был найден ставший знаменитым Нежинский клад — около 200 серебряных монет»[1].

Первые четыре из известных ныне 10 златников Владимира найдены в 1804 г. в Пинске, еще несколько — в Кинбурне в 1863 г. Как видим, монеты, относимые к киевскому типу, в киевских монетных кладах вообще не встречаются. Привязка их к Киеву носит исключительно спекулятивный характер. Так, например, бытует байка о том, что первый златник был куплен коллекционером Бунге у солдата в Киеве еще в 1796 г., но впоследствии утерян. Тот же Спасский, ведя речь о первых русских сребрениках и золотниках, упоминает о найденном в Киеве в 1876 г. некоем монетном кладе. Но поскольку документирована находка не была, и что в этом кладе находилось доподлинно неизвестно, этот эпизод имеет отношение к археологической мифологии, а не науке. Кстати, первоначально златники и сребреники классифицировались как сербские или болгарские монеты, и лишь с увеличением числа находок стало принято считать их древнерусскими. То есть если по воле случая большой клад монет этого типа будет обнаружен на Балканах, то монеты вновь будут считаться сербскими.

---

[1] http://coins.babaev.net/wire/spas/Files/3.htm

На сегодняшний день известно более 340 серебряных монет, называемых условно сребрениками. Около трех четвертей из числа всех апробированных сребреников имеют пробу ниже 500-й, то есть фактически не серебряными монетами, а лишь содержат большую примесь серебра. Можно предполагать, что на внутреннем рынке они обращались по принудительному курсу, а чеканены были в момент, когда казна опустела, а в деньгах нужда была великая. Это не может быть признаком богатства княжества, выпустившего такую низкопробную монету.

Про киевскую гривну Спасский пишет, как будто с трудом выдавливая слова: *«Если эволюция и становление формы и веса второго прослеживаются довольно четко на обильном местном материале, то форма первого, уже связанная с вполне устойчивым весом, возникает как-то внезапно, ничем не подготовленная в предшествующем периоде. Название слитков «киевские» по всей вероятности соответствует основному центру их производства; однако некоторые разновидности формы (слитки плоские и горбатые) позволяют предполагать, что литье их могло производиться и в других центрах Южной Руси».*

Где же были найдены клады с киевскими гривнами? Самый большой полуторапудовый клад, содержащий более сотни гривен — в 1906 г. в Твери. Так почему бы гривну в честь этого события не назвать тверской? Много гривен киевского типа обнаружены в готландском кладе (Швеция). О том, что Киев был центром производства гривны, тем более основным, никаких свидетельств автор не приводит. Их вообще нигде нет. Спасский пишет о черниговской гривне: *«Летопись сохранила упоминание о Волынском князе Владимире Васильковиче, по приказу которого в 1288 г. были перелиты в слитки драгоценные сосуды его сокровищницы. Это могли быть датируемые второй половиной XIII в. слитки особой формы, которые по месту нескольких находок получили условное название «черниговских». Имея вес новгородских слитков, они по своей ромбической форме имеют нечто общее с киевскими и представляют как бы промежуточный, переходный тип».*

Итак, несколько находок гривен в Чернигове дают условный черниговский тип, отличный от киевского. А какие гривны находили в Киеве? Об этом авторы книг и статей по археологии почему-то дружно помалкивают. И дело мне кажется в том, что находят они гривны не киевского типа, а литовского (типология, конечно, весьма условна), ибо Киев в XIV—XVI вв. входил в состав Литвы. Но это лишь мое предположение, глубоко я этот вопрос не копал. Литовскую гривну отличают характерные зарубки на верхней части и чуть изогнутую, но тонкую форму. Они появились в Великом княжестве Литовском, как считается, в конце XIV в. и ходили, по всей видимости, до пятидесятых годов XV столетия, в дальнейшем гривну вытеснила регулярная монетная чеканка.

Мне встретилось лишь одно упоминание о находке в 1997 г. клада в 23 гривны киевского типа при восстановлении Михайловского монастыря. Поскольку дело происходило уже в «самостийные» времена, не стану исключать, что находка сфальсифицирована. Уж больно много «свидомые» историки делают последнее время сенсационных открытий — вспомним хотя бы, как украино-канадские археологи обнаружили «массовые» захоронения жертв «батуринской резни» или недавно обнаружили «украиномовный» вариант орликовской конституции, хотя «мовы» в XVIII в. не существовало. Если находка имеет пропагандистско-политическое значение, то укро-археолги найдут хоть Атлантиду на дне Киевского водохранилища. А то ведь что получается — денежную единицу Украины назвали гривной в честь той самой легендарной (разумеется, киевской) гривны, а в музее и показать нечего. Но вскоре очень кстати отыскивается клад в три килограмма серебряных слитков.

Доверять сообщениям о кладах, если они не задокументированы, совершенно нельзя. Это все равно, что верить рыбаку, рассказывающему каких размеров рыбу он выловил. Даже если у него и нет намерения соврать, руки сами собой расходятся чуть больше, чем надо (раза в два-три). Со временем клады только растут в размерах, особенно в сообщениях СМИ. Например, Влада Крапивка в статье «В Лавре нашли 270 кг де-

нег, а «клад дьявола» зарыли», утверждает что *«в 1851 году солдаты, строившие укрепления в районе Аскольдовой могилы, обнаружили клад арабских монет. «Сейфом» служил глиняный кувшин, он был доверху наполнен золотыми монетами (около 3 тысяч), в довесок были присовокуплены два витых золотых браслета»*[1].

А вот профессор Антонович в статье «Киев в дохристианское время» о том же кладе сообщает несколько иное: *«в 1851 г. при постройке Печерской крепости найден был сосуд, наполненный серебряными дирхемами, числом от 2 до 3 тыс., саманидскими, абассидскими и тигиридскими, от конца VIII до начала X столетий»*[2].

Вот так лихо серебряные дирхемы превращаются в золотые. Между тем ни Антонович, ни тем более Крапивка того клада, который растащили обнаружившие его солдаты, не видели. Спасти, как считается, удалось лишь малую часть сокровищ. Поэтому разглагольствовать о его весе и характеристике монет можно совершенно спокойно — никто возразить не сможет. Но все же, если счесть датировку монет верной, то клад относится к самой заре Рюриковой эпохи. Нам же интересны клады периода расцвета Киевской Руси, дабы получить свидетельства экономической мощи государства. Но тут как раз мы наблюдаем странный пробел.

Денежные клады ныкали в горшках и сундуках только очень богатые люди, например, купцы и те, кто купцов грабил. А простой люд в случае, как сейчас говорят, социальных катаклизмов, ховал на огородах вещички поскромнее — сережки, колечки, ложки да крестики. Собственно, именно такие скромные заначки археологи и находят в Киеве. С купеческими кладами, да еще древними там как-то не особо вытанцовывается. Обратимся к любопытной статье «Клад из руин Десятинной церкви» С. И. Климовского, сотрудника Института археологии НАН Украины, опубликованной в «Восточноевропейском археологическом журнале» (№5(6), 2000 г.).

---

[1] «Сегодня», № 127, 10 июня 2008 // http://smi.liga.net/articles/IT083097.html

[2] http://izbornyk.org.ua/anton/ant22.htm

Начинается статья многообещающе: «*Среди древнерусских городов Киев занимает первое место по количеству найденных кладов...*», однако далее идет описание мифических находок, сделанных в XI в., о которых известно лишь по летописям следующих веков. Из достоверных открытий автор первым упоминает клад, обнаруженный «*на хорах Успенского собора Киево-Печерской лавры, являвшегося тайной монастырской казной XVII—XVIII вв. и насчитывавшего 6184 золотые монеты...*». Да, клад этот, конечно, очень богатый, но к древности отношения не имеет.

Но Климовский спешит заверить читателя, что «*...находки, подобные лаврской, являются уникальными, большинство же киевских кладов относятся к IX—XIII векам. Среди них преобладают те, которые были зарыты в декабре 1240 г.: сокровища, спрятанные жителями города, осажденного войсками Батыя. Состоят они преимущественно из гривен (денежных слитков серебра), женских золотых и серебряных украшений: колтов*[1]*, браслетов, перстней, колец, сережек и других ювелирных изделий.*

Их находки на территории города расположены очень неравномерно. Почти половина известных кладов приходится на «град Владимира» — древнейшую часть Киева, место сосредоточения княжеских дворцов и боярских усадеб. Штурмом укреплений «града Владимира» завершилось взятие Киева монголо-татарскими войсками в 1240 г., а последние защитники города погибли под руинами рухнувшей Десятинной церкви. В этой части города в размещении кладов прослеживается определенная закономерность. Из 29 кладов, зафиксированных на площади в 10 га «града Владимира», 16 найдены непосредственно возле самой Десятинной церкви. Все они были обнаружены еще в XIX—начале XX века».

[1] *Колт* — женское украшение в виде полой металлической подвески, прикреплявшейся к головному убору. Историки утверждают, что распространены они были до монгольского нашествия, а после их носить почему-то перестали. Как назывались эти подвески, ныне неизвестно. Имя свое они получили в XIX столетии от украинского слова «ковток» — серьга. В Новгороде колтками именовали подвески к серьгам.

Вы уже горите желанием узнать подробности об этих сенсационных 29 кладах XIII в.? Вас ждет большое разочарование, потому что *«большинство кладов, найденных в XIX в., были расхищены случайными находчиками, как правило — рабочими-землекопами. Но такая же судьба постигла и самый большой древнерусский киевский клад, найденный в 1842 г. археологом-любителем помещиком А.С. Анненковым. Золотые сосуды и украшения были, вероятно, переплавлены и лишь отдельные предметы (позволяющие, однако, судить о ценности клада в целом) были проданы в музейные и частные коллекции. Зачастую, даже если клад после находки попадал к специалистам, обстоятельства его обнаружения оставались неизвестны или недостоверны, что значительно снижало его научную информативность»*[1].

Можно, конечно, сколько угодно материть Анненкова, который почему-то «переплавил» в слитки археологические находки, уничтожив тем самым «самый большой древнерусский клад», но я все же воздержусь. Вполне возможно, мы имеем дело с очередной байкой, каковых вам любой кладоискатель расскажет с дюжину.

Наконец, Климовский сообщает действительно достоверные сведения: *«В 1955 г. при раскопках по ул. Владимирской, 7—9 в жилище XIII в. возле печки был найден глиняный горшок, в котором находились золотые колты, серьги, серебряные витые и пластинчатые браслеты, перстни. Этот клад, спрятанный при осаде 1240 г., на долгие годы стал последним древнерусским кладом, обнаруженным в этой части Киева. И вот, через 43 года на противоположной стороне улицы был найден новый клад, резко отличающийся от известных в этом районе, но тесно связанный, как и большинство из них, с событиями декабря 1240 г»*.

Интересная вырисовывается картина: первые древнерусские клады были разворованы, о них до нас дошли главным образом слухи, а последний за долгие годы клад из примитивных ювелирных украшений был обнаружен лишь в

[1] http://archaeology.kiev.ua/journal/050900/klimovsky.htm

1955 г. Какие находки были сделаны археологами ранее, автор статьи не сообщает ничего. Почему клад датируется декабрем 1240 г.? Вероятно потому, что так договорились археологи: если в глиняном горшочке нет позднейших монет, значит клад спрятан в период Батыева разорения. Хотя историки нам рассказывают о многочисленных разорениях Киева половцами, новгородцами, крымчаками, поляками, почему-то эти набеги не пугали киевлян, и они ничего в землю не зарывали.

И вот, наконец, почти через полвека, в 1998 г. археологи порадовали нас еще одной находкой. Удивительно, что за предшествующие годы, когда в Киеве велось интенсивное строительство, в том числе и в историческом центре города, НИ ОДНОГО клада обнаружено не было. Ведь сегодня абсолютными рекордсменами по обнаружению кладов являются именно строители. Что же нашли археологи в этот раз? Климовский в своей статье сообщает следующее: *«26 сентября 1998 г. на площадке по ул. Владимирской, 12, в ходе раскопок, производившихся Старокиевской экспедицией Института археологии НАН Украины (И.И. Мовчан, Я.Е. Боровский, С.И. Климовский), на глубине 2 м от современной поверхности открылась прямоугольная яма размером 1,1x1,15 м. Ее темное заполнение заметно отличалось от светлого материкового суглинка, в котором яма была выкопана. При выборке заполнения по центру ямы, на глубине 2,05 м, обнаружены 2 железных древнерусских трубчатых замка, а следом за ними расчищено 378 предметов, большинство из которых — мелкие пластины сильно коррозированной листовой меди. На некоторых сохранились остатки истлевшей лозы или лыка.*

Из этой массы вещей выделяются два предмета: водолей — сосуд для воды, использовавшийся при умывании, изготовленный в виде петуха, и блюдо».

И это все? — удивится читатель. Все, но удивляться здесь нечему. Действительно ценное, дескать, уже откопал злодей Анненков и ему подобные расхитители — выгребли подчистую все древние артефакты, оставив гнить в земле лишь медное блюдо и заурядный рукомойник. Удивляться

следует не этому, а тому, что «ученые» безоговорочно датировали эти находки XII — началом XIII вв., причем по одному лишь внешнему виду. Подобное же блюдо, как пишет Климовский, было найдено в Киеве в 1892 г., причем оба блюда по мнению историков изготовлены в Саксонии. Почему они так считают? Хотят так считать — и считают. Наверное, в Киеве ремесленники не умели делать самую примитивную посуду, и ее приходилось завозить из германских земель. Всего же в Киеве за всю историю археологических изысканий обнаружено аж целых три блюда, но найденное в 1984 гг. в захоронении на Подоле «ученые» объявили более древним, нежели два других.

У меня к Климовскому оставался только один вопрос: отчего он связывает обнаруженный в 1998 г. клад металлического лома с Десятинной церковью, до предполагаемого места нахождения которой находку отделяет почти 200 метров? А потому — отвечает Климовский, что блюдо сильно погнуто и поцарапано. А погнуться оно могло, по его мнению, исключительно в момент обрушения стен церкви под ударами монгольских стенобитных орудий. Смешно? Меня эта «ученая» логика очень повеселила. Следуя ей, теперь любой попорченный предмет домашней утвари, откопанный в Киеве, можно объявить доказательством существования Десятинной церкви. Ведь ничто иное не могло его поломать. Вот вам наглядный пример методов историков: откопали 10 кг железного лома, и на этом основании высосали из пальца целую «научную» концепцию, «доказывающую» факт разрушения Киева Батыем в 1240 г.

Монетные клады Киева указывают на то, что он никогда не был столицей русского государства и крупным экономическим центром Руси. Почти полное отсутствие русских монет мы наблюдаем на фоне большого количества находок монет римских, датируемых началом нашей эры (встречаются монеты, датированные II в. до н. э.) — одних только крупных кладов римских монет найдено пять. В одном из них — «кудрявском» 1874 г., как считается, находилось около четырех тысяч монет, но большинство из них были растащены рабочими, обнару-

жившими сокровище. Раньше историки сходились во мнении, что римские монеты указывают на то, что обитавшие в Приднепровье варварские племена находились в вассальной зависимости от Римской империи. Сегодня на основании этих же находок украинские «наукознавцы» пытаются удревнить дату основания Киева на полторы тысячелетия. Но на наш вопрос о том, почему эпоха ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАСЦВЕТА Киева, как СТОЛИЦЫ Киевской Руси, ничем не порадовала местных археологов, ответа как не было, так и нет. Остается предположить лишь то, что Киевская Русь — выдумка историков.

КАМЕНЬ ИСТОЧЕННЫЙ ВРЕМЕНЕМ. НАЧИСТО...

Давайте оставим археологов в покое и позволим им спорить, чьи черепок или медное блюдо древнее, хоть до потери пульса. Город Киев — это, прежде всего, здания (жилые, административные, культовые), инженерные и оборонительные сооружения. Должно же хоть что-то от былого архитектурного великолепия «соперника Царьграда» сохраниться до наших дней. Какие же имеются в Киеве древние сооружения?

Даже современный школьник (ну, хотя бы один из 50) вспомнит, что София Киевская заложена аж в 1037 г.[1] Это, если верить историкам, которые давно померли, но перед смертью видели секретные летописи, которые до нас почему-то не дошли. Но я им не верю. По официальной версии, в 1596 г. храмом завладели униаты и за 37 лет, пока он не был возвращен православным, *«едва не до основания разрушили, ободрали и опустошили»*, как писали позднейшие комментаторы. Экскурсоводы в Лавре рассказывают даже такие страшилки, будто униаты отломали и распродали каменные украшения собора.

Но обвинения против униатов сразу рассыпаются, если поверить свидетельству киевского католического епископа (бискупа) Юзефа Хвощинского, который в 1595 г. писал о соборе следующее: *«Храм сей не только осквернен скотиной, конями, псами и свиньями, которые в нем бродят, но и лишен в значительной мере церковных украшений, уничтоженных дождями. На крыше растет трава и даже деревья. Стены разрушаются»*.

---

[1] Называются еще три даты основания Софийского собора — 1011 г., 1017 и 1018 г.

Возрождение храма из разрухи связывают с именем киевского митрополита Петра Могилы, основавшего в 1633 г. вокруг собора монастырь и пригласившего итальянского архитектора Октавиана Манчини для «восстановления» постройки. Не исключено даже то, что известный нам каменный храм начал возводиться именно в это время, а позже — в 1685—1707 гг. собор основательно перестраивали или, скорее, достраивали в формах барокко. Тот же митрополит пригласил с Афона мастеров, которые «подновили» фрески.

Все остальные постройки лавры официально датируются XVII—XVIII вв. Все кроме Успенского собора, якобы заложенного одновременно с Софийским. Да вот беда — как сообщают путеводители, во время войны его уничтожили немцы — помогли историкам замести следы. Этот собор, по виду — постройка XVIII в., ну пусть даже — XVII столетия. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона скупо объясняет это стилистическое несоответствие: *«В 1718 г. пожар истребил великую церковь, архив, библиотеку и типографию; в 1729 г. церковь была возобновлена»*.

Знамо дело, все самые древние-предревние летописи, которые до нас не дошли, сгорели именно в 1718 г. в архиве и библиотеке Киево-Печерской лавры. Но как могла сгореть каменная «великая церковь»? Видимо очень надо было помочь историкам объяснить отсутствие в Киеве древнего зодчества, вот она поднатужилась и сгорела. Пришлось ее отстраивать заново только через 11 лет после пожара, если я правильно понял значения слов «истреблена» и «возобновлена». Получилось нечто вполне приятное на вид, но уже в стиле барокко. Как повествуют справочники, церковь и до того не единожды разрушалась — сильно пострадала от землетрясения в XIII столетии и была «по окна» разрушена Батыем, если верить Иннокентию Гизелю. После того 230 лет церковь «оставалась в щебне» и была заново возведена только в 1470 г. при литовском наместнике в Киеве князе Семене Олельковиче. Но как назло коварные татары в 1482 г. вновь разграбили Киев, сожгли Печерский монастырь и сильно порушили Успенский собор, не «возобновлявшийся» до конца XVI в. Современный Успенский

собор был построен лишь в 2001 г. и представляет собой копию взорванного германскими оккупантами.

Кстати, этот взрыв уже в наши дни стал мифом. По ставшей практически официальной версии, его заминировали советские войска при отступлении, а немцы не стали разминировать и взорвали 3 ноября 1941 г. Версия откровенно бредовая. Во-первых, на кой черт надо было минировать храм, не представляющий ни малейшей военной ценности? Во-вторых, почему, если уж заминировали, он не был взорван при отступлении? Но нынешние украинские власти такими вопросами не задаются, а просто пользуются возможностью пнуть лишний раз «клятых москалей» за надругательство над украинскими святынями. По другой версии храм был разрушен немцами без помощи анонимных советских диверсантов. Сохранилась даже кинохроника, запечатлевшая это разрушение. Так что решить, какое из двух объяснений истинное, труда не составит.

Я вполне допускаю, что в 1482 г. желание пограбить у крымцев имелось превеликое, но зачем разрушать собор? Это очень трудоемкое дело (если нет мощной взрывчатки), не сулящее ни малейшей выгоды. Может быть, татары делали это из ненависти к православию? Этот вопрос даже обсуждать бессмысленно. В самом Крыму с незапамятных времен действовали и процветали православные монастыри. Одновременно с основанием Крымского ханства, рядом с крепостью Кырк-Ор, бывшей ханской резиденцией, был заложен известный Успенский монастырь, ставший вскоре резиденцией митрополита и центром православия в Крыму. Вот что повествует русский историк XVII века Андрей Лызлов о первом крымском хане Хаджи Гирее (Ачи Гирее): *«Некогда хан крымский Ачи-Гирей, воююще против супостат своих, просил помощи от Пресвятые Богородицы [в Успенском монастыре], обещающе знаменитое приношение и честь образу ее воздати и творяще тако: егда бы откуду с корыстью и победою возвращашеся, тогда избрав коня или двух елико наилучших, продавше и накупивши воску и свещ сделавши и поставляше тамо через целый год, еже и наследники его, крымские ханы, многажды творяху»*. Так что, думаю, не стоит приписывать крымчакам религиозный вандализм.

Кстати, весьма красноречивый факт: многие путеводители честно сообщают, что раскопки на месте разрушенного оккупантами во время войны Успенского собора дали археологические находки, которые можно датировать лишь XVI—XVIII вв., то есть временем последнего «возобновления» храма. Более древние культурные слои куда-то таинственно рассосались.

XI столетием датируется постройка церкви Спаса на Берестове. Вот что сообщает по этому поводу «Историко-топографические очерки древнего Киева» Н. И Петрова за 1897 г: *«В 1072 году существовал уже на Берестове Преображенский или Спасский монастырь, игумен которого Герман в этом году участвовал в перенесении мощей святых Бориса и Глеба из старой Вышгородской церкви в новую Этому Герману и приписывают некоторые основание этого монастыря. В таком случае Спасский на Берестове монастырь нужно отождествить с монастырем Германа, который сожжен был половцами в 1096 году. Однако, он вскоре был восстановлен, вероятно, Владимиром Мономахом, так как церковь этого монастыря сделалась усыпальницей его дочери, сына и внука. Церковь была каменная и украшена фресковою стенописью, которая отчасти сохранилась и до нашего времени. Вероятно, эта церковь была окончательно разрушена Менгли-Гиреем в 1482 г. К началу XVII века от нее остались только развалины и мусор».*

Мне очень трудно понять, как могли сохраниться фрески в церкви, окончательно разрушенной Менгли-Гиреем. Видимо благодаря чуду Господнему. Потом, как водится, митрополит Петр Могила «восстановил» разрушенный храм, который был расписан греческими художниками и освящен в 1643 г. Удивительно, что практически все древнерусские киевские храмы «восстановили» при Петре Могиле. Причем восстановили отнюдь не в первозданном виде. На самом деле это было не восстановление, и даже не перестройка, а именно строительство.

От XII столетия до наших дней дошла Кирилловская церковь. Хотя, как считается, во время татаро-монгольского нашествия церковь сильно пострадала, а первые сведения о восстановительных работах в ней относятся к 1605—1612 гг. Вероятно, именно в это время она и начала строиться. Путеводитель, продающийся на входе в этот музей-заповедник, со-

общает довольно странные вещи: *«Первые послемонгольские сведения о Кирилловском монастыре датируются 1539 г. Эти документы касаются его земельных владений и дают основания сделать вывод о том, что Кирилловский монастырь не только существовал, но и функционировал до XVII в. как упорядоченная обитель».*

Текст составлен довольно грамотным манипулятором. При беглом чтении у читателя должно сложиться впечатление, что все триста лет от Батыева погрома до 1539 г. монастырь, дескать, существовал и функционировал. Рядовой гражданин, испытывающий благоговейный трепет перед всякого рода древностями не спросит автора путеводителя Марголину И. Е. и научного редактора Н. Н. Никитенко, где они почерпнули домонгольские сведения о монастыре. Но мы уже знаем, что все «домонгольские» летописи, а именно «Повесть временных лет» в различных списках, включая «Киевскую летопись» из Ипатьевского списка, всплывают при весьма сомнительных обстоятельствах только в XVIII—XIX вв. Никаких других «домонгольских» источников по Кирилловскому монастырю у историков не может быть даже теоретически. Любой желающий может самостоятельно поискать упоминания монастыря в «Повести временных лет», обратившись к сайту «Восточная литература» (www.vostlit.info).

Следующие сведения о монастыре, касающиеся непосредственно Кирилловской церкви, относятся к началу XVII в. и говорят о «реставрации» главного монастырского храма игуменом Василием Красовским. Это первое прямое его упоминание, ибо даже если допустить существование монастыря, мы не можем из этого факта делать вывод о том, что и сам храм существовал. Как сообщает путеводитель, *«важнейшим делом игумена Василия стала реставрация главного монастырского храма, оставшегося без крыши и постепенно разрушавшегося после татарского нашествия».*

Ритуальное упоминание татарское нашествия присутствует везде и всюду, где говорится об упадке киевских церквей. Эти слова создают своего рода дымовую завесу, являясь универсальным объяснением всего плохого, что произошло с «древними» киевскими памятниками. Но давайте отбросим

пропагандистскую шелуху и сопоставим слова из предыдущего абзаца, где авторы уверенно делают выводы о том, что монастырь *«не только существовал, но и функционировал до XVII в. как упорядоченная обитель»*. Люди добрые, у кого еще мозг не атрофировался, объясните мне, как мог функционировать монастырь, если у его ГЛАВНОГО ХРАМА НЕ БЫЛО ДАЖЕ КРЫШИ, и он РАЗРУШАЛСЯ в тот момент, когда монастырь функционировал? По крайней мере это относится к периоду 1539—1605 гг. Уж за 66 лет можно было починить крышу и остановить разрушение основы монастыря! Иначе где же монахам молиться?

Современный вид в стиле украинского барокко церковь обрела, как водится, после пожара 1734 г. и последующей «перестройки», длившейся до 1760 г., во время которой были переложены части сводов, построены четыре боковых куполов, возведен пышный фронтона над входом, окна и порталы оформлены лепным декором. Выходит, что от земли до окон — постройка древняя, а то, что выше — образец зодчества 350-летней давности. Почему-то после этой «перестройки» церковь была «переосвящена» в честь Святой Троицы, то есть называлась она Троицкой. В какой момент к ней прилепили ярлык «Кирилловская» в честь Кирилла и Афанасия Александрийских, мне не известно. Но вообще-то это вполне распространенный трюк, когда надо срочно «найти» какое-нибудь несуществующее древнее сооружение, упомянутое во внезапно обнаруженной летописи. С этой целью даже города переименовывали (об этом речь ниже) и даже целые государства (так вместо Ромейской, то есть Римской империи появилась какая-то высосанная из пальца «Византия»). А тут всего-то делов — переименовать церковь.

Вообще, о древности Кирилловской церкви разговоры начались в 60-е годы XIX в., когда под штукатуркой XVIII века на ее стенах были обнаружены фресковые росписи XII века. Угадайте, что произошло потом... Открытые древние фрески были вновь переписаны масляными красками. Вообще-то, насколько я знаю, для того, чтобы работать маслом, надо фактически уничтожить штукатурку, расписанную водяными красками и положить грунт (чаще всего стену покрывали олифой). Выхо-

дит, дремучие попы велели испоганить всю старину. Частично фрески были расчищены из-под позднейших наслоений только в XX в., но сохранность их такова, что читаются разве что силуэты фигур. Кстати, если поверить, что 365 лет от татарского нашествия до реставрации Василия Красовского церковь простояла без крыши, то никаких фресок в ней сохраниться не могло — их бы начисто смыло дождями и уничтожило морозами. В общем, если вы хотите получить доказательства древности храма, то ничего весомее слов историков вам не предложат. Учитывая, что игуменом Кирилловского монастыря одно время был создатель мифа о Киевской Руси Иннокентий Гизель, напустить древнего тумана в отношении Кирилловской церкви сам Бог велел.

Даже самый беглый осмотр церкви опровергает гипотезу о ее почти 900-летнем возрасте. Любое древнее сооружение постепенно погружается в землю. В Кирилловской же церкви пол всего лишь примерно на 50 сантиметров ниже уровня земли. Конечно, его со временем могли поднять, но путеводитель сообщает обратное — пол был ПОНИЖЕН якобы до уровня XII в. Во время археологических раскопок под полом церкви было обнаружено более 20 погребений. Да это же настоящая сенсация! Ведь, по словам историков, Кирилловская церковь строилась как родовая усыпальница князей Ольговичей. Захоронения делались в 1179—1215 гг. Здесь помимо прочих должны покоиться и останки одного из главных героев «Слова о полку Игореве» великого князя Святослава Всеволодовича. Однако археологи глухо молчат о раскопках захоронений, и почему, догадаться не сложно — все они носят далеко не княжеский характер и осуществлены не ранее XVII в., что категорически не вяжется с легендой о древности церкви.

Стены сооружения выполнены в технике равнослойной кладки, что не очень характерно для прочих «древних» сооружений Киевской Руси, характеризующихся смешанной каменно-кирпичной кладкой. Использование плинфы — плоского широкого кирпича — само по себе не доказывает древности постройки. В русском зодчестве плинфа широко применялась до XV столетия, пока в последней четверти его не была окончательно вытеснена близким по размерам современно-

му аристотелевым кирпичом, названным так по имени известного архитектора Аристотеля Фиораванти (Альберти Фиораванти), построившего Успенский собор в Московском Кремле. То, что многие киевские храмы выстроены с использованием плинфы, не должно смущать, ведь киевская митрополия находилась до 1686 г. под юрисдикцией константинопольского патриарха, и для строительства храмов приглашались греческие мастера. Этим и объясняется отличие строительных технологий от бытующих в то время в Русском государстве. Например, мастера с Балкан должны иметь гораздо больше опыта в технике смешанной кладки, так как на их родине камень встречается в большом изобилии. Предположение о том, что в Киеве работали приезжие мастера, косвенно подтверждается тем, что кирпичеобжигательные печи, которые находят при раскопках в Киеве и в расположенном рядом Чернигове, принципиально отличаются от всех прочих печей — суздальских, владимирских, смоленских и т.д.

Изучив, сортамент кирпичей, используемых при строительстве, можно сделать некоторые выводы о времени возведения здания. Например, если основание церкви сложено из плинфы и камня, а своды из аристотелевского кирпича, то можно предположить, что верхняя часть храма выстроена значительно позже. Но как раз вопрос сортамента кирпичей, из которых сложены старинные постройки, является очень слабо изученным. Исключение составляет, пожалуй, только развалины взорванного Успенского собора в Лавре. Здесь было собрано около 2800 целых экземпляров, относящихся к девяти различным типам.

Как пишет Раппопорт[1] в своей работе «Строительное производство Древней Руси», *«80% всех найденных имеют размеры от 27 x 28 до 35 x 40 см. Однако около 70% этих прямоугольных кирпичей, т.е. более 55% всех промеренных кирпичей собора, имеют размер, колеблющийся очень незначительно: 21 x 29 x 34—36 см»*[2].

---

[1] *Раппопорт Павел Александрович* (1913—1988) — археолог, доктор исторических наук, автор монографий по истории древнерусского зодчества.

[2] http://www.rusarch.ru/rappoport2.htm)

Это, как легко понять, брусковый кирпич позднего типа, о плинфе автор ничего не сообщает. Зато Рапопорт простодушно признается, что время возведения зданий зачастую определяется методом кирпичной датировки. Принято считать, что чем моложе здание, тем меньший по размеру кирпич использовался при его строительстве. Мягко говоря, сомнительный способ. Легко можно предположить, что в основании здания могли использовать тяжелый кирпич, а для выведения сводов более легкий — меньшего размера и полый внутри.

Еще один памятник древнерусской архитектуры — Троицкая надвратная церковь вроде как 1106—1108 гг. постройки. Но и ее постиг злой рок киевской старины — якобы в 1722—1729 гг. ее «перестроили» в стиле барокко, да так, что от ее первоначального облика не осталось ровным счетом ничего. О том, что церковь существовала ранее, достоверных свидетельств нет, нет и ее изображений до «перестройки». Интересно, что и датирована она «с потолка». Дескать, в 1106 г. в монастыре поселился черниговский князь Святослав, якобы на средства которого возведены Святые ворота. Но почему предполагаемое поселение в монастыре отставного князя означает начало строительства, никто не говорит. И уж совсем бесполезно спрашивать у историков, зачем древние зодчие возвели шикарные каменные ворота, если монастырь не имел каменной стены (в современных описаниях того периода фигурирует лишь деревянный частокол)? Это все равно что строить дом из фанеры, но входную дверь выполнить бронированную, как у несгораемого сейфа — одно явно не соответствует другому.

Зато в музее лавры вам обязательно покажут камень, который археологи откопали в подвале Софийского собора. Неужели он что-либо доказывает? Та же история с Михайловским Златоверхим монастырем, якобы заложенным в 1108 г. То, что мы видим сегодня, — новодел 1998 г., поскольку в советское время монастырь был разобран в рамках борьбы с «опиумом для народа». Но и то, что отстроено заново, ни в малейшей степени не похоже на древнюю архитектуру — перед нами изящное зодчество в стиле классицизма, характерного для XVIII—XIX вв.

На площади Контрактовой стоит красивая церковь Богородицы Пирогощей 1131—1135 г. постройки. Но это по паспорту, а фактически она возведена в 1997—1998 гг. «в предполагаемом первоначальном виде». Памятник разрушили в 1935 г., когда начали придавать Киеву облик столицы союзной республики, но это было здание фактически постройки XVII—XIX вв.

Вот что здесь настораживает — по каким таким соображениям восстановители решили, что первоначально церковь выглядела именно так? Если бы они решили восстановить ее в том виде, в каком она была до 1935 г., можно было воспользоваться фотографиями, которых осталось немало. Но почему-то «восстановили» реставраторы то, чего они никогда не видели и то, что вряд ли существовало. Кстати, в путеводителях указывается, что церковь Богоматери Пирогощей была заново освящена в честь успения Пресвятой Богоматери в XV в. Возможно, что только тогда она и была впервые построена, да и то лишь предположительно. Но сие совершенно не мешает историкам уверенно рассказывать, что перед нами именно та церковь Богородицы Пирогощей, которая упоминается в «Слове о полку Игореве». Что это постройка не может быть отнесена к XII столетию, указывает то, что ее фундамент был заглублен на 4 метра, в то время как фундаменты XII—XIII вв., как считается, имеют обычно глубину 0,3—1 м, редко до 2,5 м.

Ирининская церковь, Кловский монастырь, как считается, полностью разрушены Батыем в 1240 г., даже камешка не осталось. В 1963 г. были обнаружены какие-то остатки фундамента на Кловской улице. Их объявили принадлежащими Кловскому монастырю. В 1974—1975 гг. сотрудники отдела археологии Киева Института археологии АН УССР вскрыли часть фундаментных рвов. Информации о каких-либо результатах исследований мне найти не удалось. Можно предположить, ничего сенсационного открыто не было.

Выдубицкий монастырь основан, по преданию, в 1070 г. Как сообщает «Википедия», *«монастырь пережил нашествия Батыя и Андрея Боголюбского, горел несколько раз. После XIII в. монастырь утратил былое величие и обрел его заново только в XVII—XVIII вв., когда стал застраиваться на деньги вое-*

начальников и меценатов. После секуляризации жизнь в монастыре практически остановилась, и монастырь превратился в некрополь для выдающихся личностей.

Первые строения монастыря были деревянными и не дожили до наших дней. Только некоторые из церквей монастыря пережили столетия. Одной из них является церковь Архистратига Михаила, построенная при Всеволоде. Это был крестово-купольный храм с тремя пределами, построенный в технике утопленного ряда. Церковь и холм, на котором она стояла, стал подмывать Днепр, и для безопасности строения городские власти соорудили подпорную стену, спроектированную в конце XII века придворным архитектором Милонегом. Тем не менее, в XVI веке половина Михайловской церкви (купол и вся алтарная часть) все же рухнула в Днепр вместе с подпорной стеной Милонега. Церковь реконструировали только в 1769-м — в стиле украинского барокко.

С конца XVII века монастырь обзаводится несколькими замечательными каменными строениями: здесь возводят пятикупольную Георгиевскую церковь в стиле казацкого барокко, Спасскую церковь и трапезную на деньги стародубского полковника Миклашевского (1696—1701 гг.). Колокольня, сооруженная на деньги гетмана Данилы Апостола была возведена в 1727—1733 гг. и надстроена в 1827—1831 гг.».

Почему-то слабо верится, что после того, как река подмыла берег и половина церкви рухнула в пропасть, оставшуюся половину кто-то решился реконструировать. Еще труднее мне представить, как река, до которой около километра, могла что-то там подмыть. Бред какой-то.

Сразу после официального принятия христианства великий князь Владимир якобы заложил знаменитую Десятинную церковь в 989 г. Знаменита она лишь туманными преданиями о ней. Простояла она недолго, и разрушение ее списывают на Батыя — на него сегодня вообще все что угодно можно списать. Десятинная церковь рухнула, как пишет летописец, «от тягости залегших туда людей». Весьма абсурдное объяснение, но есть и еще более абсурдные. Некоторые фантазеры, ссылаясь (а чаще всего не ссылаясь) на Гизеля, пишут о том, что церковь была разрушена по приказу Батыя таранами, потому

что в ней спрятались от злых монголов последние защитники Киева. Хороши защитники, нечего сказать!

Факт в том, что здания нет, и существовало ли оно когда-нибудь вообще, неизвестно. Сегодня вам покажут лишь остатки ее фундамента, но никаких доказательств того, что этот фундамент был заложен при князе Владимире нет. На том месте, где церковь якобы стояла, в 1842 г. был освящен новый храм Рождества Богородицы. До этого там стояла церковь, строительство которой инициировал митрополит Петр Могила в 1635 г. Почему-то это не такое уж древнее сооружение простояло меньше 200 лет. Так что демонстрируемый туристам фундамент может быть датирован и XVII в. и даже XIX столетием. Но скорее всего, сам фундамент фальшивый. Дело в том, что видимое нами сегодня — это так называемая трассировка, то есть реконструкция рисунка фундамента, выложенная на грунте. Как утверждает директор Института археологии Академии наук Украины Петр Толочко, существует 7—8 вариантов графической реконструкции фундамента, который практически НЕ СОХРАНИЛСЯ. На чем базировали свои фантазии реконструкторы, только им самим ведомо.

Но интересно в данном случае даже не это, а то, что искусствоведы уверенно сочиняют реконструкции Десятинной церкви и утверждают что она выглядела именно так. Им одного взгляда на трассировку фундамента, видите ли, достаточно, чтобы с уверенностью определить, какие у храма были стены, своды, апсиды, закомары, барабаны, шатер[1] и даже декор на стенах. Историки работают по той же схеме: откопали ржавую саблю и сразу определили дату сражения, его ход и резуль-

---

[1] *Абсида* (от *греч.* hapsis, род. п. hapsidos — свод), выступ здания, полукруглый, граненый или прямоугольный в плане, перекрытый полукуполом или сомкнутым полусводом. В христианских храмах апсида — алтарный выступ, ориентированный обычно на восток.

Закомара — в русской архитектуре полукруглое или килевидное завершение части наружной стены здания; как правило, повторяет очертания расположенного за ней свода.

Барабан — опирающаяся на своды цилиндрическая или многогранная верхняя часть здания (обычно с окнами), служащая основанием купола.

Шатер — завершение построек (главным образом центрических) в форме высокой 4-гранной или многогранной пирамиды.

таты. Настрочили диссертации — получили премии и ученые звания. И попробуй с ними после этого поспорь.

Правда, в отношении Десятинной церкви между самими историками и искусствоведами все же имеются разногласия. Главный специалист Архитектурно-художественного Центра Московской Патриархии Михаил Кеслер пишет в своем очерке «Развитие храмостроительства на Руси с IX по XX век»: *«Собор в честь Успения Божией Матери (Десятинная церковь — 996 г.), возведенный и расписанный греческими мастерами, представлял собой типичный византийский трехнефный, крестово-купольный храм, украшенный мозаиками и фресками. Промыслом Божиим Русь вместе с принятием христианства получила и самый совершенный тип храма, способный языком своих архитектурных форм, наделенных глубоким символическим смыслом, выражать самый сокровенный смысл православного вероучения, быть своеобразной проповедью в камне»*[1].

Петр Толочко в интервью газете «Зеркало недели» решительно протестует против разгула реставраторов, застраивающих историческую часть Киева лубочными муляжами Древней Руси: *«Восстанавливать древние памятники следует в исключительных случаях. Согласен, решение о возрождении Успенского собора — и правильное, и своевременное. Его руины были незаживающей раной. К тому же некоторые фрагменты древнего сооружения сохранились. В данном случае еще можно говорить о реконструкции. А вот в отношении Михайловского храма такое уже не скажешь. Его от начала и до конца построили заново. Как и церковь Богородицы Пирогощи. Всего этого для Киева более чем достаточно. Глубоко убежден, заниматься еще и Десятинной церковью нет ни смысла, ни возможностей. Хотя бы по той простой причине, что исследователи просто не знают, какой она была. <...>*

Мы совершенно не представляем себе архитектуру церкви. Ее галереи могли быть открытыми и закрытыми, одноярусными и двухъярусными. Храм мог быть пятикупольным и многокупольным. Скажем, их тут насчитывалось 13 — как в

---

[1] http://chtenia.pavlovskayasloboda.ru/Content/content/kesler_istoriya.htm

Киевской Софии. А может, как указано в одном из списков «Городов дальних и ближних», чуть ли не 25 куполов. Далее — какой высоты была Десятинная церковь? Сие нам тоже неведомо. Как же воссоздавать то, о чем мы так мало знаем?»[1]

Откуда же Кеслер знает, как выглядел храм, само существование которого является лишь гипотезой? Наверняка, се есть промысел Божий. Поскольку Кеслер должностное церковное лицо, то он может смело апеллировать не только к «научным» данным, но и к божественному откровению.

Вокруг Десятинной церкви историки принялись нагнетать атмосферу древности и великолепия. Любой камешек, откопанный рядом с ней, они тут же готовы объявить фрагментом великолепного дворца Ярослава. В.Г. Пуцко, заместитель директора Калужскою областного художественного музея в статье «Архитектурный ансамбль княжего двора в Киеве» высасывает целую концепцию буквально из пальца:

«Десятинная церковь Богородицы входила в ансамбль княжего двора, являясь его композиционной доминантой, а функционально — дворцовым храмом. Возле нее в различное время были обнаружены частично сохранившиеся фундаменты четырех древних построек, одна из которых — за рвом древнейшего киевского городища, а другая — на краю горы. В связи с этим возник вопрос о вхождении всех этих построек, известных в границах «города Владимира», в единый комплекс Ярославова двора. Здания могли быть соединены если не каменными, то деревянными постройками, следы которых не были замечены»[2].

Шире надо смотреть на вещи, гражданин Пуцко. Любые останки каменного фундамента, обнаруженные в любой части Киева следует объявить филиалами княжеского дворца, соединенными между собой великолепными арочными мостами и подземными ходами. Для убедительности следует составить красивую реконструкцию. Но давайте зададим нашему фантазеру несколько неудобных вопросов:

---

[1] http://www.ukrstor.com/ukrstor/tolocko-puti-5-03.html

[2] http://archaeology.kiev.ua/pub.cgi?i0609

— почему он считает фундаменты принадлежащими к XI в.?

— связаны ли фрагменты фундаментов между собой или представляют собой останки различных построек?

— насколько эти фрагменты соответствуют большому строению, каковыми должны быть княжеские хоромы?

В статье автор мимоходом сообщает сведения, способные удовлетворить наше любопытство: «*Наиболее ранним принято считать здание к северо-востоку от Десятинной церкви, на краю горы, остатки которого впервые были обнаружены в 1857 г. Его две стены тогда же уничтожили, и В.В. Хвойка мог видеть в 1907 г. лишь их фундаменты, прослеживаемые на протяжении двадцати одного метра, а к 1936 г. остался только небольшой отрезок одной из стен. Здание было двухэтажным, с верхним этажом, скорее всего деревянным. Если зафиксированные фундаменты отражают плановую структуру, то сооружение состояло из трех помещений различной величины, большее из них было квадратным*».

Прелюбопытная картина получается: на краю горы стояло двухэтажное здание, которое обнаружили только в 1857 г. Если его обнаружили в результате археологических раскопок, то зачем уничтожили, даже не зарисовав и не оставив фотографий? Если же останки каких-то стен нашли простые землекопы при проведении хозяйственных работ, то на чем основано мнение об их принадлежности к древнему дворцу? Как следует из статьи Пуцко, исследователь Хвойка наблюдал останки фундамента лишь через 50 лет после находки и их протяженность оценил в 21 метр. Через 30 лет многометровый фундамент куда-то исчез, зато воскрес «небольшой отрезок одной из стен», вроде бы разобранной в 1857 г. и ныне нам неизвестный. Поверим автору на слово, что кем-то зафиксированные фундаменты отражают плановую структуру, хотя речь можно вести лишь о фрагментах фундаментов. Но даже в этом случае выходит, что мы имеем дело всего лишь с трехкомнатным дворцом. Что-то больно уж скромно для княжеских палат.

«*Второе здание было обнаружено в 1914 г. в Десятинном переулке при раскопках С.П. Вельмина, которому удалось открыть только часть дворца, протяженностью около тридцати пяти метров. Были выяснены в основном план сооружения*

и его частично сохранившиеся фундаменты с их конструктивными особенностями, по всей длине фундаментных рвов прослежены остатки деревянных субструкций. Исследование остатков этого так называемого Западного дворца продолжили лишь в 1982 г., когда была выявлена узкая крайняя камера здания, в результате чего не подтвердилось первоначальное предположение о симметричном характере его плана. Вероятнее всего, центром дворца служило большое продолговатое помещение, расчлененное на фасаде на три прясла. Еще в 1868 г. к югу от Десятинной церкви были найдены следы третьего здания. На его фундамент еще раз наткнулись в 1893 г., но тщательному изучению эти развалины подверглись только в 1911 и 1914 гг. С учетом стратиграфии и строительной техники этот Южный дворец датируется рубежом X—XI вв. Два фрагмента стены были открыты В.В. Хвойкой в 1907—1908 гг. к северо-западу от Десятинной церкви, на территории древнего городища, и, по-видимому, к этой же постройке относится раскопанный В.К. Гончаровым в 1970—1972 гг. фундамент стены протяженностью восемнадцать метров, шириной полтора метра, сложенной из валунов на глине, с отходящими в обе стороны поперечными стенками».

Обратим внимание: Пуцко пишет о том, что к югу от Десятинной церкви были найдены следы здания (не остатки, не фундамент, а именно следы), однако тут же объявляет, что на этом месте был именно дворец. Ссылки на стратиграфию[1] и особенности строительной техники во внимание принимать не следует. Вообще-то стратиграфический метод позволяет определить лишь относительную датировку, то есть последовательность событий и эпох, оставивших в земле следы. Но археологи, когда им очень надо, плюют на собственные же принципы и базируют на стратиграфии точную датировку, привязывая культурные слои к конкретным датам. Жаль только, что Пуцко не сообщает никаких интересных сведений о характере культурных слоев на месте раскопок. Стратиграфиче-

---

[1] *Археологическая стратиграфия* — порядок чередования напластований культурного слоя по отношению друг к другу, а также к подстилающим и перекрывающим его горным породам и отложениям.

ские методики сродни гаданию на кофейной гуще, два разных археолога дадут совершенно разную трактовку одного и того же среза. Поэтому «ученые» просто договариваются между собой, какие находки к какой эпохе относятся, а после с умным видом подгоняют результаты своего анализа под заранее известную истину. Никакой возможности проверить их выводы с помощью независимого метода не имеется. Поэтому остается либо верить им на слово, либо не верить. Зная, насколько охотно археологи удревняют свои находки, всегда следует принимать во внимание, что лет 500-600 они накинут, глазом не моргнув.

Но в любом случае те сведения, которые сообщает Пуцко, не дают возможности интерпретировать обнаруженные фрагменты фундаментов, как остатки древнего дворца, поскольку речь идет об отдельных зданиях, причем достаточно небольших. Что такое 18-метровая стена? Современный дачный коттедж имеет порой куда больший размах. Ничего не объясняет и тот факт, что фундаменты сложены из валунов, скрепленных глиной. Неужели археологи ожидали увидеть там свайные железобетонные фундаменты? Современный бетон на основе цементных смесей известен лишь с 1844 г. Фундаменты из камня и битого кирпича делали как в XII, так и в XX столетиях, а глина для гидроизоляции несущих конструкций с успехом используется поныне.

Кстати, валуны, да и вообще все фундаменты имеют свойство проваливаться, как бы тонуть в грунте. Посмотрите на кирпичные купеческие особняки 100—200-летней давности. Мало у какого из них цокольный этаж ныне находится выше уровня земли. Поэтому нередки ситуации, когда в более ранних культурных слоях находят фундаменты XIX в. Так что даже если поверить, что археологи на Ярославовом городище в Киеве обнаружили остатки фундаментов именно в культурном слое X в., это вовсе не указывает на тысячелетний возраст их находок. Если верить плану Киева, составленному Иваном Ушаковым в середине 90-х годов XVII столетия, рядом с Десятинной церковью стоят несколько зданий, в их числе денежный погреб и приказная палата. Их что, без фундамента поставили? Конечно, нет. Так почему бы не предположить, что

найденные археологами валуны держали на себе не дворец великого князя, а самые заурядные административные здания периода царствования Петра?

Пусть историки сколько угодно насыщают свои тексты заумными словечками вроде «стратиграфия» и «типология», но даже обладая знаниями на уровне школьного курса физики, можно легко показать, насколько примитивными являются их спекуляции. Да, зная физические свойства пород, составляющих киевские холмы, теоретически можно вычислить (пусть и очень приблизительно), с какой скоростью фундаменты погружаются вглубь. А зная глубину, на которой они находятся, можно судить о возрасте построек. Но для этого надо точно знать массу здания, давящего на фундамент и то, какое время фундаменты несли на себе эту нагрузку. Поскольку эти данные отсутствуют, нам не остается ничего другого, кроме как предположить, что мы имеем дело с остатками сооружения не позднее конца XVII в.

Есть в Киеве остатки легендарных Золотых врат, построенных, по преданию, самим Ярославом Мудрым в 1037 г. Разумеется, до наших дней они не дошли. Вроде как, все тот же злой Батый их порушил. Зачем порушил — мешали они ему что ли? В некоторых сочинениях причина их разрушения указывается более обтекаемо — «после нашествия Батыя Золотые ворота постепенно приходят в упадок». По общепринятой версии в древний Киев вело трое ворот, помимо главных Золотых (Южных) врат существовали еще ворота Лядские и Жидовские. От последних не сохранилось даже камешка. Разрушение их приписывается тому же Батыю. Возможно, Золотые Ворота действительно существовали, но помешали они не Батыю, а русскому правительству, поскольку вид их категорически не соответствовал представлениям о древности. Сенат в 1743 г. постановил: *«Золотые ворота, для сохранения и вида древности, засыпать землей, как внутри, так и по сторонам, и оставить в валу, а вместо них устроить другие, каменные»*. Зарытые в конце 1750 г., они были откопаны в 1832 г. киевским архитектором Лохвицким (это стало археологической сенсацией) и облицованы кирпичом. Что за дурь? Старину всегда старались откопать для сохранения, и лишь Золотые ворота с той

же целью закапывали. При этом ту часть ворот, что оказалась над землей, разобрали. Надо полагать, для пущей сохранности, чтоб туристы на сувениры не растащили.

Везде стремятся воссоздать древний вид строения, а откопанные киевские ворота зачем-то прячут за кирпичной кладкой. Как-то это все очень подозрительно выглядит. Ни чертежи, ни древние изображения сих ворот неизвестны, но это не беда — для туристов в 1983 г. был возведен новодел в строгом соответствие с представлениями историков о том, как должны выглядеть очень древние строения. Фрагменты старых стен, по которым совершенно ничего нельзя установить, находятся внутри современной постройки. Вопрос в том, фрагменты каких ворот мы сегодня видим. Есть сведения о том, что в 1682 г. при гетмане Самойловиче была предпринята попытка отреставрировать старые ворота. Вообще, само слово «реставрация» в данном случае вряд ли уместно. В XVII столетии еще не существовало того культа старины, которым отмечен XIX и последующие века, никакого благоговения перед старыми постройками не было. Любые строения воспринимались, прежде всего, как функциональные сооружения.

Принимая во внимание, что Золотым воротам при Иване Самойловиче было уже более 500 лет, то сама возможность их реанимации представляется довольно сомнительной. Гораздо дешевле было снести ветхие развалины и построить на освободившемся фундаменте новые. Если верить, что на рисунке Вестерфельда изображены те самые врата, то их восстановление представляется делом более хлопотным, нежели строительство новых. Впрочем, как считается, при Самойловиче ничего из ремонта не получилось, потому что выделенные на него средства попросту разворовали.

Целесообразность строительства шикарных каменных врат в Киеве вызывает сомнения. Ведь город никогда не имел каменных стен. Археологи нашли в нескольких местах Ярославова городища дубовые срубы высотой до семи метров (правда по причине фрагментарности находок нельзя сделать выводы о том, что это была именно городская крепостная стена, но могла быть и она, а высота в семь метров лишь предполагаема). И уж тем более нет оснований утверждать, что это остат-

ки древних оборонительных сооружений. По польской инвентарной описи киевского замка 1619 г. он имел дубовые башни и был окружен дубовой оградой. Если в стольном городе не могли изыскать возможность выстроить каменные стены, то зачем тратить так много стройматериалов на украшение? Почему столица Руси, известной множеством крупных каменных крепостей, не была огорожена каменной стеной и даже не имела каменного замка внутри?

Да, известные нам сегодня каменные крепости и монастыри в подавляющем большинстве построены после XIII в., но если речь идет о стольном граде, можно предположить, что там каменная цитадель появится в первую очередь. Тем более, что рядом находились степи, откуда, если верить летописям, регулярно налетали злые кочевники, чтобы ограбить богатый город. Конечно, до появления артиллерии деревянные стены вполне надежно защищали город, но они имели один существенный недостаток — подверженность пожару (киевская деревянная цитадель горела не один раз). Но о том, что Киев имел каменные оборонительные сооружения, не заикаются даже самые брехливые историки.

Во Владимире имеются свои Золотые ворота, как считается, 1164 г. постройки с похожей судьбой. Вот только одна цитата: *«Ворота сильно пострадали не только от неприятелей, но еще в большей степени от починок XVII и особенно XVIII столетий. По письменным источникам ремонты надвратной церкви проводились в 1469 году и в конце XVII в. В последней четверти XVIII в. засыпали глубокий ров перед воротами и срыли земляной вал, к ним примыкавший. В 1795 году разобрали надвратную церковь, так же, как и своды ворот. Своды свели заново и поставили новую церковь. К углам пристроили круглые башни, скрывшие контрфорсы. Таким образом, от изначальной кладки сохранился лишь основной объем постройки до начала сводов»*[1].

Мне, конечно, очень хочется верить Раппопорту, что «основной объем постройки до начала сводов», скрытый штукатуркой, сделан в далеком XII в., но еще больше хочется полу-

---

[1] *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. Каталог памятников.

чить убедительные доказательства сему. В сухом остатке имеем только достоверные сведения о том, что современный вид владимирские ворота приобрели в конце XVIII в. Кстати, по мнению историков, суздальский князь Андрей Боголюбский не просто поставил во Владимире одноименные ворота, но, дескать, скопировал киевские. Если так, то почему копия даже отдаленно не похожа на развалины оригинала, запечатленного Вестерфельдом? Но, как бы то ни было, во Владимире Золотые ворота стоят (пусть даже и перестроенные 350 лет назад), а вот в Киеве мы видим только остов кирпичной стены. Ворота приходится домысливать самостоятельно.

Схожую картину мы наблюдаем и в других «древних» городах Киевской Руси: постройки ранее XVII в. крайне редки. Например, Полтава, годом основания которой считается 1174 г. не может похвалиться архитектурными достопримечательностями, возведенными ранее романовской эпохи. В Чернигове стоит Спасо-Преображенский монастырь, который «по паспорту» старше Софии Киевской. Дата его возведения — 1036 г. (меня просто умиляет такая точность в датировке событий тысячелетней давности). Но потом, как водится, он был полностью «перестроен» в XVIII столетии, причем никто не может объяснить, почему монастырь считается именно «перестроенным», а не возведенным 300 лет назад, если никаких следов седой старины мы в нем не наблюдаем. Черниговский Троицко-Ильинский монастырь основан якобы в 1069 г., но опять же, ничего от той поры древней не сохранилось. Здание Троицкого собора построено лишь в 1679 г.

Пятницкая церковь в Чернигове, датированная XII—XIII в., действительно стилистически напоминает византийскую архитектуру, но даже намека на архаику мы в ней не видим. Это новодел 1962 г., хотя официально считается, что здание было не построено в XX в., а лишь «отреставрировано». О какой реставрации может идти речь, если как пишут в книгах по истории архитектуры, во время войны Пятницкая церковь была превращена в руины. Некоторые авторы пытаются извернуться, и тогда из-под их пера выходит нечто: *«Во время Отечественной войны храм серьезно пострадал от детонации взрыва авиабомбы. Только благодаря мужественным и самоотвержен-*

ным усилиям крупнейшего русского реставратора П.Д. Барановского церковь была укреплена и изучена»[1].

Это следует понимать так: в церкви находились некие взрывчатые вещества, вероятно склад боеприпасов, а потом туда угодила авиабомба и склад сдетонировал от ее взрыва. Неудивительно, что для ее «укрепления» после «детонации» потребовалось 20 лет. Понятно, что изучена церковь могла была только после того, как ее восстановил Барановский[2]. Один из таких «изучателей», современный искусствовед, не моргнув глазом, восхищается: *«Искусное использование кирпича придает сооружению особую выразительность, пластичность и красоту. Скрупулезная точность кирпичной кладки выдает руку византийского мастера. Возможно, им был Петр Милонег»*. Очнись, приятель, ты глядишь на кладку советского каменщика. Возможно, им был дядя Петя, ударник комтруда и победитель соцсоревнования.

Храм в честь первых канонизированных русских святых Бориса и Глеба находится тоже в Чернигове, где сразу целых пять храмов объявлены образцами домонгольского зодчества — их там якобы сохранилось больше, чем в Киеве. Вот что бесхитростно повествуют о ней путеводители: *«Церковь почти полностью сохранила особенности нового архитектурного направления первой половины XII века, что было наглядно выявлено после реставрации 1980-х годов»*.

Действительно, реставрация может выявить все что угодно. Можно так «отреставрировать», что Борисоглебская церковь будет выглядеть, словно китайская пагода. Вот еще несколько вех из официальной истории собора: он был разгромлен монголо-татарами и восстановлен в XIII столетии; в 1611 г. собор сильно пострадал от пожара и был перестроен; в середине XVII в. его существенно перестроили; в 1702—1703 гг. к нему пристроили колокольню; в 1857 г. была вновь реконструирована восточная часть; в 1947 г. были проведены археологические раскопки, а после церковь была отреставрирова-

---

[1] *Пелевин Ю. А.* // http://artclassic.edu.ru/catalog.asp?ob_no=%2014158

[2] *Барановский Петр Дмитриевич* (1892—1990) — советский архитектор, реставратор памятников древнерусского зодчества.

на под руководством архитектора Холостенко. Чтобы понять, с какими трудностями столкнулся Холостенко, достаточно отметить хотя бы то, что абсидная часть здания сохранилась всего до высоты 60—80 см. Откуда реставраторы узнали о первоначальном облике собора — загадка. Почему его постройку датировали XII в., неведомо.

Церковь Бориса и Глеба в Гродно, по официальной версии, построена в 1170-е годы. Но, как сообщают о ней современные аннотации, *«от древнего храма сохранилась восточная часть с каменным сводом внутри, северная и половина западной стены... Своды храма, по исследованию протоирея Корчинского, обрушились еще в XV веке при захвате города московскими войсками. А южная стена и половина западной обрушились в ночь с 1 на 2 апреля 1853 г. в Неман из-за подмыва берега. Церковь поновили, но реставрация так и не была осуществлена».*

Знамо дело, московские(?) войска так шибко топали, что даже своды церкви от этого обрушились. И подмыв берега явно был организован клятыми москалями. Но факт остается фактом — до наших дней церковь не дошла. А те фрагменты кирпичной кладки, что сохранились, не имеют никакой привязки к XII в. Кирпичные постройки 200-летней давности могут иметь такой же древний вид. Фантазии архитекторов относительно того, как храм выглядел до разрушения, сугубо умозрительны.

В Полоцке находится еще один знаменитый храм — один из трех Софийских соборов на Руси, построенных в XI в. Однако, как сообщают путеводители, в XVII—XVIII вв. собор сильно перестраивался, неоднократно ремонтировался, а в 1750 был полностью перестроен униатским архиепископом Флорианом Гребницким. Слова «полностью перестроен» в данном случае следует понимать так: в 1750 г на месте, где до того, как принято считать, находилась другая постройка, был возведен собор, получивший название Софийского.

О том, почему потребовалась перестройка собора, «Википедия» сообщает следующее: *«Во время Северной войны собор был закрыт и разграблен российской армией, а в 1710 г. в нем по приказу Петра I был размещен пороховой склад, после*

взрыва которого храм пролежал в руинах до 1738 г.». Короче, опять виноваты чертовы москали! Несколько сомнительным, правда, следует счесть то, что православный собор был закрыт и разграблен на своей территории православным же воинством. Но в данном случае примем во внимание лишь то, что собор уничтожен взрывом. Хотя искусствоведы с умным лицом и пытаются вещать, будто в плане он повторял Софийский собор Киева, также как и Софийский собор Новгорода, что это был пятинефный крестово-купольный храм с княжескими хорами, с семью главами и пятью куполами, главный из которых имел диаметр 5,85 м, никаких доказательств никто привести не может. Просто они договорились так считать. Хочешь — верь, не хочешь — не верь. Проверить все равно невозможно. Сегодня же туристам в Полоцке показывают изящную трехнефную одноапсидную католическую базилику и с уверенностью в голосе рассказывают, будто это и есть, хоть маленько перестроенная после взрыва порохового склада, но все же древняя София Полоцкая постройки XI в.

Кстати, датирован он был, если верить «умным» историкам очень хитрым способом. Вот что сообщает один очень авторитетный источник: *«Находка в 1977 г. древнерусской надписи на камне в основании Софии Полоцкой и ее палеографические показания позволили уточнить дату основания полоцкого собора — середина 50-х годов XI в»*[1].

Да, само слово «палеография» звучит столь мудрено, что сразу повергает в священный трепет перед мощью науки, но текст рассчитан на идиотов, которые ленятся открыть словарь, встретив незнакомый термин. Давайте все же заглянем в энциклопедию Брокгауза и Ефрона: *«Палеография — изучает историю письма по рукописным памятникам, начертанным на папирусе, пергаменте и бумаге, т. е. на таком материале, на котором буквы не вырезываются, а написываются»*. Насколько я понимаю, на камне буквы именно вырезаются (выбиваются, вытачиваются, выскабливаются, высверливаются), а потому не могут составлять предмет палеографического исследо-

---

[1] *В. А. Булкин, Т. В. Рождественская.* Библиографический словарь «Древняя Русь».

вания. И подобные манипуляции встречаются везде, где дело касается «древних» памятников Киевской Руси.

Еще пара слов о палеографии. Один историк (по диплому и по уровню интеллекта) на мое утверждение о полном отсутствии артефактов, относящихся к древнему Киеву, сослался на такой общеизвестный памятник, как Киевское письмо. Давайте разберемся. Киевское письмо представляет собой начертанное на пергаменте рекомендательное письмо, выданное некому Яакову Бен Ханукке иудейской общиной Киева для предъявления в других иудейских общинах. По мнению первооткрывателей документа, американских исследователей Нормана Голба и Омельяна Прицака может считаться древнейшим аутентичным документом, вышедшим с территории Киевской Руси. Датируется предположительно X в. н. э. Найден пергамент в 1962 г. в Каире, на русском языке опубликован лишь в 1997 г, но почему-то в переводе с английского.

Как сообщает «Википедия», письмо содержит просьбу к евреям других городов пожертвовать денег для выкупа Якова Бен Ханукки. Утверждается, что этот человек, ранее никогда не нуждался, пока не выступил поручителем за брата, взявшего деньги у иноверцев. Брата убили разбойники, и когда пришло время отдавать долг, поручителя забрали в тюрьму. Через год община выкупила его за 60 монет, но для полного освобождения требовалось еще 40. Писан текст на иврите. Единственная привязка к Руси — это упоминание в нем города Куяб. Назовите мне хоть одну причину, по которой Куяб — это именно Киев, а не древний Куляб в Средней Азии, или еще более древний Куба (Кува)? С таким же успехом можно связать этот топоним с племенем куявы, обитавшем в междуречье Вислы и Нетечи. И как можно палеографически (то есть по аналогии с известными письменными источниками) датировать этот документ, если известны лишь два памятника иудейского письма хазарского происхождения, предположительно датируемые X столетием?

Один из двух источников — так называемый Кембриджский документ или письмо Шехтера (по имени первооткрывателя) в первой половине XX в. вообще не признавался подлинником. В частности, этой точки зрения придерживался круп-

ный семиолог, исследователь арабско-семитской филологии Павел Константинович Коковцов, выполнивший перевод с иврита на русский язык и классифицировавший документ, как позднейшую компиляцию. Найдена рукопись в 1912 г. в той же каирской генизе (хранилище рукописей при синагоге), что и Киевское письмо, так что идентичность стиля почерка вполне объяснима. Но относимо происхождение данного источника к Константинополю.

Думаю, читателя уже не удивит, что и другой иудейско-хазарский артефакт — письмо царя Иосифа, датируемый концом первого тысячелетия нашей эры, обнаружен все в той же каирской генизе, однако дошел не в подлиннике, а в копиях, наиболее достоверную из которых принято датировать концом XI столетия. Найден каирский список одесским гахамом (мудрецом) Авраамом Фирковичем. Фиркович этот известен тем, что многие древности, которые он представил общественности, оказались на поверку им сфальсифицированными. Тем самым ценность Письма царя Иосифа становится весьма сомнительной. Тем более удивительно, что «первоисточник» найден уже после опубликования в 1577 г. в Константинополе Исааком Акришем еврейской пропагандистской книги «Голос посланца благой вести», включавшей редакцию Письма Иосифа.

Короче говоря, история с иудейскими пергаментами из каирской генизы более чем мутная. Но разве историков это смущает? Написал некий иудей слово Куяб — значит это дает повод для «фундаментального исследования» института долгового рабства на Руси (см. Пузанов В. В. «Киевское письмо» как источник по истории права Древней Руси»). Смешно? Да, цирк уехал, клоуны остались. А уж какое открывается поле для проеврейской пропаганды! Некоторые баснописцы уже всерьез утверждают, ссылаясь на письмо Ханукки, что Киев был основан вовсе не презренными гоями вроде Кия, Щека и Хорива, а чистопородными представителями богоизбранного народа и ими же был заселен.

Еще один письменный памятник, относимый к IX—X вв. — так называемые киевские глаголические листки. Эта, по словам «ученых», древнейшая восточнославянская книга представляет собой семь лоскутов хорошо обработанного тонко-

го пергамента в картонной оправе, испещренных черными и красными чернилами глаголическими буквами. Содержание Киевских глаголических листков определил их исследователь Измаил Срезневский[1]. Текст, что занимает три четверти первой страницы — отрывок из апостольских чтений. Содержание текста на остальных страницах являет собой собрание западнохристианских месс — мисал, переведенных с латинского языка. Указывая на некоторые особенности текста, исследователи предполагают, что происхождение его западнославянское (чешское или моравское). Никаких указаний на то, что сей документ относится к IX—X столетиям в тексте не содержится. Ссылки на особенности орфографии (якобы более архаическая, нежели в других случаях) малоубедительны, потому что столь древние письменные источники существуют в единичных экземплярах и их датировка представляется делом исключительно сложным. Можно, конечно, предположить, что глаголица перестала употребляться после создания кириллического алфавита, но это будет в корне неверно. Глаголица вплоть до середины XX века использовалась хорватскими католиками при совершении богослужений по глаголическому обряду. На Руси же, как считается, глаголица практически не использовалась, будучи широко распространенной лишь на Балканах.

Почему листки названы Киевскими — загадка. В 1872 г. эту достопримечательность подарил Киевской духовной академии ее воспитанник начальник Российской духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Андрей Иванович Капустин). Тот, в свою очередь, отыскал их во время своего пребывания в монастыре Св. Екатерины на горе Синай в 1870 г. Так что сии листки по праву следует именовать Иерусалимскими или Синайскими.

---

[1] *Срезневский Измаил Иванович* (1812—1880) — русский филолог-славист, этнограф, палеограф, академик Петербургской Академии наук.

ДОКТОРА МИФОЛОГИЧЕСКИХ НАУК И ИХ РЕЛИГИЯ

Подозреваю, что мои рассуждения могут показаться многим, прямо скажем, бредовыми. Дескать, какой смысл подвергать сомнению то, что совершенно точно давно установлено академической наукой? Разве может человек в здравом уме сомневаться в самом факте существования великой и могучей Киевской Руси, если об этом написано столько толстых книжек с картинками? Если так кому-то будет легче, считайте меня выжившим из ума. В конце концов, лучше выглядеть сумасшедшим, чем быть им на самом деле.

Так сложилось, что уже лет десять, как я работаю журналистом. Нет, не надо путать меня с проститутками вроде Сванидзе и всяких прочих Леонтьевых. Следует, наверное, выдумать новое слово для обозначения того ремесла, которым эти типы и целая кодла им подобных зарабатывают на хлеб с черной икрой. Либо как-то нужно обозначить специфику моей работы. Где-то мне попадалось англоязычное словечко «инвесгейтер», что дословно означает «разгебатель грязи» — так в США называют репортеров, специализирующихся на поиске и публикации компромата на всяких персон, занимающих видное положение в обществе. Наверное, это будет более точным определением того, чем я занимаюсь. Сами понимаете, важные персоны не любят, когда их публично разоблачают во всяких неприглядных делишках, исчерпывающий перечень которых дает Уголовный кодекс, а потому стараются заметать следы. Установить истину трудно даже следователю, который может вызвать фигурантов уголовного дела на допрос, произвести

выемку документов, обыск, привлечь к работе оперативных работников, экспертов-криминалистов и т.д. Представьте, насколько более сложной является работа журналиста, который должен найти факты, безусловно обличающие должностное лицо в совершении преступления, не прибегая к перечисленным приемам!

Тем не менее, если применить правильные методы поиска и анализа информации, можно воссоздать картину преступления, не пытая подозреваемых каленым железом, не прослушивая их телефоны и не соблазняя секретаршу губернатора, чтобы потом использовать ее в качестве шпиона. Работа эта, если честно, довольно скучна и заключается в основном в изучении множества официальных бумаг, добыть которые при желании не составляет труда. Многие документы даже публикуются в открытой печати, как например, принятый бюджет субъекта федерации и отчет о его исполнении. Стоит только сравнить эти два совершенно несекретных документа, как вы найдете в них массу интересного. Например, какие-то статьи расхода будут профинансированы на 89,4%, а какие-то на 156,3%. Вот здесь обычно и кроется воровство. Например, если вдруг значительно превышены расходы «на обеспечение деятельности аппарата губернатора» на фоне недофинансирования мероприятий по ремонту котельных в райцентрах, можно предположить, что глава региона решил: авось черный народец переживет зиму и с гнилыми котлами, а вот ему, великому государственному деятелю, непременно нужно съездить на экономический форум в Давос во главе делегации Мухосранской губернии. Чтобы проверить предположение достаточно пролистать местную прессу, основная цель которой состоит в пропаганде великих свершений самого выдающегося губернатора современности. Если он поехал в Давос, местная пресса раструбит об этом на всю округу. Но это, конечно, случай элементарный.

Читать документы надо умеючи. Порой, зацепка спрятана в одной единственной буковке. Вот, например, сейчас передо мной лежит совершенно рядовое распоряжение мэра одного областного центра, напечатанное на стандартном бланке и состоящее буквально из двух строчек: «На основании такого-то

договора приказываю передать в аренду такой-то фирме такие-то объекты в соответствии с приложением № 1 вышеозначенного договора». Число, подпись мэра. Число, подпись руководителя комитета по управлению городским имуществом. Найти в этой невзрачной писульке какой-либо криминал достаточно трудно, но, тем не менее, от нее так и воняет «жареным». Бюрократический порядок таков — сначала документ подписывает маленький начальник и потом несет на подпись своему боссу. Первый руководитель ставит визу самым последним. А в данном случае мы видим, что подчиненный мэра подписал распоряжение о передаче имущества в аренду после шефа, что совершенно ненормально, да еще акцентировал на этом внимание. Это значит, что он не хочет брать на себя ответственность за этот шаг, а потому, страхуя свою задницу, формально ставит автограф уже после того, как распоряжение подписано мэром и вступило в силу. Вопрос в том, чего так боится начальник комитета по управлению городским имуществом? Я, конечно, с удовольствием рассказал бы вам об этой криминальной истории, но, боюсь, мы сильно уклонимся от темы.

В данном случае я хочу лишь обратить внимание читателя на то, что незаметная мелочь в документе может дать куда больше информации, чем все остальное вместе взятое. То же самое и в исторических источниках. Порой важно не то, *что* написано на бумаге, а то, *какой это сорт* бумаги. Иногда можно вполне достоверно установить, что бумага изготовлена в XIX столетии и писана чернилами того же времени, чтобы выяснить, что документ является подделкой, стилизованной под предшествующий век и «доказывающей» древнее дворянское происхождение господина Пупкина. А ведь такие подделки, например, в бывших польских землях во время «шляхетских разборов»[1] штамповались пачками, и их сегодня может быть в распоряжении историков гораздо больше, нежели достовер-

[1] *Разбор шляхты* — мероприятия по переписи представителей дворянства в податные сословия в северо-западных губерниях Российской империи после присоединения их к России.

ных документов. И подчас бывает, что мастерская по изготовлению фальшивок использовала бумагу одного сорта и одни и те же чернила, да и писарь, как не ловчился, а почерк его выдает.

Короче, если бумага врет или прячет в себе тайну, то ложь эту можно выявить, а спрятанное раскрыть. Если есть желание, конечно. А что делать с устными показаниями? Порой, когда приходится разгребать какое-нибудь дурно пахнущее дело, сколько человек ни опроси, столько версий и услышишь, ибо каждый пытается выставить себя в более выгодном свете, а всех собак повесить на кого-то другого. В этом случае важно выявить противоречия в показаниях и устранить оные. Как-то раз я исследовал вопрос обоснованности повышения уровня оплаты коммунальных услуг в одном городе. Начальница горводоканала любезно дала исчерпывающие сведения о расчетах тарифов, себестоимости услуг, объемах потребления воды, и т.д. На любой вопрос она давала предельно четкий и подтвержденный всеми необходимыми официальными бумагами ответ. По всему выходило, что самовольно никто с жителей брать денег больше не стал, что все экономически обоснованно и абсолютно законно. Но, черт возьми, платить-то приходится все больше и больше, а спросить не с кого!

Если бы статью в газету готовил профессиональный «историк», он бы на этом и успокоился. Чего еще ковыряться, если все документы изучены под лупой, отчетность такая, что комар носа не подточит, а объем поданной в городскую сеть воды фиксируется счетчиком, в показаниях которого сомневаться не приходится. Подается миллион кубометров в месяц, и сумма собранных с населения денег точно соответствует количеству потребленной воды. Но я не успокоился и через некоторое время побеседовал с главным инженером предприятия по обслуживанию канализационных городских сетей, или, правильно выражаясь, сетей водоотведения. Тариф на водоотведение тоже оказался выверенным и надлежащим образом утвержденным. Объем водоотведения составляет порядка 600 тыс. кубометров в месяц, плата начисляется в строгом соответствии с фактически оказанными услугами.

Стоп! Вот тут уже не надо заканчивать истфак и писать диссертацию по истории Древней Руси, чтобы уловить несоответствие — объем водоподачи — миллион кубометров воды, а объем водоотведения — 0,6 миллиона кубов. Документы это все подтверждают. Куда же девается 40% воды? Выяснить это оказалось нетрудно. В течение десяти лет хронически недофинансировался (допустим, что при этом даже никто ничего не воровал) ремонт городского водопровода, отчего он пришел в негодность и чуть не половина воды попросту утекала в землю через порывы и свищи, не доходя до потребителя. Но потребитель за эту воду все равно платит, так же как исправно платил за ремонт, которого не было! Выяснилось, что руководству горводоканала это было вдвойне выгодно: во-первых, они сократили объемы трудоемких ремонтных работ, уволили часть персонала и сдали в аренду высвободившуюся строительную технику, а во-вторых, благодаря увеличению объемов водоподачи, фирма смогла значительно улучшить свои финансовые показатели, ведь их прибыль зависит от объема оказанных услуг, поскольку издержки просто механически перекладываются на потребителя. Так зачем менять трубы, если горожане оплатят водопотери?

Да, вот такой я гадкий, вредный, мерзкий тип — всюду ищу подвох, обман и провокацию, особенно если речь идет об очень уважаемых людях. И как ни странно, почти всегда нахожу, потому что знаю, где искать. Мне по большому счету без разницы — поймать за нечистую руку мэра, «отмывающего» бюджетные деньги, или «историка», фальсифицирующего прошлое моей страны. У них одинаковые методы махинаций и заметания следов, у меня одни и те же способы их разоблачения.

Как ни печально признать, но ни разу мне не удавалось в ходе своих расследований установить истину на все 100%. Всегда потом всплывали дополнительные факты, открывались новые обстоятельства и мои собственные ошибки. Но даже если удалось установить правду с 80%-ной достоверностью и разоблачить 50% лжи, то это уже очень неплохо. Пусть другие меня дополнят и поправят.

Вот и давайте обратимся к истории, рассмотрим, на какую фактологическую базу опираются «ученые». Напомню, что мы

рассматривали вопрос о киевских древностях. Самое раннее, дошедшее до наших дней, изображение Киевской Софии датируется серединой XVII столетия. В июле 1651 г. армия Великого княжества Литовского во главе с польным гетманом Янушем Радзивиллом разбила заградительные полки Богдана Хмельницкого и захватила Киев. Это тот самый Януш Радзивилл, который по легенде считается владельцем списка «Повести временных лет», который и называется по его имени Радзивилловской летописью. Вместе с гетманом в Киев прибыл голландский художник Абрагам Ван Вестерфельд. Пока радзивиллово воинство грабило киевские храмы и обывателей, Вестерфельд сделал зарисовки Софийского собора, Золотых ворот, Печерской лавры и других достопримечательностей города. Выше мы уже обращались к этим произведениям.

Правда, оригиналы работ заезжего художника не сохранились, а известны только в копиях, сделанных в следующем веке, что значительно снижает их ценность, как исторических документов. Но будем считать, что на них действительно изображена София Киевская именно в таком виде, в каком она была в 1651 г. Хорошо ли, когда нет других изображений? Для «историков» просто великолепно, ибо, чем меньше они рассматривают фактов, тем меньше между ними будет противоречий. А вот когда существует пять или десять изображений Софии, и все они отличаются друг от друга, то это уже как-то надо объяснять. В случае с Софийским собором ситуация для историков весьма благоприятна — кроме рисунка Ван Вестерфельда имеется в наличии еще только одно, считающееся более ранним, изображение храма, помещенное на плане города в книге «Тератургима, или чудеса, совершившиеся, как в самом Печерском монастыре, так в обеих его пещерах», написанной иеромонахом Киево-Печерского монастыря Афанасием Кальнофойским и изданной в 1638 г. Не станем сейчас подвергать сомнению датировку плана.

Между рисунками Кальнофойского и Ван Вестерфельда имеются значительные разночтения. Естественно, историки стараются обходить этот вопрос молчанием. Честно сознаюсь, что глубоко я не копал, а потому нашел только одно объяснение этих странностей, которое приводит уже извест-

ный нам «эксперт» по древнерусскому искусству Василий Пуцко: *«Из числа известных до настоящего времени самым ранним его [Софийского собора] изображением оставался рисунок на плане 1638 года, принадлежащем иеромонаху Киево-Печерского монастыря Афанасию Кальнофойскому. Здесь, однако, в облике собора уже зафиксированы изменения, происшедшие в результате реставрации, выполненной по инициативе Киевского митрополита Петра Могилы около 1633 года. Вероятно, более раннее состояние киевской Софии отражает рисунок голландского художника Абрагама ван Вестерфельда (1651), известный в копии XVIII века*[1]*. На этом рисунке наличествуют соборные главы ренессансного стиля, предшествовавшие ныне существующим барочным»*[2].

Предлагаю обладателям пытливого ума самостоятельно разобраться в логических изысках Пуцко. Лично я так и не понял, почему рисунок 1651 г. отражает более раннее состояние собора, чем изображение на плане 1638 г. Может быть, логичнее будет усомниться в достоверности рисунков Вестерфельда? Честно говоря, для этого довольно много оснований. Например, развалины им изображенные, слишком уж явно стилизованы под античные руины. Выше мы уже обращали внимание на несоответствие изображенного ландшафта киевской топографии, на то, что одно и то же сооружение изображается поразному. Сомнительно и то, что Вестерфельд увидел руины Десятинной церкви, на месте которых Петр Могила уже построил новый храм. Вопрос с куполами, кстати, будет совсем не праздным. Если художник изобразил «более ранние» купола, то какими мотивами это продиктовано и какими источниками он руководствовался? Смысла в этом искажении действительности я, если честно, совершенно не вижу. Гораздо правильнее предположить что изображение киевской Софии, которое считается копией XVIII столетия с рисунка Вестерфельда 1651 г., в действительности является мистификацией.

---

[1] В тексте Пуцко почему-то утверждается, что копия принадлежит к XVII столетию. Весьма характерная опечатка — историки обычно ошибаются именно в сторону удревнения источника.

[2] «Московском журнал», №11, 2005 г. // http://www.mj.rusk.ru/show.php?idar=801125

Но, собственно, я упоминаю об этом не для того, чтобы лишний раз попинать деятелей официальной исторической науки и примкнувших к ним искусствоведов. Наоборот, им хочется очень посочувствовать. Судите сами: не имея о Софийском соборе в Киеве никаких сведений ранее середины XVII столетия, им приходится изворачиваться и сочинять легенды о могучей Киевской Руси и пышном древнерусском искусстве. Люди привыкли с трепетом относиться к самому слову «ученый», но я считаю, что к историкам это слово отнести крайне сложно, поскольку наука — это, прежде всего, метод, технология, где оперируют цифрами.

А какие методы у «историков»? Чисто шулерские. Представьте себе, что вы обвиняетесь в суде в совершении убийства. Обвинение представляет суду свидетелей, которые простосердечно заявляют, что сами они сцены убийства не видели, но еще от дедов своих слышали леденящие душу истории о том, как вы убивали невинных младенцев. Каждый свидетель излагает совершенно не стыкующуюся с показаниями других картину преступления, и вы, разумеется, пытаетесь апеллировать к здравому смыслу судьи: дескать, ваша честь, свидетели не могли слышать от своих дедов о том, как я убивал младенцев, потому что убийство, в котором меня необоснованно обвиняют, произошло неделю назад и убит был старик. На это вам судья, не моргнув глазом, говорит:

— Очевидцы немного ошиблись, но это не меняет сути дела, поскольку в совокупности показания свидетелей убедительно доказывают вашу вину.

— Но, ваша честь, эти люди вообще не могут быть очевидцами, поскольку они лишь слышали об убийстве от своих предков и всего лишь пересказывают древние легенды. Наверняка речь идет о совершенно разных происшествиях, поскольку в их показаниях больше нестыковок, чем совпадений.

На это судья отвечает:

— Настоящие свидетели давно умерли, а потому суд считает, что для установления истины необходимо допросить тех, кто слышал подлинные рассказы истинных очевидцев. А потому суд выносит приговор: подсудимый виновен!

Я нисколько не преувеличиваю. Примерно таким же образом историки устанавливают «истину» о нашем прошлом. Когда нет первоисточников, они считают таковыми неизвестного происхождения списки, сделанные через 500—700 лет после рассматриваемых событий. Когда же между различными списками есть противоречия, «историки» их просто не замечают или объявляют ошибками переписчиков. А когда нет никаких свидетельств о древних событиях, «ученые», не моргнув глазом, просто сочиняют их в строгом соответствии с заранее известной «истиной», как в случае с Киевской Софией: самые ранние официальные свидетельства о ней, которые можно вполне считать достоверными, относятся к XVII в., когда митрополит Петр Могила не ранее 1637 г. обращает ее в мужской монастырь.

Все прочие сведения о Софийском соборе противоречивы, недостоверны и носят косвенный характер. Например, на московской иконе, написанной, как считается, около 1380 г. и происходящей из Николо-Угрешского монастыря, слева внизу видна группа людей перед образом святителя, помещенном на стене небольшого одноглавого храма, возле которого лежит отрок. Речь идет об известном чуде, суть которого по описанию сотрудника Российской научной библиотеки Марины Крутовой, изложенной в книге «Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности», такова. Однажды некий киевлянин со своей женой и маленьким сыном возвращался домой из паломничества по святым местам: «*Тогда же им, идущим по реке, глаголемой Днепру, жене его держащи детища на руце своей и воздремавшеся, испусти его в реку, и абие утопе отроча*». Но «*приспевши же нощи тогда скорый на помощ всем с верою призывающим святый Николае из реки детища принесе и в полате у соборныя церкви святыя Софию положи*». По другим вариантам легенды младенец был найден на берегу священнослужителями и рядом с ним нашли икону с изображением Николая, на которой он, дескать и выплыл. В память об этом событии в Ярославле стоит церковь Николы Мокрого.

Чудо датируется 1091 г. Соответственно, на иконе должна быть изображена та самая древняя Киевская София, но изображение дано совершенно схематичное и никакой привязки

к известному прототипу нет. Зато есть много вопросов. Каким образом так точно была датирована николо-угрешская икона, и насколько достоверна датировка? Когда была выдумана легенда о спасении ребенка и имела ли она какую-либо привязку к Киеву? Когда и кем это чудо было впервые описано и какими источниками пользовались искусствоведы, определяя сюжет иконы? Короче говоря, утверждать, что на иконе 1380 г. изображена одноглавая Киевская София нет никаких оснований. Есть лишь версии и гипотезы, но их может быть и миллион.

Можно ли верить древним текстам, если установлено, что это подлинник? Хм, а вы верите тому что пишут сегодня в газетах, даже если вы знаете, что газета подлинная? А древним текстам верить тем более нельзя. Вот, например, старые русские хроники пестрят описаниями речных «монструзов», которые, выйдя на берег Волхова или Вятки, пожирают людей. Если кто не понял, о чем идет речь, то на миниатюрах, иллюстрирующих текст, вполне реалистично изображен крокодил. Вы готовы поверить, что пятьсот лет назад, в разгар малого ледникового периода, климат на Среднерусской равнине был сродни африканскому? Так что если верить древним летописям на слово, то надо верить всему: и тому, что морские чудовища глотали корабли, и тому, что за «Каменным Поясом», то есть за Уралом, живут люди с песьими головами (кинокефалы). Либо уж давайте серьезно воспринимать только то, что можно точно установить, а к тому, что подтвердить нельзя, относиться соответственно.

Историки же занимаются самой низкопробной манипуляцией: то, что выглядит правдоподобно, то есть подгоняется под их официально утвержденную «истину», они объявляют установленным фактом, а то что выглядит нереалистично, либо замалчивают, либо объявляют ошибками хронистов и позднейших переписчиков. Всякие россказни про крокодилов и песомордых людей они снисходительно признают лирическими отступлениями древних авторов, которые таким образом, дескать, решили «оживить» сухое официальное повествование.

Древние письменные источники дают нам зачастую настолько отрывочные сведения о событии, что вариантов интерпретации их может быть сотни. Поясню на таком примере. Представьте, что через сто тысяч лет историку попалось на глаза несколько страниц текста с самым достоверным описанием Бородинской битвы, где есть слова о том, что армия Наполеона, пройдя от Смоленска до Бородина, понесла значительные потери. Если в распоряжении историка есть только один единственный текст, то он легко может сделать ошибочный вывод о том, что французы — коренные жители Смоленщины, которые отправились воевать Москву с целью грабежа, а Наполеон Бонапарт — смоленский князь. После того как эта версия станет «общеизвестным фактом», убедить научную общественность в том, что французы жили на другом конце Европы а на Бородинском поле оказались с целью заставить Россию соблюдать континентальную блокаду расположенной у них под боком Англии, будет просто невозможно.

Что такое вообще научная общественность? Это сброд карьеристов и неудачников. Когда-то научная общественность считала, что солнце вертится вокруг земли, имеющей форму блина. Почему? Да потому что это было общеизвестно и общепринято! А сторонников гелиоцентрической системы сжигали на кострах. Сегодня эта самая научная общественность с пеной у рта проповедует, что Киеву 1500 лет. Ломоносова за сочинения о русской старине в свое время приговаривали к тюремному сроку, хотя и для острастки только. И это лишь потому, что его версия русской истории никак не вязалась с высочайше утвержденной.

Пестрят хронологическими нелепостями не только «древние» летописи в подозрительно поздних списках. Даже люди вполне образованные во времена относительно недавние писали явную ахинею. Например, в первом известном в Европе описании окраинных польских земель Боплан пишет о виденных им в Киеве развалинах древних храмов с греческими надписями, которым 1400 лет. Выходит, что французский инженер видел греческие храмы, построенные за семь веков до принятия христианства князем Владимиром. Надо отдать должное любознательности Боплана: *«Я поинтересовался сде-*

лать разысканья в истории руссов, чтобы узнать что-либо о древности поселений в этой стране, но тщетно. Я расспрашивал лучших из их ученых, от которых только и узнал, что большие и продолжительные войны, опустошавшие страну из конца в конец, не пощадили их библиотек, которые прежде всего предавались огню; что они припоминали старинное предание, по которому море покрывало никогда все эти равнины, как мы говорили об этом, и что это было приблизительно за 2000 лет до настоящего времени; что около 900 лет назад древний Киев был совершенно разрушен, за исключением двух храмов, о которых мы уже говорили раньше. Далее, в доказательство того, что море простиралось до Московии, приводят еще один весьма солидный довод, а именно, что все развалины старинных замков и древних городов, встречаемые в этих местах, всегда находятся на возвышенных местах и на самых высоких горах, и нет ни одного, расположенного на равнине. Это обстоятельство заставляет предполагать, что в древности равнина была затоплена»[1].

Свидетельство Гильома Боплана, иностранца, человека неангажированного, весьма ценно. Выходит, что менее чем за три десятка лет до выхода гизелевского «Синопсиса» даже лучшие киевские ученые НИЧЕГО не знали о прошлом Руси кроме того, что Киев был разрушен (кем?) 900 лет назад, и с тех пор сохранилось только два храма — Софийская церковь и Михайловский собор (в Выдубицком монастыре), а остальные лежали в развалинах в то время, когда в городе гостил сам Боплан. Странно, почему он не заметил якобы очень древнюю Кирилловскую церковь, которую якобы только что отреставрировал игумен Василий Красовский.

Именно поэтому, повествуя о древних временах, я прибегаю, и в дальнейшем буду прибегать больше к умозрительным рассуждениям, основанным на логике и здравом смысле, нежели к цитированию «историков» и ссылкам на «достоверные» и очень-очень «древние» документы. Просто потому, что их зачастую нет в природе. Ну не существует никаких достоверных письменных или материальных источников, свиде-

[1] http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan/text1.phtml?id=189

тельствующих о пяти столетиях существования Софийского собора в Киеве вплоть до XVII в. Если они появятся, я буду первым, кто с великой радостью и премногой гордостью сообщит вам об этом.

Нисколько не сомневаюсь, что мои оппоненты уже намертво приклеили ко мне ярлык уверовавшего в Фоменко и заклеймили, как сторонника «новой хренологии». Спешу их немного разочаровать. К сочинениям академика Анатолия Тимофеевича Фоменко и его сподвижников я отношусь без всякого религиозного трепета с тем же самым здоровым скептицизмом. Но кое-что все же считаю нужным пояснить. Историографическое творчество Фоменко, Носовского, а также многих других сотрудничающих с ними авторов, разрабатывающих концепцию короткой хронологии человечества, следует четко разделить на три части:

— критику традиционной «длинной хронологии»;

— собственно метод математического анализа источников, сформулированный группой Фоменко;

— и, наконец, реконструкцию истории человечества, выполненную с применением авторской методики.

Что касается критики традиционной истории, то ее масса давно уже превысила критическую. Представители школы Новой хронологии поработали в этом направлении весьма плодотворно. Официальная «историческая наука» в ответ лишь глухо тявкнула об «антинаучности» концепции Фоменко и предпочла не ввязываться в дискуссию. В некоторых университетах профессора истории считают своим долгом наложить строжайший запрет для своих студентов на знакомство с трудами Фоменко и Носовского, чем их противостояние «антинаучной ереси» и ограничивается. Каких-либо публичных дискуссий со своими оппонентами представители официальной науки избегают как тараканы солнечного света, расписываясь тем самым в своей полной беспомощности. Правда, в последнее время мне попались на глаза несколько книжек из серии «Антифоменко», но к сожалению, там гораздо больше эмоций и восславления догмата, нежели конструктивной критики.

Свой метод математического анализа исторических источников Фоменко объяснил доходчиво и вполне научно. Даже я,

с трудом переносящий в школе уроки алгебры, в целом суть уловил. Плох метод или хорош, я рассуждать не буду. У Фоменко хоть какой-то есть, а у «профессиональных историков», которые мне больше напоминают секту, есть только священное учение и неоспоримые авторитеты. Все остальное, как я уже неоднократно говорил выше, лишь шулерские приемчики и разгул нездоровой фантазии.

Вообще-то, в XX столетии даже у «историков» вошло в привычку ссылаться на научные методы в своей работе и применять всякие хитрые приборы типа ультразвукового эхолота или микроскопа с инфракрасными фильтрами. Впрочем, все это в большинстве случаев не дает ценного результата, так как никакой самый мощный микроскоп не способен компенсировать неспособность мыслить. Что же касается официально признанных научных методов датировок вроде дендрохронологического или радиоуглеродного анализа, то в сочинениях Носовского и Фоменко они очень убедительно разоблачены, как разновидность псевдонаучного мошенничества.

Недавно я прочел еще об одном открытии, продвинувшем историческую науку к новым высотам маразма. Вот что об этом сообщает интернет-дайджест «Мир новостей»:

«...радиоуглеродный метод хорошо срабатывает только тогда, когда предмет, возраст которого с его помощью пытаются определить, не был загрязнен углеродосодержащими веществами более раннего или более позднего периода, а также не подвергался воздействию радиации. Если это произошло, может возникнуть чудовищная погрешность. В специальной литературе описан случай, когда тестовое определение возраста травы, сорванной в день анализа, показало несколько миллионов лет. Ларчик открывался просто: образец был сорван на газоне вблизи оживленной автострады, из-за чего оказался очень сильно загрязнен «ископаемым» углеродом, содержащимся в выхлопных газах, которые образуются за счет сжигания нефтепродуктов.

И хотя за время, прошедшее с этого эксперимента, ученые накопили достаточно большой опыт в выявлении загрязнений и очистке от них образцов, погрешность радиоуглерод-

ного метода на сегодняшний день составляет в среднем 70—300 лет. Для историков это весьма существенно.

Выход из положения нашли химики из Манчестерского и Эдинбургского университетов (Великобритания). Они обратили внимание на то, что керамика обладает удивительным свойством поглощать атмосферную влагу, причем химическая реакция с присутствующей в воздухе водой начинается сразу, как только керамическое изделие достают из печи для обжига. Процесс продолжается на протяжении всего времени существования предмета. Соответственно с годами материал становится все тяжелее — чем старше изделие, тем больше молекул воды в его составе.

Для того чтобы оценить возраст объекта, его необходимо взвесить на сверхточных весах, а затем нагреть в высокотемпературной печи до 500 градусов Цельсия, что приведет к потере химически связанной накопленной предметом воды. Сравнив массу до и после выпаривания, используя выведенный закон накопления влаги, можно вычислить возраст образца. Зависит ли скорость поглощения от влажности окружающей среды, не сообщается.

В качестве поля для эксперимента ученые выбрали Лондонский музей. Им удалось с удивительной точностью (вплоть до года) датировать предметы искусства разных эпох — Римской империи, Средневековья и современности. При этом, как с гордостью замечают исследователи, новый метод показывает более точные результаты, чем радиоуглеродный анализ, к тому же обходится гораздо дешевле — для его выполнения нужны всего лишь огонь и вода»[1].

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что описанный выше метод регидроксилизационной датировки является разновидностью гадания на кофейной гуще. Во-первых, керамику чаще всего откапывают из земли, где она постоянно соприкасается с грунтовыми водами, следовательно, вбирает в себя воды гораздо больше, нежели на открытом воздухе. Во-вторых, в разных частях планеты относительная влажность

---

[1] *Елена Журавлева.* «Мир новостей // http://www.mirnov.ru/arhiv/mn810/mn/30-1.php

воздуха весьма различна. Наконец, состав глины и технологии изготовления керамики весьма различны, что исключает саму мысль о том, что керамика будет накапливать влагу с одной и той же скоростью. В жарких странах большой популярностью пользовались сосуды настолько пористые, что они пропитывались содержащейся в них жидкостью, позволяя ей испаряться с наружной стороны емкости. Испарение же не допускало нагрева содержимого. На Руси в подобной посуде принято было хранить молоко — оно там дольше не закисало. Но даже если не принимать все вышесказанное во внимание, следует учесть, что любой предмет поглощает влагу лишь до определенного предела, после которого, сколько бы тысяч лет не было керамике, она больше воды в себя не вберет. К тому же скорость поглощения влаги никогда не будет равномерной. Вполне допускаю, что в первый час после обжига кувшин впитает в себя больше атмосферного пара, чем за сотню последующих лет. И как прикажете быть с посудой, которую ставили в печь? Близость к огню более способствует выпариванию воды, нежели ее поглощению.

Математические методы Фоменко хороши тем, что применить их может любой желающий, в том числе и для того, чтобы попытаться опровергнуть его же реконструкцию мировой истории. Последнее сделать очень часто совсем нетрудно, так как помянутая реконструкция перенасыщена изъянами. Например, Фоменко предполагает, что до конца XVIII в. территория азиатской России входила в состав независимого государством под названием Московская Тартария со столицей в славном городе Тобольске. В качестве доказательства он приводит данные из Британской энциклопедии, где приводятся соответствующие карты, иллюстрирующие статью о самом большом государстве мира — сибирской Тартарии. Или даже сибирско-американской Тартарии, если принять во внимание русские колонии на Аляске и в Калифорнии. Допустим, что такое государство действительно существовало. Где же тартарские летописи? Тотально уничтожены — считает Фоменко. Допустим и это. Кто был правителем государства? Последний царь ордынской династии, известный нам под именем Емельяна Пу-

гачева — утверждает создатель Новой хронологии. Не будем вдаваться в пространные споры по поводу этой туманной гипотезы. Допустим, что знаменитое пугачевское восстание на самом деле было российско-тартарской войной. Давайте сразу перейдем к области материальной культуры, ибо бумага все стерпит, и британские энциклопедисты в 1771 г. могли сочинять что угодно, и дознаться у них, откуда они получили весть о Grande Tartarie, сегодня невозможно. Судя по статье в Британской энциклопедии, под Великой Тартарией понималась все-таки географическая область, а не государство, ибо ни о столице, ни о правителях его ничего не сообщается.

С материальными доказательствами существования Тартарии выходит полный облом — их попросту нет. И наоборот, находится масса доказательств того, что Сибирь тогда находилась в составе Российской империи под скипетром Романовых. Всякое государство чеканит свою монету, а ежели оно употребляет дензнаки соседней страны, то это означает, что суверенитетом тут и не пахнет. В лучшем случае оно может быть захваченной территорией, для которой завоеватели выпустили в обращение оккупационные тугрики с профилем своего государя.

Монеты — очень ценный исторический источник, даже если исследовать археологические находки с помощью простейших методов статистического анализа. Монеты люди имеют свойство иногда терять или прятать в виде клада. А с течением времени потерянные или запрятанные деньги имеют обыкновение находиться. Так вот, статистический анализ множества кладов, найденных на территории Сибири от Тюмени до Хабаровска не дал ни единой монеты XVIII в., которую можно было бы квалифицировать, как тартарскую. И в то же время находятся сотни экземпляров медной сибирской монеты, имевшей хождение лишь по азиатскую сторону Уральских гор. Но это как раз подтверждает то, что Сибирь была в XVIII столетии (как до, так и после пугачевского бунта) в составе романовской империи и нигде больше. Дело в том, что хотя на монете и красуется гордая надпись «Монета Сибирская» и местный герб с соболями, на оборотной стороне мы видим тот же вензель Екатерины II, что и на прочей общероссийской монете.

Как повествуют справочники, медная монета в 1/4, 1/2, 1, 2, 5 и 10 копеек чеканилась в 1766—1781 гг.[1] для обращения в Сибири из колыванских руд на казенном Сузунском заводе на 25 рублей из пуда. Делалась это по причине удаленности Сибири от столиц, в свете чего функционирование финансовой системы империи на глухих окраинах было весьма затруднено. Ну, в самом деле, зачем отправлять медь с Алтая в Петербург на монетный двор, чтобы оттуда везти на возах по опасным дорогам тонны монет, если отчеканить их без труда можно на месте?

Вот так всего лишь один-единственный, но абсолютно неоспоримый факт опровергает гипотезу Фоменко о том, что Емельян Пугачев — последний царь Московской Тартарии. Причем, чтобы опровергнуть предположения Фоменко достаточно использовать его же собственные статистические методы. Например, можно проанализировать статистику и контекст упоминания Тартарии на европейских картах. Этого будет вполне достаточно, чтобы стало ясно: Тартария — географическое, а не политическое понятие.

Могу привести похожий пример из истории совсем недавней. Белоруссия является учредителем ООН наравне с США и СССР. О чем это говорит? Поле для фантазии здесь обширнейшее, но факт остается фактом — БССР в 1945 г. была разрушенной войной советской республикой с преимущественно аграрной экономикой, не обладающая суверенитетом и не имеющая никакого самостоятельного влияния на международные дела. Просто Сталину для чего-то нужно было, чтобы формальным соучредителем Организации Объединенных Наций выступила Белоруссия, и он этого добился.

Ей-богу, историческая «наука» больше походит на религию. Есть паства и пастыри, составляющие строгую иерархию: приходские попы (учителя истории), профессиональные проповедники (телевизионные популяризаторы исторических мифов вроде Радзинского), есть монашеские ордена (научные школы, НИИ и центры), архиепископы, митрополиты и патри-

---

[1] На самом деле монету чеканили и раньше. Мне приходилось видеть экземпляр 1764 г.

архи (доктора наук, профессора, академики), и есть даже свои святые (столпы исторической «науки», чей авторитет непререкаем). Есть мифология и догмат, и так же догмат меняется на потребу дня и обслуживает власть предержащих. Точно так же идет борьба с ересью, а отступников отлучают от церкви и предают анафеме. Имеются и межконфессиональные конфликты и расколы. Например, секта украинских «историков» сегодня яростно борется с сектой российских коллег (или конкурентов?), доказывая превосходство своей веры. В этой ситуации я предпочитаю быть историческим атеистом.

ПОЧЕМУ НА ЧЕРНОЗЕМАХ СОБИРАЛИ ПЛОХИЕ УРОЖАИ

Даже в период польско-казацких войн восставшие ничего не помнили о былом величии «стольного града» Киевской Руси и не пытались основать там повстанческую столицу. Ставка Хмельницкого располагалась в заштатном городке Чигирине на Правобережье рядом с границей Крымского ханства. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что в Чигирине был хорошо укрепленный замок для размещения крупного гарнизона, чем не мог похвастаться Киев. Знаменитая Рада 1654 г. состоялась в Переяславе. Если бы Киев действительно являлся когда-то русской столицей, а приобретение Москвой новых территорий было воссоединением Руси, то сей символический акт следовало непременно осуществить в Киеве. Это же очевидно! Но почему-то ни Богдан Хмельницкий, упросивший царя Алексея Михайловича взять Запорожское войско «под свою руку», ни царский посол Бутурлин об этом не догадались, хотя во всем остальном они постарались придать церемониалу как можно большую пышность.

Само движение русского посольства от пограничного местечка Карабутова до Переяслава превратилось в сплошное триумфальное шествие. В каждом селе послов встречали звоном колоколов, оружейным салютом при массовом стечении ликующего населения. Почему Хмельницкий выбрал для Рады именно Переяслав, а не свою ставку Чигирин? Потому что посчитал, что в маленьком Чигирине не удастся разместить с должным комфортом многочисленное посольство. Но неужели Киев в те времена был менее значительным и комфортабель-

ным городом, чем Переяслав? Да, его население тогда составляло всего около трех тысяч человек, бывали и села помноголюднее. Кстати, единственный город, где высшее православное духовенство попыталось выступить против приведения населения к присяге царю Алексею Михайловичу населения, был именно Киев. Впрочем, последствий это не возымело.

После официального вхождения Левобережья в состав России сам Бог велел сделать столицей малороссийского гетманства «древний» Киев, но ставка гетмана (административный центр Малороссии) находится то в Чигирине, то в Глухове, то в Батурине, то опять переносится в Глухов, и снова в Батурин, где в екатерининские времена начинает строиться роскошный гетманский дворец. Вместе с гетманом туда-сюда переезжает и Малороссийская коллегия — правительственный орган, ведающий делами Малой Руси. Существование отдельного государственного органа по малороссийским делам укро-сепаратисты иногда трактуют в качестве оккупационной администрации или, бросаясь в другую крайность, ищут в этом факт признания административно-политической автономии края, объявляя его чуть ли не украинским правительством. Но сам по себе факт существования Малороссийской коллегии ни о чем не говорит. В 1637—1710 и 1730—1773 действовал Сибирский приказ (т. е. сибирское министерство) — центральное государственное учреждение для управления обширнейшими территориями, куда еще при Петре Великом входила Вятка. Сибирский приказ имел и некоторые внешнеполитические функции по сношениям с пограничными государствами.

Кстати, город Батурин назван так по имени польского короля Стефана Батория, который повелел его основать как резиденцию запорожских гетманов. С чего бы так усердно игнорировать древнюю столицу Руси, где по преданиям князь Владимир Святой крестил Русь, но делать центром Малороссии маленький городок, названный в честь польского короля-католика? Причина видится в том, что никто в те времена и не догадывался о величии «древнего» Киева, а сам он был заштатным городишком, хоть и являлся резиденцией митрополита, в коем качестве он только и упоминается, оставаясь

в целом в стороне от бурных политических и военных событий XVIII столетия.

Допустим, что «древнерусские» города в Поднепровье действительно были уничтожены «монголо-татарами» и более не возрождались в течение 400 лет. Но должны же были сохраниться земледельческие поселения, поскольку плодородные черноземные почвы весьма привлекательны для возделывания, а обширные луговые и степные пастбища делают возможным во множестве разводить скот, без которого оседлое земледелие в те времена было неосуществимо, ибо единственным удобрением являлся навоз. Да, почвы действительно плодородны, но само по себе это не является основанием для заселения территории. В условиях господства в экономике раннефеодального натурального хозяйства не возникало условий для сбыта сельскохозяйственной продукции, а потому и не было стимула к ее товарному производству. Ну, получит земледелец хороший урожай пшеницы — и что он с ним будет делать?

К тому же большая часть Украины южнее Киева лежит в зоне лесостепи и степей, что означает скудость этой территории лесом. Граница лесов проходит по реке Ирпень, впадающей в Днепр несколько выше Киева. А лес для наших предков имел огромное значение. Древесина — это единственный строительный материал в тех краях, где нет камня. А как же кирпичи — ведь они делаются из глины, которая есть везде? — возразит иной читатель. Да, глина есть везде, но кирпич — это обожженная глина, а чтобы обжечь кирпичей для строительства одного дома, надо сжечь столько леса, которого хватит на возведение десяти домов деревянных. Да и для отопления каменного жилища требовалось гораздо больше топлива. Поэтому в старину кирпичные дома не то что в селах, даже в городах могли позволить себе только очень богатые люди.

Древесина — это единственный доступный нашим предкам вид топлива. Без отопления не выжить зимой даже в теплой Малороссии. Древесина — материал для производства орудий труда и быта крестьянина. Буквально все — соха, борона, конская упряжь, посуда, бочонки, лодки, мебель, рыбо-

ловные снасти и даже обувь делались из дерева. Одних лаптей на год надо было сплести для одного человека не один десяток, а плели их из древесной коры. Кожаные сапоги могли носить только зажиточные люди — вплоть до 30-х годов XX столетия крестьяне ходили летом в лаптях, а зимой в валенках или тех же лаптях с теплыми онучами. Дрова нужны для ежедневного приготовления пищи и для бани. Русские вообще не мыслили своей жизни без бани.

Таким образом, надо сделать вполне определенные выводы: русские люди не могли жить там, где не было леса, потому что русская культура питания, гигиены, быта немыслимы без использования древесины. Там, где нет леса, совершенно невозможно построить город или даже просто острог — именно поэтому южнее Киева, где проходит граница лесов, строить города было крайне затруднительно. Казахи, например, могут обходиться без леса — живут в юртах из шкур животных, едят руками, мясо можно не варить на огне, а вялить сырым, и в таком виде употреблять. Невкусно, конечно, но они привыкли. Маленькую юрту зимой можно протопить кизяком — навозом, смешанным с травой. Казаху-кочевнику не надо пахать землю, не надо ничего строить, ему неведомо, что такое баня. И железо степному кочевнику не нужно, подковывать лошадь ему не надо, он всю жизнь мог обходиться одним самым примитивным костяным ножом.

Поэтому, какие бы жирные черноземы ни были в степной зоне, русские эти территории в Средневековье не осваивали, и в то же время с незапамятных времен жили крестьянским трудом в приполярных зонах с очень скудными почвами и коротким летом. Русские крестьяне заселяли побережье Ледовитого океана, но игнорировали плодородные черноземы на юге в безлесой степи потому что они не могли воспроизводить там свою культуру. Как это ни покажется парадоксальным, но условия жизни в степной Украине они считали неблагоприятными.

Ко всему прочему урожайность в древности на бедных северных почвах была в десять и более раз выше, чем на жирных украинских черноземах. Давайте для начала выясним, какой урожай снимали на благодатном юге. Л. Милов в книге

«Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» пишет: *«В некоторых южных, черноземных и степных районах обычная урожайность была весьма высокой. В степной зоне донских степей урожай пшеницы был сам-10, сам-20. Пшеница-арнаутка давала сам-15 и более. Рожь в Слободской Украине и части Воронежской губернии имела обычную урожайность сам-10, сам-12. В Тамбовской губернии обычный благоприятный год давал в Моршанском уезде по основным культурам урожай впятеро, в Усманском — сам-8, в Борисоглебском — не менее сам-8»*[1].

Речь идет о весьма развитых аграрных технологиях конца XVIII столетия. Выражение «сам-10» означает, что на одно посеянное зерно собирали 10 урожайных зерен. Неужели можно было получить больший урожай где-нибудь в приполярной Вологодчине? Да, но только при использовании подсечно-огневого земледелия. Технология была такой: на выбранном участке леса (особенно ценились сосновые боры) деревья подрубались и с них удалялась кора. Через год высохшие деревья валились и сжигались. Сев осуществлялся без пахоты прямо в золу. Иногда подсек боронился вручную или лошадью простейшей бороной, сделанной на месте из верхушки упругой ели. Пни зачастую не корчевались. В годы с благоприятной погодой на удачно выбранном участке урожайность доходила до сам-50 и даже до сам-90. Некоторые исследователи утверждают, что порой сборы зерновых переваливали за сам-100. Так с какой радости русский крестьянин попрется в безлесые южные степи с их жиденькими сам-10 — сам-30?

Экстенсивное земледелие подсечно-огневым методом возможно лишь при соблюдении двух условий: наличие лесов и малой плотности населения. До XVII в. подавляющее большинство русских деревень было одно-двухдворными. То есть возможность выжигать леса под посев в этом случае имелась. Три года урожаи на подсеках были феноменальными. Начиная со второго года гарь пахали. Всего же без удобрения навозом (других удобрений не было) можно было засевать поле не более шести лет. Потом приходилось либо переходить на

[1] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/milov/01_5.php

новое место, либо менять характер севооборота. Повторное выжигание можно было повторить самое ранее через 15 лет, когда поднимался кустарник и подлесок — такое выжигание именовали сыросекой. Разумеется, эффективность сыросеки была ниже, чем при подсеке зрелого леса (ляд). Сыросеки истощались через 2—3 года, после чего могли быть обращены в луга для выпаса скота.

Подсека в северных русских губерниях и Финляндии практиковалась вплоть до начала XX столетия, однако она носила вспомогательный характер. В центральной же России с ростом населения и сведением лесов крестьяне переходили к переложному земледелию, позже к более прогрессивному трехпольному севообороту, невозможному без внесения органических удобрений. Нормальная урожайность в этом случае редко превышала сам-4 — сам-5. Судя по письменным источникам, переход к трехпольной системе произошел в XVI в. В то же время начинает складываться и крепостная система, просто невозможная при, как его называли, бродячем земледелии. По всему выходит, что ранее XVI в., пока огневое хозяйство еще было широко распространено в русских землях, днепровские черноземы были совершенно непривлекательны для наших предков. И уж тем более трудно представить, что малолесные южные земли могли привлекать русичей в X—XIII вв.

Конечно, деревья, как таковые, растут и под Полтавой и даже под Херсоном, но это, главным образом, пойменные леса, которые малопригодны для строительства жилья и его отопления. О подсечной пашне речь вообще не идет. Попробуйте, например, нарубить достаточно древовидной ивы — ветлы для отопления дома. Хотя не спорю, древесина ветлы более калорийное топливо, чем сосна и береза. Попытайтесь построить дом из тополя, ольхи или пойменного вяза, чей ствол извивается причудливой спиралью. Малороссы потому и отличаются от остальных русских по своей культуре, поскольку живут в иных геоклиматических условиях. Изб они не строили, а делали хаты из плетеного ивняка или даже камыша, обмазанного глиной, смешанной с экскрементами животных, чтобы глина не трескалась и не рассыпалась (особенно ценился в этом деле козий кал). Крыли крыши они соломой, причем типич-

ная хата была очень маленькая и низенькая, с земляным полом. Двухэтажные хаты не делались, в то время как двухэтажные избы не были редкостью в северных русских деревнях. Почему не делали просторные хаты? В том числе потому, что протопить зимой ее было трудно. В качестве топлива использовался кизяк, который делали следующим образом: собирали коровьи какашки, смешивали их с соломой или сухой травой, катали из них шары или лепили лепешки, сушили на солнце и получали таким образом топливо. За неимением лучшего и это шло в печь.

Последний малороссийский гетман Разумовский усмотрел угрозу лесам еще и в повальном пьянстве, коим дюже увлекалось тогдашнее население на подчиненной ему территории. В 1761 году он издал универсал, запрещавший гнать водку всем, у кого не было собственных лесов: *«Малороссияне не только пренебрегают земледелием и скотоводством, от которых проистекает богатство народное, но еще, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства, истребляя лесные свои угодья и нуждаясь оттого в дровах, необходимых к отапливанию их хижин».*

А вот баню, к сожалению, ничем не заменить, а потому на Украине мылись... в печах. Не от хорошей жизни шли на это, но куда ж ты денешься, если вшивым быть не хочется? При перенаселении в некоторых великороссийских губерниях, например, в Московской, крестьяне тоже постепенно отвыкали от русской бани и начинали мыться в печах. Вот строки из книги Д.К. Зеленина «Восточнославянская этнография», составленной по наблюдениям конца XIX в.: *«Баня характерна для севернорусских; южнорусские и белорусы моются не в банях, а в печах; украинцы же вообще не особенно склонны к мытью... самой большой и даже болезненной чистоплотностью отличаются севернорусские».*

Когда же русские стали осваивать территорию нынешней Украины? Массовое ее заселение началось только в XVI в., а до того времени обширные территории к югу от Оки и Десны в междуречье Днепра и Дона именовались Диким полем. Степное Правобережье было почти столь же пустынным. Само

название говорит о том, что территории эти были дикими, то есть неосвоенными. Если кто не силен в географии, то сообщаю, что река Десна протекает на севере современной Украины, впадая в Днепр выше Киева. Известна еще историческая область под названием Слободская Украина, лежавшая в пределах русского государства (ныне здесь расположены города Харьков, Донецк, Сумы, Луганск, Воронеж, Курск, Белгород). Название это можно перевести, как «окраинная земля свободных людей», поскольку слободами назывались вольные селения, жители которых не платили податей. А с чего бы государству не брать с них подать, если живут они в его пределах, да еще на жирных черноземах? Так потому и не брались подати, что на диких землях никакой государственной администрации не существовало, однако Москва была заинтересована в освоении этих территорий, а потому сама платила переселенцам «подъемные» деньги.

Заинтересованность государства, помимо военной (оборона южных границ), была экономической. В XVI в. происходит резкий скачек цен на хлеб, что было вызвано бурным развитием капитализма в Европе и стремительным увеличением числа населения городов. В те времена хлеботорговля приобретает международный размах, производство зерна имеет товарный характер, а потому начинают лихорадочно распахиваться земли, до того бывшие целинными. Известно, что в одном 1560 году прошло из Польши только в Данциг для экспорта 1,2 миллиона пудов хлеба, а в 1579 году уже 2 миллиона. Только через Перемышль в 60-х годах XVI столетия прогонялось на Запад по 20 тысяч волов в год, не считая лошадей и другого скота. На Запад шли хлеб, скот, сало, смолы и прочие продукты, а ввозились сукна и промышленные товары.

Именно бурная урбанизация Западной Европы превратила Восточную Европу в своего рода полуколонию или, если говорить более точно, периферийную зону европейской экономики. Результатом этого стало так называемое вторичное закрепощение крестьян, выразившееся в резком росте барщины. Вот такой феномен: развитие капиталистических отношений на Западе усиливало феодализм на Востоке. Начало крепостному праву в Польше было положено при коро-

ле Яне I Ольбрахте в 1496 г. петроковским сеймом. По статуту 1529 г. барщина в Польше устанавливалась в размере одного дня в неделю, но уже к 1550 г. она была доведена до трех дней в неделю, а к 1600 г. — до шести. Главный результат вторичного закрепощение — резкий рост товарного производства зерновых.

Может показаться странным, но бурный всплеск аграрной экономики приводит к общему упадку восточноевропейских городов. Но ничего удивительного в этом на самом деле нет. XVI—XVII вв. — это первый виток глобализации. Если Западная Европа становится центром мануфактурного промышленного производства, то регионы европейской периферии начинают потихоньку приобретать узкую сырьевую специализацию. Венгрия специализируется на поставках вина и скота; придунайские княжества дают пшеницу и овец Турции; Польша становится крупнейшим поставщиком зерна в Западную Европу.

Моноэкономика фактически уничтожила то, что можно назвать местным рынком, крестьянин утратил возможность самостоятельно участвовать в обмене, обмен стал глобализироваться, переходя под контроль магнатов, и именно это привело к захирению малых и средних городов, начавших превращаться в придатки феодальных доменов. Поэтому польские магнаты в эту эпоху владеют не только селами и местечками, но и городами, приобретая беспрецедентную экономическую власть над большими территориями.

Колонизация территории современной Украины происходила по направлению с запада на восток, то есть осваивались эти земли русским населением Речи Посполитой. В 1569 г. Литве была навязана уния, по которой Великое княжество Литовское и Польское королевство сливались в единое государство, хотя в княжестве действовали Статуты Литовские — особая форма местного управления и администрации. За Литвой сохранялось право иметь свою армию, казну и прочие атрибуты государственности, впрочем, эти права были сугубо формальными и реальным суверенитетом Великое княжество Литовское не обладало. При этом литовские территории южнее Припяти отторгались и включались непосредственно в состав Польских коронных земель.

Конъюнктура рынка вызывала стремительное ужесточение эксплуатации крестьян в Речи Посполитой, рост барщины низводил крестьянина до положения бесправного раба. От такой жизни массы крестьян хлынули на неосвоенные юго-восточные земли, граничащие с Крымским ханством — вассалом Османской империи. Однако вслед за крестьянами-переселенцами двигалась шляхта, которой король щедро раздавал «украйные» земли в безраздельное пользование вместе с населением. Сеймовая конституция 1590 г., регламентирующая такой порядок, называлась «О раздаче пустынь за Белой Церковью». Король получал по ней право раздавать пустые земли «людям стана шляхетского». Магнаты на рубеже XVI—XVII вв. владели гигантскими территориями. Например, князю Вишневецкому принадлежала вся Полтавщина с десятью тысячами крестьянских хозяйств, имевшимися на ней к тому времени. На ранее освоенных территориях размах был бо́льшим: магнату Конецпольскому только на Брацлавщине принадлежало 740 сел, более сотни местечек и даже города.

Средняя величина крестьянского надела на Черниговщине, Киевщине, Подолье, Полтавщине в конце XIX века составлял от двух до четырех десятин (при том, что более половины всей пашни принадлежало помещикам и частным владельцам, это все же больше, чем в среднем по России), тогда как в XVI в. не редкостью были наделы в десять раз большие. Это говорит только об одном — земли были настолько малозаселенными, что надел себе можно было «нарезать» такой, какой хозяйство могло обработать. Однако уже к концу века ситуация коренным образом меняется. Крестьянские земли постепенно захватываются шляхтой и преобладать начинают хозяйства-фольварки, на которых используется принудительный труд крестьян. Барщина вырастает с одного дня в неделю до шести! Крестьяне таким образом вообще лишались собственной земли. Это вынуждало их бежать все дальше и дальше на восток и юг в дикие степи.

А за русскими землепашцами по пятам вновь шли ляхи, неизменно сопровождаемые евреями. Последних православное крестьянство ненавидело, пожалуй, еще более люто, чем панов. Магнаты, разумеется, не могли уследить за своими гигантскими владениями с десятками тысяч душ. В качест-

ве управляющих, надсмотрщиков и посредников в выбивании оброка они во множестве приглашали евреев. Иногда им отдавались на откуп земли вместе с крепостными, и евреи, конечно же, добавляли повинностей и дней барщины к установленным помещиком, дабы самим остаться с наваром. И вновь устремлялся поток переселенцев и беглецов на восток, где на просторах Дикого Поля они создавали самоуправляющиеся земледельческие общины, вооружались для защиты своей собственности от посягательств шляхты и набегов крымцев. Так на рубеже XVI—XVII столетий зарождалось казачество и начиналась история освоения территории, которая ныне носит название Украины.

Многие исследователи сегодня стараются доказать исключительную древность казачества, возводя его происхождение к хазарам, половцам, гуннам, ордынскому войску и т.д. Казаком, коли так, можно объявить любого всадника, имеющего саблю или пику, а при более широкой трактовке вообще любого профессионального воина. Точно так же имеют место спекуляции, основанные на отождествлении отрядов, несущих пограничную стражу, с казаками. Разумеется, рубежи русского государства кто-то охранял, но какие основания считать пограничные гарнизоны казачьими станицами? Сегодня можно погранвойска ФСБ РФ с тем же успехом приписать к казачьим войскам. По-тюркски «каз» означает кочевание. Следовательно, казаком могли называть вообще любого кочевника. Южно-сибирские степи на территории нынешнего Казахстана на многих старых картах зачастую обозначены как «казакская орда». Прародителем казачества многие спешат объявить хазар. Надо же как-то объяснить исчезновение некогда могучего народа, контролировавшего пространство от Аральского моря до Карпат и от Армении до Среднего Поволжья.

Феномен, известный нам под именем казачества, как этническая, социальная и историческая общность, складывается лишь в XVI столетии[1] в обширной области Дикого поля в По-

[1] Первое упоминание о казаках в польских хрониках относится к 1493 г., когда черкасский воевода Богдан Федорович Глинский, по прозвищу «Мамай», сформировав в Черкассах пограничные казачьи отряды, захватил турецкую крепость Очаков.

днепровье и низовьях Дона. Изначально казачество делилось на русское донское и малороссийское наднепрянское, из которого позже выделилось запорожское казачество.

По правде говоря, казачество имеет не очень благородное происхождение, вобрав в себя помимо беглых крестьян и страдальцев за веру, еще скрывающихся преступников, маргиналов, разбойников, авантюристов, солдат удачи, искателей приключений и прочий гулящий люд без роду и племени. Те, кого отторгло общество, соединились в Диком поле с теми анархистскими элементами, кто сам стремился избавиться от «опеки» государства.

Что общего между Диким полем и Диким Западом Америки? То, что без пистолета ты там не жилец. Вот только в американских прериях гораздо приятнее климат, а из врагов присутствовали разве что не очень приветливые по известным причинам индейцы, да такие же переселенцы. В Диком поле расклад был совсем иной: с Кавказа и заволжских степей исходила постоянная угроза от агрессивных племен, для которых разбой был всегда обычным ремеслом. С юго-запада другой опасный сосед — крымцы, поставившие на широкую ногу работорговлю и постоянно рыскавшие в поисках товара. Турки тоже были частыми гостями в этих краях. С запада шел вал польско-католической агрессии. Да и с русскими царями казачья вольница ладила далеко не всегда. Отсюда можно смело сделать вывод — существовать в этих условиях можно было только сообща, семья фермеров-скотоводов не имела ни малейших шансов выжить, как в каком-нибудь Техасе. Суровый климат и менталитет колонистов предполагали оседлый способ жизни. Оседлое проживание большими вооруженными группами, участие в набегах и защита своего дома, землепашество и скотоводство быстро сплавляли самые различные элементы в организм военно-земледельческой общины.

По этническому происхождению казачество следует считать русским, однако первое время значительным был и тюркский элемент. Например, Сергей Соловьев приводит любопытный факт: одним из главных донских атаманов в начале XVI столетия был казак по имени Сары-Азман. Да и само слово «казак» имеет, возможно, тюркское происхождение, озна-

чая «вольный человек», «удалец», «молодец». До начала XVI века упоминаются в хрониках и ордынские казаки, однако в дальнейшем они либо ассимилировались, либо ушли в Крым. В 1503 г., судя по хроникам, отряд ордынцев числом 200 человек пытался набрать на службу крымский царевич Бурнаш-Гирей. Вообще, в старину слово «казак» трактовалось довольно широко: так называли всех вольных людей, разбойников, отряды степняков, нанятых на службу царем или ханом, а также воинские формирования, обученные специальной манере ведения боевых действий. В последнем смысле слова казаками в армии считались части легкой иррегулярной кавалерии, атакующей своеобразным строем — лавой, что позволяло действовать на сильно пересеченной местности. Казачьи части формировались в царское время и полностью из инородцев — башкир, калмыков, татар, поскольку они были хорошими конниками.

Номинально казаки, конечно, признавали над собой власть того государства, в пределах которого селились, но по сути своей казачьи общины были самоуправляемыми, и уплату налогов они считали для себя излишней. По сути они ничего не получали от государства, хотя государство, будь то Русское царство или Польское королевство, имело от экспансии в Дикое поле большую выгоду — казаки естественным образом прикрывали рубежи от беспокойных соседей. Ввиду этой выгоды оба государства смотрели сквозь пальцы на казачью анархию, освобождали колонистов от податей (которые все равно получить им не светило) и даже оказывали им некоторое содействие. Но относились к ним крайне настороженно, и тому были веские причины.

Казачество со временем стало значительной, но неподконтрольной силой, как говорится, без царя в голове. Разбойники, не связанные присягой или иными обязательствами, вполне могли, например, наняться к крымцам для войны с каким-нибудь польским магнатом, а то и с самим королем. Да и русским войскам не раз приходилось биться с казаками, пришедшими с турками или ляхами, хотя против московских царей они воевали не часто, да и то в периоды русско-польских войн. Что же касается грабежа торговых караванов,

то казакам было мало дела до того, русский он, турецкий или польский. Так, в 1557 г. казаки напали на шедший вниз по Волге торговый караван и разграбили его. Расхищенной оказалась и государева казна, направлявшаяся в Астрахань. Это послужило поводом для широкомасштабной военной акции, предпринятой правительством для очистки Волги от казачьих шаек. С Волги казаки вынуждены были уйти частью обратно на Дон, а частью на Яик, где, разгромив союзную России Ногайскую орду, они положили начало яицкому казачеству. Но несмотря на обещания не «промышлять воровством» на Волге, нападения казаков на торговые суда на Волге еще долго были обычным делом.

И Польша, и Россия пытались тем или иным способом подчинить казачество и заставить действовать исключительно в своих интересах. Разница была именно в способах. Москва старалась на своих землях в большей степени действовать с помощью пряника, прибегая к насилию лишь вынужденно. Например, казаки не имели своих заводов, а потому не могли производить ружья и порох, не говоря уж об артиллерии. Потому московские государи снабжали их боевыми припасами, получая взамен лояльность. Так же казачьи общины имели некоторые торговые привилегии, а их члены признавались вольными людьми, находящимися вне царской юрисдикции. Долгое время действовал известный принцип «С Дона выдачи нет», позволявший беглецам, показачившись, приобрести своего рода индульгенцию за былые преступления.

За станицами признавалось право на самоуправление, а в случае участия казаков в войне на стороне России, они могли получить крупное денежное вознаграждение. К хорошему привыкаешь быстро, и вот уже служба казаков царю стала постоянной. Можно сказать, что данное положение было взаимовыгодными, хотя идиллии в отношениях казаков и государства и близко не было. Царские воеводы норовили покончить с буйными нравами на окраинных (украинных) землях, а казаки, привыкшие жить разбоем, категорически не желали расставаться со своей вольницей. Но поскольку XVI—XVIII вв. были временем неспокойным, а южное порубежье России — одной

большой «горячей точкой», стороны вынуждены были идти на компромисс, пусть и скрипя при этом зубами.

На территориях, находящихся под юрисдикцией Речи Посполитой, все было гораздо сложнее. Прежде всего, между народными массами и господствующим слоем лежал языковой барьер и религиозная пропасть. Социальное расслоение в Польше в отличие от Русского государства, было громадным: для высокородного шляхтича было все едино, холоп перед ним или вольный хлебопашец, ибо с высоты его положения это была для него лишь чернь. Все это вызывало противостояние между шляхтой и казаками.

Большую роль сыграл и экономический фактор. Как известно, в России никогда не существовало института частной собственности на землю. Владеть землей могли монастыри, бояре, поместные дворяне и свободные общины землепашцев, были и так называемые казенные земли (закрепленные за казной), но главным распорядителем земли оставался государь. Даже когда в Российской империи уже крепко укоренились капиталистические отношения, превратить землю в рыночный товар не удалось. Во время столыпинских реформ зажиточные крестьяне покупали землю, как говорили, «в вечность», но не в частную собственность. Земля, по народному разумению, была от Бога, а потому помазанник Божий имел полное право изменить существующий порядок землепользования.

Польша же восприняла европейские обычаи, и в ту эпоху владеть землей по закону могли только аристократы или монастыри. Представить себе существование в ней вольных хлебопашцев просто немыслимо. Магнаты считали земли своей собственностью, причем их права были беспрецедентно широки — собственностью считались воды, леса, дичь, рыба. Трудно представить себе ситуацию, когда бы русский помещик запретил крестьянам ловить рыбу в реке, а перед паном надо было ломать шапку за дозволение забросить невод, а потом еще и платить. «Хлопы», обитающие на панской земле, считались неотделимыми от нее. Причем, никого не волновало, например, если землепашец ранее был вольным че-

ловеком. С точки зрения вельмож он был придатком к земле, чем-то вроде рабочего скота. Собственно, так его и называли — быдло, что значит скот. Крепостное право в Польше сложилось раньше и было куда более жестоким, чем в России, где оно окончательно было сформировано лишь Соборным уложением 1649 г.

К XVII столетию хлеботорговля приобретает колоссальное значение в экономике России, которое можно сравнить разве что с сегодняшней ее зависимостью от нефти. И не только благодаря росту городов, в те времена запасы зерна имели еще и большое военное значение. Появляются массовые армии, которые становятся весьма зависимыми от запасов продовольствия, без которых невозможно было вести скольнибудь крупную кампанию. Консервирование тогда еще не было изобретено, а потому зерно представляло собой идеальный стратегический продукт, благодаря возможности его длительного хранения. В течение XVI—XVII вв. экспорт хлеба через крупнейшие порты вырос в десять и более раз. Главнейшим портом, отпускавшим хлеб, являлся Данциг, где заправляли немецкие купцы, а мировой хлебной биржей был Антверпен (после его разгрома испанцами — Амстердам). Поскольку Речь Посполитая являлась в те времена крупнейшим мировым экспортером хлеба, трудно переоценить значение для нее Поднепровья, где располагались ценные фонды пахотной земли.

Зерно — основа материального процветания шляхты, потому неудивительно, что со второй половины XVI столетия барщина становится все более тяжелой для хлопов, достигнув 200 дней в году. И хлопы массово бегут на юго-восток, в Дикое поле. Выдавливание крестьянства с земли было целенаправленной политикой. В великопольских землях феодальный тип хозяйства сменяется капиталистическим, при котором на землевладельца трудятся за бесценок бесправные батраки, при этом товарность такого хозяйства становится выше, чем при барщинной системе. Избыточная же часть обезземелившихпахарей вынуждена сниматься с места и искать целинные земли. Таким образом, государство, говоря современ-

ным языком, не делало инвестиций в освоение новых земель[1], а получало через некоторое время уже освоенный земельный фонд с оседлыми поселениями. Осталось только объявить этих земледельцев крепостными и обложить повинностями. Власти даже предпринимали некоторые усилия для активизации освоения южной лесостепной зоны, суля освобождение от любых повинностей на 20 лет. Это было весьма неплохим стимулом. Сбывали поселенцы урожай зачастую евреям-перекупщикам или перегоняли его в водку, которая тоже находила спрос на рынке.

Необжитые украйные земли были быстро, можно даже сказать, стремительно колонизированы земледельческими общинами. Процесс этот начался еще во времена, когда эти территории были формально литовскими, а не польскими. Но с обращением хлебопашцев в хлопов после Люблинской унии 1569 г. стали возникать некоторые трудности. Там, куда паны со своими извечными спутниками евреями не могли быстро дотянуться и заявить о своих правах, образовывались казачьи общины, которые могли послать господ куда подальше. Но такие вольные вооруженные сообщества сложились главным образом на пограничных с крымцами степных территориях, где жизнь была беспокойной и некомфортной для вельмож. Разумеется, казачество — эта распоясавшаяся анархиствующая чернь, — не вызывало никаких теплых чувств у польских панов, но казаки естественным образом прикрывали их богатые имения от набегов крымских разбойников, а потому казачество де факто было узаконено. Попытки взять его под контроль и подчинить государственным интересам, хоть и были малоуспешны, предпринимались почти непрерывно. Неуспех же их объяснялся тем, что всякая попытка приручения казаков сочеталась с безудержным стремлением упразднить их вольности.

---

[1] В начале XX столетия русское правительство пыталось бороться с перенаселенностью в центральной России путем переселения на целинные земли Северного Казахстана и Восточной Сибири, однако это была именно государственная программа, потребовавшая значительных казенных расходов, и малоуспешная, поскольку инициатор ее, Петр Столыпин, был хорошим бюрократом, но никудышным экономистом.

Так или иначе, но казачьи отряды участвовали в обороне пограничных рубежей Литвы уже в первой половине XVI столетия. В 1533 г. староста черкасский и каневский, Евстафий Дашкович предлагал устроить на низовьях Днепра за порогами постоянную стражу тысячи в две, но план этот не был осуществлен. В 1556 г. князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, будучи предводителем служилых казаков, построил укрепление за порогами на острове Хортице (где позже возникнет знаменитая Запорожская сечь), и отразил нападение крымского хана, но уже в 1558 г. он вынужден был покинуть Хортицу ввиду недостаточности сил. В 70-х годах казаки держали уже постоянную стражу на днепровских островах за порогами, но главная масса казаков появлялась в низовьях Днепра только летом, а зимой расходилась в украинные города и по хуторам.

Запорожская сечь, как община, тогда еще не существовала, по крайней мере, сколь-нибудь достоверные сведения об этом отсутствуют. Хотя, возможно, казачья застава там и находилась. Решительный толчок к образованию сечи дала Люблинская уния 1569 г., положившая начало жестокому закрепощению земледельцев после отторжения южных воеводств от Литовского княжества в пользу коронных польских земель.

К концу XVI в. запорожская община уже приобретает известность своей воинственностью. Вступить в ряды сечевого товарищества мог любой мужчина, признающий сечевые правила и православную веру. Национальность никакой роли не играла, потому казачество вобрало в себя и значительный тюркский элемент. Но в основном, конечно, сечь питалась за счет русских подданных польского короля. Сечь означает лесную вырубку и, следовательно, указывает, что первые поселения запорожских казаков ставились на поросших лесом днепровских островах. Также сечь может означать укрепление из оструганных (осеченных) бревен, образующих частокол вокруг лагеря. Таких сечей за время существования Запорожья насчитывают восемь: Хортицкая, Базавлуцкая, Томаковская, Микитинская, Чортомлыцкая (1652—1708 гг.), Каменская (1710—1711 гг.), Алешковская (1711—1734 гг.) и Новая или Подпиленская (1734—1775 гг.). Вся община называлась еще кошем (слово, вероятно, татарского происхождения, означаю-

щее стан). Кошем именовался руководящий орган сечи. Главными занятиями сечевиков, помимо войны, сделались охота и рыбная ловля. Значительной статьей доходов сечевой казны со временем стало «шинкование» — выгонка и продажа водки. Помимо сечевых казаков существовали казаки городовые, несущие службу и занимающиеся земледелием, менее организованные и влиятельные, но более лояльные по отношению к польской короне. Последние в значительной степени были подвержены закрепощению.

То, что широкое освоение Дикого поля было осуществлено только в XVI—XVII вв., а не шестью столетиями ранее, как утверждает официальная историография, косвенно доказывает разница исторических судеб Галиции и Малой Руси. В Польском королевстве после Брестской унии существовало три обширных воеводства с русским населением — Киевское, Брацлавское (Волынь и Полесье) и Русское (Галичина) с центром во Львове, которое давно находилось в составе Польши. По языку, культуре и религии население этих территорий было вполне однородным. Однако Русское воеводство почти никак не будет затронуто казацким брожением хмельниччины.

Причина в том, что Галиция, будучи одним из очагов экспансии на восток, никогда не знала казачества — порождения свободных земледельческих общин, а местная феодальная знать за долгое время успела в целом ополячиться и латинизироваться. Поэтому и социальное устройство на этих территориях имело существенное различие. Создание униатской церкви в 1596 г. встретило яростное сопротивление в двух недавно приобретенных воеводствах, поскольку возможностей навязать его там было еще не столь много, но в Галичине, где социальная структура была менее мобильной, а государственный аппарат устоявшимся, окатоличивание населения проходило более успешно. Общинное землепользование к тому времени в галицких землях было уже изжито, а земельные наделы в распоряжении крестьян были минимальными, в то время как на востоке наделы в 10—20 десятин были вполне обыденным явлением. Образ жизни на западе и на востоке Польши сильно отличался, и одной лишь разницей административно-политического устройства в Русском и Киевском вое-

водствах объяснить это невозможно. Подавляющее большинство населения Литвы тоже было русским, но ничего подобного бунтарству жителей Поднепровья литвины не проявили. Причина все та же — территории были освоены, социальная система устоялась, а наиболее буйный элемент и излишнее население «сливалось» в дикие южные земли. Можно сказать, что Поднепровье играло тогда роль Дикого Запада Америки для Речи Посполитой. Казаки, стало быть, аналог ковбоев.

Только в эту пору бурного экономического развития региона Киев начинает играть важную административную и экономическую роль. Город расположен удивительно удачно для регионального центра в географическом смысле. Выше Киева в Днепр впадают крупные притоки Припять, Десна, Ирпень, Березина. Таким образом, Киев становится транспортным узлом водных путей, связывающих Пинск, Житомир, Курск, Могилев, Смоленск, Чернигов, Путивль. Важное значение приобретает и киев перевоз через Днепр, от которого, вероятно, город и получил свое имя. Но региональное значение Киев получил именно в момент зернового бума и лихорадочной распашки черноземов. Ранее же к этому не было никаких видимых предпосылок.

КОГДА КРЕСТИЛАСЬ РУСЬ?

Я не исключаю того, что Киев действительно древнее поселение. Вполне возможно, что к моменту установления над ним власти русских царей ему было несколько веков, но он был маленьким пограничным городком, а скорее всего, монастырским поселением. Россказни о древнем величии стольного града мало способствовали его процветанию. Да, Киев стал к XVII в. религиозным центром, но регионального, а не государственного или международного масштаба, причем центром он стал вынужденно в связи с наступлением с запада католичества. После Брестского собора 1596 г. только две епархии Речи Посполитой, Львовская и Перемышльская, сохранили приверженность православию. В Киеве униатство продержалось три десятилетия.

Лишь в 1632 г., то есть за 20 лет до присоединения к России, в городе была основана Киевская коллегия — будущая Киево-Могилянская академия, где обучались православные теологи. Иногда в книгах авторы мимоходом произносят дежурную фразу о том, что Киев был «крупным научным центром». Интересно, как он мог быть научным центром, ежели университет в нем завели лишь в 1834 г., значительно позже, чем в Харькове и Казани. Да и то, киевский университет был образован путем перевода в город каменецкого лицея с одновременным преобразованием его в высшее учебное заведение, состоящее всего из двух факультетов, на которые зачислено было 62 слушателя. Это говорит о том, что своих научных кадров в городе не было. Большинство первых преподавателей были поляки и немцы, русские были в меньшинстве, и уж тем более не было никаких преподавателей-«украинцев». По-

сле того как польские профессора себя скомпрометировали, университет вообще пришлось временно закрыть в 1838 г. В 1841 г. в университете появился медицинский факультет, развернутый на базе упраздненной виленской медико-хирургической академии. Но в далеком XVII столетии ни о каком университете даже речи не шло.

Тем не менее сегодняшние укро-сепаратисты нахально объявили Киевскую коллегию (предупреждаю: сейчас будет смешно)... первым высшим учебным заведением Восточной Европы. Эти ребята просто из портков выпрыгивают, пытаясь доказать, какие они исторически самостийные да еще и самые умные в Европе, оказывается. В Восточной Европе, правда, но все равно очень «вчэные». Духовное училище, коих было в ту пору на Руси достаточно, никак не тянет на светское высшее учебное заведение. Вот что сообщает по этому поводу энциклопедия Брокгауза и Ефрона: «*В России под именем бурсы известно было, прежде всего, специальное общежитие при Киевско-братском училище (впоследствии Киевская духовная академия). Оно возникло в первой половине XVII века, при Петре Могиле, преобразовавшем состоявший при училище странноприимный дом в постоянное помещение для нуждающихся воспитанников, число которых было очень велико (простиралось от 200 до 500). Положение питомцев, живших в бурсе (так называемых бурсаков), уже в конце XVII века становится, однако, очень незавидным: жилье, пища, одежда, предлагавшиеся им безвозмездно, были очень скудны, и обычным средством поддержать материальное положение бурсы считался в конце XVII и в продолжение почти всего XVIII века сбор добровольных подаяний, производившийся самими воспитанниками. Последние торжественно избирали для этого из своей среды ежегодно двух так называемых префектов, нескольких ассистентов и секретарей; этим выборным вручалась особая книга (Album), с которой они обходили киевских граждан и жителей окрестностей. Кроме того, многие бурсаки составляли из себя походные артели, чтобы пением кантов, произнесением речей и стихов, представлением различных пьес, отправлением церковных служб и т. п. заработать нужные им средства*».

Судя по данному тексту, бурсаков хорошо учили петь и попрошайничать. Сведения о выдающихся выпускниках, прославивших alma-mater в науке, напрочь отсутствуют. В 1786 г. попрошайничество бурсакам было официально запрещено, но к тому времени духовное училище было уже преобразовано в духовную академию, переведено в каменное здание, да и материальное положение семинаристов заметно улучшилось. Но это все лирика, конечно. Попросите панов самостийников назвать хоть одного киевского ученого (не путать с богословами!) XVII—XVIII вв. В ответ вы услышите только протяжное «э-э-э-э», плавно переходящее в затухающее «ну-у-у-у».

Правда, иногда в список выпускников Киево-Могилянского коллегиума зачисляют Михаила Ломоносова. Формально он находился в Киеве несколько месяцев, но он ехал туда за знаниями в области физики и математики, однако эти дисциплины там не преподавались. Чем занимался в Киеве Михаил Васильевич? Биографы его пишут о том, что он читал древние летописи и творения святых отцов в библиотеке. Вот, собственно, и все. Говорить, что он учился в коллегиуме, а тем более, являлся его выпускником — большое преувеличение.

К украинству Киево-Могилянская академия, закрытая в 1817 г., вообще не имеет абсолютно никакого отношения. Изначально преподавание в ней велось на латинском языке, а с 1784 года — на русском. Украиномововцам это не нравится, и они сочиняют какую-то галиматью: *«Надо отметить, что при Петре I академия переживает не лучшие времена. Ведется наступление на украинский язык. Принимают законы о запрете печати (1720 года), а потом и преподавания на украинском языке. Академии сначала «рекомендуется» вести преподавание на русском языке. С 1784 года строго запрещается читать лекции «сельским диалектом», то есть на украинском языке, необходимо только по-русски и обязательно «с соблюдением выговора, который и имеется в Великороссии»»*[1].

Последние слова анонимные авторы статьи взяли в кавычки, представляя дело так, будто они цитируют некий документ. Последнее весьма сомнительно, ибо термин «Велико-

[1] http://kievinfo.com

россия», как обозначение 30 губерний официально стал употребляться только в XIX в. А уж печать на «украинском языке» в 1720 г. — это вообще какая-то фантастика. Печатными языками в тот момент были только русский и церковно-славянский. Об «украинском» никто даже не слышал.

И все же грамотеев в Малороссии действительно было изрядное количество (большинство получило образование в Европе), а потому они внесли значительный вклад в развитие церковного образования в других частях России, в том числе и в Москве. Тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Иезуиты, активно борясь за контроль над духовной жизнью русской украйны Речи Посполитой, открыли немало учебных заведений, в которые были вынуждены отдавать своих детей для науки и православные шляхтичи. К тому же католики были весьма сведущи в том, что называется информационной войной, и издали много памфлетов антиправославного толка. Адекватно ответить им православное духовенство было не в состоянии, потому что было в массе своей крайне малокультурно. Ситуация усугублялась еще и тем, что образованных церковников переманивали в унию, что еще более укрепляло интеллектуальное превосходство поляков. Например, к числу последних следует отнести Мелетия Смотрицкого, одного из создателей литературного русского языка, автора канонической «Грамматики», употреблявшейся более 100 лет в качестве эталонного учебника. В 1610 г., под псевдонимом Феофила Орфолога, он издал в Вильно очень талантливо и горячо написанное полемическое сочинение против униатов и латинян «Фринос, или Плач восточной церкви, с объяснением догматов веры». Однако, поддавшись посулам, переметнулся в унию и написал благоволительную к униатам «Апологию путешествия на Восток», изданную на польском языке[1] в 1629 г., что вызвало бурю возмущения в образованных православных кругах. Киевский митрополит Петр Могила, хотя и

---

[1] Польский использовался тогда даже русским православным духовенством в качестве официального языка общения. Священник Андрей Мужиловский резко и энергично возражает на «Апологию» Смотрицкого, тоже по-польски, книгой «Антидот», а Мелетий отвечает ему трактатом «Exethesis... to jest Rozprawa miedzy Apologią y Antidotem».

имел совершенно пропольскую ориентацию в плане политическом, немало сделал для поднятия престижа православия и с большим тщанием занимался развитием системы церковного образования. Тем не менее имущие слои получали светское образование исключительно в «латинских» заведениях, что немало способствовало процессу полонизации.

В польско-литовской унии Великое княжество Литовское играло роль не то чтобы второстепенную, а, прямо скажем, сугубо номинальную. Внешняя и внутренняя политика княжества были всецело подчинены интересам Польши, а его правящий слой в XVI—XVII вв. был в массе своей полонизирован. Униатство, прочно утвердившееся в Литве, служило интересам полонизации и окатоличивания населения. Лишь в восточных, пограничных с Россией землях княжества православие преобладало. Поэтому хоть номинальной столицей Великого княжества Литовского была Вильня, сей город не стал религиозным центром государства. Если мы посмотрим на карту, то увидим, что православие сохранилось в бассейне реки Днепр, а также в Брацлавском и Подольском польских воеводствах. Поэтому то, что именно Киев стал православным центром Западной Руси, совершенно естественно. Транспортная связность в эпоху отсутствия общедоступного почтового сообщения имела большое значение.

Киевские митрополиты носили титулы митрополитов всея Руси, однако в реальности их влияние было ограничено, а сама православная церковь подвергалась всевозможным утеснениям. В этом случае велик соблазн утвердить свое величие хотя бы в прошлом. Легко предположить, что для упрочения авторитета православия в польско-литовских землях именно в это время начинается усиленная пропаганда Киева как центра крещения всей Руси. Этим обосновывалось и то, что киевский митрополит является главой всех православных русских. Идеологическая война имеет свои каноны, и в борьбе против католицизма козырь древности Киева и исконности православия был совсем не лишним.

Между тем легенда о крещении князем Владимиром Руси, мягко говоря, сомнительна. По общепринятой версии киевляне приняли крещение в 988 г. Ромейские хроники приписыва-

ют заслугу крещения россов константинопольскому патриарху Фотию. Правда, Фотий, как считается, умер в 886 г., более чем за 100 лет до знаменательного крещения киевлян в днепровских водах, а крестил он, как принято считать, варваров-россов, что учинили набег на Константинополь. В этой связи современные историки подправляют древние летописи и объявляют, что Фотий крестил киевских князей Аскольда и Дира. Ромейские летописи вообще не обратили внимание на крещение Руси князем Владимиром, считая, что к тому времени Русь уже была христианской страной. Впрочем, отдельные источники сообщают, что русские приняли христианство лишь в XII в. Большинство же, однако, указывают на IX в., как время христианизации Руси, когда при Константинопольской патриархии уже существовала русская митрополия.

Вполне возможно, что мы в данном случае имеем дело с неверным толкованием перевода в русских источниках. Митрополия росов (τη Ρωσία) впервые упоминается в списке епископарий, датируемом концом X в. В одном из его редакций появляется уточнение, что под этим именем понимается «митрополия Киева России» (τώ Κνέβω τής 'Ρωσίας), что указывает на локальный характер этой епархии в числе прочих 80. Если принять во внимание, что по преданию патриарх Фотий (в 860 г.?) обратил в веру Христову воинственное племя россов, живущее выше днепровских порогов и явившееся пограбить Константинополь, то появление митрополии у россов возможно. Однако Константин Багрянородный несколькими десятилетиями спустя описывает россов как безбожных варваров, славных разве что своей склонностью к насилию.

Кто были росы и куда они подевались — дело темное, однако оснований отождествлять племя росов с русским народом ромейские источники не дают. Впрочем, современные комментаторы делают это с легкостью, базируя свои выводы исключительно на фонетической близости слов «росы» и «русские», не обращая никакого внимания на то, что хроники прямо противопоставляют россов и славян, хотя и объединяют и тех, и других под именем скифов. Вполне вероятно, что отрывочные сведения из греческих книг о диком и воинственном племени россов, которые сначала приняли крещение в IX в.,

а потом от нем позабыли, легли в основу концепции Гизеля о восприятии христианства на Руси через Киев, упоминаемый, как владение россов на Днепре.

Где же новообращенные христиане в Киеве отправляли религиозные обряды? Кроме как в Десятинной церкви, вроде и негде было. Построена она была, как считается, в 996 г. В 1938—1939 гг. научная группа Института истории материальной культуры АН ССР под руководством М.К. Каргера провела исследования остатков фундаментов Десятинной церкви. В I томе «Кратких сообщений Института истории материальной культуры»[1] был помещен отчет о раскопках, из которого следует, что церковь стоит на рву, засыпанном при строительстве. По археологическим данным, засыпка рва была датирована XIII в. На этот факт обращает внимание Алексей Бычков в своей книге «Киевская Русь. Страна, которой не было?». Как известно, фундаменты Десятинной церкви имеют большую, чем обычно, глубину. Это вполне возможно, если его выкладывали во рву.

Официальная историография датирует постройки первых христианских храмов в русских городах пятьюдесятью-двумястами годами позже принятия христианства. Опять неувязочка. Не могли же целые поколения христиан ни разу не побывать в христианском храме? Можно, конечно, предположить, что первые церкви были многочисленными, но деревянными (по какому же подобию их рубили?). Но никаких археологических подтверждений этому мы не находим. Зато историками всячески подчеркивается тот факт, что первыми строителями русских храмов были греки.

Как быстро могло быть распространено христианство на огромной русской территории? Официальная «наука», как мне кажется, старается обходить этот вопрос стороной. Мол, покрестилась Русь при Владимире, но отдельные пережитки язычества еще долгие века сосуществовали с христианством, постепенно вплавляясь в него. Многочисленные археологические находки, которые датируются XI—XIII вв. (вероятно, их можно отнести к гораздо более позднему времени), указыва-

---

[1] *Турина Н.Н., Крижевская Л.Я.* Обзор полевых археологических исследований ИИМК Академии Наук ССР в 1938 г.

ют на широчайшее распространение языческих культов. Иногда историки объясняют это так: дескать, города были христианизированы по княжескому повелению быстро, а сельское население еще долго оставалось языческим.

Но большинство упомянутых языческих амулетов и украшений находят как раз в городах. К тому же выполнены они настолько тонко, что исключают саму мысль о кустарном производстве. Как вы представляете себе ремесленника-христианина, изготавливающего языческую атрибутику? К тому же трудно представить, что какой-нибудь крестьянин мог носить золотой венец, вроде того, что найден в 1900 г. у села Сахновка под Киевом или «Черниговскую гривну». Весьма широко распространены и погребения по языческому обряду, датируемые X—XV вв. Курганы над русскими могилами, как считается, насыпались до XIV столетия. Хотя, вполне возможно, мы имеем дело с раннехристианским обрядом[1]. Языческие имена уходят из широкого обихода только в XVII в. Есть ли в этой реальности место Владимиру, обратившему Русь во Христову веру? Не стоит забывать, что Владимир Святой — это, прежде всего, персонаж церковной мифологии.

Я склонен считать, что язычество не было упразднено по приказу сверху, а постепенно, в течение нескольких веков эволюционировало в христианство. Этим легко объясняется легко читаемая тождественность старых языческих праздников новым христианским. В XV в. кардинал д'Эли, посетивший Россию, с удивлением отмечал: *«Русские в такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческое начало, или язычество,*

---

[1] К такому типу, наверное, можно отнести жальники. Вот что сообщает о них Большая советская энциклопедия: «Жальники — древние могилы (XII—XV вв.); невысокие холмики, круглые, в более позднее время — четырехугольные, обложенные снаружи камнями-валунами. Распространены преимущественно в Новгородской и Псковской области. Большинство жальников принадлежало славянам, часть — води. Обычно содержат один скелет, но встречается и несколько костяков. При погребенных находят украшения и глиняные горшки. На некоторых жальниках стоят каменные четырехконечные кресты».

поглотившее христианское вероучение»[1]. Окончательно же русское православие сформировалось в результате никоновской реформы во второй половине XVII столетия с «исправлением» книг и приведением богослужения к константинопольскому образцу.

Но народные массы, по правде говоря, совершенно не увлекались богословскими изысками. Посетивший Москву во второй половине XVII в. Георг Андреас Шлейзинг. отмечал в своем трактате «Древняя и современная религия московитов», что *«они [московиты] остаются в неведении положений христианской религии до такой степени, что среди них слишком мало людей, знающих наизусть «Отче наш» и «Верую»*. Еще и через сто лет после никонианской реформы попы спрашивали на исповеди своих прихожан: «Образы святыя богами не называешь ли?». Многобожие было слишком укоренено в массовом сознании, чтобы вмиг исчезнуть. Поэтому в народных представлениях святые были такими же богами, как Христос, только местными или «узкопрофильными». Лев Прозоров в книге «Язычники крещеной Руси»[2] приводит краткий список божков, почитавшихся местами вплоть до XX в.: Власий — коровий бог, Мамант — овечий бог, Зосима и Савватий — пчелиные боги, Василий Кесарийский — свиной бог, Флор и Лавр — конские боги, Козьма и Демьян — куриные боги. Впрочем, это не было чисто русским феноменом. В Европе в то время еще продолжали существовать отголоски христианско-сатанистского двоеверия, когда свечку ставили не только святым, но и дьяволу, прося его не причинять зло.

Абсолютно уверенно можно утверждать, что никакая церковь не любит реформ, тем более трудно припомнить случаи, когда бы инициатива исходила от самой церкви. Все известные нам унии, расколы и реформы всегда имели исключительно политические причины, но никак не стремление к улучшению обряда. Что же касается никоновских преобразований, то, почему-то, историки ставят во главу угла вопрос о двупер-

---

[1] Цитируется по: *Смирнов М.* Ягелло-Яков-Владислав и первое воссоединение Литвы с Польшею.

[2] http://juragrek.narod.ru/lit/4492.zip

стном крещении и исправлении служебных книг, мотивируя это тем, что за столетия переписывания их вручную в оных накопилось много ошибок. На Восток, дескать для того, чтобы свериться с первоисточниками, был послан за древними рукописями Арсений Суханов. Личность эта весьма примечательная.

Арсений Суханов (1600?—1668 гг.) — иеромонах, распорядитель московского Богоявленского монастыря, келарь Троице-Сергиева монастыря. Знал греческий, латинский и польский языки, владел грамматикой, риторикой и диалектикой. Существует предположение, что Суханов получил образование в одной из школ западнорусских братств. В 1649 г. Москву для сбора пожертвований на украшение Гроба Господня посетил иерусалимский патриарх Паисий. Он обратил внимание царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа (предшественник Никона) на то, что в русских богослужениях присутствуют отступления от обрядов восточной православной церкви. В 1649 г. Арсений отправился в Константинополь с заданием описать церковные обычаи. Однако добрался только до Ясс и оттуда возвратился в Москву. Во второй раз он побывал на Афоне. Результатом этой поездки стало его полемическое сочинение «Прения с греками о вере». В третье путешествие посетил греческие острова, Египет, Константинополь. В 1654 г. патриарх Никон посылает Суханова на Афон для приобретения греческих рукописей, необходимых для начавшегося исправления богослужебных книг. Суханов, как считается, доставил в Москву около 700 рукописей. С 1661 года руководил работой Московского Печатного двора, то есть находился на переднем крае идеологического фронта.

Версия об утрате истинной веры выглядит малоубедительной. Дело в том, что православные Балканы и Ближний Восток находились под турецким владычеством, что трактовалось тогда как кара за утрату истинной веры. Москва же претендовала на то, чтобы быть международным центром православия. Об этом свидетельствует, например, титул патриарха Никона: *Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя*

и белыя Росии и всеа северныя страны и помориа и многих государств патриарх.

А вот что пишет Суханов в своих «Прениях»: *«был у вас* [греков] *царь благочестивый, а ныне нет; и в то место воздвиг Господь Бог и на Москве царя благочестиваго и ныне у нас государь царь великии князь Алексей Михаилович всеа Русии самодержец, во всей подсолнечной благочестием своим сияет, яко солнце посреди земли, и во всем ревнует первому благочестивому царю Констянтину Великому, церковь Христову чисто снабдевает, и от всяких ересей защищает чисто»*[1].

Что-то совсем не похож старец Арсений на прилежного ученика, приехавшего за истиной к всемудрым учителям. Он скорее пеняет грекам на отступление от веры, нежели смиренно принимает их поучения. По всему следует, что каноническим должен считаться именно русский обряд, а мнение патриархов, сидящих в Стамбуле или Иерусалиме, было постольку поскольку. Так и было в действительности: у духовенства крепко укоренилось мнение о превосходстве русского благочестия над греческим, а московского — над киевским. И, вообще, с какой стати следовало считать, что греческие переписчики не накопили ошибок в своих книгах?

Далее же Арсений Суханов так клеймит греков, что становится совершенно непонятно, с какой стати русским следует перенимать эллинские обычаи: *«Старец же Арсении говорил греком: вы говорите, что мы крещение от вас прияли, а не так как вы креститеся рукою крестимся. Ино чем вам тем величатися или укоряти нас, скажите ми? Егда папа римский благочестив был, то он ис пети чювств началное и головное был чювство зрение; а егда то зрение туском заволокло, сиречь ересию и расколом церьковным папа помрачился и света видети право не может, то четыри чювства, сиречь патриархи, и без зрения, сиречь и без папы, живут. Такоже и мы можем ныне без вашего учения быть.*

Или папа егда благочестив был и в то время которых крестил, могут ли те нынешняго папу слушать или ни? И хотя нынешней папа тем над ними и возноситись будет, и их уко-

---

[1] http://portal-credo.ru/site/print.php?act=lib&id=1174

рять станет, что оне крестилися от Риму, а его ныне не слушают, — то не могут ли ти отвещати: врачу, исцелися сам. Сиречь очисти свое зрение, и возри право и приими веру ту ж, которую первие благочестивыи папы держали, от них же мы веру приняли, — и тогда хвалися над нами, что мы от вас крещение приняли и мы будем тебе за главу приимати.

Также и мы вашим вопросам ответ даем: всуе вы хвалитеся тем, что мы от вас крещение приняли. Мы крещение приняли от апостола Андрея, как, по Вознесении Господни, прииде апостол Андрей в Византию, и оттуду Черным морем шел до Днепра и Днепром вверх до Киева, а от Киева даже и до Великаго Новаграда; и ходя тем путем, учение свое о вере Христове распростирал, а иных крестил, а в Киеве будучи, крест воздвигнул, якоже пишет в книге «О правой вере».

Потом сослан был от Нерона царя римского в заточение Климент папа Римский в Корсунь, еже ныне зовется Крым; и он, будучи в Корсуни, своим учением корсунян в веру привел и крестил, и ту и преставился. А Климент папа — ученик Петра апостола и поставлен бысть им в Риме; и был один папа в Риме. А Петр апостол — брат Андрею апостолу, которой будучи у вас, и к нам пришел. И великий князь Владимер крестился в Корсуни от тех християн, которыя от Климента крещенны; и мощи Климентовы ис Корсуни взял Владимер к себе в Киев и митрополита и весь освященныи чин.

И мы как прияли веру и крещение от апостола Андрея, так и держим: крестимся даж и доныне по их 50-му правилу в купели в три погружения и их правило блюдем твердо. А вы, греки, апостольского правила не храните: в купели в три погружения ныне не креститеся, но по новому римскому уставу обливаетеся и покропляетеся. И посему знатно, что мы крещение от апостол прияли, а не от вас греков.

Явно обличает вас греков божественное писание, яко древняя злоба нова благодати быти не хощет. Тако и вы греки закоснели есте, живучи меж бусорман, и за стыд свой или гордости ради не хочете повинутися древнему отцу блаженному Феодориту и прочим, но правитеся новым своим дидосколом Домаскином иподьяконом; а стараго предания никакого о том не покажете ни Феодоритова, ни иных. И вы не токмо крест-

ное знамение по древнему преданию потеряли, но и самое крещение. Святии апостоли написали в 50-м своем правиле: аще епископ или поп крестит не в три погружении, да извержется; також и вси святии отцы, последуючи сему правилу, писали, велели крестить в купели в три погружения, а нихто не написал обливать или покроплять. Не сыщишь у вас в Грецыи и в Волохах ни единаго человека правым крещением крещена. И говорите, покрывая свой стыд, что то есть все одно — погружать или обливать; и святии апостоли и святии отцы того нигде не написали, что то все одно, но велели погружать. И вы мало не соединились есте с римляны.

Да вы ж и лета от Рожества Христова потеряли: пишете в нынешнем во 158-м году от Рожества Христова 1650-й год; и в том обличают вас ваши ж греческия книги, а повинутися не хощете. — А все то вам прилучилося от римлян, занеже еллинскаго учения печатной двор у себя имате и книги вам печатают в Риме и в Венеции и во Англии; и еллинскому писанию ходите учитись в Рим и в Венецию, и дидасколы у вас все от тех наук приходят к вам и, там оне будучи, яже в коростове стаде и здравая скотина окоростовеет, тако и ваши дидасколы приходят к вам из Риму и из Венеции все шелудивы, якоже и Власий дидаскол рек от науки римских обычаев, и вас тому учат; а вы их во всем слушаете, потому что у вас своих наук нету еллинскому языку и книги от них приимаете. Прочее ж реку, что у вас не было доброго, то все к нам к Москве перешло».

В действительности же вопрос о двуперстии, то есть вопрос внешнего обряда имел большое значение. Но почему? И для чего во главе исправления книг были поставлены Епифаний Славинецкий и другие ученые люди из числа «черкасских люде», то есть малороссов, к которым в Москве было настороженное отношение из-за того что они испытали на себе значительное влияние латинян? Вот в этом отчасти и следует искать разгадку. Московские цари взяли курс на распространение своей власти на западнорусские земли, населенные православными. В литературе встречаются упоминания, что патриарх Никон грезил об объединении под скипетром русского царя всех православных народов, но так это, или мы имеем дело с домыслами поздних комментаторов, теперь уже

вряд ли можно установить. При этом известно то, что русский патриарх во время войн с Польшей (1654—1667 гг.) и во время длительного отсутствия царя фактически управлял страной. Следовательно, как политик, он был сторонником уже вполне оформившегося антипольского вектора внешней политики.

Западное православие, как отмечалось выше, имело некоторые различия в обрядах от московского канона. Соответственно, эти отличия могли стать препятствием для интеграционных процессов, если католики попытаются превратить эту маленькую трещину в разлом между единоверными русскими людьми. Следовательно, в сугубо политических целях следовало подправить свою веру по западным образцам, так как возможности навязать православному населению Речи Посполитой восточный обряд никакой возможности не было. Поэтому и была развернута решительная борьба с двуперстием. Это встретило ожесточенное сопротивление части православного духовенства и верующих. Еще бы! На всех иконах русские святые изображались с двумя благословляющими перстами.

Одна из важных причин поражения поляков в соперничестве между Речью Посполитой и Россией в том, что первые стремились переделать русских на свой латинский манер, причем кнут использовали куда чаще, чем пряник, а русское правительство даже шло на очень непопулярные реформы внутри государства, чтобы избежать препятствий на пути сближения с русским населением Речи Посполитой.

Среди противников нововведений особой активностью отличался протопоп Аввакум из Юрьева-Польского. В 1654—1656 гг. противники реформ были подвергнуты ссылке, некоторые лишились сана. После отстранения Никона в 1658 г. его противники получили временное преимущество и поддержку при дворе, но церковный собор 1666 г. признал все нововведения правильными, и с этого времени несогласные с постановлением собора стали раскольниками. Не слишком ли большие жертвы, если речь идет исключительно о том, сколькими перстами осенять себя? Раскольники в дальнейшем подвергались жестким политическим репрессиям. Гонения носили в большей степени именно политический характер, ибо Россия отличалась большой веротерпимостью даже к языческим пле-

менам. Как говорится в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона о старообрядцах, *«их враждебное отношение к церкви перешло и на государство, поддерживающее церковь и лично на царя Алексея Михайловича и последующих»*. Лишь в 1905 г. старообрядцы официально были уравнены в правах с инославными подданными империи. То есть, как принятие нового обряда было политическим актом, так и старообрядчество являлось движением политическим.

Арсений Суханов отрицает принятие христианства от греков-ромеев, придерживаясь канонической версии о принятии христианства от апостола Андрея. Правда, в этом случае остается неясным, почему князь Владимир является язычником, ежели его бабка Ольга уже была христианкой. Иннокентий Гизель пишет о пяти крещениях Руси, из которых Владимирово было окончательным («и тако благочестивая Вера умножашеся и совершенно утвердашеся», а предыдущие «все те крещения четыри в России бывшая не укоренишася добре»). Тем не менее, оба автора связывают утверждение христианства на Руси с Киевом. Во второй половине XVII в. эта концепция уже была глубоко укоренена в книжном сознании.

При этом окончательно миф о древнерусской истории, изложенный в гизелевском «Синопсисе», еще не был сформирован. Например, за четверть века до Гизеля Суханов пишет о Кирилле и Мефодии следующее: *«Да тот же игумен говорил: греки де горды и нам сербом из давных веков ненавистны. Как де мы сербы и болгары крестились, и государи де наши посылали к ним греком, чтоб оне нам преложили книги на словенской язык; и оне де нам отказали, ненавидя нас и чтоб им греком у нас быть во властех. И как де Бог дал им Кирила философа, родился от отца болгарина, а от матери грекини, и навык грамоте греческой и латынской и словеньскому языку, и тот де Кирил ходил в Царьград, докладывал, чтоб ему поволили сложить словенскую грамоту. И они де ему не поволили и запретили. И он де ходил в Рим к папе Андреяну благочестивому, и папа де ему благословил. И как де Кирил грамоту словяном сложил, и греки де много искали, гдеб сыскав ево, убить.*

И Кирил де, то сведав, укрывался в дальних словянах, что ныне живут под цесарем, и там де и преставился; и папа де по-

велел мощи его взять в Рим и погреб ево в Риме в церкви святых апостол. А брата де его Мефодия папа Андреян поставил епископа в Паннонии, иже ныне те словяне под цесарем и в Венграх. Да и до сех де мест нас ненавидят греки, что мы по словенским книгам чтем, и архиепископа, и митрополитов, и епископов и попов своих имеем; а им де хочетца, чтоб все оне у нас владычествовали».

Гизель же двадцатью годами позже решительно поправляет своего предшественника: *«Второе крестися Русь лета от Рождества Христова 860 в царство Царя Греческаго Михаила, Патриарху Константинопольскому сущу Фотию; от них же но прошению Князей Славенских Святополка, Ростислава и Коцсла, присланы бяху Славяном учители Веры Христовы, Мефодий и Кирилл, сынове мужа нарочита, именем Льва от Солуня, и они по дару Духа Святаго преложиша Греческия книги Славенским языком, святое Евангелие, Апостол, и прочая».*

Говоря по-правде, о времени принятия на Руси христианства и о первоначальном этапе его распространения мы знаем не более того, что считала нужным сообщить нам церковь в XVII столетии. Вряд ли официозная лубочная версия церковной истории имеет много общего с реальностью. Одна из самых загадочных страниц православной церкви — ее отношения с «монголо-татарами». Миф об уничтожении злобными кочевниками Киева понадобился еще и для того, чтобы скрыть не очень красивый с точки зрения современного читателя факт — церковь была союзником Батыя в завоевании Руси. Свидетельств об этом огромное количество. Официальная историческая «наука», конечно, неохотно касается этой темы, ибо с точки зрения общепринятой концепции нашего прошлого этот коллаборационизм выглядит совершенно дико. Но если из песни слов не выкинешь, то их можно постараться как можно более невнятно пробубнить, что историки и делают.

Как было показано выше, нашествие кочевников-монголов, да и вообще любых прочих степняков на Русь было невозможно в принципе. Но абсолютно фантомным «монголо-татарское иго» быть не могло. В данном случае мы имеем дело не с

фантомом, а с сильно искаженным событием. Я сейчас выскажу очень крамольную мысль, поэтому держитесь крепче, чтоб не упасть: Батыево нашествие на Русь стало как раз широкомасштабной акцией по крещению Руси. Конечно, это не было целью, цель была в создании централизованного государства (об этом подробнее ниже), а крещение мечом (кто ж добровольно откажется от веры предков лишь потому, что князю приспичило жениться на греческой принцессе?) и создание ОБЩЕГОСУДАРСТВЕННОЙ церкви являлось одним из инструментов его утверждения. Именно поэтому церковь получила от ханов-«завоевателей» широчайшие права и привилегии.

Я сейчас не буду подробно останавливаться на этом вопросе (это тема для отдельного исследования), набросаю лишь несколько штрихов к историческому пейзажу XIII в. Русь по общепринятой точке зрения была в то время страной очень урбанизированной, городов в ней было несколько сотен. Соответственно, любой завоеватель был обречен нести очень большие потери в многочисленных штурмах. Учитывая, что нашествие Батыя состоялось зимой, то брать города измором в это время было очень некомфортно. Это не курортный Херсонес, который мифический князь Владимир мог позволить себе осаждать несколько месяцев. Штурм русских деревянных крепостей осложнялся еще и тем, что зимой они становились как бы каменными. Даже лучше, чем каменными. Несколько ведер воды, опрокинутые на бревенчатую стену, делали ее крепкой, скользкой и невосприимчивой к огню. Но русские города, судя по летописным данным, оборонялись считанные дни. А Батый шел от одного города к другому, не теряя сил, то есть его потери были очень незначительными, если вообще можно говорить о потерях. Я даже готов предположить, что со взятием очередного города его сила лишь возрастала.

Объяснение может только одно — в русских городах у Батыя были единомышленники, которые открывали ему ворота. То есть он пришел, продемонстрировал серьезность своих намерений, объявил свои требования, постоял несколько дней, пока его «пятая колонна» в городе не убедит «общественное мнение», что лучше встретить гостей хлебом-солью.

Князь против? Тем хуже для князя. Что, собственно, требовал Батый? Как гласит «Повесть о разорении Рязани Батыем», *«и прислал в Рязань к великому князю Юрию Ингоревичу Рязанскому послов без пользы для дела, прося десятины во всем: в князьях, и в людях всех сословий, и во всем»*.

Спрашивается, зачем Батыю вражеские князья — своих вельмож, что ли, не хватает? Надо полагать, что десятина в людях — это рекрутский набор, а князья, то есть профессиональные воины, нужны, чтобы рекрутов обучать и ими же командовать. Никакого иного проку от князей не было и быть не могло.

Что еще удивляет в традиционных мифах о татаро-монгольском нашествии: большие города склоняются перед завоевателем через несколько дней, а вот маленькие крепости вроде Козельска и Торжка обороняются неделями. Вот тут, возможно, и стоит поискать ответ на вопрос о том, кто был Батыевой «пятой колонной». В крупных городах уже могло быть укоренено христианство и церковь имела определенное влияние на массы и, что более важно, на власть. В XIII столетии на Руси, если следовать традиционной версии историков, было множество монастырей, то есть крепостей. Что-то я не припоминаю рассказов о том, как они героически оказывали сопротивление нашествию поганых язычников.

Теперь вспомним, что сделал летописный Владимир с корсунским предателем Анастасом (или Ждберном), благодаря которому он овладел городом — наградил его и поставил правителем Корсуни. По одной из версий даже отдал ему княжескую дочь (правда, сперва вдоволь насладившись ею). А кого отблагодарил Батый? Вот то-то и оно!

Лев Прозоров в книге «Язычники крещеной Руси» цитирует исследование церковного историка Константина Шебатинского «Учение славянофилов об отношении церкви к государству»: *«В татарский, или монгольский, период независимое положение церкви нашей упрочилось благодаря покровительству татарских ханов Золотой Орды. В этот период времени церковь наша получает от ханов особые привилегии»*[1].

---

[1] *Лев Прозоров*. Язычники крещеной Руси. // «Странник», 1912 г., № 8

Наиболее интересны, пожалуй, суждения другого крупного историка церкви Евгения Голубинского. Свое кредо он выразил следующими словами: «*Предоставляя желающим и произволящим быть сторонниками истории тупой или лгущей, я со своей стороны есмь горячий почитатель истории настоящей*». Что же выискал Евгений Евстигнеевич настоящего в истории? Вот несколько цитат из второго тома его «Истории русской церкви»:

Если полагать, что обязанность высшаго духовенства, — епископов с соборами игуменов, долженствовала при данных обстоятельствах состоять в том, чтобы одушевлять князей и всех граждан к мужественному сопротивлению врагам для защиты своей земли, то летописи не дают нам права сказать, чтобы епископы наши оказались на высоте своего призвания, они не говорят нам, чтобы, при всеобщей панике и растерянности, раздавался по стране этот одушевляющий святительский голос.

...Татары стали к вере и к духовенству русскому в отношения самой полной терпимости и самого полного благоприятствования... Бич божий, обрушившийся на наше отечество, не явился, по крайней мере, бичом для церкви.

...Великие ханы монгольские <...> до такой степени оказывали свое благоволение христианам, что о трех последних между ними, Гуюке, Мангу и Хубилае, составились сказание, будто они один за другим на самом деле принимали христианство».

Странное дело — великий хан Хубилай, завоеватель Китая и основоположник династии Юань, отчего-то принимает христианство — веру народов, чрезвычайно далеких от сферы его «геополитических интересов».

«С [хана] Узбека, который опять принял магометанство, уже все ханы были магометанами, так что магометанство стало их родовою религией вместо язычества. Магометанство, подобно христианству, притязает быть религией единой истинной, а потому магометанам столько же естественно быть нетерпимыми к другим верам, сколько, напротив, язычникам быть терпимыми, тем более, что магометанство, притязая быть религией единой истинной, прямо обязыва-

ет своих последователей распространять его посредством насилия. О ханах Берке и Узбеке, которые один чрез промежуток после другого впервые принимали магометанство, мы положительно знаем, что они хотели быть вполне терпимыми к вере русских по доброй воле».

Какие-то очень странные мусульмане были эти ханы. Вместо того, чтобы нести своим подданным истину, дарованную пророком Мухаммедом, они благодетельствуют русскую церковь. Именно благодетельствуют, а не проявляют «терпимость», как деликатно пишет Голубинский. Столь абсурдное поведение ордынского повелителя может быть объяснено только одним: ислам и христианство не были раздельны в XIII в., о чем можно найти массу свидетельств. Голубинский же, став перед этой неразрешимой загадкой, объясняет ее с удивительной наивностью: по его убеждению, все ханы Золотой Орды до самого ее конца были... «плохими магометанами». Вот все как один в течение сотен лет — плохими! И все как один продолжали феноменально благожелательно относиться к христианству. Вот стал Берке мусульманином, и тут же учредил в своей столице Сарае русскую епископскую кафедру. Голубинский подчеркивает, что Сарайская епархия была образована, скорее всего, не по его разрешению, а именно вследствие его ТРЕБОВАНИЯ. А когда заболел сын Берке, тот призвал для его исцеления ростовского епископа Кирилла, который вернул ему здоровье с помощью... Ну да, догадаться не сложно, с помощью христианской молитвы. На лекции по истории искусств нам преподаватель показывала известную житийную икону, прославляющую чудесные свершения епископа Кирилла, где один из сюжетов был как раз посвящен исцелению ордынского царевича.

Дальше события развивались совсем уж фантастически. Племянник Берке, тронутый христианской проповедью Кирилла, не только становится христианином, но и принимает в дальнейшем монашеский постриг. В честь этого праведного ордынского царевича в Ростове выстроен монастырь во имя Петра и Павла, где он похоронен (Петр — крестильное имя царевича). РПЦ ныне чествует 30 июня память блаженного Пет-

ра, царевича ордынского. Голубинский, не в силах дать удобовоспринимаемую трактовку этому, объявляет, что христианская жизнь Петра проходила тайно: мол, тайно крестился, тайно бежав (!!!) в Ростов, тайно выстроил монастырь, тайно постригся в монахи. А как же он вел свою официальную жизнь царевича? Неужели от намаза уклонялся, всякий раз ссылаясь на нездоровье? Да, объяснение православного историка, мягко говоря, хлипкое. Этаким манером и папу римского можно объявить тайным буддистом.

Кстати, епископ Кирилл II Ростовский зачастую сливается со своим современником Кириллом III Киевским. Последний ныне упоминается под официальным титулом митрополита Киевского и всея Руси. Но удивительный факт — о его деяниях в Киеве нам ничего не известно. Вообще к Киеву он не имел никакого отношения, первые упоминания о нем привязываются к 1250 г., когда он появляется во Владимире. Как сообщает православная энциклопедия «Древо», *«вернувшись из Константинополя, Кирилл не мог найти для себя в Киеве приюта и пристанища: город был обращен в пепел Батыем. Кафедральный Софийский собор и митрополичий дом были разорены; Десятинный храм лежал в развалинах; Печерская обитель была покинута иноками; во всем городе едва насчитывалось домов с 200»*[1].

Вообще-то греческие патриархи в это время имели резиденцию в Никее, так как Константинополь был захвачен в 1204 г. крестоносцами, но не будем придираться к мелочам. В любом случае картина наблюдается странная. Патриарх при рукоположении назначил Кириллу кафедру в Киеве, а тот взял да и умотал самовольно, обретаясь в Суздале, Новгороде, Ростове, и Сарае-Берке у поганого хана ордынского. Дескать, там «приют и пристанище» лучше. Зато Кирилл III активно сотрудничал еще с одним «киевлянином» — великим князем Киевским Александром Ярославичем Невским, столь же ярым «монголофилом», как и его пастырь, митрополит Киевский и всея Руси. Что, вы никогда не слышали о том, что Александр

---

[1] http://drevo.pravbeseda.ru/index.php?id=10800

Невский был киевским князем? Был, правда, в самом Киеве его княжеской ноги почему-то никогда не ступало (возможно, он даже не знал, что историки назначили его княжить в Киеве). Александру Ярославовичу и в Новгороде было неплохо.

В древней русской истории Киев присутствует, как виртуальный довесок, в том числе и в истории церковной. Тот же Кирилл III в 1274 г. ставит епископом Владимира, Суздаля и Нижнего Новгорода киево-печерского архимандрита Серапиона, хотя по официальной версии после разорения Киево-Печерского монастыря Батыем он возродился только в XIV в. На церемонии хиротонисания Серапиона присутствует епископ киевский Владимир (в Киеве у него, только поставленного, видать, дел никаких не было).

В 1274 г. во Владимире, как считается, прошел важный митрополичий собор на котором было принято постановление против злоупотреблений в церкви и утверждено собрание церковных установлений (Номоканон, Кормчая книга). Однако уже в советское время историк Ярослав Щапов объявил, что сей собор проходил в 1273 г. в Киеве. Ну, коли так считает член-корреспондент АН ССР, то так тому и быть, и пусть никого не смущает тот факт, что в разрушенном «татаро-монголами» Киеве русским митрополитам просто негде было проводить столь масштабное сборище.

Мне абсолютно непонятно, почему из разрушенного и обезлюдевшего после Батыева погрома Киева митрополит Максим официально перенес свою кафедру во Владимир лишь через 60 лет в 1299 г. Что уж совсем удивительно, так это то, что по общепринятой версии истории, даже перебравшись во Владимир, митрополиты продолжали именоваться киевскими. До переезда исправно поставляемые никейскими и константинопольским патриархом митрополиты, видимо занимались тем, что причитали, глядя на развалины киевских храмов, да тут же приказывали подавать сани и ехали в Орду основывать Сарайскую епархию (1261 г.) и выклянчивать себе ярлыки, ставящие духовенство в привилегированное положение по отношению к его пастве.

Энциклопедия «Древо» пытается объяснить отсутствие киевского митрополита Кирилла III в положенном ему месте, но

довольно неуклюже: «*Нет оснований для утверждения, будто Кирилл перенес митрополию во Владимир-на-Клязьме. Для Кирилла характерны частые поездки по епархиям, и Владимир стал для него просто резиденцией во время длительных пребываний в Северо-Восточной Руси; особенно в период до смерти Александра Невского (1263) Кирилл управлял митрополией* (Киевской? — *А. К.*) *отсюда, ведая одновременно делами вакантной владимирской кафедры*». Умер митрополит в Переяславле-Залесском, и его тело якобы было отправлено для погребения в Киев, отстоящий от места его преставления на тысячу верст.

Но давайте вернемся к ордынским ханам и продолжим рассказ об их уникально христолюбивой политике. Как сообщает сам Голубинский, ростовский князь Глеб Василькович в 1257 г. женился то ли на дочери, то ли на близкой родственнице великого хана. Но это означает лишь то, что она к моменту женитьбы была христианкой. В тот же год, как считается, на Руси была проведена первая перепись населения с целью упорядочения налогообложения. Единственная, как сейчас бы сказали, категория граждан и юридических лиц, освобождаемых от дани — христианское духовенство и все церковные учреждения. О том гласил ханский ярлык, дарованный русской церкви. И кто после этого смеет утверждать, что Берке был мусульманином? Голубицкий приводит массу фактов, в принципе исключающих приверженность Берке к магометанству, но догмат довлеет и над Евгением Евстигнеевичем, и потому всякий такой факт он объявляет исключением, чудом, и свидетельством «плохой» мусульманистости хана. Он даже спорит с историком XVII в. Абулгази[1], который «*уверяет, что Берке, приняв магометанство, повелел указом, чтобы приняли его новую веру и все его подданные*».

Вполне возможно, что и Голубицкий, и Абулгази правы оба. Всякий правитель, разумеется, насаждает среди своих

---

[1] *Абу-л-Гази-хан* (1603—1664) — хивинский хан из потомков Чингисхана, известен также как историк и первый узбекский писатель, основоположник узбекского литературного языка, автор исторических сочинений «Родословная туркмен» и «Родословная тюрок».

подданных ту религию, которой придерживается сам. Поэтому действия хана Узбека, утвердившего ислам в качестве государственной религии Золотой Орды, совершенно закономерны. Но был ли это именно ислам, и именно в том виде, в каком мы его сегодня представляем? Все говорит за то, что ислам и христианство в тот момент еще не разошлись настолько, чтобы иметь какие-то принципиальные различия. Чем восточное христианство отличалось от западного? На Западе господствовал латинский обряд, богослужение велось на латыни, церковные книги писались латынью же. А восточный обряд предполагал, что всякий народ может славить Бога на своем родном языке. Поэтому, кстати, и ныне католическая церковь едина, а православных церквей — десятки. И если тюрки в Средней Азии молились аль-лаху, то есть единому Богу, не по-гречески и не по-русски, это вовсе не значит, что они противопоставляли себя христианам. Славили они единого Бога, но по-своему, почитали местных святых, соблюдали местные религиозные традиции.

Следует понимать, что в докнижную эпоху жесткой унификации обряда просто не могло существовать, потому христианство в Константинополе и Китае очень сильно отличались друг от друга. Да что там Китай, даже в самой ромейской церкви шла непрерывная борьба со всевозможными ересями, одно перечисление которых займет с полстраницы. Так почему бы не предположить, что мусульмане — это очередная христианская ересь? Ересь, разумеется, лишь с точки зрения константинопольских патриархов. Между тем несториане — представители христианского течения, имеющего самый обширный регион распространения, имели своего патриарха в городе Мосуле. Не от того ли их и называли мусульмане? В дальнейшем несторианство трансформировалось в ислам, хотя традиционное несторианство существует до сих пор. Но даже среди арабов — самого мусульманского народа из всех, остались приверженцы православия. Известна была Малоарабская православная церковь под главенством несторианского патриарха, в дальнейшем она присоединилась к Сиро-Яковитской церкви. В Африке до сих пор распростра-

нено коптское (копты ведут богослужение на арабском языке) и яковитское христианство.

Вопрос состоит в том, когда произошел раскол между христианами и магометанами. Как будет показано ниже, в России начала XVII в. трудно провести грань между ними. Невозможно порой понять и хроники. Если летопись писана по-арабски и в ней повествуется о том, что хан Берке повелел строить храмы и славить истинного Бога, обращая неверных в праведную веру, то велик соблазн объявить это процессом исламизации. Но если русская хроника восхваляет благоверного ордынского царя Берке за то, что он указал строить по всей своей земле храмы на радость правоверному люду и изгнал поганых из городов своих, то понять это можно так, что владетель Золотой Орды насаждал православие. Как вообще можно интерпретировать термин «правоверие» (праведная вера), если правоверными считали себя все верующие в единого Бога, противопоставляя себе язычников (неверных, поганых)? Поэтому ордынских ханов можно считать и правоверными христианами, и правоверными магометанами — кому как нравится, ибо тогдашнее христианство было мало похоже на нынешнее, а ислам только начал обретать свои черты. А если бы ордынские ханы были язычниками или мусульманами, как считают историки, то как бы Папы Римские додумались отправлять к ним многочисленные посольства с целью склонить их к участию в... крестовых походах?

По ярлыку хана Узбека митрополиту Петру духовенство освобождалось от всякого ханского суда, все церковники подчинены были суду митрополита по всем делам, включая уголовные. И это сделал хан, который, как утверждают историки, объявил ислам ГОСУДАРСТВЕННОЙ религией Золотой Орды (русские княжества были его составной частью), да еще начал воинственно его насаждать, жестоко преследуя инаковерующих! Но свою дочь он в 1317 г. отдал в жены московскому князю Юрию Даниловичу. Как может хан одной рукой душить инаковерие и насаждать ислам, а другой даровать христианскому духовенству такие права, которых оно НЕ ИМЕЛО даже при православных русских князьях и царях, кои даже мысли не до-

пускали, что патриархи не подвластны их суду[1]? Если историки несут такой чудовищный бред, тем хуже для них самих.

То, что ордынские ханы выдавали своих дочерей замуж за русских князей, еще можно как-то оправдать их легендарной веротерпимостью. Но чем объяснить поступок константинопольского императора Андроника III, отдавшего свою дочь замуж за хана Узбека? Это где ж такое видано, чтобы христианские императоры своих дочерей в гаремы к «монголо-татарам» сдавали? И это не единичный случай. Предшественник Узбека хан Тохта был женат на дочери императора Андроника II. Император Михаил Палеолог выдал свою дочь Ефросинью замуж за хана Ногая. Правда, Ефросинья была дочерью внебрачной, но все равно христианкой.

Никаких фактов религиозного притеснения русских «монголо-татарами» Голубинский не приводит, более того, он рисует ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ Орды, деятельно направляемой на укрепление роли церкви. К позиции Голубинского тем более следует отнестись серьезно, что он не был лицом частным или партикулярным, а являлся профессором Московской духовной академии, преподавая в ней более 30 лет историю церкви. Очень рекомендую прочесть его труды всем, интересующимся историей. Только при чтении надо четко отмечать, когда автор от описания событий и явлений переходит к их казуистическому истолкованию. Но спасибо ему хотя бы на том, что он не пытается нагло отрицать или замалчивать неудобные для церкви факты, чем не гнушаются современные историки.

Кстати о знаменитых ханских ярлыках. Сегодня нам известны пять подобных документов:

1) хана Менгу-Тимура митрополиту Кириллу от 9 августа 1267 г. (или от 26 августа 1279 г.);

---

[1] Например, московский князь Василий II Темный запросто приказал арестовать митрополита Исидора, который в 1441 г., возвратившись с Флорентийского собора, зачитал акт об унии восточной и западной церквей. По приказу царя Алексея Михайловича арестовывался могущественнейший патриарх Никон. А уж сын Алексея Петр окончательно поставил духовенство в униженное пред государством состояние. Лишь при господстве иноверных «монголо-татар» попы имели просто беспрецедентные вольности, если верить историкам.

2) ханши Тайдулы митрополиту Феогносту от 4 февраля 1351;

3) ханши Тайдулы «митрополиту Иоану» от 1347 г.;

4) хана Бердибека митрополиту Алексею от 23 октября 1357 г.;

5) хана Тюляка митрополиту (точнее, кандидату в митрополиты) Михаилу (Митяю) от 28 февраля 1379 г.

Первоначально эти ярлыки, как считается, хранились в архиве русских митрополитов в Киеве, Владимире, а затем в Москве. Однако к настоящему времени официальные собрания церковных актов не известны, зато выявлен широкий круг сборников XV—XVIII вв. неофициального происхождения, в составе которых присутствуют ханские жалованные грамоты русской церкви. Это следует понимать так, что оригиналы или официальные списки документов были уничтожены в момент, когда церковь принялась лихорадочно переписывать свою историю, а обилие неофициальных списков объясняется очень широким распространением ханских ярлыков, ведь они выдавались не одному лицу, а церкви, и всякому духовному чину они были потребны в повседневном обиходе.

Могут ли ханские ярлыки являться фальшивками? Гипотетически могут, но кто и с какой целью наплодил большое количество целых сборников (изводов) ярлыков, если церковь не была заинтересована в этом? Исследователи ставят под сомнение разве что ярлык хана Узбека митрополиту Петру, составленного по образцу ярлыка хана Менгу-Тимура.

Чем же облагодетельствовал хан Менгу-Тимур русскую церковь? Вот суть: «*Превечного Бога силою, наш, Менгу-Тимура, указ даругам-князьям городов и селений, князьям войска, писцам, таможникам, проезжим послам, сокольникам и звериным ловцам.*

Чингис-хан и последующие ханы, наши старшие братья, говоря: «Священники и монахи, каких бы то ни было налогов не видя, пусть Богу молятся, благопожелания нам возносят!» — выдавали им ярлыки. И ныне мы, прежним ярлыкам согласно, сказав им: «Каких бы то ни было, налогов не видя, Богу за нас

молитесь, благопожелания нам возносите!» — этому митрополиту ярлык дали...»[1]

В этих нескольких строках не счесть поводов для удивления. Вступительные слова указывают на то, что Менгу-Тимур был единобожцем, и, судя по всему, христианином, поскольку в иных ярлыках хана в преамбуле присутствуют слова «вышняя Троица волею». Во-вторых, священникам и монахам благоволил, оказывается, еще Чингисхан, который по версии традиционной истории Руси не завоевывал. Наконец, ярлык Менгу-Тимура является лишь подтверждением ранее дарованных русской церкви привилегий, надо полагать, более многословных, как первичный документ.

Современные комментаторы, пытаясь объяснить небывалый почет христианам от диких кочевников, пускаются в многословные рассуждения о том, что монголы, дескать, были удивительно веротерпимы, как завещал им их мудрый Чингисхан. Во всем остальном они были дикари и варвары — кровь пускали рекой, грабили завоеванные народы нещадно, но как только видели православный храм, так тут же преисполнялись благоговейным трепетом и даже мысли у них не возникало отрубить попу башку, да ободрать золото с его парадной рясы.

Но как же тогда быть с десятками русских летописей, которые вопиют об утеснениях, претерпеваемых Божией церковью от поганых язычников? Как понимать культ Михаила Черниговского, канонизированного за то, что принял мученическую смерть в Орде за отказ поклониться кумирам? Как понимать байки об уничтожении Батыем прекрасных киевских храмов? Все очень просто: в XVII в. русская церковь принялась усиленно внедрять в оборот свою версию истории — все ордынское было предано забвению, ханы объявлены погаными язычниками, иноверными захватчиками, а князья, умученные татарами, спешно канонизированы (либо сюжеты с их убиением выдуманы). Подлинные документы постарались по воз-

---

[1] Цит. по: *Григорьев А.П.* Ярлык Менгу-Тимура: Реконструкция содержания // «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», 1990, №12.

можности уничтожить, а вместо них церковный агитпроп наплодил массу довольно примитивных поделок вроде «Повести о разорении Рязани».

Возникла нужда и скрыть, откуда же пришло на Русь христианство, кем оно утверждено? Вот тут и принялись чернецы наперегонки строчить жития святого Владимира, дабы лубочными сказками перечеркнуть реальную историю крещения Руси. Но все переписать невозможно, поэтому даже в некоторых дошедших до нас летописях, как например, в Никоновской, встречаются панегирики «иноверным завоевателям»: *«Бе же сей царь Чанибек Азбикович добр зело ко христианству»*.

ПРАВОВЕРНЫЕ ХРИСТИАНЕ ИЛИ ПРАВОСЛАВНЫЕ МУСУЛЬМАНЕ?

После никоновской реформации русская вера стала именоваться греко-православной или просто греческой. Но разве раньше она была иной? Не исключено, что в ней преобладал несторианский обряд, о чем свидетельствует то же двуперстие, форма крестов, и множество других косвенных признаков. Таким образом, можно объяснить, почему борьба между никонианцами и старообрядцами носила столь яростный и принципиальный характер. Становится понятным и обличительный пафос Арсения Суханова в «Прениях с греками о вере». В этом случае понятно, почему русская церковь в XVII столетии столь решительно «зачищала» историю прошлых веков. Этот же период помимо «исправления» книг отмечен массовой перестройкой храмов по новому образцу и переписыванием («подновлением») фресок.

В чем причина конфессиональной реформы? Вероятно, династия, правящая в XIII—XVI вв., была восточно-ориентированной и придерживалась несторианства. Приверженцы доктрины Новой хронологии называют эту династию ордынской. В результате Смуты начала XVII столетия к власти пришла прозападно ориентированная династия Романовых, ориентирующаяся на христианство греко-православного толка. Дальнейшая стратегия новых правителей Руси совершенно естественна — уничтожить все, что связано с предыдущей эпохой, уничтожить идеологическую базу своих политических противников.

Кстати, в «Повести временных лет» Владимир Святославович при своем крещении зачитал довольно странный Символ веры. Он произнес: «Сын же подобосущен и собезначален Отцу...» Подобосущность Христа — это один из главных догматов арианства, христианского течения, зародившегося в IV в.

Родоначальник его, александрийский пресвитер Арий утверждал, что Христос сотворен Богом, и потому, во-первых, имеет начало своего бытия, а, во-вторых, не равен ему. В арианстве Христос не единосущен богу, а лишь подобосущен ему. Но если изначально Русь придерживалась христианства арианского или несторианского толка, то получить крещение от Константинополя она никак не могла! Ведь ариане и несториане были с точки зрения ромеев еретиками. Арианство, как считается, вообще исчезло к VII в. (хотя в Речи Посполитой XVII столетия ариане были весьма многочисленны, что нашло свое отражение во множестве документов той эпохи). Версия же о батыевом крещении Руси в свете этих противоречий становится более выпуклой. Батый, как считается, пришел из Азии, как раз оттуда, где господствовало несторианство. Голубинский считает, что несториане, как люди ученые, занимали при императоре Чингисхане весьма высокое положение.

Голубинский в «Истории русской церкви» (том II) пишет, ссылаясь на свидетельство монаха францисканского ордена Рубруквиса (Виллема Рубрука), посетившего Орду: «*В дни праздничные первыми приходили к великому хану, чтобы молиться о нем и благословлять его кубок, священники христианские, под которыми разумеются именно священники несторианские. Другой западный монах, Плано Карпини, ездивший к великому хану Гуюку от папы Иннокентия IV, дает до некоторой степени знать об отличии, которое оказывалось несторианским христианам, как великими ханами, так и всеми монголами, когда сообщает, что Гуюк содержал при себе христианских священников, которым давал жалованье, что у него был и молитвенный дом пред большою его палаткою, где церковнослужители всенародно пели и отправляли службу в те же часы, как и греческие христиане, при чем находилось бесчисленное множество Татар и других народов*».

С точки зрения сегодняшних представлений о прошлом очень странно слышать, что татары во множестве присутствовали на христианских богослужениях, но это говорит лишь о том, что мы не можем адекватно понять слова Карпини. То ли татары — это не этнос, а, скажем, обозначение ордынских воинов, которые говорили на разных языках и могли быть различ-

ных исповеданий, то ли мы имеем дело с таким типом христианства, которое исповедовали народы, ныне чтящие Аллаха.

Допустим на секунду, что христианство на Русь принесли из Азии приверженцы идей архиепископа Нестория[1]. В этом случае русские не могли воспринять от Кирилла и Мефодия их азбуку вместе с христианством, а должны были пользоваться восточным письмом (сирийским). Так оно и было! Широчайшее распространение на Руси имело письмо арабское, а ведь арабы пользовались в том числе и сирийским алфавитом. Сирийскую азбуку использовали и многие тюркские народы, после перейдя на арабское письмо, сформированное на основе сирийского (в другой интерпретации арабский и сирийский алфавиты произошли от общего для них корня — финикийской азбуки). Несторианство оказало большое влияние на ислам, возможно даже, что ислам — это есть сильно видоизмененное несторианство, отрицающее божественное происхождение Христа (он рожден человеком) и Богородицы (она есть лишь Христородица). В исламе пророк Мухаммед лишен божественной природы, а культ его матери отсутствует как таковой.

Арабский алфавит был настолько широко распространен на Руси, что даже до наших дней дошли письменные памятники. Например, известное «Хождение за три моря» Афанасия Никитина писано арабским письмом по-русски. Вообще же произведение написано на смеси русского, арабского, персидского и тюркского языков, причем автор его совершенно свободно переходит с одного на другой и использует различные азбуки. Заканчивает свое произведение путешественник следующими словами: «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Оалло. Аллах акбар. Аллах керим», что значит «Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного и Исуса Духа Божия. Аллах велик». Арабицу использовали для повседневных записей в

---

[1] Считается, что основоположником несторианства стал константинопольский архиепископ Несторий, живший в V в. Проповедовал, что божество и человечество в Иисусе Христе суть два совершенно отдельно и самостоятельно существующих естества. То есть центральным вопросом в несторианстве вновь стал вопрос подобосущности Христа. Этот же вопрос о подобосущности Христа разделил никониан и старообрядцев.

Великом княжестве Литовском и Польше. Арабские надписи присутствуют на парадном воинском убранстве русских царей и оружии, но наиболее распространены арабские письмена на... русских монетах.

Выше не раз отмечалось, что в подавляющем большинстве древние русские монетные клады представлены арабским дирхемом, который, дескать, и являлся денежной единицей Киевской Руси. Сребреники Владимира же, считающиеся именно русскими монетами, начали находить почему-то только в XIX в., и нашли их за два столетия всего 340 штук. Да и те на поверку оказались не серебряными, а лишь медными с серебряным покрытием. Почему же богатая по уверениям историков страна пользовалась иностранной монетой в качестве национальной денежной единицы?

Но кто сказал, что монета была иностранной? Я не буду ссылаться на исследования представителей школы Новой хронологии (кому интересно, сам может изучить множество работ, посвященных арабским надписям на русских монетах), но даже исследователи, придерживающиеся традиционных взглядов, отмечают массу странностей с русской монетой XIV—XV вв. Вот выдержки из статьи «Золотая Орда» и русские монеты» с сайта «Нумизмат.ру» (к сожалению, статья не подписана):

«Почти все русские монеты XIV в. имеют на одной своей стороне или неясные, нечитаемые знаки, являющиеся искаженными арабскими буквами (подражание золотоордынским монетам), или читаемые арабские надписи, обозначающие «Султан Тохтамыш», имя и титул золотоордынского хана. На оборотной стороне были изображения и русская надпись с указанием титула и имени князя.

Предполагали, что Русь XIV в., которая находилась под властью Золотой Орды еще чуть ли не со времени кровавого хана Батыя, восприняла золотоордынскую денежную систему и только благодаря этому вышла из безмонетного периода. Но изучение распространения золотоордынских и русских монет, т.е. картографирование монетных находок, показало, что на территории основных русских земель, в частности на Московскую и Суздальско-Нижегородскую земли, золотоордынская монета не попадала, а если просачивалась, то

в очень малых количествах, да и то на окраины этих земель. Уже это одно противоречило гипотезе о золотоордынском происхождении русской денежной чеканки.

Другой нумизматический прием — взвешивание монет — также не подтверждал это положение. Вес русских монет резко отличался от веса золотоордынской серебряной монеты дирхема почти на всех стадиях их совместного существования.

Говорили, что русские монеты прилаживались, мол, под обращавшийся золотоордынский дирхем. Но ведь картографирование показало, что золотоордынских монет на Московской земле было мало. Стало ясно, что эти арабские элементы на русских монетах следы не золотоордынского происхождения самих русских монет, а той страшной политической зависимости Руси от Орды в XIII—XIV вв...

...Князь Дмитрий задумал чеканить свою монету как символ самостоятельности, как провозглашение нового экономического и политического развития. Но Орда все же заставила Дмитрия и других русских князей помещать на одной стороне монеты такие элементы, которые свидетельствовали бы о сохраняющейся зависимости от Орды. И вот суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович и его дети помещают на своих монетах подражание ордынскому дирхему, на котором ничего нельзя прочесть и которое было лишь общим символом зависимости от Орды. А Дмитрий Донской — победитель Мамая — помещает написанное арабскими буквами имя Тохтамыша, величая его Султаном»[1].

Во как! Свою монету чеканить можно. Помещать на ней святого Георгия, поражающего змия (изображение символизировало победу христианства над язычеством) — да ради Бога. Но будь добр начертать на монете «непонятные» арабские письмена. Но почему это должно восприниматься, как унижение? Вот это я понять решительно не в силах. Ведь привозной восточный дирхем, славящий аллаха иноземным письмом, если верить историкам, древние русичи считали своей монетой, и это их ничуть не унижало.

---

[1] http://numizmat.ru/russianhistory/2007/06/22/russianhistory_3789.html

«Тохтамыш заставил именно Москву на ее монетах поместить не общий символ зависимости, а выражение прямого личного вассалитета от него — восточную надпись с его персональным именем. А затем вся история оформления монет Москвы на рубеже XIV—XV вв. была отражением борьбы московских князей за освобождение, в частности, от этого знака зависимости от Орды».

Очень хочется спросить, что же это за «символ независимости» хотел поместить князь Дмитрий на своей монете? Наверное, кукиш с какой-нибудь издевательской надписью, обращенной к Орде? В те времена на деньгах писали имя суверена, и это было высшим выражением независимости. В данном случае на деньгах мы находим писанное русскими буквами имя князя Дмитрия, и «восточную надпись» с именем султана Тохтамыша. Ей-богу, куда логичнее предположить, что это разноязыкие обозначения одного и того же лица. По множеству свидетельств Русь XIV в. была двуязыкой, и потому для тюркоязычных подданных князя его имя было сделано «восточная надписью». Пожелай Тохтамыш действительно унизить русских, что мешало ему вообще запретить чеканить собственную монету? Это предприятие сулило еще и немалую экономическую выгоду. Ведь тогда московский князь был вынужден платить Орде за чеканку. Сдал 10 пудов серебра в слитках, а получил только 9 пудов монеты. Таким образом еще и дань было бы удобно собирать.

«Еще более интересные сведения сообщает автор о монетах наследовавшего Дмитрию князя Василия I Дмитриевича: *«Подражение золотоордынскому дирхему — все-таки хоть и более легкое, но все же обидное выражение ненавистной зависимости. Его сначала ослабили тем, что поместили среди этих знаков четкую русскую букву. Она как бы нейтрализовала какую-то долю выражения вассалитета. Затем князь решается на следующий шаг — на одной стороне монет он помещает в четырех строках свой титул «Великий князь» и имя «Василий». Никакого изображения, только имя и титул — это звучало очень пышно, выглядело теперь более убедительно и весомо, чем неразборчивая надпись по краю монеты, часто стертая или плохо оттиснутая при чеканке, как это было*

раньше. Из политической предосторожности князь Василий снова помещает имя Тохтамыша на другой стороне монет. Но длится это недолго. Через некоторое время князь заменяет имя Тохтамыша арабской легендой без имени: просто титул «Султан высочайший».

Исчезновение имени Тохтамыша с монеты — хоть и тяжелейшее оскорбление господина со стороны своего вассала, но это только полдела. Титул-то «Султан высочайший» остался, и остался вместе с именем Василия (на другой стороне)! Получается, что Василий Дмитриевич самым наглым образом посягнул не только на верховенство власти в своем княжестве, но и в самой Орде!!! Однако этому можно найти и более очевидное объяснение: по-русски титул правителя звучал, как «великий князь», а тюркоязычные подданные именовали его «высочайшим султаном».

«На лицевой стороне иногда, правда очень редко, помещают титул «Великий князь всея Руси». Раньше его не было. Серьезная заявка на верховенство среди русских князей, и Орде приходится с этим считаться и мириться. Но таких монет еще очень мало. В другой раз имя Тохтамыша поместят маленькими буквами среди нечитаемых знаков или среди арабских легенд с именем хана изобразят голову человека в шапке, может быть княжеской. Причем голову эту поместят так, что если ее поставить правильно «вверх головой», то арабская надпись с именем хана окажется «вверх ногами». Это было непослушание и неуважение, и на него мог пойти только правитель, чувствовавший себя очень уверенно».

Что-то я не понял: это Тохтамыш издевался над русскими, заставляя чеканить монеты с надписями по-арабски, или русские измывались над своим господином, помещая лик с княжеской шапкой вверх тормашками? В общем, читать объяснения историков порой довольно смешно.

Для русского письма в старину использовались алфавиты самые разные — и латиница, и кириллица, и руническое письмо, а также многие системы записи, доныне неразгаданные. Как не было единого литературного языка, так не было и единой азбуки. Вполне вероятно, что несториане занесли на Русь арабское письмо, а христиане греко-православного тол-

ка — кириллицу. Вопрос в том, что преобладало. Я готов предположить, что кириллическая азбука окончательно вытеснила арабицу только в XVII в. с церковной реформацией, а до того момента хождение имели обе системы письма, что демонстрируют русские «татарские» монеты.

Другая странность, с которой мы сталкиваемся — громадное количество «арабского» оружия на Руси. Что, своего делать не умели? Умели, да еще и продавали тем же арабам. Арабские хроники содержат много восторженных упоминаний о мечах из Артании, как там именовали Русь, причем описание позволяет предположить, что речь идет об оружии высшего качества — булатном («их можно сгибать пополам и когда отнять, они возвращаются в прежнее положение»). Собственно, чем еще, кроме булата могли удивить русские мастера Восток, знаменитый дамасскими и индийскими клинками?

В Оружейной палате Кремля выставлено не просто оружие, а царское оружие и доспехи, испещренные арабской вязью. Что, неужели даже для христианского царя-батюшки не могли отсталые московиты выковать исправный доспех? Так русские умельцы их и ковали, и даже помещали восьмиконечные православные кресты, только при этом рядом почему-то писали арабицей суры из Корана. Историки, поскольку просто замолчать этот слишком уж широко известный факт не могут, дают объяснение предельно идиотское: дескать, русские мастера бездумно подражали «эталонным» для них образцам восточного оружия, причем не только в форме и материале, но и в художественной отделке, совершенно непонятной для них. Более тупое объяснение придумать трудно.

Почему же древнейшие русские письменные памятники происходят из списков XV—XVII вв.? Вероятно потому, что кириллица именно в это время вытеснила арабское письмо. Кто сказал, что рукописи не горят? Горят, и еще как! Особенно если целенаправленно их уничтожать, что и было, безусловно, предпринято церковью в отношении древних письменных актов в XVII в. Сегодня примеров применения арабского письма в русских источниках до нас дошло немного, однако колоссальное количество «арабских» монет и «арабского» оружия, которое не подвергалось уничтожению, позволяет сделать вы-

вод, что «восточное» письмо имело на Руси самое широчайшее хождение наравне с западнославянской азбукой.

Исходя из тезиса о русско-тюркском двуязычии Руси возникает вопрос об отношениях между дониконовым русским христианством и исламом. Если судить по старообрядцам, то даже сегодня между правоверными мусульманами и правоверными старообрядцами много общих традиций. Из наиболее наглядных можно привести, например, что и те, и другие моют перед молитвой руки, не имеют церковной иерархии, как у православных. А четыре века назад между ними различий было еще меньше. Вспомним, как русский Афанасий Никитин чтил Аллаха (аль-лах — значит буквально единый Бог) и Иисуса, Духа Божия — «Бисмилля Рахман Рахим. Иса Рух Оалло. Аллах акбар. Аллах керим». Это что — ислам или христианство? Вроде бы ислам, однако отчего же Никитин не поминает пророка Мухаммеда, что обязательно должен был сделать правоверный магометанин?

В умах сегодняшних патриотов-фетишистов прочно укоренился лубочный образ нашего предка из эпохи Московского царства: этакой добродушный бородатый детина в расшитой косоворотке и шапке с меховой оторочкой, в доску православный и великодержавный. Боюсь, если нарисовать подлинный портрет типичного москвича четырехсотлетней давности, патриоты-идеалисты придут в ужас: это будет мужик в чалме и халате, славящий и Иисуса и аллаха по-арабски, но притом пьющий водку и потребляющий в пищу свинину. При встрече он будет приветствовать соплеменников возгласам «Салам!», и вместо церковнославянизмов насыщать свою речь тюркскими словами. Любимый праздник москвича — это не Пасха, не Рождество, и даже не курам-байрам, а языческая масленица, которая длится целую неделю и представляет собой масштабный массовый загул с попойкой, мордобоем, развратом и кутежом. Наукам и книгочейству этот тип однозначно предпочтет торговлю, в которой понимает толк, а воевать за царя-батюшку охотно предоставит наемной татарской коннице и немецким рейтарам. С чувством патриотизма у типичного москвича XVII столетия вообще будет... Боюсь, вообще само понятие патриотизма ему не знакомо, это явление совсем из иной эпохи.

Стоит только сделать шаг в сторону от столбовой дороги официальной русской истории, и возникает масса вопросов, на которые лубочная, вылизанная попами до блеска и выверенная до мелочей версия принятия христианства на Руси ответить не в состоянии. Для верующих в «научный» канон историков это причина не задаваться еретическими вопросами. Для меня же — повод спустить в унитаз правоверных историков со всеми их догматами и применить по назначению собственный головной мозг.

ТРЕТИЙ РИМ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРЕТИЙ РИМ!

У всякого народа есть некий устойчивый комплекс представлений о себе, о собственном характере, своей истории, предназначении — все это и называется национальным самосознанием. Ничуть не удивительно, что всякий народ видит себя гораздо более красивым, героическим, культурным и благородным, нежели соседи. И на этой почве зачастую возникает явление этноцентризма, которое можно окрестить национальной мегаломанией, то есть манией величия, проще говоря. Например, китайцы считают себя самым древним цивилизованным народом на планете, и им плевать, что то же самое думают о себе японцы, иранцы, индийцы или греки. Китайское правительство даже затрачивает значительное количество средств на изыскания на своей территории останков древнего человека, который оказался бы самым древним из всех известных науке. Казалось бы, что с того, что родиной человечества является Африка, как считает современная наука? Но нет, если китайцы отыщут где-нибудь в долине реки Янцзы череп, который будет ближе к обезьяне, то это будет интерпретировано ими, как признак исключительности китайской нации, его «первородности» по отношению к остальным народам. Как говорится, флаг им в руки.

Кстати, термин «национальная мегаломания» ввел известный польский этнограф Ян Станислав Быстронь. Надо полагать, в польской мегаломании он толк понимает. Алексей Юдин в статье «Новая украинская мифология» (журнал «Неприкосновенный Запас», №1, 2000 г.) рассказывает о его этно-

графических изысканиях: *«Быстронь писал о ксендзе-францисканце, докторе теологии, генерале Общества по выкупанию узников Войцехе Демболенцком, который издал в 1633 г. в Варшаве любопытную книгу, посвященную доказательству прав древнейшего в Европе Королевства Польского (или Скифского) на наследство Адама, Сифа и Иафета и, соответственно, на мировое господство. В книге говорилось, в частности, о былом переносе трона мира из Ливана на территорию Польской Короны, из чего следовал вывод, что поляки-скифы (или сарматы) — древнейший народ на земле и прямо наследуют политическую власть надо всем миром. Для автора было несомненным, «что белый орел вскоре снова будет простирать крыла свои надо всем светом, когда какой-либо король польский, или аквилонский, покорив турок, трон или мировое Величество перенесет из Польши в Сирию и установит там на Ливанской горе, где он был изначально и откуда его к нам Полях (так!), наш предок, перенес. И на нем с наследниками своими до скончания света вновь как прежде будет властвовать над Азией, Африкой и Европой».*

Права Польши на воссоздание мировой империи опираются здесь на родословные. Но Демболенцкий приводил и лингвистические аргументы. Ясно, что если до смешения наречий во время строительства Вавилонской башни человечество пользовалось одним единственным языком, то лишь один язык из ныне существующих может претендовать на статус первого, изначального (соответственно — сакрального, истинного, сотворенного Богом для первых людей). Таковым, несомненно, является «словеньски» (т.е. по сути, польский), который Демболенцкий отождествлял с первым в мире сирийским языком. Греческий, латынь и прочие языки ведут свой род от славянского. Аргумент в пользу «первичности» славянского приводился весьма остроумный: никакой иноземец («никакая неукрепленная губа») не выговорит его слов chrzaszcz, chrzest, trzpien, trzmiel и им подобных. Это ли не свидетельство превосходства?! Впрочем, языковая мегаломания не ограничилась в Польше XVII веком. Быстронь писал, что даже в 1895 г. в Вильне вышла книга известного библиографа середины прошлого века

Адама Йохера под названием: «Гармония языков, или слияние их в один, то есть польский, при помощи финикийского, возвращенного в семью славянских языков», где автор доказывал первичность польского языка»[1].

У поляков были достойные ученики — украинцы, которых они наспех «слепили из того, что было», создав этномутантов для борьбы с русскими. Вся история украинства составляет всего-то пару веков, зато с каким азартом «национально свидомые» хлопцы пыжатся помериться пиписками со старшими, а потом с упоением хвастаются, что у них самая длинная в Европе... история.

В этом ключе интересно посмотреть, являлся ли русский народ когда-нибудь носителем идеи собственной исключительности. Следует даже сузить вопрос — надо отыскать примеры, когда этой идеей была бы одержима элита, поскольку народ как таковой может участвовать в реализации некоего мессианского проекта, не осознавая его сути. Так солдат зачастую понятия не имеет о целях войны, ее экономической или политической подоплеке, но он верит своим командирам и с энтузиазмом убивает врагов, поскольку видит в этом воплощение идеи служения отечеству. Каким образом его вдохновляют на это политруки (священники, жрецы, политики) — вопрос технологии.

Попы сегодня очень любят поразводить демагогию о богоизбранности русского народа, что свидетельствует лишь об их неспособности к творчеству. Если бы они обладали хоть толикой творческой фантазии, то смогли бы придумать что-нибудь оригинальное, а так они всего лишь занимаются банальным плагиатом, перекраивая известные концепции богоизбранности еврейского народа (иудаизм), богоизбранности немецкого народа (национал-социализм) и им подобных верований. Идея богоизбранности деструктивна сама по себе, поскольку предполагает пассивное следование неким посылам свыше (божьей воле, воле фюрера), в то время как в любой ситуации, а в кризисной тем более, необходим активный анализ и поиск путей творческого решения стоящих задач. Впрочем,

---

[1] http://magazines.russ.ru/nz/2000/1/udin.html

грех обижаться на церковников — они, как интеллигенты в чистом виде, ни на что путное все равно не способны.

Упомянул я о них лишь потому, что в их обосновании русской богоизбранности ключевое место занимает формула «Москва — Третий Рим». Вкратце суть ее такова. Зародилось христианство в первом Риме, но римляне оказались плохими христианами и Рим пал под ударом варваров. Наследником его выступила «Византия», где христианство было трансформировано в православие, откуда оно и пришло на Русь. Однако греки (ромеи) отчего-то тоже испортились нравом и Царьград (второй Рим) пал под ударами турок. Знамо дело, боженька их наказал за некие грехи. Таким образом, Москва стала наследником двух павших Римов и мировым центром единственно верной религии — православия, приобретая некое вселенское духовное значение. Это, соответственно наделяет русских ответственностью непосредственно перед Богом за то, чтоб Третий Рим стоял до скончания веков, поскольку «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». Вот вам и вся нехитрая подоплека богоизбранности — русские, дескать, являются хранителями прообраза царства Божия на земле. Когда царство Божие воплотится, то Москва должна стать центром мира. Rusland, Rusland, über alles.

Автором этой идеи считается некий старец (или игумен) Трехсвятительского Псковского Елеазарова монастыря Филофей, живший в XVI в. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона утверждает, что Филофей *«впервые обстоятельно развивает знаменитую теорию о Москве как о Третьем Риме, хранителе правой христианской веры»*. Как ни странно, вся «обстоятельная теория» умещается в несколько строк, оказавшихся в послании царю Василию III: *«Тот, кто от вышней и от всемогущей, все в себе содержащей, десницы Божьей, которой цари царствуют и которой великие славятся и могучие возвещают праведность твою, пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя великого князя, православного христианского царя и владыки всех, держащему бразды святых Божьих престолов, святой вселенской соборной апостольской церкви пречистой Богородицы, честного и славного ее Успения, кто вместо рим-*

ского и константинопольского владык воссиял, — ибо старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится, — так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоем царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь»[1].

Вот и вся теория — лишь верноподданническая лесть в адрес монарха, и не более того. Да и обращено послание отнюдь не к вопросам большой геополитики, а исключительно нуждам церковным и проблемам нравственности. Например, псковский инок в своем сочинении обличает педерастию и призывает государя «содержати царство твое со страхом Божиим». О самом Филофее практически ничего не известно, даже годы его жизни. Ему приписывают несколько писем: послания к псковскому дьяку Мисюрю Мунехину, послание к «некоему вельможе, в миру живущему», послания к великому князю Василию Ивановичу и к царю Иоанну Грозному, где автор оспаривает астрологические предсказания или печется о сугубо местных псковских делах.

В старину идея всемирной империи включала не столько светское, политическое, сколько религиозное содержание, поэтому говорить о том, что Филофей сформулировал русскую государственную идею, над реализацией которой с тех пор бились все русские цари, совершенно неверно. Да, московские, а после петербургские государи очень деятельно пропагандировали идею защиты православных народов, но исключительно потому, что все православные народы находились тогда под властью Турции — традиционного соперника Российской империи. То, что эта концепция была сугубо по-

---

[1] «Послание к великому князю Василию, в нем же об исправлении крестного знамения и о содомском блуде» // http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105

литическая, легко доказать с помощью того факта, что бедственное положение не просто православного, но еще и единокровного русского населения Австрии, петербургских правителей оставляло абсолютно равнодушным.

Николай Ульянов в статье «Комплекс Филофея» утверждает следующее: *«Памятников письменности с упоминанием о Третьем Риме насчитывается ничтожное количество, и среди них нет ни одного, посвященного специально этой теме. Государство, во всяком случае, не прокламировало ничего такого. Ни в официальных актах, ни в летописных сводах, вроде Воскресенского и Никоновского, игравших роль тогдашних официозов, ни в Степенной Книге упоминания о Москве — Третьем Риме не находим. Его нет в цикле документов и текстов, связанных с венчанием Дмитрия Ивановича и Ивана Грозного.*

Только в «утвержденной грамоте» константинопольского патриарха Иеремии, приехавшего в 1589 году на Русь и давшего согласие на учреждение патриаршества в Москве, находим почти дословную формулу Филофея. Но в этом как раз и приходится видеть подтверждение давно высказанной мысли, что лозунг «Третий Рим» надо рассматривать как чисто церковную идеологию. И если подсчитать памятники, в которых он фигурирует, то, за ничтожным исключением, это будут сплошь памятники церковной письменности... Можно думать, что в самой церкви идея Третьего Рима выродилась в XVI веке в чисто практическую идею — возведение московского митрополита в сан вселенского патриарха. Как только эта цель была достигнута, о Третьем Риме замолчали. В XVII веке почти не находим произведений с упоминанием о нем»[1].

Кстати, нельзя даже сказать, что Филофей был автором идеи Третьего Рима. Он всего лишь интерпретировал известную тогда доктрину Второго Рима, сформулированную патриархом Фотием: «И как владычество Израиля длилось до пришествия Христа, так и от нас, греков, мы веруем, не отнимется царство до второго пришествия Господа нашего Иисуса Христа». Но не выгорело грекам с царством. В правление Ива-

---

[1] «Вопросы истории», № 8, 1994 г. // http://www.edrus.org/content/view/1425/47/

на III наблюдается наплыв «ученых мужей» с Балкан в Москву (скорее всего, из-за турецкой экспансии), куда они принесли свои политические идеи. Потому для русского культурного слоя того времени знакомство с концепцией Второго Рима является само собой разумеющимся, но говорить о перенесении ее на московскую почву оснований нет. То, что в восхвалениях деяний московских государей мы встречаем сравнение их с ромейскими императорами, а Москва величается новым Царьградом, не следует воспринимать буквально — это лишь стилистический прием, широко применяемый в пышных официозных панегириках.

Десять филофеевских строчек не оказали, да и не могли оказать при неразвитости книжной культуры ни малейшего влияния на национальное самосознание в его время. Не были они восприняты и государственной элитой в качестве, как сейчас бы сказали, национальной идеи. По смерти Филофея он был вскорости забыт, и лишь изредка его имя упоминалось в сочинениях некоторых раскольнических писателей (Аввакум, Авраамий) по вопросу о крестном знамении или критики католицизма и волховства. Насколько прочно Филофей был забыт в России, иллюстрирует тот факт, что он даже не упомянут в изданном в 1827 г. «Словаре историческом о бывших в России писателях духовного чина», составленном знаменитым исследователем древности, митрополитом киевским Евфимием Болховитиновым. Впервые имя Филофея упоминается в печати в 1846 г. В связи с публикацией в I томе «Дополнений к Актам Историческим» его послания к дьяку Мунехину. Остальные его послания то в выдержках, то полностью стали появляться в конце 50-х и в 60-х годах того же столетия в «Православном Собеседнике».

Именно это и послужило толчком для создания концепции Третьего Рима во времена царствования Александра II, пышно расцветшей при следующем монархе. Причины же официального филофейства русской правящей верхушки были следующие. Начиная с Петра I и заканчивая Николаем I, русские государи как бы не имели национальности, будучи по своему мировоззрению евроцентристами. Интересы национальные

были для них абстракцией, будучи в лучшем случае составляющей государственных интересов, но и последние зачастую отдавались ими в жертву во имя «общечеловеческих ценностей». Проще говоря, российская политическая элита пыталась стать «своей» в Европе, разменивая интересы России. В 1856 г. с поражением в Крымской войне эта полуторавековая политика потерпела оглушительный крах. Фигурально выражаясь, Европа четко указала России, что ее место у параши, а все ее предыдущие заслуги вроде разгрома Наполеона или спасения в 1849 г. Австро-Венгрии от революции ничего не стоят[1]. Осознание этого стало таким потрясением для императора Николая, что он, как предполагается, добровольно ушел из жизни.

Его сын Александр, наследовавший престол, будучи воспитанным в евроцентристском духе, особыми талантами не блистал, но тут уж и дураку будет ясно, что просвещенная Европа не уважает ничего, кроме физической силы. Слабость же России заключалась не только в экономической отсталости (это было ее традиционный изъян, сам по себе ничего не определявший), но и в отчуждении по-обезьяньи западничеющего господствующего класса от народных масс. Это отчуждение было настолько глубоко, что многие интеллигенты искренне радовались поражению в Крымской войне, почитая в этом победу столь милых им «общечеловеческих ценностей» над ненавистным «азиатско-московитским варварством».

Николай Васильевич Шелгунов (1824—1891 гг.), известный диссидент-западник, пишет в своих мемуарах о своем приятеле, исследователе русской литературы Петре Пекарском: «Когда в Петербурге сделалось известным, что нас разбили под Черной, я встретил Пекарского. Пекарский шел, опустив голову, выглядывая исподлобья и с подавленным худо скрытым довольством; вообще он имел вид заговорщика, уверенного в успехе, но в глазах его светилась худо скрытая радость. Заме-

---

[1] Спасенная Австрия настолько явно угрожали своей спасительнице войной, что это не дало возможности русской армии сконцентрировать свои усилия по изгнанию англо-франко-турецких оккупантов из Крыма.

тив меня, Пекарский зашагал крупнее, пожал мне руку и шепнул таинственно в самое ухо: «Нас разбили!»

При отсутствии внутреннего единства страна никогда сильной не будет, а потому сверху стала насаждаться консервативная по характеру и совершенно искусственная, да к тому же аморфная идеологическая доктрина, достигшая расцвета при Александре III, который считал, что Россию надо немного «подморозить», дабы уберечь от революции. В основу новой национальной идеи, состряпанной придворными интеллигентами-политтехнологами, легли патриархальность, церковность и принцип сакрального единства царя с народом. Вот тогда цари и стали демонстрировать свою нарочитую русскость, даже отпустили бороды. Именно в это время многие публицисты и придворные историки (Соловьев, Ключевский) начинают формировать и широко насаждать миф о Филофее и богоизбранническую доктрину Третьего Рима. Осознание своей исключительности русским народом должно было сгладить чувство национальной неполноценности, вызванной экономическими и военными неудачами страны, и мобилизовать для великих свершений «за веру, царя и отечество».

Но никаким «подмораживанием», распадающуюся Россию спасти уже было нельзя, максимум — оттянуть агонию. Филофейство же никоим образом не смогло духовно спаять русское общество, все более раздираемое социальными противоречиями. Окончательный крах доктрины Третьего Рима пришелся на 1917 г., когда озлобленные солдатские массы не понимавшие, зачем они должны подыхать ради захвата черноморских проливов, не только положили конец монархии в России, но и расплавили в революционном котле «подмороженную» тушу романовской империи. Сегодня Россия «опущена» Западом гораздо сильнее, чем в 1856 г., но осознающих это меньше, а слюняво радующихся нашему поражению пекарских значительно больше. Но столь же велик страх перед возмездием у тех, кто собственными руками разменял могущество страны на «общечеловеческие ценности» и счет в офшорном банке.

Поэтому нынешние хозяева Кремля панически ищут способ «подморозить» Россию настолько, чтобы она как можно дольше находилась в состоянии анабиоза — это позволит им паразитировать на теле страны до самой ее смерти. Но интеллигенция вырождается, и нынешние консервативные идеологи уже не способны придумать ничего нового. Как за соломинку, хватаются они за бывшую в употреблении романовскую доктрину Третьего Рима. Но не спасла она Романовых, не спасет и нынешних хозяев Кремля.

СОВРЕМЕННУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ ПОРОДИЛ ЖЕЛЕЗНЫЙ ТОПОР?

Думаю, читатель уже готов самостоятельно ответить на вопрос, почему Киевская Русь не могла состояться даже гипотетически. Однако критика официального научного догмата непродуктивна, если автор не предложит альтернативную версию древней русской истории. Это задача не того масштаба, чтобы решить ее одной главой, для этого понадобится не один пухлый том. Поэтому я ограничусь лишь самыми общими рассуждениями о том, где находилось ядро русского государства, и почему оно никогда не смещалось из Киева во Владимир и Новгород на Волхове.

Почему русские люди расселились столь широко, заняв пространства от Ледовитого океана до Кавказа, от Карпат до Сахалина? На этот вопрос уже фактически дан ответ выше. Здоровый климат и здоровый образ жизни (баня, баня и еще раз баня!) практически исключали эпидемии и вообще препятствовали всяким болезням, что делало возможным демографический взрыв. Полукочевое подсечно-огневое земледелие обеспечило возможность гарантированно прокормить большое количество людей при относительно малых трудозатратах. Этот же метод ведения хозяйства стимулировал народ к рассеянию. Лес давал защиту от врагов, строительный материал и топливо.

Но тут возникает одна проблема: чтобы вырубить участок леса для пашни, изладить дом или заготовить дров на долгую зиму, нужен железный инструмент. Я не в силах представить, сколько энергии надо затратить, чтобы срубить дерево камен-

ным топором. Да и где взять камень? В естественных условиях на Среднерусской возвышенности камень зачастую встречается разве что в виде речной гальки. Крошится же сей инструмент настолько быстро, что еще большой вопрос: рухнет первым дерево или «кончится» орудие дровосека.

Железо невозможно получить случайно, как например, медь и бронзу. Месторождений меди на Восточно-Европейской равнине вообще нет. Следы древних разработок найдены на Урале, Кавказе и Закарпатье. Купить медь или изделия из нее до развития трансконтинентальной торговли тоже было весьма затруднительно (да и откуда деньги для их покупки?). Вопрос о происхождении олова в древней бронзе не выяснен до сих пор, но в любом случае в Восточной Европе его не было. Олово вообще было в древности очень малодоступным материалом. Потому вместо олова широко применялись другие легирующие добавки — мышьяк, сурьма, свинец. По всему выходит, что медные и бронзовые инструменты для восточноевропейских племен в древности представляли большую ценность и были очень редки.

Самородного железа в природе ничтожно мало. Гораздо более доступно метеоритное железо, но и его совершенно недостаточно для того, чтобы стать стабильным источником сырья, хотя оно и использовалось. Как пишет В.В. Иванов во «Всеобщей истории химии», *«вывод о широком использовании метеоритного железа в древности имеет одно-единственное исключение, которое и позволяет точно определить область, где в Евразии был открыт способ получения железа из руды: по новейшим данным металлографического анализа, железные клинки из Аладжа-Гуюка (2100 г. до н. э., а возможно, и ранее) были изготовлены из земного железа. Эти выводы историков материальной культуры можно прямо связать с одновременными свидетельствами староассирийских табличек из торговых колоний в Малой Азии рубежа III и II тысячелетий до н. э. Основным предметом торговли были металлы — медь и серебро, которые вывозили из Малой Азии, и олово, которое ввозили в эту область, отличавшуюся необычайно высоким уровнем техники производства металлов (с чем связано и столь раннее становление торгового капитала). Ассирий-*

ские купцы образовывали также и специальные торговые общества с целью приобретения железа (аккадское asi'u), которое ценилось необычайно высоко — в 40 раз дороже серебра и в 5 (а то и в 8) раз дороже золота»[1].

Не следует доверять датировке клинков из Аладжа-Гуюка, но давайте воспринимать приведенную хронологию, как относительную, а не абсолютную. Если в III тысячелетии до н. э. люди научились получать железо из земных руд, то почему в следующем тысячелетии железо стоило в 5—8 раз дороже золота? Тут что-то явно не сходится. Единственное разумное объяснение заключается в том, что ассирийцы не ведали методов добычи железа и пользовались лишь редким метеоритным металлом. Другой вариант: они вообще не умели получать железо, а ввозили его из других регионов, что и объясняет его фантастическую дороговизну.

Единственным путем получения промышленного железа являлся метод восстановления его из окислов окисью углерода. Чтобы выплавить железо, нужна печь, называемая горном. А печь — такое устройство, которое случайно изобрести вряд ли получится. На юге нет нужды строить печи для отопления жилищ, да и еду проще приготовить на открытом очаге. Печи делали там, где зимой холодно. Печи складывали из камней, скрепляя их глиной, или из кирпича. Чтобы получить кирпич — опять же нужно дерево, чтобы обжечь отформованную глину. Да и для выплавки металла нужно очень много древесины, потому как иного топлива древние металлурги не знали.

Но самое главное, что необходимо для получения железа — руда, причем руда доступная. Доступными в древности были руды болотные и озерные. Следовательно, если мы хотим указать место, где могло быть открыто производство железа, то нам следует найти территорию, богатую лесом, болотно-озерными рудами и расположенную в зоне с холодным климатом (где люди знали, что такое печь). По всему выходит, что родину железа следует искать в Северной Европе, и вероятнее всего, на Среднерусской возвышенности, где сконцентрирована подавляющая часть запасов болотно-озерных руд

---

[1] http://www.groh.ru/gro/chem/chemhist.html

нашего континента. Конечно, железо могло быть открыто и в других местах. Историки предпочитают считать, что это было сделано на Ближнем Востоке, но практически металлургическое железоделательное производство не могло получить там широкого распространения из-за отсутствия доступной руды и топлива. Поэтому я склонен считать, что железо было открыто нашими предками, обитающими в бассейне Волги, где в избытке есть руда, древесина, а печь являлась неотъемлемым атрибутом быта.

Железную руду, которая содержала окись и закись железа, мельчили, помещали в горн вместе с древесным углем и поджигали, после чего в горн нагнетали с помощью мехов воздух. Содержащийся в древесном угле углерод реагировал с окисью железа и в результате этой химической реакции образовывалась крица — губчатое железо, пропитанное шлаком — кричным соком. Пластичная крица стекала на дно печи, откуда ее доставали, наматывая ломиком шары этого вязкого вещества, либо в специальный поддон рядом с печью. Далее крицу проковывали молотом, освобождая от шлака и уплотняя структуру вещества — так получали бруски железа, из которого потом ковали всевозможные изделия — оружие, топоры, гвозди, плуги.

Получить железо можно было и более простым способом — в одноразовой сыродутной печи. В земле копалась яма, в которую загружался древесный уголь и железосодержащее сырье, в качестве каковой можно было использовать даже простую болотную жижу. Над ямой сооружался глиняный купол с дымоходом и приставлялись меха. После использования печь разрушалась и из ямы вынималась крица, из которой после проковки можно было получить порядка 500 граммов некачественного металла. При таком методе обработки восстанавливалось не более 20% железа. Подобный способ получения металла, известный, как считается, еще римлянам, был катастрофически малопроизводительным и вряд ли мог обеспечить технологический рывок в металлургии.

Высокоразвитая аграрная цивилизация могла зародиться только в лесах Северной или Восточной Европы. Земледелие как таковое явно пришло туда с юга, но высокотехноло-

гичным оно стало лишь с широким распространением железа. На юге земледелие возможно и без оного, поскольку велось в поймах рек, хорошо удобренных отложениями ила, и потому дававших хороший урожай с малой площади. Обработка пашни легко могла быть осуществлена мотыгой или сохой. Но распространение такой аграрной цивилизации ограничивалось размерами удобных пойм, прирост населения ограничивался недостатком пригодной для посевов земли, миграция была возможна лишь вдоль русла рек.

Открытие железа дало старт взрывообразному расселению людей по земле, поскольку сделало возможным подсечно-огневое ведение хозяйства. Когда историки говорят о великом переселении народов, они обычно обходят стороной вопрос о том, чем был вызван демографический взрыв, побудивший часть племен к перемене места обитания, откуда это движение началось и в каком направлении совершалось. Есть даже такое экзотическое мнение, что в свое время доисторическое движение масс стартовало аж из Северной Индии. Идея откровенно бредовая. Из Северной Индии двигаться можно было только на юг Индостана, а оттуда вдоль побережья Индийского океана на Ближний Восток или в Юго-Восточную Азию. Рассуждения о древних индоевропейцах, вышедших из своей гималайской колыбели и рассеявшихся по свету, красивы, и даже местами убедительны, если только не брать во внимание географию, абсолютно исключающую подобные миграции, поскольку юг и север Евразии разделены естественным барьером из горных хребтов и пустынь. Связи между Китаем, Индией и Европой образовались только с зарождением трансконтинентальной торговли,

Не буду спорить с тем, что люди до открытия железоделательного процесса обитали и в лесах, и в степях, и даже в тундрах. Но нигде они не могли совершить качественного рывка в технологиях обработки почвы (в скотоводстве он был невозможен в принципе), и потому не могли совершить демографического взрыва, дающего толчок для массового расселения. Причем, памятуя о подсечно-огневом методе ведения хозяйства, расселение земледельческих племен должно было осуществляться именно по лесным равнинам. Посмотрев на кар-

ту, мы безошибочно определим территорию, на которой это великое движение могло происходить — равнинная зона Евразии, поросшая лесом тянулась от Франции до Японии.

Теперь осталось отыскать народ, населявший очаг возникновения высокотехнологичной аграрной цивилизации. Логично предположить, что его ареал будет самым большим, поскольку расселяться он станет во все стороны одновременно. Из всех современных народов самый широкий ареал расселения на планете имеют русские, живущие как раз в равнинно-лесной зоне севера Евразии, но во времена великого расселения такого народа еще не существовало. По официальной версии историков начавшееся в IV в. нашей эры великое переселение народов приняло форму давления варварских племен — германцев, гуннов и славян на северные и восточные границы Римской империи. Мифические гунны в данном случае являются, вероятно, фантомным отражением славян (по одной из гипотез гунны в дальнейшем ославянились, и потому исчезли с исторической сцены). Германцы же антропологически являются ближайшими родственниками славян, причем не исключено, что их потомками.

Существует вполне допустимое мнение, что в период великого переселения весь север Европы был славянским, а германизировался он в позднейшие времена «дранг нах остен». Но даже официальная историография определяет западную границу славянского ареала по реке Эльбе в центре нынешней Германии. На юге же славянские племена заселили все Балканы. Знаменитые этруски, обитавшие на Апеннинском полуострове, как считается, в доримскую эпоху, на самом деле были славянами. По крайней мере, наиболее успешно их письмо разгадывается с помощью славянских языков, что позволяет с уверенностью отнести их к славянскому племени. Первым на это обратил внимание русский историк-славист Александр Дмитриевич Чертков еще в середине XIX в. В дальнейшем многие исследователи успешно переводили этрусские надписи, пользуясь славянской лексикой (Воланский, Пешич, Гриневич, Чудинов и другие). Поскольку открытие Черткова заставляет кардинально пересмотреть устоявшуюся конструкцию древней истории, на Западе оно до сих пор не признается, тамошние

«ученые» старательно его не замечают. Признать, что цивилизацию в Западную Европу принесли славянские племена, они категорически отказываются. Поэтому им проще считать письмена этрусков неразгаданными. Попытки перевести письмо этрусков на основе латыни или греческого потерпели неудачу.

Итак, главной движущей силой переселения народов, которое сформировало сегодняшнюю этно-политическую картину Европы, были славяне. Но одно дело, когда расселение происходит по пустующим лесам, и совсем другое, когда переселенцы встречаются с развитой государственностью. Ну, скажем, как славяне смогли завоевать Грецию, если там существовала многовековая цивилизация? Вообще-то в существовании нарисованной историками классической античности я очень сильно сомневаюсь, но допустим, что варвары из дремучих муромских лесов все же пришли на Балканы и встретили там одетых в блестящие латы эллинов, которые вряд ли были рады гостям. Вопрос решается дракой. А в драке побеждает тот, у кого более сильное оружие. И как бы красиво не блестели чьи-то латы, и какие бы пышные плюмажи не украшали шлемы, но если скрестить бронзовый и железный мечи, то победу, безусловно, одержит последний. Бронза — металл очень мягкий, и с железом соперничать может не более успешно, нежели кремневое гладкоствольное ружье с нарезной магазинной винтовкой.

Правда, следует иметь в виду, что железо железу — рознь. Из обычного мягкого железа оружие будет не лучше, чем из бронзы. Все зависит от содержания в металле углерода. Мало в сплаве углерода (до 0,3%) — металл мягкий. Если содержание углерода находится в пределах 0,3—2,14%, то мы имеем сталь — твердый, но очень хрупкий материал. При дальнейшем науглероживании железа получался чугун, который в древности почти не имел применения из-за своей нековкости. Таким образом изготовление меча или топора становится очень сложной задачей. Мягкое железо хорошо точилось, но и тупилось почти мгновенно. Сталь же почти невозможно было заточить, потому что она крошилась. Поэтому приемлемый по соотношению твердости и вязкости инструмент получали путем сварения — тонкий слой стали заключался меж-

ду двумя слоями железа, получившийся бутерброд накалялся и проковывался.

Другой способ получения режущей кромки заключался в закалке[1] орудия после заточки. В этом случае железный обух оковывался сверху сталью. После закалки заточка была невозможна, и в случае иззубривания или затупления кромки, орудие приходилось перековывать заново. Следует учитывать, что упругостью такие изделия не обладали. Тем не менее, именно сварное железо произвело революцию в технологиях, по масштабу превосходящую тот эффект, что дало использование электричества. Да, бронзовым инструментом можно было, например, построить корабль. Но, во-первых, производительность труда при использовании бронзового топора в разы меньше, а, самое главное, доступной меди и олова, необходимых для получения бронзы, было крайне мало, что делало невозможным широкое применение металлического инструмента.

Стоит, пожалуй, упомянуть и о знаменитом булате. Технология изготовления булата была очень трудоемкой, и заключалась в том, что железо многократно (считается, что до 5 тысяч раз) доводилась до красного каления, проковывалось и насыщалось углеродом, но не обращалось в чугун, а приобретало такую внутреннюю структуру, каковая совмещала в себе ковкость железа и крепость стали. Ко всему прочему металл получался упругим. Применялся булат исключительно для производства оружия, ибо способ его получения был фантастически дорогим. Знаменитые японские мечи-катаны или дамасские клинки изготовлены из разновидностей булата.

Дольше всего изготовление булатного оружия сохранялось в Индии, в то время как в Европе и России секреты его производства были утрачены к концу XVII в. Почти из одного только из этого факта историки делают вывод, что родиной булата являлась Индия. На самом деле это говорит лишь о том, что Индия отставала в техническом развитии от Европы, где

---

[1] *Закалка* — вид термической обработки изделий из металлов и сплавов, заключающийся в их нагреве выше критической температуры (температуры изменения типа кристаллической решетки, т.е. полиморфного превращения), с последующим быстрым охлаждением, как правило, в воде или масле.

булат окончательно вышел из употребления с развитием огнестрельного оружия. В 1828 г. начальник Златоустовских заводов, горный инженер Павел Петрович Аносов восстановил технологию получения высококачественного булата, однако промышленного применения способ не имел из-за сложности и дороговизны.

Нам важно установить, когда же был открыт железоделательный процесс. По широко распространенному мнению «железная революция» началась на рубеже I тысячелетия до н. э. в Ассирии[1] (некоторые исследователи сдвигают эту дату на рубеж II и III тысячелетий до н. э.), а с VIII в. до н. э сварное железо быстро стало распространяться в Европе. И тут возникает недоуменный вопрос: почему же в Римской империи, где уже, якобы умели изготавливать орудия из сварного железа, оно не вытеснило дорогую, малодоступную и менее технологичную бронзу? Никакого разумного объяснения этому факту нет, особенно если учесть, что власть Рима распространялась на территории Северной Европы, богатой озерно-болотными рудами и лесом. Совсем уж непонятно, почему меч, как оружие западноевропейского пехотинца начал вытеснять топор только в XIII в. До этого времени меч считался слишком дорогим оружием. Если верить историкам, то веками и даже тысячелетиями железное оружие сосуществовало с бронзовым. Это такая же нелепость, как если бы пулемет и кремневый мушкет продолжали сосуществовать в XXI в.

Рискну высказать чудовищно крамольную с точки зрения официальной историографии мысль — железная революция предшествовала началу великого переселения народов. То есть если оно действительно началось в IV столетии нашей эры (вполне возможно, что и позже на три или более веков, если следовать абсолютной хронологии), то ранее этого периода железо широкого применения не имело. Это, кстати, разрешает еще одну неразрешимую загадку — как диким варварам удалось разгромить античную средиземноморскую

---

[1] Другой кандидат на открытие железа — мифический народ халибы, обитавший на южном побережье Черного моря. Предполагалось, что в качестве сырья они использовали магнетические пески, широко распространенные по всей приморской зоне.

цивилизацию. Во все века более развитые государства завоевывали технически отсталые страны и народы, и никогда не бывало наоборот. Почему-то только в древности этот закон работал с точностью до наоборот: то монголы Русь завоевывают, то варвары разрушают Рим, то Ромея-«Византия» платит дань диким славянам с востока. Даже то, что варваров, дескать, было много, ничего не объясняет. Индейцев было в тысячи раз больше, нежели европейских переселенцев, но это белые местами подчистую уничтожили аборигенов, а не наоборот. Но если предположить, что средиземноморские воины встретили пришельцев с севера и востока с бронзовыми мечами, а те имели в достатке сварные железные клинки, то вопрос, что называется, отпадает.

Как же быть тогда с остатками римских сыродутных печей, находимых археологами? Ничего удивительного в этом нет. Примитивные сыродутные печи использовались кустарями вплоть до XVIII в., а в Африке — до XX столетия. Аналогичная ситуация: создание ткацкой мануфактуры не упразднило ручное ткачество, а лишь сделало его относительно редким явлением. Остатки этих средневековых печей и находят ныне при раскопках. А как археологи датируют находки, нам уже известно — как Бог на душу положит, поскольку ни один из существующих на сегодняшний день способов датировки не является надежным. Поэтому мечи, которые принято считать антично-римскими, на самом деле наверняка правильнее считать средневеково-римскими и связывать с Священной Римской империей германской нации, существовавшей в X—XIX вв.

Можно ли найти очаг, в котором открытие железа произвело революцию в ремеслах и земледелии, и откуда началось распространение по континенту новой цивилизации? Боюсь, что сегодня объективно установить это невозможно. Но, рассуждая умозрительно, логично предположить, что плотность населения в этом очаге будет наибольшей, нежели на периферии, что, в свою очередь, быстро приведет к невозможности ведения подсечного хозяйства и заставит искать качественно новые приемы обработки почв. Но самое главное, в центре «железной революции» должны образоваться города в со-

временном понимании этого слова, как средоточие ремесленников и места торга.

По этим признакам выходит, что колыбелью новой цивилизации была территория северо-восточной Руси, которую в Средневековье скандинавы так и называли — Гардарика — страна городов. Здесь мы находим фантастическое количество городов — около 300! Наибольшая плотность населения отмечается во Владимиро-Суздальском княжестве, там же выше всего и плотность городского населения. Конечно, в большинстве своем это были очень небольшие поселения, города эти не имели каменных зданий, и потому до нашего времени от них почти ничего не осталось. Но, не смотря на это, они выполняли свою главную роль — выдавали большое количество железа.

Здесь опять надо кое-что пояснить. Современному человеку железо кажется чем-то привычным и малоценным — на любой свалке полно железного лома. Но в древности его выделывалось ничтожно мало. Годовое производство железа на душу населения измерялось в сотнях граммов даже у тех народов, которые были технически продвинутыми. Почему в раннесредневековой Европе армия в несколько десятков рыцарей считалась грозной силой? Да потому что возможности экономики позволяли заковать в броню лишь одного воина на тысячу человек, и это в лучшем случае. Лишь в эпоху капитализма, к концу XVIII столетия годовое производство железа в Англии достигло уровня 30 кг на душу населения.

При господстве натурального хозяйства, когда крестьяне сами изготавливали в простейших печах потребное им железо, даже знание металлургических технологий не могло качественно повысить производительность труда. Более того, крестьяне не могли изготавливать сложные вещи, такие как оружие или доспехи. Это могли сделать только кузнецы-профессионалы, которые занимались исключительно кузнечным ремеслом. Причем кузнецы-профессионалы уже не отвлекались на выплавку металла, а покупали железо необходимого им качества. Добычей руды и ее обработкой ведали другие мастера. Более производительные горны делали профессиональные печники. Если же собрать в одном месте несколько

кузниц с обслуживающим персоналом и всей инфраструктурой, обнести это место частоколом — вот вам и город.

Я, конечно, не берусь утверждать, что городов на Руси было именно 300. Называются цифры в 500 или даже в 1000 городов. Но факт, что их было множество. И возникнуть множество городов в Средневековье в других местах не могли. А на Руси могли, потому что именно здесь имелись ресурсы для урбанизации — колоссальные запасы болотно-озерной руды, обилие доступного строительного материала — древесины, доступность топлива — той же древесины. А высочайшая производительность подсечно-огневого хозяйства позволяла легко обеспечить города продовольствием. При этом именно такой способ хозяйствования создавал колоссальный спрос на железо. Разделение труда приводило к развитию торговли. Торговля концентрировалась в городах, что способствовало их росту. Об уровне развития у славян металлургии свидетельствуют многочисленные археологические находки. Например, в Белоруссии в одном месте было найдено 280 печей-домниц, стоящих в три ряда. Учитывая, что одна домница дает за производственный цикл около 3 кг губчатого железа, то масштабы производства впечатляют.

Русь к тому же была не только страной городов, но и страной рек, а они имели большое значение как коммуникации. Легко предположить, что вокруг городов, прежде всего крупных, лес быстро вырубался, ибо для производства железа, особенно оружейного, его требовалось колоссальное количество, а так же для строительства, отопления. Как доставлять сырье к потребителю? Самый естественный способ — сплавлять по рекам. Что и имело место. Могло ли быть налажено масштабное производство железа где-нибудь в Малой Азии, откуда, как уверяют историки, стартовала «железная революция»? Весьма сомнительно. Во-первых, магнетический песок хоть и дает высококачественную сталь, создает сложности при обработке (например, много хлопот доставляет его очистка от примесей). Во-вторых, лесов здесь не так уж и много, а даже если в прошлом было и много, доставка его к металлургам являлась делом затруднительным. Как сообщают географические справочники о Малой Азии, «климатические условия не благо-

приятствуют развитию густой речной сети. Реки маловодны и имеют неравномерный режим». А какова производительность здешних засушливых почв? Явно недостаточна для того, чтобы прокормить многочисленные города.

Кстати, вопрос о том, где был открыт железоделательный процесс нельзя считать окончательно выясненным. Во-первых, сколь бы археологи не убеждали нас в обратном, не существует надежных способов датирования древних находок, в том числе и остатков металлургических печей, а самое главное, в принципе нет способа независимой проверки датировок. Во-вторых, найти следы древней металлургии на камени-сто-безлесых территориях Малой Азии куда проще, чем в лесных муромских чащобах, где сама природа старательно прячет любые следы человеческой деятельности. Потому в рамках концепции вариативной истории мы будем воспринимать тезис о малоазиатском происхождении железной металлургии исключительно как гипотезу.

В Западной Европе предпосылок для бурной урбанизации мы тоже не находим. Руда есть, но быстро сводятся леса, то есть возникает дефицит топлива. Проблема эта была решена только с переходом на новый вид топлива — каменный уголь. Урожайность здесь, благодаря мягкому климату, при оседлом земледелии выше, чем при трехпольном севообороте в Восточной Европе, но намного ниже, чем при подсечном хозяйстве, практикуемом на Руси. Следовательно, продовольственных ресурсов для городов не хватит. Высокотехнологическая металлургия могла развиваться там очагами, как например, в Чехии или Швеции, где научились добывать богатые железом руды. На Руси же ресурсы для производства железа были доступны практически в любом месте (болотная руда не только легко добывается, но и отличается очень высоким содержанием железа — до 80%). Превращение Западной Европы в центр мира началось лишь в эпоху Великих географических открытий и связано с промышленной революцией.

Думаю, читатель теперь достаточно знает о металлургии, чтобы еще раз оценить маразм историков, повествующих о монгольском завоевании. В степи руду добыть совершенно негде и совсем тяжело найти топливо. Нет железа — нет ору-

жия, нет оружия — невозможно создать армию. Монгольская археология не дает нам аналога русскому типу воинского захоронения, когда вместе с воином в могилу клали его меч и доспехи. Для степняка даже простой железный нож представлял столь большую ценность, что отдать его покойнику было совершеннейшим расточительством. На Руси меч тоже был очень большой ценностью, и в могилу простого воина его, конечно, не клали, однако такой обычай имел все же широкое распространение, что указывает на развитость металлообработки.

В рамках предложенной концепции лишь густо поросшие лесом север и запад современной Украины могли быть освоены в древности земледельцами. Однако укро-историки получили заказ — доказать, что прародина славян находилась на Украине (разумеется, роль прародителей славян заранее уготована украинцам). Если есть заказ, то древние украинцы будут отысканы!

Роль первоукраинцев была отведена трипольцам — представителям трипольской археологической культуры, датируемой VI—III тыс. до н.э. и распространенной в междуречье Днепра и Дуная. Правда, даже многие украинцы, еще не окончательно сбрендившие, стесняются объявлять трипольцев своими сородичами, но трипольская культура уже однозначно трактуется, как славянская и прочно записана в актив украинской истории. Многие недоумевают: почему укро-ученые столь активно пиарят глиняную посуду каких-то дремучих тысячелетий до нашей эры? А потому, уважаемые, что ничего собственно «украинского» археологи из земли выколупать не могут. Поэтому им ужасно хочется заиметь что-нибудь такое уникальное, чего нет ни у кого другого. Поэтому вокруг Трипольской культуры на Украине раздувается неимоверных размеров мыльный пузырь.

В фильме «Тайны славянской цивилизации» А. Г. Коровин-Пиатровский, кандидат исторических наук (Академия наук Украины) делится сенсационными подробностями: *«У нас на Украине есть совершенно уникальный для Европы, и пожалуй, не только для Европы, а для всего мира в целом феномен — трипольские поселения-гиганты. Это поселение Таленги, кото-*

рое занимает 4,5 квадратных километра. Благодаря археомагнитным разведкам мы определили, что на этом поселении было 2700 жилищ. Ну, раскопано из них, к сожалению, на сегодняшний день только 31».

Археомагнитная разведка заключается в том, что археолог водит над поверхностью земли магнитометром, который фиксирует магнитные аномалии, характер которых надо еще интерпретировать. Вопрос о том, как можно с помощью этого метода подсчитать количество трипольских жилищ — ей-богу, за гранью всякого здравого смысла. Раскопайте сначала хотя бы полторы тысячи жилищ, чтобы строить догадки о том, что под землей скрыто еще столько же. А так это чистейшей воды шулерство. Это все равно что палеонтолог, откопав фалангу мизинца древнего ящера, будет делать выводы о строении его черепа. Чтобы начать реконструировать образ вымершего животного, желательно собрать хотя бы 30% его костей.

Поселение в 2700 жилищ — это по древним меркам громадный мегаполис в 15—20 тысяч человек. Откуда могли взяться города в первобытную эпоху? Так что не ждите, что укро-археологи раскопают оставшиеся 2669 теленгинских жилищ — трипольский город-гигант всего лишь миф укро-науки.

Типичным трипольским жилищем была глинобитная хижина или землянка, но в том же фильме С. В. Жарникова, кандидат исторических наук продолжает раздувать трипольский пузырь: *«В Триполье были срубы, срубы двух-, и даже трехэтажные, что для современной Украины нехарактерно».*

Минуточку! Каким это образом трипольцы могли строить трехэтажные срубы, если в основном использовали орудия труда из костей животных, камня и лишь в редких случаях из мягкой меди? Я бы дал Жарниковой каменный топор и попросил с его помощью построить трехэтажный сруб. После этого она, наверное, уже не будет столь уверенно нести ахинею про трипольское многоэтажное строительство без железных инструментов. Наибольшее распространение имели кремневые топоры. Слово «топор» в современном понимании к этому орудию относимо весьма условно. Оно больше похоже на зубило, привязанное к палке. Медные топоры были не многим более эффективны, но мне даже не встретились описа-

ния подобных трипольских находок, упоминаются лишь медные украшения, рыболовные крючки, иглы и в редких случаях ножи. К тому же медь добывали только в Закарпатье. Так что либо укро-историки врут про срубы, либо они принадлежат уже к эпохе железного века и к Триполью никаким боком не относятся.

Петр Толочко в интервью газете «Донецкий кряж» дает такое резюме трипольской истерии: *«В настоящее время происходит мифологизация истории. То есть, по сути, это попытка поставить прошлое на службу сегодняшнему дню. Мол, в прошлом мы были великие, развитые и так далее. Как будто это дает нам определенные гарантии того, что и сейчас мы такие же великие и развитые. Поэтому украинца — в его современной этнокультурной ипостаси! — пытаются отыскать в глубокой древности. Взять, к примеру, ту же Трипольскую культуру. Вокруг нее просто помешательство какое-то происходит. Ею занимаются все кому не лень. Всем кажется, что это легко и просто. Вот бывший депутат Иван Заец. Он возглавил фонд «Триполье», хотя сам по образованию экономист и мало что понимает в археологии. Но он говорит: «Я прочитал тридцать работ по Триполью и определенно знаю, что это древние украинцы». Пришлось возражать: «Иван Александрович, счастливый вы человек. Люди по 30—40 работ по Триполью написали и до сих пор точно не знают, кем были трипольцы».*

Мне представляется, что подобное возникает от определенного комплекса неполноценности. Нам постоянно хочется заявить о себе, и в результате мы выбираем путь мифологизации древности. Ведь во времена существования Триполья на Украине было не меньше десяти других археологических культур, но на них почему-то никто не обращает внимания.

Вот такая определилась тенденция. Не могу сказать, что она закрепилась в академических кругах, но в вузовских кругах получила определенное развитие. А в околонаучных кругах взгляд на прошлое вообще весьма избирательный. Смотрим мы в прошлые эпохи, определяем, что в них лучшее, и объявляем это украинским, а создателей его — украинцами. Это же не только Триполье, но и скифская культура. И если Трипольская хотя бы располагалась в лесостепной зоне современной

Украины и ее хотя бы по географическому признаку можно связать с нашей державой, то скифы — это кочевники, которые перемещались по огромным пространствам и к Украине никакого отношения не имеют.»[1]

А имеет ли вообще Трипольская культура к Украине какое-либо отношение, кроме географического? Вообще-то нет. Даже название у нее спекулятивное. Имя ей дал первооткрыватель Викентий Хвойка, откопавший под селом Триполье недалеко от Киева керамику с характерным рисунком. Чех Хвойка не был ни археологом, ни историком, зато, как выпускник коммерческого училища, сделал археологию бизнесом. Копал много, активно и упорно. Найденные черепки продавал Императорскому музею. Как всякий коммерсант, он знал, что товар надо продвигать на рынке, а для успешного продвижения своих находок он все без разбора объявлял славянским. В эпоху господства в верхах панславистских идей славянские черепки продавались гораздо лучше, чем керамика не определенной этнической принадлежности.

Когда феерические восторги по поводу обнародования Хвойкой на XI археологическом съезде в Киеве отчета о трипольских находках поутихли, выяснилось, что предприимчивый чех открыл то, что уже давным-давно известно археологам, и относится к культуре галицкой расписной керамики. Но Галиция тогда находилась в составе Австро-Венгрии, и потому точно такие же глиняные горшки, разбросанные по громадной территории Галиции и Закарпатья никаких сенсаций не вызывали. В советские времена было принято решение считать культуру галицкой расписной керамики трипольской, пусть даже Триполье и было раскопано значительно позже. Но дальше возникли непреодолимые трудности. Оказалось, что в Молдавии, Румынии и Венгрии известна Кукутенская археологическая культура, которая имеет те же признаки, что и Трипольская. Более того, центр распространения Кукутенской культуры находился именно в Румынии, а по Днепру проходила лишь северо-восточная граница распространения этой культуры.

---

[1] *А. Иванов.* Донецкий кряж. Историю пытаются подменить мифами // http://www.edrus.org/content/view/4388/47

Что касается антропологического типа трипольцев, то принято относить его к средиземноморскому. В любом случае населяли трипольцы-земледельцы лесостепную зону, а на смену им пришли, как считается, представители Ямной культуры кочевников. Жизнь славян была связана именно с лесом и земледелием, степным кочеванием они не занимались[1]. Поэтому ни малейшей связи между представителями Кукутенской культуры и славянами, появившимися только через тысячелетия по версии официальной хронологии, нет и быть не может. А уж называть кукутенцев-трипольцев украинцами можно безнаказанно только в том случае, если психиатр выдал вам справку, что вы невменяемый.

---

[1] Общим для славянских языков признаком является обилие в лексиконе слов для обозначения флоры и фауны лесов, водоемов и болот. При этом славянские языки крайне бедны словами, обозначающими природные явления, связанные с морем, степью или горами.

РОССЫ, РУСЬ И ТАВРОСКИФЫ

Итак, славяне благодаря железному топору широко расселились по североевропейским равнинам, проникли на Балканы и даже, возможно, Апеннины (этруски). Почему же не сложилось единого славянского государства? Его и не могло возникнуть. В этом не было ни необходимости, ни возможности. Даже если предположить, что славянские племена произошли от одного корня, расселившись на громадных пространствах, они стали жить собственным укладом, и идеи панславизма не посещали их головы. Нас, собственно, интересует вопрос о том, когда же на исторической сцене появляется народ, который можно назвать русским, когда и где он создает государственность?

По причине полного отсутствия надежных русских письменных источников («Повесть временных лет» слишком уж сомнительна) можно обратиться к ромейским («византийским») хроникам. Но вместо ответа на вопрос мы, скорее, получим еще множество новых вопросов. Собственно о русском государстве в IX—XIII вв., то есть в эпоху существования легендарной Киевской Руси романские летописи ничего не сообщают. Отечественные историки предпочитают не цитировать, а комментировать и домысливать источники, называемые ими «византийскими», благо, что первоисточники практически недоступны рядовому читателю. В этой главе я буду обильно цитировать книгу «Древняя Русь в свете зарубежных источников»[1] под редакцией Мельниковой. Обратимся к части II «Византийские источники», написанной М.В. Бибиковым:

[1] http://militera.lib.ru/common/drevrus/index.html

«Термин Русь, русские в византийской литературе употребляется нечасто. Исключение составляли официальные и полуофициальные документы: акты, послания, списки епархий и т.п. Например, лишь трижды встречается он у Никиты Хониата, один раз говорится о «Русской земле» в «исторических стихотворениях» Феодора Продрома, еще несколько случаев его использования — в эпиграммах, письмах. В целом во всех нарративных[1] источниках XII — первой половины XIII в. известно едва ли больше десятка употребления термина Русь».

Не удивительно ли? За 150 лет такое громадное, и притом соседнее государство упоминается всего с десяток раз, включая стихотворения и эпиграммы!!! Скорее всего, его до XIII столетия просто не существовало, как до второй половины XIX в. не существовало Германии при обилии германских княжеств. Русь, как более-менее централизованное государственное образование, появляется только после пресловутого батыева нашествия, а до того момента русские княжества были самостоятельными. Да и определение «русские» к ним вряд ли еще можно применить. Ромейские хронисты обнаруживают на территории Восточной Европы десятки племен, чаще всего обобщая их под именем «скифы». Цитирую тот же источник:

«Так, этноним росы (русские) синонимичен, по Иоанну Цецу, имени «тавры», которые оказываются «скифским» племенем. Эта синонимия отражает традиционное у византийцев наименование русских античным термином «тавроскифы». Правда, в XII в. такая атрибуция — не единственная: современник Цеца Никифор Василаки под «Тавроскифией» имеет в виду землю, в которой находится, по всей видимости, Филиппополь (современный Пловдив в Болгарии), а Иоанн Киннам «скифами около Тавра» называет половцев. Что касается Болгарии, то Цец дает подробную топографию пространства на юг от Дуная, определяя границы расположенных там областей — двух Мисий, Фракии и Македонии; сам же этноним у Цеца встречается в качестве синонима к «пеонцы» (не-венгры, населяющие, по Цецу, одну из упомянутых Мисий). Половцы в сочинениях ви-

---

[1] *Нарратив* — линейное изложение фактов и событий в литературном произведении, то есть то, как оно было написано автором.

зантийского эрудита фигурируют под общим именем «скифы». Так, в рассказе о половецком набеге 1148 г. кочевники называются «придунайскими волками, частью скифов». То, что под приведенным выше названием «собственно скифы» — в отличие от «скифов вообще» — нашим автором имеются в виду половцы (куманы), говорит текст «скифского» приветствия в эпилоге «Теогонии» Иоанна Цеца: «К русским я обращаюсь по их обычаю, говоря σδρά[στε] βράτε, σέστριτζα и δοβρα δένη, т.е. «здравствуй, брате, сестрица, добрый день!»

Интересно, почему это приветствие на русском языке названо скифским. Может быть, скифы говорили по-русски? Не исключено. Вообще, если читать ромейские тексты, имея в голове современные представления об истории и этнографии древности, то что-либо понять крайне трудно, возникает ощущение, что авторы текстов все свалили в кучу — народы им современные, давно умершие и мифические. Поэтому нынешним комментаторам приходится постоянно напоминать читателю, что древние авторы ошибались, и вообще, имели представления о соседних народах, оторванные от реальности. Но откуда же тогда современные историки знают, какой была реальность?

Бибиков пишет далее: *«Во-первых, Русь связывается в глазах византийцев с соседними народами — кавказцами, населением Крыма и Приазовья, тюркскими народностями, находившимися на этих землях, — «скифской» общностью, которая определяется по географическому, а не этническому, историко-культурному и отчасти политическому принципам. Во-вторых, этнографические сведения византийских источников и данные языка свидетельствуют о большой этнической пестроте припонтийского региона. В-третьих, в наших источниках зафиксированы непосредственные наблюдения, возможно, данные личного общения авторов с русскими и другими народами; эти сведения тесно переплетены с книжным, античным знанием, в результате чего складывается противоречивая этнографическая картина юга Восточной Европы».*

Объяснение совершенно абсурдное. С какой радости кавказцев Бибиков считает соседним с русскими народом? От Новгорода и Владимира до Берлина даже ближе, чем до Кавказа. От Киева примерно равное расстояние. К тому же со-

вершенно непонятно, почему непосредственные наблюдения ромеев были для них, по мнению автора, менее значимы, нежели книжные стереотипы античности? Покажите мне человека, который собственным глазам верит меньше, чем древним книжкам?

Дальше больше. Оказывается, что ромеями *«население Руси обозначается (нередко в переносном смысле) многочисленными архаическими племенными названиями: скифы, тавроскифы, тавры, киммерийцы, меоты, хазары (для Крыма) и др. Такая «зашифрованность» актуальных описаний древними этническими терминами-«знаками» наблюдается и в других случаях. Так, в византийских источниках Галицкая земля, помимо указанного имени Галица (с вариантами), обозначается архаическим термином галаты. В «Исторических стихотворениях» Феодора Продрома неоднократно среди подвластных византийскому басилевсу народов упоминаются галаты — часто рядом с далматами (сербами). В других случаях галаты фигурируют по соседству со «скифами» — куманами, называются вместе с италийцами и сербами. От этнонима производятся и наименования мест — Галатские долины».*

Да уж, держите голову обеими руками, а то она взорвется. Ужимки Бибикова насчет того, что ромеи именовали русских скифами в переносном смысле и то, что он пытается объяснить подобные факты стремлением «зашифровать» тексты, во внимание можно не принимать. На кой черт хронисту надо шифровать текст? Для того, чтобы скрыть смысл написанного, использовали тайнопись. Но войдите в положение автора — надо же ему как-то объяснить необъяснимое. Вот он и выдумывает довольно нелепые отмазки.

Читаем дальше: *«Территория Руси подчас называется в соответствии с античной традицией Гиперборейской землей, и потому древние литературные свидетельства о гипербореях переносятся на русских, вводя в их восприятие комплекс античных представлений о легендарном северном народе. Тем самым традиционные, сложившиеся в Древней Греции представления о географических областях, климате, природных условиях, населении Восточной Европы прилагаются к ее описанию, в том числе и описанию Руси XII—XIII вв. В результате*

создается образ страны, во многом близкий античной Скифии или Киммерии. Обширность пространств к северу от Черного моря вошла в поговорку о «скифской пустыне»; климатические особенности этих областей будут непременно ассоциироваться со «скифским снегом», бурями, сыростью и дождями; Русь — наследница киммерийских областей — представляется страной, погруженной во мрак, солнце над которой светит считанные дни в году, а может быть, и вообще не появляется... Неоднократно упоминается о белых зайцах России, мех которых импортировался в Византию. Называется диковинный обитатель тавроскифских земель зубр. Известен, очевидно, и морж, изделия из кости которого описывает Цец».

В общем, ничего удивительного. Если иметь в виду лесную зону Восточной Европы, то и сырость, и снега, и длинная зимняя ночь там присутствуют. Если это Скифия, то русских вполне правомерно называть скифами.

Что же сообщают ромейские письменные источники о скифском государстве? По словам Бибикова, *«подробные сведения о делении русских областей находятся в памятниках, относящихся к церковному устройству: именно константинопольская церковь, прежде всего заинтересованная в распространении своего влияния на как можно большую территорию Руси, оказалась основным информатором по данному вопросу. Так, в перечне епископий «Великой России», составленном в середине XII в., перечисляются Белгород (ό Πελοργάδων), Новгород (ό Νευογράδων), Чернигов (ό Τζερνιγόβων), Полоцк (ό Πολοτζίκων), Владимир (ό τού Βλαδιμοίρου), Переславль (ό Περισθλάβου), Суздаль (ό Σουσδαλί), Туров (ό Τουρόβου), Канев (ό Κάνεβε), Смоленск (τό Σμολίσκον), Галич (ή Γάλιτζα). По именем Киава/Киама (возможно, Киова) у Никиты Хониата и Киннама имеется в виду, несомненно, Киев. Наибольшее количество свидетельств византийских источников относится к Галицкой Руси — самой близкой к Византии территориально и потому занимавшей в международных связях империи видное место. Византийские авторы знают границы Галицкой земли: непосредственно соприкасаясь на западе с Венгерским королевством, на юге она доходила до отрогов Карпат. Галицкое княжество рассматривалось как одна из «топархий» («волостей») Руси, но вместе с*

тем, улавливается отношение византийцев к нему как к некоей самостоятельной территориальной и политической единице: во всяком случае, галицкий князь противопоставляется «властителю» Киева — центра всей Руси».

Итак, город под названием Киава или Киама Бибиков отождествляет с Киевом. Это, конечно, еще надо доказать, но не будем оспаривать предложенную точку зрения. Лучше давайте попросим историков представить подтверждения того, что Киава по мнению ромеев является «центром всей Руси». Надо сказать, с этим делом возникают преогромные трудности. Есть ли вообще в балканских летописях указания на то, что Киава был стольным градом всея Руси? Я их не обнаружил. Бибиков никаких цитат в подтверждение своего тезиса не приводит, так же как и все прочие его коллеги. Если уж ромеи не подозревают о существовании в XII—XIII вв. единого русского государства, то трудно найти и упоминание о столице несуществующей страны.

Но давайте рассуждать логически: географическим центром Руси Киава-Киев, находящийся на самом ее порубежье, быть никак не мог. Перекрестком транспортных путей — тоже. Может, он являлся центром торговли? Сам же Бибиков со ссылкой на ромейские летописи это опровергает: «*В то время как данные об областном делении Руси происходят в основном из церковной среды, материалы о животных, рыбах, речных и морских путях связаны с торговыми отношениями Руси и Византии. Узлом этих связей был Крым и Приазовье, где находились владения как Византийской империи, так и русских князей. Установлено, что в конце XII в. в землях Боспора Киммерийского действовал византийский податный сборщик (Каждан, 1963), а в Керчи был византийский наместник, т.е. Византия имела в Крыму свои территории, возможно близкие к крымским фемам более раннего периода. На протяжении всего рассматриваемого периода встречаются сообщения о функционировании крымских церковных епархий константинопольского патриархата — Сугдеи, Фуллы, Готии, Херсона, Хазарии, Боспора, Сугдофуллы.*

Вместе с тем в памфлете «Тимарион» (XII в. См.: Timarion) сообщается о русских (?) купцах, спешащих в Солунь из Крыма,

а по императорским актам второй половины XII в., итальянским купцам не гарантируются свобода и безопасность торговли в районе Крыма и Приазовья. К середине XIII в. уже сообщается о набегах и владениях «скифов», т.е. половцев или татар, в крымских городах. Крым и соседние с ним земли представляли собой своеобразную часть русской земли, где происходили непосредственные контакты русских с византийцами — церковные, торговые, политические.

А как же знаменитый торговый путь из варяг в греки по Волхову и Днепру? В том-то и дело, что этот маршрут появился только тогда, когда у историков появилась необходимость надуть шарик фантомной истории Киевской Руси. Если городок Киава и существовал в описываемый период, то он мог быть лишь столицей маленького удельного княжества, довольствуясь ролью посреднического торгового центра. Торговля же международного масштаба со скифами-русами велась через Крым. Собственно, иначе и быть не могло. Ведь скифы по представлениям ромеев обитали в северной Гиперборее, то есть в бассейне реки Волги и севернее (иначе где же они добывали моржовую кость?). Таким образом, торговый путь мог пролегать только по реке Волге и Дону, откуда купцы через Азовское море (Меотиду) прибывали в Крым (Тавриду). Заезжать в Киев им было совершенно не по пути.

Вообще, в ромейских источниках порой достаточно ясно читается противопоставление народа «росы» славянам. По мнению Бибикова, *«очень важны свидетельства Константина Багрянородного о взаимоотношениях россов и славян. Судя по приводимому ниже тексту, византийцы еще в X в. отчетливо разделяли россов и славян как в этнолингвистическом, так и в политическом отношении. Славянские племена, перечисленные в трактате, являются данниками («пактиотами») россов»*. Но если россы не славяне, то кто же? Вполне можно предположить, что племя россов обитало где-то в лесостепной зоне по Днепру выше порогов, терроризируя славянские племена, живущие в лесах выше по течению. Поскольку связь лесных славян с внешним миром была возможна только по Днепру, россы монополизировали торговлю с ними. Вполне веро-

ятно, что река россь, впадающая в Днепр ниже Киева, названа так в честь россов (или наоборот).

Судя по описаниям, россы были самыми свирепыми и кровожадными разбойниками в мире. Их образ жизни Константин Багрянородный описывает достаточно подробно: *«О россах, отправляющихся с однодеревками из россии в Константинополь ... приходящие из внешней россии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта россии, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас. Славяне же, их пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии — рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] вхожи в эту самую реку и отправляются в Киаву. Их вытаскивают для [оснастки] и продают россам. Россы же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витечеву, которая является крепостью-пактиотом россов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски «Не спи». Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, извергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого россы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моноксилах, затем нагие, ощупывая своими ногами дно, волокут их, чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у*

берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островунипрах, что означает «Островок порога». Он подобен первому, тяжек и труднопроходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает «Шум порога», а затем так же — четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачивакитов (печенегов. — *Авт.*). *А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль, пока не минуют порог. Затем также, одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноксилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулнипрах, ибо он образует большую заводь, и переправив опять по излучинам реки свои моноксилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает «Кипение воды», и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как «Малый порог». Затем достигают так называемой переправы Крария, через которую переправляются херсониты, [идя] из россии, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы — насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против россов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие кусочки хлеба, мясо*

и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми.

От этого острова россы не боятся пачинакита... Зимний же и суровый образ жизни тех самых россов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас архонты выходят со всеми россами из Киава и оправляются в полюдия, что именуются «кружением», а именно — в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами россов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию».

Как видим, автор описания разделяет славян и россов. Судя по приведенным топонимам, их языки не очень-то близки. Упомянутая Константином крепость Самватос более ни в каких летописях не встречается. Где находилась крепость Витечева, неизвестно, но можно предположить, что это был сборный пункт россов перед поргами (Канев?).

Для чего же россы направлялись в Романию? Никита Пафлагон[1], в «Житии патриарха Игнатия» так описывает известный поход россов на византийскую столицу: *«В это время запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый росс, по Эвксинскому понту прийдя к Стенону и разорив все селения, все монастыри, теперь уж совершал набеги на находящиеся вблизи Византия* (т.е. Константинополя. — *Авт.*) *острова, грабя все [драгоценные] сосуды и сокровища, а захватив людей, всех их убивал. Кроме того, в варварском порыве учинив набеги на патриаршие монастыри, они в гневе захватывали все, что ни находили, и схватив там двадцать два благороднейших жителя, на одной корме корабля всех перерубили секирами» (N.Paphl. 21. 14-19).*

Не совсем понятно, о каких островах идет речь. В Черном море возле Константинополя островов не наблюдается, они есть в Мраморном море, но в этом случае выходит, что рос-

---

[1] Византийский философ конца IX — начала X в., ученик Арефы Кесарийского.

сы явились из Адриатики. Но сам характер непрошенных гостей описан весьма выпукло. Патриарх Фотий (тот самый, который якобы крестил Русь), говорил о нападении в 860 г. на Константинополь «народа, ставшего у многих предметом частых толков, превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам, — так называемого [народа] росс...»[1]. Исследователи считают это первым официальным упоминанием россов, поскольку оно содержится в «Окружном послании восточным патриархам».

Столь же бесцеремонно россы вели себя и в других местах. Неизвестно точно, когда состоялся их набег на Амастриду, торговый город на малоазиатском побережье Черного моря, но нравы мы наблюдаем все те же: «*...Было нашествие варваров, россов — народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия. Зверские нравами, бесчеловечные делами, обнаруживая свою кровожадность уже одним своим видом, ни в чем другом, что свойственно людям, не находя такого удовольствия, как в смертоубийстве, они — этот губительный и на деле, и по имени народ, — начав разорение от Пропонтиды и посетив прочее побережье, достигнул наконец и до отечества святого (св. Георгия), посекая нещадно всякий пол и всякий возраст, не жалея старцев, не оставляя без внимания младенцев, но противу всех одинаково вооружая смертоубийственную руку и спеша везде пронести гибель, сколько на это у них было силы. Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, беззаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять*».

Так пишет о россах в «Житии Георгия Амастридского» неизвестный автор[2]. Подобного рода упоминаний можно найти еще много, но речь о россах идет в основном, как о разбойни-

---

[1] Photius. Ep. P.50, № 2. C. 293—296.

[2] Первый издатель русского перевода текста В.Г. Васильевский считал, опираясь на стиль изложения, что автором памятника был известный агиограф (жизнеописатель святых) IX в. диакон Игнатий.

ках. Константин Багрянородный сообщает довольно-таки удивительные известия об этом загадочном племени: «*...печенеги стали соседними и сопредельными также россам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят россию, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб, [посему] и россы озабочены тем, чтобы иметь мир с печенегами. Ведь они покупают у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в россии не водилось*».

Спрашивается, чем же занимались россы, коли они не знали сельского хозяйства, и даже лодки им делали данники-славяне? Если Константин сообщает верные сведения, то они могли жить исключительно за счет грабежа. В этом ключе вполне допустима концепция варяжского происхождения россов (тем объясняется противопоставление их славянам), однако никаких неоспоримых аргументов в пользу этой гипотезы не имеется.

Можно ли говорить о том, что россы создали мощное государство? Свидетельств об этом нет. Это вынуждены признать даже авторы книги «Древняя Русь в свете зарубежных источников». Снова обратимся к статье Бибикова: «*Собственно же Русь ограничивалась, вероятно, территорией, освоенной полюдьем киевского князя. Таким образом, если обратиться к названным в византийском трактате русским городам, то Русью в узком смысле слова следует считать, согласно Константину, Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли, т.е. территории Приднепровья*».

Не исключено, что россы собирали дань с менее обширной территории. Не факт, что россы были едины. Вряд ли можно считать разбойников россов основоположниками русского государства и ассоциировать их с понятиями «Русь», «Россия» — эти термины появились в обиходе несколько веков спустя, когда о россах уже никто не вспоминал. Бибиков констатирует следующее: «*В южнославянских памятниках именование государства росс(с)ия появляется с 1387 г., в самой россии — со второй половины XV в. Ставшая регулярной в новое время форма с двумя «сс» — (Россия), в греческих текстах встретится лишь в XIV в. — в «Исторических записках» визан-*

тийского гуманиста Никифора Григоры,в русских же источниках, согласно М.Н. Тихомирову, — с XV в.».

Остается резюмировать: ромейские («византийские») источники не дают НИКАКИХ поводов говорить о существовании Киевской Руси в IX—XIII вв. (по общепринятой хронологии, которую мы не будем здесь оспаривать). Эпизодическое упоминание Киава, как города россов, расположенного на реке выше порогов, дает основание полагать, что речь идет именно о днепровском Киеве, а не о дунайском, известном с античных времен. Но роль этого города в экономическом смысле совершенно ничтожна (международная торговля велась через Крым), а в культурном вообще не рассматривается.

Если принять версию ромейских хронистов о том, что россы — разбойники, не один век промышлявшие на торговых коммуникациях в Черном море, обилие монетных кладов с римской (ромейской?) монетой в Киеве находит свое объяснение. Но о торговом значении Киева мы НИКАКИХ свидетельств не находим. По причине ничтожно малого торгового значения Киева, мы не обнаруживаем в киевских археологических находках сколь-нибудь заметного количества арабских дирхемов, считающихся международной расчетной монетой той эпохи (как помним, арабица использовалась и на русских деньгах, так что название «арабский дирхем» очень условно).

Выше практически полностью приведена глава «О россах, отправляющихся с моноксилами из россии в Константинополь» из трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей»[1]. Так вот, Бибиков, не моргнув глазом, заявляет, что *«трактат «Об управлении империей» содержит важнейшие свидетельства, касающиеся древнерусской истории. В главе IX описывается плаванье караванов судов россов по пути «из варяг в греки»*. Перечитайте-ка этот фрагмент еще раз и скажите, где там упоминаются варяги, их караваны или Скандинавия? Есть ли там хоть слово о товарах, которыми торговали россы? Между тем, в современной литературе «путь

---

[1] Полный текст сочинения см.: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Konst_Bagr_2/index.phtml

из варяг в греки» понимается как «*название водного ТОРГОВОГО пути в Киевской Руси, связывавшего Северную Русь с Южной, Прибалтику и Скандинавию с Византией*» (БСЭ).

Вот так историки высасывают из пальца бред о международной торговле по Днепру. Зачем? Лишь для того, чтобы на этом пути разместить мифическое государство «Киевская Русь». И прикрываются авторитетом древних авторов, в данном случае Константина Багрянородного. Но стоит только обратиться к первоисточнику, и вместо караванов скандинавских купцов по Днепру в Византию спешит на легких лодках разбойничья шайка, а вместо могучего древнерусского государства мы видим племена поднепровских славян, которых обложили данью все те же россы, сами славянами не являющиеся.

Граждане, не верьте историкам, бессовестным брехунам, цитирующим древних летописцев! Читайте летописи сами.

ТОРГОВЛЯ — ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА

Если строго следовать постулатам исторического материализма, то в эпоху феодализма главную ценность представляла собой земля. Государства по этой концепции возникают тогда, когда земледелец становится способен создавать прибавочный продукт, то есть прокормить не только себя, но и воина, ремесленника, попа и феодала. Феодал в этой системе отнюдь не паразитический элемент, а важное связующее звено, ибо именно он изымает у крестьянина прибавочный продукт и распределяет его. То есть богатство государства в этой системе проистекает исключительно от земли.

Между тем аграрная экономика в раннефеодальный период создает прибавочный продукт, способный поддержать государство с самым примитивным укладом. Ну, отберешь ты у крестьян треть урожая брюквы, ржи и капусты — а чем жалованье дружинникам платить — не капустой же? Мощные высокоразвитые империи возникали лишь на перекрестках торговых путей. Развитие торговли делало эти империи властителями мира. Но изменялась география торговых коммуникаций — и могущественные империи, обескровленные, превращались в легкую добычу своих вчерашних вассалов.

Британская империя стала владычицей мира не потому, что владела колониями, а потому, что контролировала мировую торговлю, и только потому владела колониями и являлась мастерской мира. Английская промышленность развивалась столь стремительно потому, что рынок сбыта у нее был практически неограниченный. США уже к концу XIX в. имели промышленный потенциал, превосходящий британский, но торговля была в руках у английского льва. Лишь в результате двух

мировых войн и крушения СССР Америка стала хозяином планеты, когда доллар почти безраздельно обслуживает мировую торговлю. А Великобритания ныне превратилась в маленькое островное государство, о былом величии империи напоминают разве что богатые музеи и шикарные дворцы.

Но Британская империя стала мировым гегемоном лишь на костях своих конкурентов — Испанской империи и империи Голландской. Как могла малюсенькая Голландия быть мировой державой? Могла, и только благодаря торговле! Наполеоновские войны стали высшим выражением борьбы за контроль над мировой торговлей между Британией и Францией, когда все прочие колониальные империи были разгромлены англичанами. Но Франция — последний и сильнейший конкурент английского льва так и не сумела захватить власть над миром, получив зубодробительный удар под Трафальгаром[1].

Дорогу мировой торговле и великим империям нового времени проложили Великие географические открытия XVI—XIX вв. А до них господствовали империи, контролирующие трансконтинентальную торговлю. Венеция вроде бы и не совсем империя, а всего лишь крошечная олигархическая республика на островах в Адриатике, однако ее богатство и влияние были беспрецедентны и проистекали отнюдь не от феодального землепользования. Венецианские магнаты манипулировали крупнейшими западноевропейскими державами того времени, сам Папа Римский был должником Венеции. Именно венецианцы финансировали поход крестоносцев против Ромейской империи, увенчавшийся захватом Константинополя в 1204 г. Через 57 лет их конкуренты генуэзцы взяли реванш, профинансировав мероприятия по изгнанию крестоносцев и возвращению ромейских императоров в Константи-

---

[1] Отечественные историки льстят национальному самолюбию, проводя мысль о том, что именно россия положила конец Французской экспансии. Но с точки зрения глобальной стратегии в россию пришел уже смертельно раненный колосс. Проиграв битву за океан в генеральном морском сражении у мыса Трафальгар, Наполеон потерпел поражение в борьбе за мировое господство.

нополь. Однако в 1380 г. в сражении при Кьодже венецианцы наголову разгромили Генуэзскую республику, которая так и не смогла оправиться после этого удара. Крупнейшая же европейская торговая империя того времени — Ромея-«Византия», контролирующая узловой пункт мировой торговли — Черноморские проливы. Сохранившиеся свидетельства позволяют судить о том, что в начале XIII в. в год таможенные сборы давали империи порядка 33 тонн золотого эквивалента. В эпоху наивысшего могущества Венеции ее годовой бюджет был значительно скромнее — около 5 тонн золота.

Альтернативный же средиземноморскому путь с Востока в Европу через Каспий, Волгу, Северную Двину в северные моря, либо из Волги через Ладогу в Балтику контролировала Русь. Термин «Русь» довольно условен, возможно, он даже неверен. Сейчас можно строить лишь гипотезы, насколько монолитным и централизованным было государство, контролирующее Великий Волжский торговый путь. Возможно, это была могущественная военная империя, каковой ее рисуют адепты школы Новой хронологии. Скорее всего, она представляла собой конфедерацию самостоятельных княжеств, связанных между собой не национальными, политическими и религиозными узами, а исключительно интересами торговли. Но одно можно сказать точно — Древняя Русь не была русью в прямом смысле этого слова, представляя собой тюрско-славянское сообщество. На Нижней Волге преобладал тюркский элемент, на Верхней Волге — славянский, на севере — финно-угорский, постепенно ославянивающийся. Стержень, скелет, объединяющий в империю столь разные племена — Волжский торговый путь. Имперские мышцы — Орда.

Думаю, самое время поупражняться в вариативной истории и высказать гипотезу относительно «монголо-татарского» завоевания Руси. Оно было, но не монгольским конечно, а татарским, но татары — это, как мы уже выяснили выше, не народность, а скорее воинское сословие. Орда — армия, татарин — ордынский воин. Армии без государства, как известно, не бывает. Так что сам собой напрашивается вывод, что Золотая Орда — это Волжская торговая империя, объединив-

шая в себе все княжества, расположенные на пути от Каспия до Северного Ледовитого океана. Снова считаю нужным подчеркнуть, что Золотая Орда была не национальным государством в современном понимании этого слова, а именно торговой империей. Западнорусские княжества, образовавшие Великое княжество Литовское, оказались вне пределов ордынских интересов, поскольку лежали в стороне от торговых трансконтинентальных путей.

Орда и Литва (Русь ордынская и Русь литовская) воевали между собой, заключали союзы, вмешивались во внутренние дела друг у друга, торговали, но это были страны, ориентированные в разные стороны. Литва находилась в зоне влияния Запада, а экспансия Золотой Орды была направлена главным образом в сторону Востока. Можно долго рассказывать о «монгольском» завоевании Средней Азии, но нам важно знать, ради чего оно осуществлялось. И древние хроники, и современные историки единодушны в своих выводах: результатом этого завоевания стала безопасность торговли. Это суть, а душещипательные рассказы о грабеже, массовом убиении жителей павших городов и гонениях на христиан можно отбросить, как явно преувеличенные и не относящиеся к делу подробности (ну в самом деле, какая же война обходилась без убийств и грабежей?). Н. К. Арзютов в книге «Золотая Орда» утверждает, что *«настоящим главой государства было купечество, торговая буржуазия. Купцом же являлся, говоря по существу, сам хан. Вся военная политика сводилась к тому, чтобы удержать в своих руках такие торговые магистрали, как с севера на юг — Волгу, и с запада на восток — сухопутный».*

Но давайте разберемся с татарским завоеванием Руси. Русь торговала с ромеями через Крым (Тавриду). Ромеи торговали с Европой через генуэзцев и, главным образом, венецианцев. Константинополь являлся торговой столицей мира. Но в 1204 г. крестоносцы громят Ромею-«Византию», и итальянцы (венецианцы) захватывают в свои руки средиземноморскую торговлю. Более того, завоевания крестоносцев в Передней Азии несколько изменили географию торговых путей, и

купеческие караваны пошли в обход старого маршрута Каспий — Волга — Дон — Крым. Не зря венецианцы отхватили себе от разгромленной Ромейской империи средиземноморские острова, из которых самыми важными были Корфу и Крит. В этот период, вероятно, основной товаропоток сместился южнее Анатолийского полуострова. Однако одновременно набирают силу государства Северной и Западной Европы, которым хотелось бы торговать с Востоком без посредничества ушлых итальянцев.

Альтернативным Средиземноморскому был Волжский торговый путь из Каспия в Балтику или Северный Ледовитый океан через систему волоков. Ко всему прочему, русские купцы занимались не только транзитной торговлей, но и сами поставляли на европейские и восточные рынки высоколиквидные товары, прежде всего меха, первоклассное оружие, а с развитием европейских городов и продовольствие. Не стоит забывать и о таком ходовом товаре, как рабы. Об этом современные отечественные историки предпочитают деликатно умалчивать, отдавая лавры успешных работорговцев туркам да кипчакам. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Нравы в старину были суровыми, а купцы — что турецкие, что итальянские, что русские или арабские — особым гуманизмом не отличались. Что хорошо продается — тем и торговали. Одним из центров работорговли, например, был волжский Булгар. Не выращивали же рабов на грядках булгарские купцы? Да и от куда более поздних веков до нас дошло слово «ясырь», что означает вообще казачью военную добычу, но в первую очередь пленников, которых они либо освобождали за выкуп, либо продавали в рабство или оставляли у себя в качестве работников-невольников. Особенно охотно они оставляли красивых женщин. Приторговывали живым товаром казаки еще и в XVII в.

Итак, Западная Европа не прочь торговать с Русью. Есть спрос, есть товар, есть купцы, которые желают возить товары по Волге-матушке с выгодой для себя. Но им нужна защита, защита на всем протяжении Волжского пути, защита не только от разбойников, но и от, так сказать, государственного рэ-

кета. А то ведь всякий рязанский или тверской князь мог запросто спуститься со своей дружиной куда-нибудь на Ахтубу и своевольно собирать мыт с проезжих купцов. А не нравится — иди посуху — там уже рыщут шайки степняков, охочих до грабежа, которые не только товар отымут, но глотку перережут. Так пока до Ярославля доберешься — на поборах разоришься.

Как бы сейчас сказали, купцам нужно было единое правовое поле на всем пути следования от Каспия до Северного Ледовитого океана, единое таможенное пространство, нужна была инфраструктура (пристани, торги, постоялые дворы, переправы и волоки, склады, верфи и т.д.), но в первую очередь, безопасность на всем пути следования. Купцы готовы были платить мыт тому, кто обеспечит им безопасную торговлю, и не важно кому — князю, хану, султану, да хоть самому черту. Лишь бы торговля процветала.

Вот в этот весьма подходящий момент на исторической сцене и появляется Батый, который силой приводит к вассалитету русских князей, вынуждая их платить налог («ордынский выход») на содержание армии — Орды, поставлять рекрутов и князей для службы в армию. Как считается, вначале дань взимали специальные ордынские налоговые чиновники — баскаки, и лишь когда князья дисциплинировались, они стали обходиться без посредников (всякий посредник, не будь дурак, и себя не забывает).

При всем при этом удельные русские князья не были заменены «завоевателями» на оккупационную администрацию, что очень удивительно, если считать завоевателей пришлыми монголами. Но в том-то и дело, что акция Батыя не была иноземным вторжением на Русь, ее целью было привести князей к послушанию. Князья, признавшие верховную власть Орды, сохраняли за собой всю полноту гражданской власти, имели свои дружины.

Возможно, Батый был лишь исполнителем мероприятий по, так сказать, глобальному наведению конституционного порядка. Кто же был заказчиком? Попробуйте найти русское княжество, не подвергшееся «монголо-татарскому» нашествию.

Удивительно, но это будет Новгородское княжество — пожалуй, самое богатое из всех. Удивительно это потому, что по мнению историков, поход Батыя на Русь носил скорее грабительский, нежели завоевательский характер. И вот получается, что самый лакомый кусок — купеческий Новгород — Батый не тронул. Рационального объяснения этому нет. Но если предположить, что Новгород был инициатором ордынского проекта, то все сразу встает на свои места — зачем же Батый будет грабить того, в чьих интересах работает?

Наша версия получит дополнительное подтверждение, когда мы выявим русских князей, выигравших от «татаро-монгольского» нашествия. В 1238 г. в результате разгрома «татаро-монголами» войск владимирского князя Юрия Всеволодовича на реке Сить великокняжеский стол во Владимире получил новгородский князь Ярослав Всеволодович. То есть старшим князем над всеми другими русскими князьями он стал благодаря Орде. Потом вообще происходит странный кульбит — по словам историков, Батый отправляет князя завоеванной им Руси в Каракорум на... выборы верховного хана. Сын Ярослава — знаменитый князь Александр Ярославович Невский — следующий новгородский князь, ревностно охранял ордынские интересы на Руси и пользовался ордынскими войсками в усобицах. Так, великим князем Невский стал только после разгрома Ордой войск его брата Андрея, отказавшегося уступить великокняжеский трон Александру. В общем, содружество Новгорода и Орды очень сильно бросается в глаза.

Не стоит сбрасывать со счетов и еще одну заинтересованную в Орде сторону — церковь. Ведь именно на времена ордынского господства приходится расцвет христианской церкви на Руси. Ханы Золотой Орды не только освободили церковь от каких-либо поборов, но и, разумеется, запретили удельным князьям взимать с церкви дань в свою пользу. А церковь — не просто сеть молельных домов, это один из крупнейших субъектов экономической деятельности, церковь — мощнейший политический фактор. Но таковую роль церковь могла играть только, грубо выражаясь, имея «крутую крышу». И эта «крыша»

у нее была — Орда. Церковно-ордынский симбиоз был взаимовыгодным. Во-первых, судя по всему, масштабное крещение Руси произошло как раз во времена ордынского господства. Выше мы уже касались вопроса об установлении золотоордынскими ханами для своих подданных государственной религии. Современные комментаторы однозначно считают, что государственной ордынской религией был ислам, но это лишь очень вольная трактовка содержания древних хроник. Факты говорят о том, что именно христианская церковь на Руси пользовалась ГОСУДАРСТВЕННОЙ поддержкой со стороны Орды. Впрочем, как было показано выше, единый монотеистический культ, господствующий в Орде, еще не знал разделения на православие и магометанство.

Зачем Орда была нужна церкви — ясно. Но зачем церковь Орде? Любая власть опирается не только на насилие, принуждение, но и нуждается в идеологической базе. Следовательно, для утверждения единой ордынской власти на громадной территории потребовалась единая государственная церковь, которая заменяла тогдашним людям СМИ, политические партии, школы, больницы, была фактически единственным очагом культуры. В этих условиях роль церкви в жизни общества была громадной. В храмах верующие подвергались в том числе и политической обработке в нужном направлении. Попы сегодня поют «многие лета» президенту РФ, губернатору и их верным боярам. А тогда возносили славословия в адрес великого хана, великого князя, удельного князя и его верной дружины. Говоря современным языком, национальной идеей Орды была возможность торговать по Волге. Идеологический скелет этой торговой империи составляла церковь.

Помимо всего прочего опасность для торговли представляли и речные пираты — ушкуйники (от древнерусского ушкуй — речное судно с веслами). В современной историографии ушкуйниками принято называть почему-то новгородские дружины, которые отправлялись на ушкуях для захвата земель на Севере и грабительские экспедиции на Волгу и Каму. Считается, что они появились в 1320-х годах. Энциклопедии сооб-

щают, что походы ушкуйников подрывали могущество Золотой Орды и нарушали волжскую торговлю. И тут мы видим явное противоречие традиционной истории. Ведь считается, что Новгород был вассалом Золотой Орды, а тут получается, что одной рукой Новгород платил дань, а другой — грабил своего же сюзерена. Историки рассказывают о том, что в 1360 г. ушкуйники во главе с боярином Анфалом Никитиным захватили город Жукотин на Каме. В 1366 году они напали на Нижний Новгород, где перебили много татарских и армянских купцов. К тому же совершенно непонятно, как новгородцы могли попасть на Волгу. Но об этом ниже.

Итак, какова последовательность Батыевых походов, если следовать версии современных историков? В 1236 г. Батый громит Волжскую Булгарию. Логично — Булгария была богатой торговой страной. Как повествует Рашид ад-Дин о действиях Батыя и его сподвижника Шибана, *«они дошли до города [Булгара] Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джику, изъявили царевичам покорность, были [щедро] одарены и вернулись обратно»*. Сразу бросается в глаза фантастический гуманизм победителей — побежденных они не свергают и не убивают, а вручают щедрые подарки за изъявление покорности. Все логично — Батый не грабитель, каким его рисуют историки. Его цель — строительство империи. Поэтому если булгарские князья признают его верховенство, то цель достигнута.

Далее Батый идет покорять мордву и чувашей. Если «монголо-татары» воюют с целью грабежа, то на кой хрен им сдались жители окских чащоб и закамских степей, ежели с них и содрать нечего, кроме скальпа? Но если стоит задача взять под контроль торговые пути, то все встает на свои места — по Каме из Сибири идет ценнейший товар — меха — это так называемый Пушной путь. Мордва, населявшая территорию между Волгой и низовьями Оки к востоку от Мурома и Рязани, также не представляла собой привлекательный объект для грабежа, но обитала как раз там, где проходил магистральный торговый путь (по Оке на Запад).

Затем Батый идет на Нижнюю Волгу и устраивает большую «зачистку» степей междуречья Волги и Дона от половцев. Сразу возникают вопросы: почему военная экспансия идет с севера на юг? Ведь куда логичнее степняку Батыю было идти степью с юга на север и сначала разделаться с половцами. Да и мотивы его опять непонятны. Одно дело — брать богатые торговые города, и совсем другое — гонять по степи каких-то дикарей. Употеешь, пока догонишь, а дальше что? Грабить-то у половцев нечего. Зато сами половцы были не прочь пограбить тех купцов, что отважились идти от Волги через волок к Дону и оттуда спускаться к Черному морю. Поскольку приручать половцев было бессмысленно, их просто выгнали из прикаспийских степей и они со временем оказались аж в Венгрии. Зато донское ответвление Волжского торгового пути отныне стало безопасным. Кстати, Нижняя Волга давала стратегически важный продукт — соль. Соль была единственным доступным консервантом в Средневековье, и соляная торговля приносила немалые доходы.

В 1237—1238 гг. Батый «работает» на Верхней Волге, приводя к покорности Владимирско-Суздальское княжество. В результате, как упоминалось, Ярослав Всеволодович становится великим князем. Не мне первому приходит в голову эта крамольная мысль, но так и напрашивается вывод, что Батый и Ярослав — одно и то же лицо. И не стоит говорить, что Батый — нерусское имя. Самое что ни на есть русское. Ваня, Саша, Леша, Миша и Витя — это как раз имена не русские, а греческие, начавшие вытеснять русские имена в результате никоновской церковной реформы, когда нарекать младенцев стали строго по святцам. А до XVII в. в ходу были прозвища, непривычные нашему уху. Например, имена Булат, Ахмат, Селим и Ермак, которые сегодня считаются тюркскими, были весьма распространены на Руси. Разве имена Батый или Мамай выбиваются из этого ряда?

Но поскольку Батый по ряду свидетельств был христианином (а кем же еще?), то у него должно было быть и крестильное имя. Так почему он не мог носить имя Ярослав? В этом случае не стоит выдумывать громоздких объяснений по по-

воду того, что Александр Невский был «приемным сыном» Батыя. Если он был сыном Ярослава, а Ярослав и Батый одно лицо, то все сразу встает на свои места. Понятно и то, почему Батый послал Ярослава в мифический Каракорум на выборы верховного хана (великого князя?) Сам он и поехал. Объяснимо и то, что Новгород, где княжил Ярослав, а затем его сын Александр, не подвергся «татаро-монгольскому» нашествию — зачем же грабить собственную вотчину? А вот жестокий погром Владимиро-Суздальской Руси совершенно понятен — Волжский торговый путь должен контролировать один хозяин, ибо только в этом случае он превращается в золотую жилу. Но, видимо, брат Ярослава Юрий Всеволодович видел этим хозяином себя. Семейная разборка произошла на реке Сить, где старший братец лишился головы, а младший после его смерти стал великим князем. Ну, да, такие нравы были — любой спор решался дракой.

На рубеже 1238—1239 гг. в покоренных ранее землях, видимо, началась какая-то смута и «татаро-монголы» вновь совершили успешные карательные походы против Булгара, Рязани, Нижнего Новгорода. Наверняка местным властям не понравилось, что доходы от торговли перераспределились, так сказать, в пользу федерального бюджета.

Наконец, у экспансии Орды обозначается явный западный вектор, в конце 1239 г. Батый со взятием Чернигова берет под контроль левобережье Днепра (одновременно экспедиционный корпус «монголо-татар» наводит порядок на западном побережье Каспия, дойдя до Дербента), через год — Киев. Так гласит официальная версия истории. Основоположники школы Новой хронологии полагают, что Киев как раз и был основан Батыем, то бишь князем Ярославом, как база для похода на Запад. Фоменко и Носовский пишут об этом буквально двумя фразами, нам же данная гипотеза более интересна, потому следует обсудить ее подробнее.

Предположение об основании Киева Батыем (возможно, на месте более древнего поселения) вполне рационально и вероятно. Особенность северо-причерноморского театра военных действий в том, что реки здесь текут с севера на юг, и

потому являются препятствием в пути на запад. Самая полноводная река в этом регионе — Днепр. Следовательно, для армии стратегическое значение имеет переправа через реку, крепость, ее защищающая, и база снабжения. В этом смысле место для города выбрано идеально. С юга к городу подступают степи — тут вблизи крупных естественных пастбищ может базироваться крупное кавалерийское соединение («монголо-татары», как помним, представляются именно конной ордой). Текущие с севера множество рек, собираясь в единый поток у Киева, представляют собой удобные пути подвоза припасов.

Кстати, Смоленск, важный пункт в верховьях Днепра, если верить хроникам, был завоеван в 1239 г. великим князем Ярославом. Смоленск — это узловой торговый город. Возле него находился волок на Западную Двину и выход в Балтику. О богатстве Смоленска (возможно, это не современный Смоленск, но город, некогда расположенный рядом) свидетельствует колоссальный по своему значению археологический памятник Гнездово. Смоленск находился не на пути из варяг в греки, который якобы проходил через Киев, а на пути из Волги на Западную Двину. Потому-то археологические находки в гнездовских курганах не тождественны киевским, не идущими ни в какое сравнение с первыми ни по объемам, ни по богатству.

Так вот, если версия о том, что Киев получил свое имя от киева перевоза, верна, то именно западный поход Батыя мог стать причиной появления этого значительного инженерного сооружения. Раньше нужды в нем я не вижу даже гипотетической. В самом Киеве мы находим крепость, связанную с именем Ярослава — так называемый город Ярослава. Вполне возможно, что в этом названии сохранились отголоски реальных событий.

Мог ли Ярослав заложить известные нам киевские храмы, чье разрушение связано с именем Батыя? Вполне. Считается, что Софийский собор заложил Ярослав Мудрый. А почему бы не полагать обоих Ярославов одним лицом? Ярослав Владимирович тоже княжил в Новгороде до того, как стал великим

князем. В Новгород же он постоянно сбегал после своих поражений. Например, потерпев поражение на Буге от поляков, он побежал не в свою столицу Киев, лежащую на пути, а драпанул мимо него в Новгород. Великокняжеский престол он получил после смерти своего старшего брата Святополка в битве при Любече. Собственно, вся жизнь Ярослава Мудрого — это борьба за объединение под своей властью Руси. Этой же цели добивался и Ярослав Всеволодович, он же Батый. Оба они успешно воевали со степняками (первый Ярослав с печенегами), оба нанесли поражение Литве и Польше. И тот и другой проявили себя, как энергичные христианизаторы. Оба они передали великокняжескую власть своим старшим сыновьям, княжившим в Новгороде. Не слишком ли много совпадений для персонажей, разделенных двумя веками? И этих совпадений в жизнеописаниях настолько много, что невольно начинаешь подозревать тождество двух этих Ярославов. Кстати, прозвище «Мудрый» Ярославу Владимировичу дали не современники, а историки в XIX в. Видимо затем, чтобы не путать двух великих князей Ярославов. Любителям исторических ребусов я предлагаю поискать параллели в житиях двух Ярославов и Владимира Святого. Меня вовсе не удивит, если Владимир Святой является еще одним фантомом Ярослава-Батыя.

Так вот, если древние киевские храмы действительно построил верный друг церкви Ярослав Всеволодович, он же Батый, то к началу XVII столетия они уже вполне могли превратиться в руины, ибо Киев утратил свое значение военной базы, а новое приобрел спустя века. Тут я считаю уместным уточнить, что представители школы Новой Хронологии относят походы Батыя к XIV в., то есть на сто лет сдвигают эти события к нашему времени. Но пересмотр глобальной хронологии не входит сейчас в нашу задачу. В рамках концепции вариативной истории будем придерживаться общепринятой хронологии, но считая ее не абсолютной, а относительной, то есть отражающей лишь последовательность событий.

Не стоит сбрасывать со счетов и такой вариант: Ярослав основал Киев как пограничную крепость и монастырское поселение, а разорение его Батыем на самом деле является отодвинутым в прошлое нашествием крымского хана Менгли-Ге-

рея в 1482 г. Если Киев был крепостью, то его разрушение выглядит логичным. Казаки, например, часто старались разрушить польские крепости, чтобы их противник не мог использовать их в дальнейшем как опорные пункты.

Для рассмотрения вопроса о фантомной Киевской Руси не столь уж существенно, в каком конкретно году появился Киев, а важно найти причину, по которой он мог возникнуть. Один из вариантов — что Киев возник как военная база для обеспечения западного похода «татаро-монголов». Войны с поляками и венграми не могли осуществляться Батыем без мощной тыловой базы, а Киев — идеальное место для нее. В степях летом пасутся громадные табуны лошадей, с севера по рекам сплавляется фураж и продовольствие, через киев перевоз с востока поступают подкрепления и везутся припасы. Немаловажно, что под Киевом есть месторождения железной руды (найдены следы разработок на реке Ирпень, остатки печей и кузниц). Ну да, подковать тысячи лошадей — это немалый труд. А с севера по Днепру везли во множестве оружие, как считалось еще совсем недавно, варяжское. Вполне возможно, что и легенда о приходе с севера варягов-завоевателей тоже имеет под собой какое-то основание. Не исключено, что Батый-Ярослав спустился к Киеву (или к месту, где будет основан Киев) по Днепру из захваченного годом ранее Смоленска. Впрочем, это не столь важно.

Дальнейшие военные усилия Батыя на Западе описаны у многих западных хронистов, однако из многословных описаний, изобилующих душещипательными подробностями, не совсем ясно, какова же была его цель. Между тем такое масштабное, очень затратное и жутко рискованное мероприятие, как поход против Европы, с бухты-барахты и грабежа ради не делается. Тут нужен очень существенный стимул. Историки не желают об этом задумываться — мол, завещал Чингисхан идти до последнего моря, вот Батый и поперся. Остановился он на берегу Адриатики. И мне почему-то очень хочется предположить, что поход был направлен именно против венецианцев. Историки утверждают, что Батый неожиданно (то есть беспричинно) повернул домой. Но, видимо, какая-то причина была. Например, Венеция согласилась на уступки в деле международной торговли.

Среднеазиатские завоевания «монголов», многословно описанные древними хронистами и еще более многословно прокомментированные современными историками, сводились, собственно, к одному — контролю за торговыми путями. И если мифические монголы так хорошо понимали суть международной торговли, то где они этой премудрости научились, будучи дикими нищими кочевниками? Нет, только народ, имеющий опыт в торговых делах, мог осуществить такой масштабный проект, и по всему выходит, что центром «татаро-монгольской» экспансии были не забайкальские степи (там вообще никаких следов великой империи не обнаружено), а бассейн реки Волги.

КАК ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД СТАЛ ЯРОСЛАВЛЕМ

О том, какую колоссальную роль играл Волжский торговый путь в средневековой торговле, говорит громадное количество кладов, находимых в городах Поволжья, самое главное, впечатляют их размеры — встречаются серебряные клады более центнера весом. Не знаю, насколько можно этому верить, но в некоторых нумизматических справочниках указывается, что подобные гигантские клады измеряются десятками. Да уж, киевские клады, даже если считать фантастические байки о двухведерных кладах правдой, совершенно бледнеют на фоне волжских находок.

Самый знаменитый после Киева политико-экономический центр Руси — Новгород — столица легендарной Новгородской республики. Почему ее называют республикой? Вроде как князей там избирали на вече. Слабо верится, если честно. Я, как человек, имеющий отношение к политтехнологиям, совершенно точно могу сказать, что никто и никогда не доверял черни выбирать власть. У кого деньги — у того и реальная власть — никаких исключений этот закон не имел, не имеет и вряд ли будет иметь. Вполне возможно, что богатое новгородское купечество обладало и большим политическим влиянием, но созданный историками образ этакой романтической новгородской вольницы явная нелепица. Легко идеализировать далекое виртуальное прошлое.

Да, древний Великий Новгород, как и древний Киев — исторические фантомы на фантомном торговом пути из варяг в греки, выдуманном историками. Они забыли сообщить,

что могли предложить грекам бедные скандинавы. Ну, нечем было им торговать с Востоком, НЕЧЕМ! Ремесла у них были неразвиты. Все то, что они гипотетически могли выбросить на рынок (например, оружие), было в изобилии у русских, и последние никогда бы не стали пропускать через свои земли прямых конкурентов. Впрочем, учитывая большие транспортные издержки, товары из Скандинавии все равно не могли конкурировать с русскими. Поскольку варяги были очень бедны, то и греков они как покупатели не интересовали. Поэтому в Скандинавии археологи практически не находят ромейскую монету. Единственный варяжский товар, который пользовался спросом на внешнем рынке — воины-наемники. Но это как раз и есть свидетельство их бедности. Именно в качестве завоевателей, наемников и разбойников оставили скандинавы следы по всей Европе. А то, что на Руси обнаружено много следов их присутствия (зачастую лишь предполагаемых), так только потому, что их услуги пользовались здесь спросом, а вовсе не потому, что они основали правящую династию, как о том трубят историки-норманисты. Впрочем, даже норманисты вынуждены признавать, что ни малейшего влияния на русский язык варяжский «господствующий» слой не оказал.

Так что же волховский Новгород — мог ли он быть торговым центром?

Должен быть морской порт, через который торговали новгородцы — так сказать, северные ворота на пути из варяг в греки, причем не где-нибудь, а в устье Невы. Сегодня там находится Санкт-Петербург, основанный, как известно, Петром I лишь в 1703 г. на месте диких болот. Может быть, новгородские купцы обходились без морского порта? Как это так — никто не обходился, а новгородцы обходились? Псковичи торговали через Нарву, ливонцы через Ригу, тевтоны и поляки через Данциг (ныне Гданьск), литвины через Мемельбург (Мемель, ныне Клайпеда). В 1323 г. у истока Невы на острове Ореховый была построена крепость Орешек, известная как место заключения Ореховского мира со Швецией, но это была именно крепость, а не торговый город.

Одиночное плавание на утлых суденышках по морям, пусть даже и каботажное[1] — весьма опасное занятие, поэтому в морских портах формировались хорошо охраняемые караваны торговых судов и таким образом отправлялись в путь. Если же в какой-то стране, например в Швеции, был невелик спрос на лен, то купеческой гильдии, контролировавшей льняную торговлю, было выгоднее не отправлять туда одиночный корабль, а продать небольшое количество льна на месте шведским купцам, возвращающимся домой с грузом пеньки и меда. Именно морские порты имели стратегическое значение для международной торговли. Если в устье Невы не было морского порта, то Новгород мог быть региональным центром торговли, но никак не более того.

Предположение о том, что новгородцы не вели морской торговли, подтверждается и тем, что нигде невозможно найти упоминания о новгородском торговом флоте или новгородских верфях, где он должен был строиться. В многочисленных сочинениях историков утверждается то, что новгородские купцы лишь фрахтовали шведские и немецкие суда. Отсюда следует, что они не были купцами в полном смысле слова, разве что только перекупщиками. Контролирует торговлю и богатеет от нее тот, кто осуществляет перевозки товара или владеет торгами, то есть местами, где происходят торговые сделки и уплачиваются таможенные сборы. Русские купцы в XVIII—XIX вв. жили в основном лишь за счет внутренней торговли, поскольку морская торговля с россией была монополизирована Англией. Она же и диктовала цены. Поэтому фантастических барышей казна от международной торговли не имела.

Но Новгород — очень древний город! — хором возопят историки, он много раз упоминается в летописях. Разумеется, да только и новгородов было много. Вот вам навскидку: Великий Новгород (волховский), Нижний Новгород, Новгород-Северский, Новгород-Литовский (ныне Новогрудок) Новоград-Волынский, Новгородок (эстонская крепость Вастеселлина), Новгрод (ломжинский), Новогородок-на-Осетре

---

[1] Каботажное мореходство осуществлялось вдоль берега, чтобы в случае ненастья можно было пристать к берегу и переждать там непогоду.

(ныне Зарайск), Новогородок-на-Оке (ныне Елатьма). Любой недавно основанный город, или заново отстроенный после пожара, в летописях, особенно местных хрониках, могли называть новым городом. Современники знали, что до того на этом месте стоял старый город, и уточнять его наименование в местных летописях не было нужды. В данном случае понятие «новый город» носило хронологический, а не географический смысл.

Помимо прочего, за границей можно отыскать немало городов, название которых дословно переводится как Новый город — например Неаполь. Кстати Неаполей могу назвать как минимум два — итальянский и крымский (развалины под Симферополем). Поэтому если в летописи упоминаются новгородские купцы, нет никакой гарантии, что речь не идет о неаполитанских купцах, поскольку в старину был обычай переводить географические названия.

Даже если в оригинальной хронике имелся в виду один город, например скифский Неаполь, то после его разрушения переписчик, читая старый текст через пару веков, где говорится о прибытии с юга новгородских купцов, вполне здраво рассуждал о том, что речь идет об итальянском Новгороде-Неаполе. Я уж молчу о том, что в древности географические названия резво «гуляли» по карте, так что множество городов могли какое-то время носить имя Новгород. Как видим, летописи допускают очень неоднозначное толкование вообще, а когда речь идет о Новгороде, в особенности.

Великий Новгород получил свое современное имя лишь в 1999 г., а до того именовался просто Новгородом. Вопрос в том, с какого времени он так назывался. Еще в XVI в. все, что находилось за пределами новгородского кремля, называлось Околоток. Сам же кремль назывался детинцем. Считается, что на Руси городом называлась собственно крепость, и имя этой крепости (кремль, острог) впоследствии переходило на всю территорию выросшего вокруг нее города. По этой логике Новгород тоже должен был именоваться Детинцем, либо крепость следовало называть Околотком. Слово «околоток» в большинстве случаев обозначает «окрестность». В данном случае можно предположить, что крепость именовалась Де-

тинцем, но вокруг нее город, по крайней мере, в XVI столетии еще не возник, за крепостными стенами находились лишь окрестности с посадами, то есть селениями сельского типа.

Новгородская крепостная архитектура представляет собой типичный образец фортификации XVI—XVII вв., ничего специфически древнего в ней нет. Наличествуют амбразуры подошвенного боя (у основания, то есть подошвы стены) для размещения крепостной артиллерии, башни имеются не только на приступной стороне, но по всему периметру крепостных стен, что не характерно для более старых фортификационных сооружений (например, для псковского кремля). Историки это объясняют тем, что новгородцы, дескать, постоянно перестраивали детинец, причем полностью(!). Так, считается, что современная крепость выстроена в 1484 г. Вероятно, ранее этой даты вся история Новгорода является фантомной. Время постройки крепости хорошо стыкуется с другой датой. По официальной версии истории, в 1478 г. Новгородская земля подчинилась Москве. Это следует понимать так: московские князья расширили свои владения и на новой границе поставили новую крепость.

Кстати, детинец имел довольно скромные размеры, башен было всего 13 (сегодня сохранились 9). В XVII в. боевое значение он утратил, превратившись в административный центр города. Все гражданские здания, которые мы видим сегодня внутри новгородского кремля, построены в XVII—XIX вв. Куда же делись росскошные княжеские дворцы сказочно богатого Новгорода? Вроде бы списать их разрушение на Батыя никак нельзя. Но историки за объяснением в карман не лезут — дескать, их перестроили в позднейшие времена. Во время Смуты Новгород ничем героическим себя не проявил, шведы его захватили без боя.

Ничего не доказывают и якобы очень древние новгородские берестяные грамоты с записями коммерческого содержания — на бересте писали вплоть до XIX в., пока не появилась дешевая бумага. Новгородские археологические находки не могут свидетельствовать о сказочном богатстве торгового Новгорода, поскольку имеют в подавляющем большинстве самый заурядный бытовой характер.

Обратимся к более близким нам временам, более-менее хорошо документированным. Упадок Новгорода в XVIII в. связывают с тем, что торговлю стали вести через Петербург. Это весьма хлипкое объяснение, поскольку гораздо большее значение для балтийской торговли издревле имел незамерзающий рижский порт, но странным образом, конкуренция с Ригой не приводила к банкротству Новгорода, если верить официальной версии новгородской истории. Но, допустим, что до возведения Петром новой северной столицы, Новгород действительно процветал. Большая советская энциклопедия на этот счет беспристрастно сообщает, что к середине XVII в. население Новгорода составляло всего 8 тысяч человек. Прямо скажем негусто для богатого торгового города. Там же мы находим объяснение: дескать, хотя в 1546 г. Новгород был третьим по величине русским городом, имея 5159 дворов и 35 тысяч жителей, но сильно пострадал от шведской оккупации 1611—1617 гг., ранее, в 1570 г. там учинил знаменитый погром Иван Грозный, а до того его постоянно разоряли московские князья или притесняли литвины.

Тут следует кое-что пояснить. Самым страшным бедствием в те времена для городов была не оккупация, а пожар. К Новгороду это относится в полной мере, поскольку каменных зданий там до XVII в. не строилось, кроме церквей и оборонительных сооружений (это, кстати, весьма нетипично для богатых купеческих городов — состоятельные люди могли себе позволить каменные хоромы). Тем не менее, даже после пожаров город, если он имел большое торговое значение, быстро отстраивался. Разумеется, во время войны неприятельская армия может малость пограбить взятый город, но уничтожать его не имеет смысла, иначе нечего будет грабить во время следующей войны. Точно так же и Иван Грозный не имел выгоды от уничтожения 15 тысяч жителей города, как то утверждают легенды, списывая эту резню на его маньяческий характер. Скорее всего, кровавые легенды были выдуманы задним числом, чтобы объяснить отсутствие материальных следов новгородского величия.

Если копнуть в глубь веков, то мы увидим, что и ранее экономическим могуществом Новгород не блистал. Вот что

сообщает энциклопедия Брокгауза и Ефрона: «*С половины XIII столетия преобладающее значение в восточной торговле получают Висби, Любек и лифляндские города — Рига и Дерпт. Управление делами новгородской конторы переходит в половине XIV в. к союзному ганзейскому сейму. С XV в. главную роль в торговле с Новгородом играют Любек и лифляндские города*». Вот и весь сказ! Оказывается, это ганзейцы контролировали новгородскую торговлю и имели там свою контору. Вполне логично, однако кто мне ответит, когда же Новгород процветал, если уже во времена Александра Невского он оказался на периферии торговых путей? Да, что-то никак не выстраивается у нас путь из варяг в греки через ключевые центры — Новгород и Киев. Если Новгород древний город, то это нужно доказать, ссылаясь на объективные данные, но называть его Великим, основываясь только на былинах о Садко, наверное, не стоит.

Если поверить, что Новгород был крупным торговым центром, то в нем должны были бывать купцы со всего света. Следовательно, они непременно должны были оставить о нем свидетельства. Между тем самым ранним иностранным сообщением о Новгороде признано описание путешественника и дипломата Жильбера де Ланнуа (1386—1462), датируемое 1413 г. XV век дал еще два коротких свидетельства иностранцев о Новгороде (они принадлежат Иосафату Барбаро и Амброджо Контарини). Во всех трех случаях совершенно невозможно поверить, что описание принадлежит волховскому Новгороду, ибо описывается город, поражающий своим размахом. Странно и то, что западные гости, следуя на восток, в Новгород почему-то попадают через Москву.

А как же знаменитые новгородские летописные своды? Ведь в них-то мы найдем достоверные сведения об этом славном городе? Да, почитав пять новгородских сводов (летописи для удобства имеют цифровое обозначение № I—V), мы узнаем о Новгороде много нового. Например то, что он стоял на берегу реки Волги. Вот всего лишь несколько цитат из IV Новгородской летописи:

...Зиме иде князь Изяслав Мстиславич с Новгородци на Юрья Володимерича к Ростову, и по Волзе взяша шесть горо-

дов, и до Ярославля попустиша, а голов поимаша 7000, а от Углеча Поля воротишася к Новугороду.

...А сын его из Новагорода с Новгородци; и сняшася на Волзе усть Твери, и положиша всю Волгу поусту, и городы все пожгоша.

...А сами Новгордци поидоша на Волзе, воююще; и пожгоша Шешю и Дубну, ..., и пожгоша все Повольжье.

...И поидоша к Ростову, и к Ярославлю, и на Волгу, и на Городец, и те поплениша все по Волзе, и до Галича Володимерьскаго, и Переяславль взяша, и Юрьев, и Дмитров, и Волок, и Тверь, ту жь и сын Ярославль убиша.

...Новгородци с князем Феодором идоша на Волгу, и выиде князь Дмитреи с Твери и ста по одну страну Волгы, и стояше и до замороза, и смиришеся.

...В лето 6874. Изидоша из Новагорода люди молодые на Волгу без Новгородцкого слова. Весь год ходили по Волге туда-сюда. На Двину таскали суда волоком.

...Князь Дмитреи присла в Новгород, рек: «за что есте ходили на Волгу без нашего слова и гостей моих пограбили много».

В общем, читаючи Новгородскую летопись, постоянно натыкаешься на реку Волгу. Если бы там не упоминались волжские города, то современные публикаторы просто бы транскрибировали реку «Волзу» как «Волхов», да и дело с концом. Только как быть с Костромой, Галичем Владимирским, Тверью, Сараем, Ростовом, Волоком (Вологда) Нижним Новгородом? Как можно волочить суда на Двину (из текста следует, что это Северная Двина) из Волхова? Суда в цитированном тексте не поминаются, но и так понятно, что ходить «на Низ по Волзе» можно только по воде, а поскольку речь идет о теплом времени года («стояше и до замороза, и смиришеся»), когда вода находится в жидком состоянии, то такой тип передвижения можно смело назвать плаванием.

Вот и возникает вопрос: где же находился летописный Новгород, если новгородцы шастали туда-сюда по Волге и таскали свои суда волоком в Северную Двину? Поскольку таковой город мог находиться только выше Нижнего Новгорода, то кандидатов на это имя не так уж и много. Точнее, всего один — город Ярославль — центр волжской торговли.

Почему же именно Ярославль был торговым городом, известным на весь мир? Да потому, что находился он на перекрестке трансконтинентальных торговых путей. До постройки железных дорог торговые коммуникации проходили по водным путям. Лишь там, где это было невозможно, возник сухопутный Великий шелковый путь. Да и тот совершенно зачах, как только европейцы освоили морской путь в Индию.

Так вот, точка самого удобного сочленения сухопутного шелкового пути с водным находится на Южном Каспии — оттуда можно было доставить товар в любую точку Европы по воде. Из Каспийского моря, поднявшись по Волге и перевалив суда в Дон, купцы попадали через Азовское море в Крым — древний торговый центр, отмеченный созвездием торговых городов. Оттуда путь лежит через Константинополь и Средиземное море в Южную Европу или Северную Африку, а через Дунай в Центральную Европу. Но куда более заманчивой была торговля с Северной Европой, куда пролегал путь через волжский Ярославль. От Волги рекой Тверицей надо подняться до города Вышний Волочек, от которого был удобный короткий волок к реке Мсте, далее в Волхов, Ладогу и выйти Невой в Балтийское море (в устье Волхова находился древний город Ладога, археологическая жемчужина, что трудно сказать о волховском Новгороде, который находится на этом же пути). Но этот маршрут в Балтику был не очень удобным в том числе из-за волховских и невских порогов.

Прежде всего, вероятно, был освоен путь по притокам Оки на запад. Днепр, текущий в верховьях с востока на запад был составной частью этого пути, возле Смоленска находился волок на Касплю, что впадает в Западную Двину (на этом месте находится один самых значительных археологических памятников страны — Гнездовский комплекс). С этим маршрутом связан расцвет Владимиро-Суздальской Руси. В дальнейшем был освоен путь через Северную Двину в Белое море, а оттуда вдоль скандинавского берега в любую точку Северной Европы. В последнем случае прочное центральное место занял Ярославль, он же настоящий летописный Новгород. Батыевы походы, рассмотренные выше, и стали воплощением вой-

ны за доминирующее положение в волжской торговле между Новгородом и Владимиром.

Только на великой Восточно-Европейской равнине северные и южные речные системы не разделены горами, как это имеет место быть в Центральной и Западной Европе (Карпаты, Альпы, Пиренеи, Арденны). Только здесь возможно перетащить суда волоком из одной речной системы в другую. Равнинные реки к тому же более полноводны, что позволяет осуществлять судоходство практически от самого их истока. Поэтому Волга представляла собой магистральный торговый путь с востока на запад и с севера на юг до наступления эпохи трансокеанской торговли. Водный путь был намного экономичнее и безопаснее сухопутного. Одно судно брало столько груза, сколько может перевозить десяток лошадей (да и то если есть дорога). Спускаться вниз по течению торговый караван мог со скоростью около 100 км в сутки. Даже идя против течения, купеческие корабли проделывали за день 25 верст, что выше скорости движения посуху.

На главном перекрестке Волжского торгового пути стоял летописный Новгород. Там, на Великом торге в устье реки Мологи встречались тысячи купцов со всех частей света. Из Индии и Китая сюда шел шелк, пряности, и другие восточные товары; из Руси — хлеб, мед, соль, пенька; из Сибири — меха. Кстати, о мехах. Сегодня мех — это фетиш богачей, но в стародавние времена, когда не было ни китайских пуховиков, ни турецких дубленок, мех являлся предметом первой необходимости. Это только бедняки могли носить вонючие и грубые одежды из бараньих шкур, а, так сказать, средний класс обходился шубами из заячьего меха. Люди же высокого положения без мехов собольих, бобровых, куньих, горностаевых и т.д. своей жизни не мыслили. Даже в домах зимой они щеголяли в мехах, ибо в каменных замках было очень холодно.

В Европе пушного зверя перебили в незапамятные времена, даже заячьи шкурки во множестве ввозились из Руси, как считается, еще в X—XII вв. Меха в старину стоили баснословно дорого. Сибирь манила быстрым заработком. Удачливый охотник за один сезон еще и в XVII в. мог сколотить состояние, достаточное для обретения поместья с крепостными,

хотя в то время Европа уже насыщалась мехами из Америки. Раньше же русские купцы были фактически монополистами на рынке пушнины.

Можно найти множество свидетельств в пользу того, что летописный Новгород не мог быть современным Новгородом на Волхове. Известно, что древний Новгород был зависим от подвоза хлеба. На Новгородчине мягкий прибалтийский климат весьма способствовал произрастанию злаков и потому зависимость от подвоза продовольствия исключается. А вот северный Ярославль-Новгород находился в зоне рискованного земледелия, здесь традиционно процветало животноводство.

К тому же не стоит отождествлять топоним «Новгород» с одним лишь городом. Скорее всего, это имя в полной мере относилась к целому созвездию рядом расположенных городов (в значении «Великий Новгород», «Новгородская земля») — Кострома, Углич, Рыбинск, Романов (Тутаев), Ростов, Переславль-Залесский. К числу новгородских городов, наверное, надо причислять и еще и Вологду. Прибавим к этому, что помимо местного населения в сих городах пребывали тысячи купцов со всего света. Прокормить такое количество народа действительно очень трудно, без подвоза хлеба никак не обойтись.

Возможно, кто-то удивится, что я так лихо соединил в единое целое Волжский и Североморский торговый путь. Скептики попытаются возразить, что морской путь вдоль Скандинавии до Архангельска был открыт лишь в 1553 г. английским мореплавателем Ричардом Ченслором, после чего начала бурно развиваться русско-английская торговля. Ну да, открытым что-то считается только после того, как по этому пути прошли европейцы. То, что русские туземцы плавали в Европу северными морями еще за сто лет до Ченслора, как бы не в счет. Между тем известно северное ответвление Волжского торгового пути под названием Заволоцкого пути. Во времена расцвета Новгорода-Ярославля он проходил по Северной Двине и Сухоне, соединяясь волоком с Шексной, притоком Волги. Роль морского порта на побережье Белого моря играли Колмогоры (Холмогоры). То, что к концу XV столетия этот путь на Запад был уже прочно освоен и был более выгодным, чем речной в Балтику, свидетельствует отправка в 1492 г. из Колмогор

в Данию морского каравана с зерном. Само по себе это событие было совершенно рядовым, а в хроники оно попало, поскольку этим караваном в Данию было доставлено посольство царя Ивана III.

Сегодня летописное упоминание о посольстве в Данию считается первым документальным свидетельством наличии в россии собственного торгового флота, однако сие говорит не о неразвитости русской морской торговли, а о плохой сохранности документов. В эпоху великого переписывания русской истории в XVII—XVIII вв., когда Новгород «переехал» с Волги на Волхов, была утрачена (точнее, целенаправленно уничтожена) большая часть документов о русской истории, в том числе и географические карты. На Руси существовала очень развитая картографическая школа, была неплохо картографирована даже такая гигантская малонаселенная и плохо изученная вплоть до XX в. территория, как Сибирь. «Чертежная книга Сибири», составленная в Тобольске Семеном Ремезовым, считается первым русским географическим атласом и датируется 1701 г. Между тем известно, что Ремезов пользовался при составлении своей генеральной карты картографическими сводами, выполненными его предшественниками. Но, как уже упоминалось, НИ ОДНОЙ русской карты европейской территории страны ранее XVIII столетия до нас не дошло ни в подлиннике, ни даже в копии. Это говорит только о том, что они были уничтожены как крамольные.

С утратой этих и многих других важнейших свидетельств, с заменой подлинных древних летописей пропагандистскими новоделами XVII в. из исторической памяти народа были вычеркнуты и золотоордынская торговая империя, и ее экономический центр — волжский Великий Новгород. Зато колыбель русского государства по причине политической конъюнктуры XVII в. фантомно сместилась из бассейна Волги в среднее Поднепровье. Туда же виртуально переехали и знаменитые новгородские князья — Олег Вещий (считается основателем единого русского государства, вероятно, является фантомом Ярослава Всеволодовича); оба Ярослава — Мудрый и Всеволодович (раздвоились они, судя по всему, только в баснях историков); Александр Невский. Совершенно виртуально вели-

ким киевским князем стал Андрей Боголюбский, не покидавший своей резиденции во Владимире. К Киеву в сочинениях историков оказался привязан основоположник русского церковного законодательства митрополит Кирилл (предположительно организатор массового крещения Руси в рамках ордынского проекта) и многие другие персонажи русской истории. Иногда доходит до смешного: легендарный киевский князь Владимир Святой тоже имеет канонизированного новгородского «двойника» — Святого благоверного князя Владимира Ярославича (по некоторым данным он даже взял Корсунь в 1044 г., как и его киевский тезка!).

МОЖЕТ ЛИ ЛОЖЬ БЫТЬ ВО БЛАГО? МОЖЕТ — ВО БЛАГО НАШИХ ВРАГОВ!

Давайте сопоставим кое-какие факты. Миф о Киевской Руси, неразрывно связанный с легендой о монгольском нашествии как причине ее угасания, начал целенаправленно внедряться в XVII в. По времени это совпадает с Никоновой церковной реформой и войнами Московского царства и российской империи за украйные земли Речи Посполитой, населенные преимущественно русскими людьми, исповедующими христианство греко-православного толка. Поэтому царям легенда о якобы киевском происхождении Руси была нужна, чтобы подкрепить свои претензии на Малороссию, хотя формально права на эти территории, заселение которых происходило по направлению с запада на восток, принадлежали Польше. Таким образом, речь нужно вести не о воссоединении Руси в 1654 г., а о присоединении Малой Руси (исторической области, но не государства!) к россии. Дата эта весьма условна, и с нее надо вести начало процесса собирания западнорусских земель под властью Москвы, затем Петербурга и снова Москвы, растянувшийся почти на 300 лет. Подкарпатская Русь была включена в состав СССР в 1945 г.

Дореволюционные историки, кстати, предпочитали называть переяславские события именно присоединением, а не воссоединением. Да и в самом переяславском манифесте ни намеком не говорится о каких-то исторических связях Малороссии с Московией через Древнюю Русь, хотя многословно отмечаются религиозная общность черкасов и подданных московского царя. Сам акт вступления в русское подданство мо-

тивируется неисполнением королем Яном Казимиром своей присяги по прекращению притеснений православной веры.

Русская история во многом построена на мифах, из которых самые вредоносные мифы — прозападные, унижающие наше самовосприятие. Норманнская теория, утверждающая, что славяне даже государство создать не смогли, пригласив к себе для этой цели заморских князей, вообще была доведена до абсурда. Абсурдна она хотя бы потому, что на территории Руси было несколько очагов образования государственности. К чему приводит эта прозападная мифологизация исторического сознания, прекрасно видно на примере нашей интеллигенции, наиболее отравленной прозападным дискурсом — она страдает жутким комплексом неполноценности именно по отношению к «культурному Западу», старается очиститься от всего русского и истово служить «общечеловеческим ценностям». Речь не только об убогой советской интеллигенции, ненавидящей «эту страну» и фетишизирующей поделки забугорного ширпотреба. По-обезьяньи западничающая отечественная интеллигенция всегда была такой, вспомним хотя бы хрестоматийного Пекарского, радостно восклицающего «нас разбили!» по поводу поражения русских войск в Крымской войне. К счастью, весь народ невозможно было превратить в интеллигентов, и потому пекарские являли собой инородное тело в крестьянской россии XIX столетия.

Да, древняя история россии выстроена на мифах, но всякий миф несет в себе хоть какие-то крупицы правды, которую можно восстановить. История же Украины есть дискурс в чистом виде. Мой анализ показывает, что такого государства, как Киевская Русь не существовало и даже гипотетически не могло существовать, а Киев хоть какое-то видимое значение приобретает лишь в эпоху хлебного бума и бурной распашки целины к концу XVI столетия, как региональный экономический и, главным образом, религиозный центр. В то же время начинается и сельскохозяйственное освоение земель к югу от Киева, которые ныне составляют 80% территории Украины. О более раннем периоде существования Киева мы можем сегодня лишь строить догадки.

Не было никакой древней Киевской Руси, да и самой Руси, как единого государства, в древности не существовало. В По-

волжье сформировалось ядро империи, втянувшей в течение веков в свою орбиту все заселенные русскими территории, а попутно и множество других народов. Процесс этот завершился лишь в середине прошлого века. Чисто кабинетные доктрины о раздельности существования «двух русских народностей» появились лишь в середине XIX в. в среде либеральной профессуры и носили не научный, а политический характер. Но единства во взглядах на вопрос разделения единого славянского народа на две русские ветви как не было, так и нет.

Историк Михаил Погодин вслед за Николаем Карамзиным пропагандировал идею о том, что Киевскую Русь создали великороссы, которые поголовно ушли на Верхнюю Волгу после татарского погрома, а обезлюдевшее Поднепровье через два века заселили выходцы с Волыни и Прикарпатья, ставшие малороссами (спрашивается, кем же они были ранее?). Его коллега и современник Константин Кавелин утверждал, что Киевскую Русь создали малороссияне, а великороссы появляются на исторической сцене не ранее XI столетия, причем своим происхождением они обязаны малороссиянам, русифицировавшим финские племена, господствующие в Поволжье. Ну а потом, благодаря щедрым грантам Габсбургов, на сцене появляется Михаил Грушевский и, следуя в русле доктрины Духинского, объявляет о том, что украинцы вообще не имеют ничего общего с русскими ни антропологически, ни исторически.

Основной закон логики гласит, что если посылки верны и верен ход рассуждений, то и выводы должны получиться верными. То, что у историков выводы получаются столь противоречивыми, указывает лишь на то, что свои концепции они высасывают из пальца, не отрывая зада от стула. Еще больше в этом убеждаешься, когда обнаруживаешь удивительный факт: в XIX в. историки говорят о двух русских народностях, а в советское время, откуда ни возьмись, появляется третья, древняя и равноправная с двумя предыдущими — белорусы, которых раньше отчего-то в упор не замечали. Родословные великороссов, малороссов и белорусов совершенно искусственно выводятся «учеными» от общей древнерусской народности, основавшей Киевскую Русь. Но если не было Киевской Руси, то, выходит, и общего корня у трех братских народов тоже не

было. Откуда же они взялись тогда? В том-то и дело, что даже сами малороссы и белорусы (имеется в виду именно народные массы) еще в начале XX в. считали себя русскими и не подозревали о своей исторической «отдельности». Но советская украинизация основательно вправила мозги малороссам, убедив их в том, что они испокон веку являлись украинцами.

Не было государства под названием Украина (варианты: Киевская держава, Козацкая республика) до самого конца XX в. В этом не сомневается даже первый украинский президент Кравчук, четко заявивший: «У нас до 1991 года не было государства»! И даже история так называемого украинского народа (и укро-мовы) начинается лишь в конце XIX столетия в Австро-Венгрии, где в полном согласии с иезуитским тезисом Калинки удалось создать Грица, не польского, но и не русского. Мутант вывелся именно такой, как и рассчитывали его создатели — главным фактором этнической самоидентификации украинца стала ненависть к русским, причем такая ненависть, которая искала самого деятельного выражения. В 1914 г. украинцы на пятерку сдали экзамен по русофобии.

Исторический миф — что дышло: как повернешь, так и вышло. Сегодня укро-сепаратистами миф о Киевской Руси (они, естественно, предпочитают говорить о Киевской державе или Киевской Украине) широко используется для обоснования древности украинского этноса, «отдельности» его от русского народа и, разумеется, превосходства над дикими азиатами-московитами. Парадокс в том, что эксплуатация одного и того же исторического мифа используется в диаметрально противоположных политических целях: московскими царями с целью соединения русских земель под своей властью, а нынешними киевскими правителями с целью отторжения Малороссии, Новороссии, Галиции, Волыни и Подолья от русского государства и обоснования своего исключительного права паразитировать на шее украинцев, в которых они лихорадочно пытаются «перекрестить» большинство своих подданных. Украинизация продолжается.

Вот поэтому я и не могу согласиться с доводами наших квасных патриотов, ратующих за пропаганду мифа о Киевской Руси, как якобы фундамента идеологии русско-украин-

ского братства. Всякий проукраинский дискурс, и миф о Киевской Руси в том числе — есть удар против общерусского единства. Никакого русско-украинского братства быть не может. Всякий русский, «отрекшийся от русской народности» и воспринявший доктрину украинства — может быть мне братом не лучшим, чем Каин.

Только расчистка истории от пропагандистского мусора даст народам россии и Украины осознание нашего единства — национального, культурного и цивилизационного. Только это позволит сохраниться не только русским, как этносу и общерусскому государству, но и сделает возможным успешное противостояние нашей культуры губительному диктату североатлантической миросистемы.

Русский писатель (малоросс по происхождению) Всеволод Крестовский сказал: *«Прямое слово правды никогда не может подрывать и разрушать того, что законно и истинно. А если наносит оно вред и ущерб, то только одному злу и беззаконию»*. Прямое слово исторической правды может спасти россию и Украину. Ложь о прошлом неминуемо приведет к войне. Не зря украинцам вдалбливается в головы дискурс о трехсотлетнем москальском иге, о русско-украинских войнах, начало которым положил еще, дескать, Андрей Боголюбский, «первый собственно москальский князь». Не просто так формируется образ русского врага. Если выстрелить в прошлое из ружья, оно ответит выстрелом из пушки. Тот, кто не понимает этой простой истины, обречен на роль пушечного мяса.

Станем ли мы свидетелями, участниками и жертвами русско-украинской бойни? Очень надеюсь, что кровавые ужасы Талергофа и бандеровщины не повторятся. Поэтому я и пытаюсь развеять ядовитый туман над русской историей. Не затем, что меня прельщают лавры ниспровергателя кумиров официозной исторической «науки». Нет, братцы, просто жить хочется.

СОДЕРЖАНИЕ

Массово-политическое издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ СЕНСАЦИИ

Кунгуров Алексей Анатольевич

КИЕВСКОЙ РУСИ НЕ БЫЛО,
или
ЧТО СКРЫВАЮТ ИСТОРИКИ

Редактор *В. Манягин*
Художественный редактор *А. Марычев*
Художник *Б. Протопопов*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-08-25
Оптовая торговля: 617-08-25, 617-09-52
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: http://www.algoritm-kniga.ru
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: http://www.politkniga.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

***По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: **international@eksmo-sale.ru**

***International Sales:** International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

***По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,** обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.*
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Подписано в печать 23.03.2010.
Формат 84×108 $^1/_{32}$. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 5646

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-41662-2

Насколько то, что учили в школе
на уроках истории, соответствует истине?

А что, если история переписывалась,
и не раз, при смене царствующих
династий и во время революций?
Что, если врут летописи и учебники
и прошлое было совсем иным?

Автор задался этими вопросами.
И сделал сногсшибательный вывод:
Киевской Руси не было! А что же было
вместо нее? Ответ на этот вопрос можно
узнать, прочтя книгу.

ISBN 978-5-699-41662-2

9 785699 416622 >